

Всемирная серия:
Народы и времена

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАЦИЯ

7

Global series:
Nationals and times

RUSSIAN
FEDERATION

ИНДИЙЦЫ: на пути созидания

INDIANS: on the way of creation

INDIANS:
on the way of creation

ИНДИЙЦЫ:
на пути созидания

Всемирная серия:
Народы и времена

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

World series:
Nations and times

RUSSIAN FEDERATION

ИНДИЙЦЫ: НА ПУТИ СОЗИДАНИЯ

INDIANS: ON THE WAY OF CREATION

Автор и руководитель издательского проекта
«ВСЕМИРНАЯ СЕРИЯ: НАРОДЫ И ВРЕМЕНА» **Борис БАЛАЯН**

Author and leader of the publisher's project
«GLOBAL SERIES: NATIONS AND TIMES» **Boris BALAYAN**

Симферополь
Simferopol
2016

**ББК63.3(0=Инд)-8*+ 66.3(2Рос)
В84**

Председатель редакционного совета: *Балаян Б. С.*

Заместитель председателя: *д-р Аджай Пракаш Йедавелли.*

Редакционный совет: *Веселов А. В., Веремеенко В. Ю., Вауленко М. В., Довгань А. А.,*

Кашин В. П., Ковальчук Г. В., Кудряшова Л. В., д-р Рамешвар Сингх, Шаумян Т. Л.

Chairman of the Editorial Council: *Balayan B.S.*

Vice-Chairman: *dr. Ajay Prakash Yedavelli.*

Editorial Board: *Veselov A.V., Veremeyenko V.Y., Vaulenko M.V., Dovgan A.A.,*

Kashin V.P., Kovalchuk G.V., Kudryashova, L.V., dr. Rameswar Singh, Shahumyan T.L.

Одобрено издательским советом, выпущено при поддержке Министерства внутренней политики, информации и связи Республики Крым за счет средств бюджета Республики Крым

Approved by publishing council, issued with assistance of the Ministry of domestic policy, information and communication of the Republic of Crimea at the expense of budget funds of the Republic of Crimea.

На обложке: Александра Бутырская и Мартин Дхиллон.

Фото Виталия Парубова.

On the book cover: Alexandra Butyirskaya and Martin Dhillon

Photo: Vitaliya Parubova

В84 Всемирная серия: Народы и времена. Российская Федерация. Индийцы: на пути созидания. Том 7. / Балаян Б.С., д-р Аджай Пракаш Йедавелли. — Симферополь, 2016. — 352 с. : фото. ISBN 978-5-9907963-6-2 ББК63.3(0=Инд)-8*+ 66.3(2Рос)

Седьмой том издательского проекта «Всемирная серия. Народы и времена. Российская Федерация. Индийцы: на пути созидания» отражает многовековые связи русского и индийского народов. Индоевропейская цивилизация, которая связывает два великих народа, как в прошлом, так и сегодня, объясняет большой взаимный интерес, близость их материальной и духовной культуры. В книге продемонстрировано всестороннее региональное сотрудничество.

Исследования известных авторов, которые размещены в книге, призывают нынешнее поколение народов России и Индии укреплять достигнутое взаимодействие и стремиться его преумножить на благо мира и добрососедства.

В84 Global series: Nations and times. Russian Federation. Indians: on the way of creation. V 7. / B.S. Balayan, dr. Ajay Prakash Yedavelly. — Simferopol, 2016. — 352 p. : photo. ISBN 978-5-9907963-6-2 ББК63.3(0=Инд)-8*+ 66.3(2Рос)

The seventh volume of the publishing project «World series. Nations and times. Russian Federation. Indians: on the way of creation» reflects centuries-old relations of the Russian and Indian people. An Indo-European civilization which connected two great nations for ages till the present, explains a great mutual interest and closeness of their material and spiritual culture. In this book we show full regional cooperation.

The researches of the famous authors which are placed in the book, urge the present generation of the nations of Russia and India to strengthen the already made cooperation and run for increasing it for the benefit of the peace and neighborliness.

«Россия и Индия последовательно и уверенно развивают привилегированное стратегическое партнёрство. При этом отношения развиваются по всем направлениям. Это касается вопросов и политического характера, координации общих усилий на внешней арене, экономики, атомной отрасли, а также в области энергетики и военно-технических связей, взаимодействия в гуманитарных областях».

**Президент Российской Федерации
Владимир Владимирович Путин**

«Владимир Владимирович Путин умеет дружить и обладает редким талантом самопожертвования ради друга. По его мнению, именно благодаря этим качествам он устанавливает столь доверительные отношения с руководителями разных стран, в том числе и с Индией, воспринимающей Россию как близкого друга».

**Премьер-министр Индии
Нарендра Дамодардас Моди**

«Russia and India consistently and steadily develop exclusive strategic partnership. At the same time the relations develop in all directions. It concerns questions of political nature, the coordination of common efforts on the external arena, economies, a nuclear industry, the field of power, military and technical communications, the interaction in humanitarian areas».

**President of the Russian Federation,
Vladimir Vladimirovich Putin**

«Vladimir Vladimirovich Putin is able to be on friendly terms and has rare talent of self-sacrifice for the sake of the friend. Precisely because of these qualities he establishes trusting relationships with heads of the different countries including India which perceives Russia to be close friend».

**Prime minister of India,
Narendra Damodardas Modi**

Доктор Рамешвар Сингх,
*президент «Русско-индийского
общества Дружбы «ДИША»*

Сердечно приветствую выход в свет книги — «Всемирная серия. Народы и времена. Российская Федерация. Индийцы на пути созидания».

Россия и Индия имеют долгую историю тесных отношений. Кто-то приехал в Россию на учебу, кто-то для развития бизнеса. Многие из них создали семьи, купили квартиры, остались жить в этой стране. За эти годы на территории Российской Федерации появились разнообразные институты, которые способствуют развитию дружеских отношений между Индией и Россией. Одним из них является некоммерческая организация «Русско-индийское общество Дружбы «ДИША», созданная в октябре 2010 года в Москве. Целью нашей организации является сближение народов России и Индии. Наше партнерство создано в целях реализации культурных, творческих, интеллектуальных, экономических и социальных интересов, развития их активности и самостоятельности, удовлетворения профессиональных и любительских интересов между Россией и Индией.

Издание книги в полной мере отражает наши устремления и мы от всей души желаем авторскому коллективу успехов в реализации своих творческих планов.

I cordially welcome the publishing of the book «Global series: National times. Russian Federation. The Indians on the Way of Creation».

Russia and India have a long history of close relationship. Some men came to Russia in order to study, another ones for business development. A lot of them married, bought apartments and stayed in this country. During these years a number of Institutions were opened in Russian Federation which put ahead the friendly relationships between India and Russia. One of them is the nonprofit organization «Russian-Indian Friendship society «DISHA» which was established in October, 2010 in Moscow. The goal of our organization is the union of Russian and Indian nations. Our partnership is created for the purpose of implementation of cultural, creative, intellectual, economic and social interests, development of their activity and independence, satisfaction of professional and amateur interests between Russia and India.

The edition of the book fully reflects our aspirations and we heartily wish a group of authors success in implementation of their creative plans.

Т. А. Шаумян,
*руководитель Центра индийских
исследований Института
востоковедения Российской
академии наук*

РОССИЯ И ИНДИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО В XXI ВЕКЕ

В последние годы в российско-индийских отношениях начались явные позитивные изменения, и наметившиеся стабилизационные тенденции в экономическом и социально-политическом развитии обеих стран создали необходимые условия для реального начала нового этапа во взаимодействии Индии и России.

В конце октября 2001 года в 100 населённых пунктах 44 районов и областей Российской Федерации был произведён опрос общественного мнения, в котором приняли участие 1500 респондентов. На вопрос о том, считают ли они Индию дружественным или недружественным по отношению к России государством, 83% опрошенных ответили, что Индия — наш друг. Индия ассоциируется для наших соотечественников с понятиями древнейшей культуры и религии, с популярными у нашей публики индийскими фильмами, с широко представленными на нашем рынке индийскими товарами, с её экзотической природой, географическим положением и национальным характером её населения, вы-

зывая в целом положительные эмоции. Они считают её «надёжным другом», «прекрасной страной», «хорошим государством». Поэтому каждый новый шаг в развитии взаимодействия между Россией и Индией вызывает интерес российской общественности и расценивается как направленный на укрепление взаимопонимания и сотрудничества между нашими странами и народами.

Состоявшийся в ноябре 2001 года визит в Москву премьер-министра Индии господи-

на А. Б. Ваджпай проходил в условиях, когда мировое сообщество предпринимало чрезвычайные меры для противостояния вызовам, брошенным со стороны «международного террористического интернационала». Именно Россия и Индия в течение последних десятилетий пытались привлечь внимание к проблеме международного терроризма, исходя из собственного печального опыта работы с этим злом на территории своих стран. Индия в Кашмире и Россия в Чечне сталкиваются с террористическими действиями, в значительной степени инспирированными и поддерживаемыми морально и материально извне, в первую очередь из одного и того же источника — базирующегося на территории Афганистана всемирного центра терроризма во главе с террористом № 1 — Усамой бен Ладеном. 1 октября 2001 года группа террористов совершила нападение на здание Законодательной Ассамблеи штата Джамму и Кашмир в Сринагаре, в ходе которого имелись многочисленные человеческие жертвы. 13 декабря 2001 года 14 человек погибли и многие ранены в результате террористической акции в индийском парламенте в столице Индии Дели, ответственность за которую взяли на себя две террористические организации, базирующиеся в Пакистане. Уже в новом 2002 году были совершены акты терроризма вновь в Кашмире, а также в столице Западной Бенгалии Калькутте. Продолжаются взрывы автомобилей и жилых домов, террористические действия, направленные против как военнослужащих, так и мирных жителей в Чечне, Дагестане и Северной Осетии.

Уместно вспомнить, что проблеме международного терроризма было уделено особое внимание и в ходе визита в Индию Президента РФ Владимира Путина в начале октября 2000 года — визита, который ознаменовал собой утверждение нового этапа в отноше-

ниях между реформирующейся Россией и реформирующейся Индией и который свидетельствовал о том, что эти отношения постепенно преодолевают кризисное состояние, в котором они находились в течение последнего десятилетия.

Простой перечень документов, подписанных во время визита в Индию российского президента подтверждает, что наши отношения действительно выходят на новые рубежи, что стороны демонстрируют реализм и рационализм, учитывание собственных возможностей и интересов.

Среди подписанных документов хотелось бы прежде всего упомянуть Декларацию о стратегическом партнёрстве, содержание которой выходит за рамки стратегических интересов в узком, чисто военном понимании термина «стратегия». В беседе с группой индийских журналистов накануне визита в Индию президент В. Путин сказал, что, по его мнению, «стратегический» не означает «военный», что стратегическое партнёрство не означает создание какого-то военного союза или блока. Говоря «стратегическое», мы имеем в виду долгосрочное партнёрство, основанное на уважении прагматических национальных интересов обеих стран, в особенности в эпоху глобализации и усиления соперничества на мировой арене. Я не имею в виду военное соперничество в политической и торгово-экономической областях, в области, науки и техники, культуры и др. Наконец, стороны подтвердили, что стратегическое партнёрство не направлено против какого-либо другого государства и не преследует целей создания военно-политического союза.

Выступая на совместной пресс-конференции в Дели 3 октября 2000 года, Президент России В. Путин отметил совпадение мнений России и Индии по вопросам, связанным с ситуацией в Афганистане. Он выразил точку

зрения, что «в значительной степени произошло смещение центра международной террористической угрозы в этот регион мира». Поэтому, сказал далее российский президент, Россия и Индия намерены координировать деятельность всех государственных органов, включая спецслужбы, координировать военно-политическую линию и усилия на международной арене в борьбе с международным терроризмом.

В речи в Парламенте Республики Индия 4 октября 2000 года В. Путин отметил, что Россия располагает «достоверной информацией» о том, что действуют одни и те же лица, совершающие одни и те же террористические акции, «начиная от Филиппин до Косова, включая, конечно же, и Кашмир, и Афганистан, и Северный Кавказ России». Поэтому он считает необходимым объединить усилия мирового сообщества и поддерживает «инициативы индийского государства по поводу коллективных вопросов борьбы с терроризмом».

Следует отметить, что реализация договоренностей о совместных усилиях в борьбе против терроризма, а также и наркобизнеса, не заставила себя ждать: уже 21 ноября 2000 года в Дели завершилось первое заседание созданной в соответствии с достигнутой договоренностью российско-индийской Рабочей группы по противодействию исходящим из Афганистана международному терроризму и наркоугрозе. Сопредседателями Рабочей группы являются заместители министров иностранных дел России и Индии. По итогам заседания стороны выступили с совместным заявлением о поддержке усилий ООН по достижению мирного политического урегулирования ситуации в Афганистане и обращением к этой международной организации с призывом об ужесточении санкций против режима Талибан, если его политика насилия

и поддержки международного терроризма будет продолжаться. Заседания Рабочей группы проходили и в течение 2001 года. Сегодня, в условиях резкой активации терроризма, приобретающего всё более жестокие и изощрённые формы, мы можем ещё и ещё раз отметить, насколько важными и актуальными оказались российско-индийские договорённости в этой области.

Следует упомянуть и подписание ряда соглашений, направленных на укрепление военного потенциала Индии. Это Межправительственное соглашение о передаче Индии авианосца «Адмирал Горшков», передача технологии и лицензии на производство в Индии 140 истребителей СУ-30 MKI, двигателей и оборудования компанией «Hindustan Aeronautic Limited», а также о продаже Индии компанией «Росвооружение» танков Т-90. Был подписан также меморандум о сотрудничестве в военной области, который носит действительно взаимовыгодный характер: Индия укрепляет обороноспособность, а Россия в течение пяти лет получит около 3 млрд. долларов.

В начале октября 2000 года Россия и Индия подписали целый ряд соглашений, предусматривающих конкретное сотрудничество

в таких областях, как обработка и торговля сырьевыми природными алмазами и ценными металлами, совместные исследования и развитие сотрудничества между крупнейшими газовыми и нефтяными компаниями в разработке месторождений на Восточном побережье Индии. Индийские компании выразили готовность вложить несколько миллиардов долларов в разработку нефтяного месторождения «Сахалин-1».

Вернёмся к официальному визиту в Россию премьер-министра Индии А. Б. Ваджпаи в ноябре 2001 года. Институт востоковедения РАН к приезду высокого гостя в течение одного месяца осуществил перевод на русский язык и публикацию речей и выступлений индийского лидера по важнейшим внутренним проблемам Индии и её внешней политике. Официальная презентация книги состоялась во время визита А. Б. Ваджпаи в Москву. В Санкт-Петербурге состоялась встреча премьер-министра Индии с российскими учёными-индологами. Их работа была высоко оценена гостем, который также заявил, что Индия и впредь будет оказывать помощь и содействие российским индологам в их исследовательской работе, которая служит интересам обеих сторон и способствует

укреплению дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между нашими народами.

В ходе визита А. Б. Ваджпаи и российский президент В. В. Путин подписали целый ряд документов, из которых хотелось бы выделить Московскую декларацию о борьбе с международным терроризмом и Заявление о стратегической стабильности.

Стороны признали, что международный терроризм является угрозой миру и безопасности, является серьёзным нарушением прав человека и преступлением против человечества. Поэтому борьба против него является приоритетной для всего мирового сообщества. Стороны обсудили участие Индии и России в борьбе против терроризма, и В. Путин выразил мнение о важной роли Индии в решении проблемы Афганистана, в том числе будущего устройства этой страны. Была отмечена также и ключевая роль ООН в борьбе против международного терроризма, которая должна основываться на принципах международного права и Устава ООН. Стороны призвали к скорейшему завершению переговоров о подписании Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму и Конвенции о предотвращении актов ядерного терроризма.

Подписание Совместного заявления о стратегической стабильности свидетельствовало о том, что Россия и Индия осознают свою высокую ответственность за формирование и поддержание мира и стабильности и в связи с этим считают необходимым значительно расширить сферы стратегического партнёрства. При этом было признано, какой бы успешной ни была осуществленная антитеррористической коалицией военная операция против талибов, впоследствии противостоять существованию и дальнейшему распространению террористической деятельности в регионе придётся России, Индии и Китаю, которые

оказывают значительное влияние на формирование регионального и мирового климата. Координация усилий между этими тремя странами представляется важным фактором мира и стабильности в регионе. Российским руководителем было отмечено, что речь идёт не о попытках трёх стран сформировать «треугольник», направленный против кого бы то ни было. Речь может идти лишь о совместном противодействии вызовам, которые бросают мировому сообществу экстремисты, террористы и финансовые авантюристы. Необходимость противостояния хорошо вооружённым боевикам требует укрепления военно-технического сотрудничества между Индией, Россией и Китаем, которое никоим образом не будет направлено против интересов третьих стран, также отвергающих международный терроризм и экстремизм.

Следует упомянуть также подписанные в ходе визита А. Б. Ваджапи и другие документы. Так, был подписан Меморандум об осуществлении строительства в Куданкуламе атомной электростанции на основе протокола, подписанного 20 ноября 1988 года. С целью дальнейшего развития отношений между штатами Индии и субъектами Российской Федерации был подписан Протокол о сотрудничестве между Астраханской областью и индийским штатом Гуджарат. Наконец, была достигнута договоренность о развитии сотрудничества между Министерством чрезвычайных ситуаций РФ и Департаментом науки и технологии Индии в области предотвращения возникновения чрезвычайных ситуаций и борьбе с ними. Предусматривается обмен информацией и опытом, обучение и совместные исследовательские работы, взаимная помощь в поставках оборудования и технологий.

Таким образом, совершенно очевидно, что Россия в настоящее время имеет дело

с надёжным партнёром, успехи которого в последние десятилетия говорят о реальном превращении Индии в одну из могущественных мировых держав. Сегодняшняя Индия — это страна с развитой промышленностью, высококвалифицированными научными кадрами, успешно работающими во многих развитых странах мира, с прочным сельским хозяйством, осуществляющая реальные и реалистические проекты экономического развития. Индия занимает первое место в мире по производству программного обеспечения для компьютеров, она активно использует космическое пространство и уже запустила более 200 искусственных спутников (коммуникационных, геологоразведочных и др.). Атомная энергия активно используется в мирных целях.

Особо хотелось бы отметить огромные успехи Индии в области развития коммуникационных технологий. В течение 2000 года ею было произведено и продано компьютерных программ на сумму 5,7 млн. долларов.

Сфера информационных технологий должна стать важным направлением российско-индийского сотрудничества: ещё летом 2000 года стороны договорились о том, что Индия предоставит России возможность использовать суперкомпьютер ПАРАМ-10000, аналоги которого есть только в США и Японии. Эта договорённость уже реализована.

Таким образом, в XXI веке российско-индийское сотрудничество будет определяться именно взаимодействием в новых сферах, в области новых технологий, а именно: информационные технологии, атомная энергетика, наукоёмкое производство, гражданская авиация и т. д. Кроме того, намечается расширение сотрудничества в области строительства новых объектов в сфере энергетики, добычи и переработки полезных ископаемых. Большое внимание уделяется сотрудничеству с Индией в области обработки драгоценных камней. В Сибири уже существует индийское предприятие по огранке алмазов.

Всё сказанное не означает, что не будет и впредь развиваться взаимодействие в уже

ставших традиционными сферах торговли. После заметного застоя начала и середины 90-х годов, в особенности после экономического дефолта в России с августа 1998 года по март 2000 года, индийский экспорт в Россию с 709,42 млн. долларов вырос на 34% и достиг 951,44 млн. долларов. Российский экспорт в Индию с 545,54 млн. вырос на 13% и достиг 617,47 млн.

Главные предметы экспорта из России в Индию — химические удобрения, железо и сталь и цветные металлы.

Основной предмет индийского экспорта — чай, затем следуют изделия из хлопка, продукция фармацевтической промышленности, кофе и др. В целом товарооборот в 2000 году достиг 1,6 млрд. долларов, однако стороны рассматривают возможность его увеличения к 2005 году до 5 млрд. долларов.

Говорят, что ещё в студенческие годы Владимир Путин мечтал посетить Индию, а будучи мэром Санкт-Петербурга, в 1996 году при вручении призов победителям викторины «Что я знаю об Индии?», проходившей под эгидой обществ дружбы двух стран, сказал, что граждане России очень хорошо относятся к Индии и хотят больше о ней знать, «но вот руководство не понимает этого».

Став руководителем страны, В. Путин, конечно, совместно с премьер-министром Индии А. Б. Ваджпай, смогут и впредь реально способствовать дальнейшему укреплению и развитию на новом уровне российско-индийских отношений, сотрудничеству и координации действий двух стран на мировой арене, в первую очередь в борьбе с международным терроризмом.

*С Премьер-министром Индии
Аталом Бихари Ваджпай во время
совместной пресс-конференции.*

А. З. Егорин,
доктор исторических наук

РОССИЯ – ИНДИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Индия — одна из самых древних стран земного шара. Раскопки поселений цивилизации Хараппа свидетельствуют, что ещё несколько тысяч лет назад её обитатели жили в кирпичных домах, имевших надёжную систему водоснабжения и обогрева. Веды, состоящие из четырёх частей, — одно из самых древних священных писаний нашей Планеты. Они представляют собой сокровищницу научных изысканий, источник многих современных научных открытий.

Индия приняла в своё лоно множество иностранных пришельцев. Одни приходили с огнём, другие с миром. В результате иммиграций сформировалась синтезированная культура Индии, превратившая эту страну в единство многообразия, познания, перемен и развития. Арийцы были первыми пришельцами в Индию, уже населённую к тому времени дравидами.

Недавно индийский кинорежиссёр Прити Чандракант потрясла мир своей кинолентой,

в которой сделала сенсационное открытие: единственное и самое далёкое паломничество за свою мирскую жизнь Иисус Христос совершил, оказывается, в Индию и Тибет, где провёл 16 или 18 лет — почти половину или даже больше из того, что ему было отпущено провести на земле. Впервые языком кино рассказывается о скитаниях Христа в тот длительный период, который полностью «выпал» из его жизнеописаний на страницах Евангелия от Луки и в трудах других апостолов. Там Христос предстает 12-летним, а потом сразу в возрасте 30 лет, после чего уже евангелисты скрупулёзно описывают едва ли не каждый прожитый им день. А где же затерявшиеся годы Учителя, те 16 или 18 лет, прожитых им «потаённых» лет? У Марка, Луки, Иоанна и Матфея о них нет и упоминания.

Они оказались, и весьма подробные, в буддистских манускриптах, обнаруженных в 1878 году одесским журналистом Николаем Нотовичем во время скитаний по Малому Тибету.

Он подробно описал потом, как Иисус, 13-летний отрок, пришёл в Индию «шёлковым путём» с торговым караваном из Палестины, как он, которого в Индии называли Иссой, жил среди джайнов и брахманов, изучал Веда, потом путешествовал по Тибету, бывал в священных для индуистов Бенаресе и Ришикеше. А объявился Исса в Индии потому, что первыми пришли в Вифлием поклониться Сыну Божьему волхвы с Востока — индийские риши.

Об этом сто лет назад первым написал Нотович, потом много позже после него швейцарка Элизабет Каспари и другие исследователи. «Я знал, что Иисус был в Индии», — воскликнул Николай Рерих, когда увидел манускрипты с описанием индийского периода земной жизни Иисуса. Вслед за Рерихом это сказала своим фильмом Прити Чандракант.

Древняя цивилизация Индии отличается от существовавших цивилизаций Египта, Месопотамии и Греции тем, что её традиции сохранялись без перерывов из глубины веков до сегодняшнего дня.

Гуманистическая духовность Древней Индии одарила мир:

— ценностями ненасилия и религиозной терпимости;

— зародившимися в ней многими ключевыми элементами знаний практически во всех областях существующей глобальной цивилизации, таких как:

- производственные технологии и механика;
- кораблестроение и навигация;
- архитектура и гражданское строительство;
- медицинские науки;
- физика;
- химия;
- логика;
- астрономия;

- математика и т. д.

Наследие Индии помогает человечеству во всех уголках планеты возродить стремления:

— не к завоеванию одними других, а к победе человека над самим собой;

— не к разрушению, а к созиданию;

— не к ненависти, а к любви;

— не к самоизоляции, а к интеграции всех и каждого в единое глобальное общество и таким образом добиться в будущем гораздо большего в обогащении человеческой цивилизации «максимальным благополучием для максимального количества людей».

Именно благодаря гению индийских учёных и изобретателей мир познал:

— технику алгоритмов, используемую в компьютерной науке в наши дни;

— алгебру;

— понятие нуля — первоосновы бинарного кода, благодаря которому мы пользуемся всеми видами программного обеспечения, включая знаменитые «www», через которое мы получаем доступ к мировым компьютерным сетям;

— технику производства кристаллов из сахарного тростника (слово «сахар» — производное от санскритского термина «шаркара»);

— изготовление камфары и жести;

— производство красителей, таких как анилин и индиго (последнее — от слова «Индия», а термин «анилин» — от арабского слова «ал-Ния», происходящего от санскритского «нилам» — голубой);

— «гумбаз», который мы видим на мечетях по всему миру, возник как завершающая часть купола «ступы» в буддистской архитектурной традиции Индии.

Почему я обо всём этом ещё раз напомнил? Потому что в результате октябрьского (2000 года) визита Президента России В. В. Путина в Индию мы начали создавать ещё один том

наших отношений с этой удивительной страной и её трудолюбивым народом. И начали не с «чистого листа». Связи между Индией и Россией уходят в глубину веков — связи политические, экономические, культурные, военные. Русский путешественник Афанасий Никитин пришёл в Индию почти за четверть века до того, как европейцы вступили на индийскую землю. В конце 2000 года в индийском посёлке Регданда, что в сотне километров от Бомбея, заложен первый камень монумента Афанасию Никитину. Именно там в 1470 году он высадился на побережье Индии и за три прожитых с индийцами года успел донести с берегов Волги весть о русском народе, о его таланте, великодушии и желании дружить. То же самое сделал в конце XIX века российский наследник престола, посетивший Мумбай. В 2000 году в Индии в торжественной обстановке отметили 100-летнюю годовщину открытия Российского Генерального консульства в Бомбее. Как подчеркнул Президент Индии г-н К. Р. Нараянан на банкете в честь Президента России В. В. Путина в октябре 2000 г., «уникальный отзвук в наших отношениях сохранялся в наших связях на протяжении времён, он определялся не только нашими общими интересами и необходимостями, но и родством между нашими цивилизациями».

Хотелось бы выделить следующие соглашения и другие документы, подписанные во время визита Президента В. В. Путина в Индию в октябре 2000 г.:

- Декларация о стратегическом партнёрстве между Республикой Индией и Российской Федерацией;

- Комплексная долгосрочная программа по науке и технике между Республикой Индией и Российской Федерацией (ИГР) вплоть до 2010 г.;

- Межправительственное соглашение по сотрудничеству в области сельского хозяйства;

- Соглашение между Министерством коммуникаций Республики Индии и Министерством связи и информатизации Российской Федерации о сотрудничестве в области почтовых коммуникаций;

- Договор о правовой взаимопомощи в гражданских и коммерческих вопросах;

- Протокол о намерениях между Министерством торговли и промышленности Правительства Индии и Министерством финансов Российской Федерации о сотрудничестве в области обработки и торговли сырьевых природных алмазов и ценных металлов;

- Программа по обмену в области культуры, науки и образования между Республикой Индией и Российской Федерацией на 2000—2002 гг.;

- Межправительственное соглашение о взаимной охране материалов конфиденциального характера;

- Контракт об обмене продукцией между «Гез Осорити оф Индиа Лимитид» и «Газпромом» Российской Федерации, о совместных исследованиях и развитии одного блока Восточного побережья Индии (UnderHelp);

- Межправительственное соглашение о принципах сотрудничества между правительствами штатов и союзных территорий Республики Индии и исполнительными органами субъектов Российской Федерации.

Безусловно, самым важным документов в этом перечне является Декларация о стратегическом партнёрстве. На наших глазах мир в период после окончания Второй мировой войны непрерывно менялся. Но не менялась политика Индии, миролюбивая и дружелюбная по отношению к другим странам, и это наглядно демонстрируется в отношениях с нашим государством — Советским Союзом в

прошлом, в последнем десятилетии XX века и в начавшемся новом тысячелетии.

В послевоенной обстановке мир, к сожалению, быстро раскололся на блоки и союзы, самыми воинственными и непримиримыми из которых стали два — Североатлантический альянс — НАТО, возглавляемый Соединенными Штатами Америки, и Варшавский пакт под эгидой Советского Союза. Противоречия между этими крупнейшими военно-политическими группировками нарастали ежегодно и угрожали привести к ещё одной крупной войне.

В тех условиях 50—60-х годов Индия, тогда ещё молодое независимое государство, объявила о своих принципах внешней политики, которые были заложены ещё в годы освободительного движения: суверенное равенство всех государств, больших и малых, дружественные отношения с этими государствами, разрешение всех спорных конфликтов только мирными средствами, то есть путём переговоров. Это стало основой отношений между Дели и Москвой в те годы.

Индия стала одним из учредителей Движения неприсоединения, сыграв в дальнейшем активную роль в укреплении союза всех неприсоединившихся государств и в превращении этого Союза в эффективный рупор выражения коллективных устремлений и защиты интересов развивающихся стран.

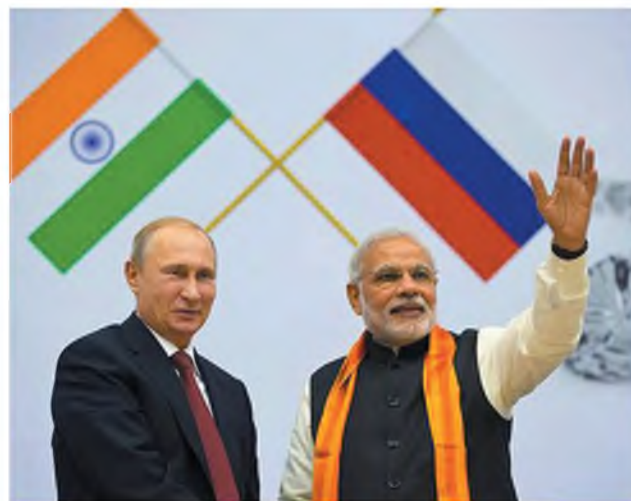
Одновременно Москва взялась за создание неправительственных организаций для предотвращения нараставшего военного безумия, среди которых наиболее активными стали Всемирный Совет мира во главе с индийским профессором Ромешом Чандра и Комитет солидарности народов Азии и Африки со штаб-квартирой в Каире.

Мы ещё до сих пор не полностью осознаём, что именно Индия через Движение неприсоединения, через Всемирный Совет мира, через

свою неутомимую антивоенную деятельность в Организации Объединенных Наций и в других международных структурах предотвратила развязывание противоборствовавшими блоками третьей мировой войны.

Поменялись времена. К концу XX века не стало Советского Союза и Варшавского договора. Казалось, мир наконец-то пойдёт к миру, к чему не раз призывали и Москва, и Дели. Но не тут-то было. Остался блок НАТО, созданный когда-то для защиты духовных ценностей Запада. Теперь этот блок взял на себя функцию мирового жандарма, а Соединенные Штаты — роль вершителя судеб остальных народов. НАТО расширяется на восток и юг, нагло вмешивается в дела других стран, например, в дела Югославии, пытается диктовать свои условия России и тем странам, которые не согласны с западной интерпретацией событий. По существу, сведена до минимума роль ООН как гаранта международной стабильности.

В этих условиях, условиях однополюсного мира, Россия и Индия совместно выступили за возвращение Организации Объединенных Наций её приоритетных прав на решение международных вопросов. И одновременно Россия, Индия и Китай взяли на себя обяза-

тельства гарантировать мир и стабильность на Востоке, если США и их союзники будут и впредь игнорировать ООН и использовать «двойные стандарты» в отношениях с другими странами, особенно с теми, кто не хочет плясать под дудку Вашингтона. Если же Запад пойдёт на расширение постоянного состава Совета безопасности ООН, то Москва предложила кандидатуру Индии в качестве постоянного члена СБ ООН, что позитивно расценили в Дели. Тем самым претворяется в жизнь высказанный ещё в начале прошлого века призыв М. Ганди, одного из лидеров индийского национально-освободительного движения, не повторять историю, а творить новую.

На региональном уровне главной проблемой для Индии остаются её натянутые отношения с Пакистаном по существу отторгнутой от Индии в 1947 году территории, где проживает мусульманская часть страны. Британские колонизаторы, сделавшие это, создали много проблем как пограничных (например, проблема Кашмира), так и политических. Между Индией и Пакистаном нередко возникают вооружённые конфликты. За 50 лет, прошедших с момента получения этими странами независимости, произошло несколько войн (в 1947, 1965, 1971 годах), и несколько раз (в 1987, 1991, 1998 гг.) они были близки к началу боевой схватки.

В политическом плане Россия поддерживает Индию в кашмирской проблеме, считая, что её надо решать на основе Симлского соглашения 1972 года, выработавшего, как считают в Москве и Дели, условия, приемлемые для мирного урегулирования проблемы. Но воз и ныне там. Россия и Индия выступают и за коллективные меры против международного терроризма, и в этом контексте Дели поддерживает меры, предпринимаемые Москвой против террористов в Чечне. Другую позицию

занимает Пакистан, поддерживающий талибов в Афганистане и принимавший на своей территории посланца чеченских бандитов Яндарабиева, приезжавшего в Карачи за помощью (в 1999 году).

Противоречия между Индией и Пакистаном, раздуваемые и поощряемые многими международными кругами, могут в любой момент снова обостриться. Это возможное военное столкновение, теперь уже и с применением ядерного оружия, — одна из реальных угроз миру в Азии. Масштабы этого столкновения трудно определить, тем более что после сообщения Пакистана о создании ядерного оружия (сентябрь 1997 г.), 12-ти индийских и пакистанских ядерных взрывов в мае 1998 г., обе стороны являются ядерными державами, несмотря на то что в этом качестве они ещё не признаны мировым сообществом. Пакистан, стремясь уравновесить преимущество Индии в населении (1 миллиард человек против 14 миллионов человек) и в военно-техническом потенциале (ежегодный рост ВВП составляет 6%, в то время как Пакистан — аграрная страна), установил и поддерживает тесные военно-политические связи с Ираном и остальным исламским миром. В случае возникновения индо-пакистанский конфликт может приобрести черты столкновения цивилизаций. И Россия, для которой Индия — основной партнёр из числа развивающихся стран в сфере военно-технического сотрудничества, может реально оказать ей военную помощь. Достаточно сказать, что в 1992—1996 гг. Индия импортировала из России оружия на сумму 3,5 млрд. долл., в 1997 г. объём военно-технического сотрудничества составил 800 млн. долл., в 1998—2000 годах объём сделок превысил, по некоторым данным, 3 млрд. долл., что, конечно, вызывает удовлетворение у российских торговцев ору-

жием и загружает заказами судостроительную, авиационную и другие отрасли военной промышленности.

Россия стала ведущим поставщиком своей военной техники Республике Индия. Об этом свидетельствуют подсчёты, проведённые лабораторией прикладных исследований Института востоковедения РАН.

Так, из 3414 находящихся на вооружении индийских танков 2200 произведены по лицензии или закуплены (Т-72, Т-55) — советские/российские. На вооружении Индии состоят 280 установок зенитной артиллерии «Двина» и «Печора» российского производства (А-3, А-5, А-10).

Из 772 боевых самолётов более 80% (632) — российские/советские образцы, в т. ч. 79 МиГ-23, 147 МиГ-27 (производится в Индии по лицензии), 73 МиГ-29, 8 Су-30 МК и 314 МиГ-21. Наиболее современными из них являются Су-30 МК, МиГ-29, МиГ-27, МиГ-23. В составе ВВС Индии также имеются самолёты «Ягуар» (109) и «Мираж-2000» (35). Все они в странах-производителях являются носителями ядерного оружия.

На российские образцы приходится 65% самолётов транспортной авиации (в т. ч. 105 АН-32, 25 Ил-76) и все транспортные вертолёты (80 Ми-8, 37 Ми-17, 10 Ми-26).

В составе ВМС на российские/советские образцы приходится 80% подводных лодок (9 проекта 877 Эм, 3 проекта 641), 60% эсминцев УРО (5 пр. 61 МЭ «Кашин», более 50% корветов (3 пр. 1234 Э, 4 пр. 1241,2, 6 пр. 1241 РЭ), 80% десантных кораблей, 100% минно-тральных кораблей, примерно пятая часть самолётов (11 ТУ-142, 8 Ил-38) и четвертая часть вертолётов (18 Ка-28, 7 Ка-25, 3 Ка-31) морской авиации.

Каковы перспективы российско-индийского сотрудничества?

Согласно заявлениям экспертов и официальных представителей правительства Индии, напряжённость в отношениях с Пакистаном, по всей вероятности, вынудит Индию увеличить военный бюджет на 2000/2001 ф. г. примерно на 12% (или на 1,6 млрд. долл.), т. е. до 15 млрд. долл., что соответствует 3% ВВП Индии. Для сравнения: военные расходы текущего финансового года (1999/2000) составляют 13,4 млрд. долл., или примерно 2,5% ВВП (финансовый год в Индии начинается с 1 апреля).

Ассигнования на военные расходы Индии в течение трёх предыдущих финансовых лет были следующими: 1996/97 ф. г. — 7,4 млрд. долл.; 1997/98 ф. г. — 8,9 млрд. долл.; 1998/99 ф. г. — 10,8 млрд. долл.

По заявлению ответственного представителя МО Индии, в течение ближайших 10 лет модернизация трёх видов Вооружённых сил Индии и создание дополнительной ядерной оборонительной инфраструктуры обойдётся правительству примерно в 25 млрд. долл. При этом МО Индии будет отдавать приоритет приобретению следующей военной техники:

- 60 перспективных учебно-тренировочных самолётов для ВВС Индии (1,5 млрд. долл.);

- вооружение и модернизация авианосца, приобретаемого в России (550 млн. долл.);

- 320 российских танков Т-90 (2,6 млрд. долл.);

- основные системы поддержки пехоты и ПВО (1 млрд. долл.).

Военный конфликт Индии с Пакистаном в 1999 г. из-за спорного района Каргил выявил ряд недостатков и теперь ежедневно обходится правительству в 3 млн. долл. Среди основных пробелов индийские эксперты отметили: отсутствие средств для ведения разведки в горной местности, нехватку оружия для боевых операций в горах, недостаточное количество бронезилетов, сверхлёгких винтовок, ручных телевизионных прицелов, РЛС для тактических пушек и лёгких ракетных установок. Индийская армия срочно нуждается в закупках основного оружия для пехотинцев и средств наземного наблюдения при затратах 1 млрд. долл. на вооружение и содержание военного контингента численностью 400 тыс. человек, развернутого в Кашмирской долине.

В этом году исполняется 40 лет с начала военно-технического сотрудничества между СССР и Индией. За эти годы СССР, потом Россия поставили Индии вооружений на сумму в 30 млрд. долл. Сотрудничество продолжается, ежегодные поставки военной техники из России оцениваются в 1 млрд. долл.

Ещё в 1904 году индийский национальный лидер Локаманья Тилак проявил интерес к отправке молодых индийцев в российские училища для военной подготовки. Сегодня наши отношения в военной сфере превзошли простые отношения между продавцом и покупателем и развились настолько, что включают в себя совместные исследования и разработки, подготовку кадров и контакты между родами войск.

Около двух с половиной веков тому назад Пётр Великий поручил своему специальному посланнику вице-адмиралу Д. Вилстеру, который был направлен в Индию, чтобы подписать соглашение, «трудиться изо всех сил, чтобы установить плодотворные торговые отношения между двумя сторонами».

На старте нового века можно констатировать, что Индия и Российская Федерация находятся на новой и динамичной стадии экономического развития. Процесс экономических реформ в обеих странах открыл новые перспективы для наших экономик, новые и постоянно расширяющиеся возможности для нашего взаимного сотрудничества. Мы должны воспользоваться этим и предпринять шаги по диверсификации и обогащению наших многосторонних экономических связей.

Уместно спросить: почему именно Россия привлекла Индию? Ответ: потому что, несмотря на очевидный экономический спад, Россия остаётся на 16-м месте в мире по показателям ВВП; Россия обладает мощной базой для металлургического производства и тяжёлого машиностроения, является крупным кладом ископаемых, особенно таких, как уголь, нефть, природный газ; Россия обладает огромными земельными площадями, квалифицированной рабочей силой, огромным количеством учёных и инженеров. И второй вопрос: почему Индию избрала Россия в качестве партнёра?

Ответ: потому что эта страна тоже обладает диверсифицированной и дешёвой ресурсной базой, развитым сельским хозяйством, квалифицированными кадрами, имеет низкие цены на экспорт технологий, делает упор в своём развитии на сооружение промышленных предприятий, а не на торговлю; в Индии разрешён 51% финансового участия в 34 отраслях промышленности.

В январе 2001 года в Москве прошло заседание российско-индийской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Охарактеризовав его результаты как «вселяющие надежды», посол Индии в РФ г-н С. К. Ламба в интервью газете «Труд» от 26 января 2001 года назвал главной задачей её деятельности «приведение торгово-экономических и других двусторонних связей в соответствие с высоким уровнем политических отношений между Россией и Индией». Намеченный комиссией план нацелен на эффективное использование ежегодных платежей Индии по долгам России, увеличение инвестирования, рост двусторонней торговли (в четыре раза к 2005 году), расширение взаимодействия финансовых институтов, поощрение контактов между регионами двух стран.

Особо следует отметить договоренность о подписании документов по проекту «Сахалин-1», предусматривающему инвестирование индийской государственной компанией «Видеш» 1,7 млрд. долл. в разработку месторождения нефти и газа на российском Дальнем Востоке. Это крупнейший на сегодняшний день для Индии инвестиционный проект за рубежом.

Государственные и частные компании Индии проявляют высокую заинтересованность в торговле с Россией. Аналогичный подход, по словам С. К. Ламбы, он наблюдал в ходе

поездок по нашей стране со стороны предпринимателей и руководителей российских регионов. Непосредственными участниками ежегодных международных торговых ярмарок в Дели уже стали Рязань, Воронеж, Омск, Ярославль, Казань и ряд других российских городов. В апреле Индию планирует посетить делегация Российского союза промышленников и предпринимателей во главе с Аркадием Вольским. Намечено открытие представительства Индийской промышленной палаты в Москве, а также филиала Госбанка Индии в РФ.

Претворение в жизнь положений совместного документа по сотрудничеству в области торговли, экономики, промышленности, финансов, науки и техники вплоть до 2010 года. Индийская сторона особо подчёркивает и выделяет такие сферы, как энергетика, сталелитейная, нефтяная, угольная промышленность, информационная технология, фармацевтика, космос, атомная энергетика, наука и техника.

Программа, в частности, включает: обучение российских предпринимателей в Индии, увеличение в 4 раза двусторонней торговли к 2005 году (в 2000 году её оборот составлял около 2 млрд. долл.), расширение банковских связей, открытие новых структур по развитию

торговли, открытие индийских в России и российских в Индии представительств ведущих фирм и компаний, расширение взаимодействия финансовых и торгово-экономических палат двух стран, диверсификацию торговли, особенно в таких секторах, как нефть и газ.

Индия — одна из наиболее развитых стран в области ядерной технологии, включая производство источниковых материалов. Она охватывает полный ядерный цикл — от геологоразведки до добычи, производства, управления отходами. Сложный циклотрон переменной энергии в Калькутте и ускоритель средней энергии «пеллетрон» в Мумбае — это ведущие исследовательские центры страны. Сейчас в Индии действуют 8 атомных электростанций, производящих 8 млрд. кВт электроэнергии, планируется строительство еще четырёх.

Известны успехи Индии и в освоении космоса. Индия — единственная страна в третьем мире, сумевшая создать собственные спутники дистанционного обнаружения, да и вывести их на орбиту тоже. Сейчас там завершаются работы над геосинхронной пусковой установкой спутников, способной вывести на орбиту спутник весом до 2 тонн. Индийская организация по космическим исследованиям занята также созданием собственного криогенного двигателя для геосинхронной установки. И здесь взаимодействие учёных и практиков налицо.

Прогресс Индии в области атомной энергетики и космических программ привлёк внимание во всём мире, в том числе и в России. Заключаются лизинговые соглашения по конкретным проектам, в частности по маркетингу информации индийских спутников, на предоставление космических услуг. Естественно, успешно продвигаются и совместные проекты в области атомной энергетики. И то, и другое вызывает нескрываемое раздражение на За-

паде, особенно в США. А индийско-российский корабль идёт своим курсом.

Оживление контактов между различными регионами России и штатами Индии. Для этого начиная с января 2000 года в сотрудничестве с Институтом востоковедения РАН проводятся ежемесячные семинары и конференции по различным вопросам индийско-российских отношений, включая политические, экономические, торговые и научные связи в крупнейших городах Российской Федерации.

Наш Институт востоковедения давно сотрудничает с индийскими научными центрами, с индийским посольством. Я не помню случая, чтобы мы не встречались менее чем один раз в неделю. Мы насчитали примерно около 100 мероприятий, которые мы проводим в Москве: «круглые столы», встречи в Культурном центре, проведение выставок, презентации новых книг и многое другое.

И вот ещё одна инициатива. Институт востоковедения РАН и Посольство Индии в РФ подписали в январе 2000 года Меморандум о взаимопонимании, предусматривающий создание специализированной научно-лекторской группы для работы в регионах Российской Федерации в целях расширения и укрепления экономических и культурных контактов между Россией и Индией. С тех пор мы по существу помогаем вам и индийцам наладить прямые связи в различных областях. И одновременно мы преследуем и свои научные цели: мы хотим наладить прямые контакты с востоковедами региона, чтобы мы лучше знали их, а они лучше знали нас. Здесь есть прекрасные учёные, глубоко и всесторонне изучающие Индию, её историю, экономику, культуру, традиции. Здесь учат хинди в школах и в высших учебных заведениях. Здесь намереваются создать нечто вроде Института восточных языков. Мы во всём можем помочь.

У нас есть аспирантура, где можно защитить диссертацию, под эгидой нашего института основан и действует Восточный университет, в нём уже 300 студентов, изучающих языки, экономику, историю стран Востока. Университет в сентябре 1999 года получил статус государственного и выдаёт дипломы государственного образца. Всё это надо не только знать, но и использовать при подготовке молодого поколения востоковедов, в том числе и востоковедов-индологов.

В конце 2000 года обворожительная улыбка одной несравненной красавицы из Индии очаровала ценителей женского обаяния, молодости и изящества. Приянка Чопра из маленького города Барелли получила корону победительницы на состоявшемся в Лондоне юбилейном пятидесятом конкурсе красоты «Мисс Мира — 2000».

Это событие стало большим праздником для миллиарда соотечественников 18-летней Приянки. Индийцы обычно очень гордятся своими успехами в любой области, которые становятся известны в мире. На протяжении последнего десятилетия у всех на устах достижения их страны в области информационных технологий, а девушки из Индии по красоте впереди планеты всей. В самом деле, «Мисс Вселенной» в 1999 году тоже названа индианка Лара Датта, а в 1994 году этого титула удостоилась красавица из Индии Сушмита Сен. Зададимся последним вопросом: может быть, следует разобраться, в чём секрет очарования девушек из Индии? Чуть-чуть приоткрыла тайну Приянка Чопра. Она сказала: «Индианки сочетают в себе лучшее от Восто-

ка и Запада. Традиции и новые веяния. Ещё мы понимаем, что важна не только внешняя, но и внутренняя красота. И при этом умеем добиваться и того, и другого». Выходит, что это вовсе и не тайна. Это результат величайшего многовекового труда миролюбивого народа Индии. Это взаимодействие традиций и современных достижений.

Родство российской науки и техники с возможностями и потенциалом индийской науки и техники могут, на наш взгляд, привести к блистательным и продуктивным результатам не только на пользу наших двух стран, но и всего мира.

В основе этого лежат ещё и индийско-русские культурные связи. Они коренятся на духовных общностях наших двух цивилизаций. Многих российских мыслителей, писателей и учёных всегда привлекала Индия. Хорошо известно, что Лев Толстой и Махатма Ганди проявляли интерес друг к другу и оказали взаимное влияние на собственные идеи так же, как и на идеи многих других, включая практические программы социальных реформ.

На протяжении столетий Толстой и Достоевский вдохновляли поколения индийцев. Подобным же образом проза Прем Чанда и кинематографическое совершенство Раджа Капура нашли преданных последователей в России.

Это интеллектуальное и историческое наследие во взаимодействии с наукой и практикой должно, на наш взгляд, стать основой, на которой мы должны строить наше общее российско-индийское будущее, придавая ему в XXI веке новый смысл.

Л. Б. Алаев,
*доктор исторических наук,
профессор*

СОВЕТСКО-ИНДИЙСКАЯ ШКОЛА ИНДОЛОГИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (1917 – 1991)

Задачей данного сообщества является постановка вопроса о методологии историографического рассмотрения исследований по истории Индии, созданных в советский период. Это лишь набросок историографической работы, которая должна быть проделана, но мне кажется, что ее надо начинать немедленно, пока еще живы те, кто может восстановить атмосферу той эпохи по собственным воспоминаниям. Одна из особенностей советской жизни заключалась в том что многое существенное происходило на уровне индивидуального сознания, но находило отражение не только в официальных документах, но и в устных и письменных высказываниях участников событий. Многие «всё понимали», но ничего не говорили. Было очень много написанных «правил поведения», не фиксируемых вербально. Одни следовали этим правилам вполне сознательно, считая их естественными, другие подчинялись им, считая непреодолимыми. Многие остались несамостоятельными даже сейчас, в своих мемуарах, когда, казалось бы, можно быть вполне откровенными.

Советский период российской истории вообще и феномен советской науки в частности, требуют тщательного изучения. Советская наука имела отличительные особенности, как сильные, так и слабые стороны, причем ее недостатки являлись продолжением ее достоинств, а достижения часто смазывались из-за влияния на нее вненаучных факторов. Это была именно наука, т. е. искренние поиски объективной истины, и в то же время каждый советский ученый более или менее осознавал, что его поиски не могут выходить за определенные рамки, установленные господствующей идеологией или, если более конкретно, — постановлениями руководящих органов. Как уживались поиски истины и жесткие методологические схемы? Советский гуманитарий мыслил — и в этом смысле был свободен; он же был зашорен постулатами — и не воспринимал их в качестве шор. После XX съезда шаг вправо и шаг влево уже не считалось побегом, всего только выходом из строя, за который полагалось некоторое наказание, но уже не расстрел. Более того, даже несколько шагов в сторону можно было сде-

лать без особых последствий, в худшем случае приобретя репутацию «путаника» и статус «неотъездного». Но все мы кожей чувствовали, что нашу расширившуюся дорогу с обеих сторон ограждают невидимые заборы, перепрыгнуть которые для большинства из нас было немыслимо. Мы выдвигали новые идеи на основе фактического материала — и в то же время «на основе» цитат из «классиков». Сейчас, когда цитата основоположников единственно правильного учения никого не может убедить, основанный на ней вывод порой кажется смешным. И все же в нашем «коридоре возможностей» было сделано много такого, за что не стыдно и что останется.

Чтобы оценить объективно достижения того периода, необходимо исходить из некоторых критериев научной работы, понять упомянутый «коридор возможностей», изучить такое явление, как «советский марксизм». Не претендуя на полное раскрытие этого термина, позволяю себе высказать свое понимание основных отличительных черт этого концептуального конгломерата. Он заключается в:

- 1) представлении о единстве исторического процесса и неизбежности прогресса;
- 2) представлении о стадильности этого процесса, о прохождении человечеством целого ряда «научных» установленных стадий «формаций»;
- 3) экономоценризме, представлении о производительных силах и производительных отношениях как о движущих силах прогресса и факторах, определяющих все остальные проявления социальной жизни;
- 4) представлении об объективности процесса, его независимости от воли и сознания людей;
- 5) классовом подходе к анализу всех первобытных обществ, преимущественном внимании к проблемам эксплуатации и любым факторам протеста;

6) представлении о том, что Советский Союз идет в авангарде человечества; рассмотрении всех событий с точки зрения интересов СССР и мирового коммунистического движения, отсюда — антизападничество, тенденция моральной поддержки всего, что мешало странам совершенствовать свою экономику и политическую систему (демократию) и преобразовывать мир, идеология «холодной войны». В отношении изучения колониальных и зависимых стран, а затем стран «третьего мира», это выражалось в откровенном антиимпериализме, пафосном разоблачении колониальной эксплуатации, безусловной моральной поддержке национально-освободительного движения.

В настоящее время желание преодолеть наследие прошлого и освободиться от засилья марксистской идеологии нередко выражается в стремлении отбросить все эти постулаты как единый комплекс. Между тем, они требуют дифференцированного подхода. Следует разъяснить методологическую основу того очерка, который будет предложен ниже.

Два первых постулата прямого отношения к марксизму не имеют. Они заимствованы марксизмом из иудео-христианской традиции, исходящей из представлений о единстве происхождения человечества, о линейности времени и их теологического понимания истории (идушей к Страшному суду и установлению царства Божия на земле). От них нельзя отказаться, но порывая со всем западноевропейским мировоззрением, т. е. практически это неосуществимо. Неискоренно также представление об этапности истории, о том, что человечество переживает в своем развитии ряд стадий. Цивилизационный подход, ставший сейчас знаменем сторонников полного переосмысления истории и своего рода паролем, которым обмениваются посвященные, не стал (пока?) теорией, которой можно было

бы пользоваться при изучении и преподавании истории. Он не предлагает системы цивилизаций и потому не организует исторический материал. Более того, он предлагает в качестве аналитического инструмента неопределимый фактор вроде «цивилизационной специфики», или «духа цивилизации», который не может быть познан научными методами. Стадиальный подход к истории не может быть заменен никаким другим, пока мы хотим оставаться историками.

Три последующих постулата составляют существо марксизма как нового (для XIX века) учения. Они морально и историографически устарели и требуют пересмотра. Дело не в том, что эконоцентрический подход ущербен как таковой. Он не хуже, хотя и не лучше, любого другого монистического подхода, скажем, придания структурообразующей роли культуре или религии. Но этапы истории должны определяться с учетом всех проявлений социальности. Каждое из этих проявлений — экономика («способ производства»), уровень религиозного познания мира, политическая организация и проч. — имеют свою логику развития, но на больших временных отрезках они взаимосвязаны.

Для понимания исторического процесса одинаково важны как производственные революции (неолитическая, промышленная, информационная), так и революции в области сознания («осевое время», распространение мировых религий), а также политические скачки («номовые» государства, или города-государства; период империй; период национальных государств; начавшийся период межнациональных интеграций). То, что революционные изменения в трех выделенных областях идут не синхронно, не должно нас смущать, а всего лишь указывать, что исторический процесс сложен и его периодизация не поддается однофактному анализу.

Принятая в настоящее время в учебниках периодизация исторического процесса (первобытный строй, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм) неудовлетворительна, во-первых, потому что исходит из приоритета одного фактора (способ производства), а во-вторых, опирается на уязвимые (именно с фактической стороны) определения самих способов производства.

Классовый подход к анализу исторического процесса также в определенной степени рационален и способен давать приращение знаний, если он не рассматривается как единственно возможный и не вытесняет иные подходы. Содержащийся в нем пафос насилия морально устарел и нередко и раньше приводил к искажению понимания многообразных движущих сил истории.

Последняя из перечисленных выше составляющих советской идеологии истории не имеет отношения ни к марксизму, ни к иным научным концепциям. Эта проекция великодержавной идеологии нанесла особенный вред советской исторической науке. Преувеличение исторического значения Октябрьской революции вело к преувеличению роли Советского Союза в мире, к искаженному представлению о новейшей истории как борьбе прогрессивных и реакционных сил, к консультированию таких ложных понятий, как «общий кризис капитализма», «мировая система социализма», «неоколониализм» и т. п.

Советская школа индологии в области Индии была подвержена влиянию «советского марксизма» в большей степени, чем другие отрасли отечественной исторической науки, потому что она начинала «с чистого листа». Россия к 1917 году имела сильную индологическую школу. Достаточно упомянуть имена академиков С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского, которые имели также несколько талантливых учеников. Однако тематика их

исследований оставалась узкой: буддология, санскритология, изучение текстов. История как отдельная дисциплина в рамках индологии не выделялась. Классическая российская индология не стала базисом последующего развития советской школы индологии, поскольку между маститыми академиками и молодыми кадрами, овладевавшими марксистскими подходами в общественных науках, пролегла не только идеологическая, но и тематическая пропасть. Представители классического и практического направлений в индологии не понимали друг друга и относились друг к другу с подозрением и даже пренебрежением.

Таким образом, советская историография Индии с самого начала была исключительно марксистской. В отличие от ситуации в области изучения истории России и всемирной истории, где в 20–30-е гг. наблюдалось соперничество двух школ — унаследованной от дореволюционной науки позитивистской, объективистской, «буржуазной», как ее тогда называли, и марксистской, в индологии, как уже говорилось до революции исторических исследований почти не велось, так что индологам не приходилось «бороться с буржуазными учеными», как это имело место в других отраслях истории. Эта особенность может показаться не очень значимой, поскольку в 30-е гг. все «буржуазные» историки искренне или не очень стали «марксистами». Но следствием отсутствия в индологии «буржуазного» задела в области истории явилось то, что индологи-историки марксисты долгое время оставались по существу «любителями», не имевшими серьезной методической подготовки, источниковедческой базы, профессиональных навыков.

После революции востоковедение в целом приобрело практический уклон как изучение прежде всего современных вопросов и перспектив революционного движения в странах Востока. Основной вопрос, на который искали

ответ, — «на каком этапе революции» находится изучаемая страна. То, что тот или иной «этап революции» разворачивается, сомнению не подлежало. Если страна была экономически развита в доколониальный период, а колониализм, по определению, это развитие ускорил, то революция будет «пролетарской», а если до колониализма в стране господствовали «патриархальные» или «феодальные» отношения, то революция ожидалась «буржуазная». От решения подобного вопроса зависела тактика создававшихся в то время во всех коммунистических партиях споров об «этапе революции», а нередко и с оргвыводами. Недостаток имевшихся в распоряжении диспутантов исторических фактов никого не смущал. Эта ожесточенность еще усилилась, когда многие из участников дискуссий оказались репрессированными или «разоблаченными» как «троцкисты» или «агенты империализма»; оставшиеся пока на свободе участники научного спора были принуждены моментально менять свои взгляды и усиливать ругательную риторику в отношении высказываний, оказавшихся заведомо «неправильными» и «вредными».

Довольно скоро выяснилось, что для решения многих актуальных вопросов знание истории необходимо. Но первыми историками стали люди, ориентированные на современность, считавшие историю лишь инструментом познания современности, не имевшие востоковедческой подготовки, часто не знавшие восточных языков. Среди них не было еще страноведческой специализации. Работы, посвященные древней Индии, писали специалисты по древнему миру в целом. Новейший период индийской истории также изучался в 20-е гг. специалистами по колониальному вопросу, аграрниками. Формирование кадров, профессионально занимающихся изучением истории Индии, происходило медленно и стало более

или менее чётко вырисовываться лишь в начале 30-х гг. Складывание школы можно отнести к концу 40 — началу 50-х гг.

Первым подлинно историческим исследованием явилась книга И. М. Рейснера, названная в духе того времени «Очерки классовой борьбы в Индии». Общая задача автора заключалась в том, чтобы доказать, что для Индии классовая борьба была также характерна, как и для других стран. Он видел классовые корни как в движении сикхов, так и в маратхском освободительном движении под руководством Шиваджи и даже в борьбе Майсура против английского завоевания. Однако вопреки этой узкой задаче автору удалось дать достаточно объективный очерк многих аспектов истории страны на протяжении XVII–XIX вв. Главное достоинство этой книги с точки зрения дальнейшего развития науки заключалось в привлечении широкого круга источников. Теоретическим вкладом явилась концепция «восточного феодализма», которая стала на протяжении многих десятиле-

тий ведущей в отечественной индологической медиэвистике. Были проанализированы также Сипайское восстание, деятельность Индийского национального конгресса, в том числе роль Б. Г. Тилака. В оценках событий автор исходил из убеждения, что любая умеренность вредна, а радикализм благотворен. И. М. Рейснера можно считать основателем школы советской исторической индологии.

Рассмотрение проблем новейшей истории Индии в 20–30-е и даже 40-е годы находилось под сильным влиянием позиции Коминтерна по национально-колониальному вопросу. Считалось непреложным, что освобождение колоний может быть достигнуто лишь при руководящей роли рабочего класса. Любые компромиссы с колониальными властями, умеренность в лозунгах и действиях, в том числе гандистские призывы к ненасилию, воспринимались как соглашательство с империализмом, «предательство» дела национально-освободительной революции, «реформизм» (слово, имевшее в то время исключительно негативное значение). Особенно отрицательное влияние на попытки объективного анализа движущих сил освободительной борьбы оказали решения VI конгресса Коминтерна 1928 г. «Разоблачения» М. К. Ганди как «слуги индийской национальной буржуазии и британского империализма» стали обычными в советской литературе. Левая группировка Национального конгресса, возглавлявшаяся Дж. Неру и Субхас Чандра Босом, рассматривалась как группа, усыпляющая бдительность масс, отвлекающая их от действительной борьбы за независимость, как агентура буржуазии и империализма в рабочем и крестьянском движении. Обратной стороной этой позиции было значительное преувеличение роли рабочего и крестьянского движения.

Однако следует отметить, что подобная направленность мысли имела и позитивные следствия. Благодаря ей проблемы положения рабочего класса и крестьянства и ход движения трудящихся в Индии подверглись очень подробному изучению (работы Ф. Дингельштедта, Б. Сейделя, Л. Геллера, Ф. Гапченко, В. В. Балабушевича), был собран значительный материалы, который в то время не был востребован исследователями ни в самой Индии, ни в западной индологии. Были опубликованы также тенденциозные, но богатые материалам книги и статьи, освещающие движение пуштунов Северо-Западной пограничной провинции под руководством Абдул Гаффар-хана (И. Маздур) и ряд восстаний в других районах Индии.

Изучение предыдущих периодов истории Индии после опубликованной работы И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» проходило под знаком доказательства того, что перечисленные им основные этапы всемирной истории

(первобытный строй, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм) полностью подтверждаются на индийском материале. Индологи восприняли как свою задачу доказать, что в древней Индии господствовал рабовладельческий строй, а в средневековье — феодальный. Забегая вперед, следует сказать, что в данном случае жесткая историческая установка, ограничивая исследовательскую мысль и тем самым играя негативную роль, заставила ученых сосредоточиться на нескольких проблемах, сравнительно слабо изучавшихся в то время в зарубежной индологии, и оказалась в определенной мере продуктивной.

Сложнее всего было обосновать рабовладельческий характер древнеиндийского общества. Фактов, подтверждающих большую роль рабов в производстве, было недостаточно. Кроме того, в запале развернувшейся дискуссии сторонники рабовладельческой формации в древности стали утверждать, что эта формация в Индии ничем не отличалась от античной. А это расходилось с фактами уже очень значительно. В настоящее время российские востоковеды в целом, изучающие Древний Восток, отказались от концепции рабовладения. Непопулярна рабовладельческая концепция и среди индологов. Однако попытки ее обосновать привели к весьма скрупулезному изучению всего имеющегося материала о формах хозяйства в древней Индии, что значительно продвинуло изучение истории этого периода в нашей науке.

Что касается идеи о феодализме в средневековье, она оказалась более состоятельной. Здесь тоже наблюдалось стремление полностью приравнять индийский феодализм к европейскому. Но в основном индологи верны концепции «восточного феода-

лизма», выдвинутой, как уже говорилось, И. М. Рейснером. В качестве специфических черт, отличавших «восточный» феодализм

от западного, он упомянул: 1) большую роль искусственного орошения (основой производства являлись не только земля, но и вода); 2) сохранение сельской общины; 3) господство государственной собственности на землю. Эти тезисы

в дальнейшем подвергались разнообразной критике, но в ходе обсуждений были созданы монографии, ставшие несомненным вкладом в мировую индологию. Вновь обратим внимание на противоречивость процесса научного познания: ограниченность проблематики, «зацикленность», если хотите, на вопросе формации, на производственных отношениях привели к углубленному исследованию ряда важных аспектов средневекового индийского общества, среди них — проблема соотношения и динамики частной и государственной собственности на землю и вообще всего комплекса аграрных проблем, а также вопрос о роли индийской сельской общины в землевладении, развитии ремесла, во всем индийском социальном строе. Концепция «восточного феодализма» в целом устраивала индологов. Их материал ложился в данную схему. Симптоматично, что позже, когда развернулась дискуссия об «азиатском способе производства» и о применимости этого конструкта к доколониальным обществам Востока, ни один из индологов, работавший со средневековыми источниками, не считался его сторонником.

Новый этап в развитии исторических исследований советских индологов начался в начале 50-х гг., еще до XX съезда КПСС. Что свидетельствует о том, что наука имеет свою логику даже в условиях значительного идеологического пресса. Его ознаменовали выход монографии А. М. Дьякова и К. А. Антоновой и защита И. М. Рейснером докторской диссертации. Эти работы были основаны на широком круге источников и аккумулировали весь накопленный к тому времени индологами фактический и концептуальный материал по проблемам доколониальной Индии и современному периоду. Они послужили базой для работ их учеников, развивавших выдвинутые положения и опровергавшие их. Особое значение имел раздел диссертации И. М. Рейснера, содержащий анализ сельской общины в Махаращре, вышедший также отдельной статьей. Автор очертил основную проблематику исследований общины и предложил новую методику изучения характерных источников. В русле этого направления были впоследствии опубликованы работы Н. И. Семеновой по общине в Пенджабе, Э. Н. Комарова по Бенгалии, А. М. Осипова по Северо-Западным провинциям (современный Уттар-Прадеш), К. А. Антоновой и Л. Б. Алаева по Южной Индии.

После XX съезда и совпавшего с ним по времени серьезного улучшения межгосударственных и индо-советских отношений размах исследований в области истории Индии стал значительно шире. Начались регулярные контакты советских ученых с зарубежными, в том числе и индийскими коллегами. Важными вехами стали сборник статей, посвященный столетию Сипайского восстания и сборник по проблемам национально-освободительного движения, приуроченный к столетию со дня рождения Ю. Т. Тилака. По обеим темам был собран большой материал и предпринята

попытка по новому осмыслить ход освободительного движения. Показателем определенной зрелости индологической школы стала 4-томная «История Индии», подготовленная в 1959–1969 гг. коллективными усилиями всех московских индоведов, прежде всего сотрудников Отдела Индии и Отдела Древнего Востока Института востоковедения АН СССР. Нельзя сказать, что в этих томах была представлена единая советская концепция истории Индии. Однако каждый из томов был довольно целым произведением. В томе по древней истории отстаивалась рабовладельческая концепция. В томе по средним векам исторический процесс рассматривался с «феодальной» точки зрения, причем была учтена позиция Е. М. Медведева, который считал феодальной и Древнюю Индию. В томе по новой истории основное внимание уделялось раскрытию форм и методов колониальной эксплуатации и национально-освободительному движению. Гораздо объективнее, чем прежде, дана история национально-освободительного движения в новейшее время. Получили подробное освещение первые годы независимости развития Индии. Во всех томах присутствовали содержательные главы по экономическому развитию культуры.

Влияние политической конъюнктуры, конечно, сохранялось. Индологи в этом отношении находились в более благоприятном положении, чем, например, китаисты. Отношения с Китаем были сначала дружественными («братскими») — и не допускалась какая-либо критика политики правительства КНР и ситуации в этой стране. Затем отношения стали враждебными — и стало невозможным писать о положительных сторонах развития Китая. Индия же, хотя и дружественная, была все же, по терминологии того времени, «буржуазной» страной, и можно было как отмечать положи-

тельные черты ее социального развития, так и указывать на недостатки, отставая в какой-то мере объективную позицию.

В области изучения древней истории в последние десятилетия наибольшие успехи связаны с публикацией и анализом санскритских источников. Еще в 1959 г. был издан перевод «Артхашастры». Однако в настоящее время этот период не удовлетворяет специалистов. А. М. Самозванцев и А. А. Вигасин представили переводы нескольких ключевых разделов этого памятника и анализ их данных, которые позволили выявить особенности логики трактата и более глубоко понять его содержание. Так называемые «Законы Ману» (Манавадхармашастра) в русском переводе имелись уже давно. В последние годы к ним добавились весьма качественные переводы других дхармашастр — Яджнявалкьи и Нарады. На основе всех этих источников разработаны проблемы собственности в древней Индии, особенности системы древнеиндийского права. Углублен-

ное изучение древней дидактической литературы и раннесредневековых надписей позволило серьезно пересмотреть представления о структуре ранних государств. Разработаны и многие другие проблемы истории и общественных отношений в древней Индии. Вопросы формационной принадлежности общества отошли на задний план. Гораздо большее внимание привлекают конкретные вопросы функционирования социально-экономических и политических институтов. Можно уверенно утверждать, что в изучении древнеиндийского общества отечественные индологи могли бы занять ведущее место в мировой индологии, если бы их работы были в большей мере известны за рубежом.

Изучение средневековой истории велось по нескольким направлениям. Раннесредневековый период (до мусульманского завоевания) наиболее подробно изучался Е. М. Медведевым. Фундаментальные работы по мусульманскому периоду принадлежат К. З. Ашрафян. В центре внимания находились проблемы землевладения, эволюции сельской общины, развития товарного хозяйства и городов и вопрос о формационной характеристике средневекового индийского общества. Как уже говорилось, отечественные индологи продолжают придерживаться мнения, что в Индии в средние века господствовал феодализм. Последнее время гораздо большее внимание, чем прежде, привлекают вопросы духовного развития в средние века.

В 60–70-е гг. одним из наиболее дискутируемых стал вопрос об уровне развития Индии накануне колониального завоевания. Следует отметить, что этот вопрос стал разрабатываться в советской индологии раньше, чем к нему приступили индийские историки. Стала весьма популярной идея, что в

Индии в XVII–XVIII вв. появились зародыши капиталистических отношений, Индия смогла бы самостоятельно перейти к капитализму, если бы не английское порабощение, которое привело к уничтожению этих зачатков. Подобная концепция была призвана еще раз «разоблачить» реакционную роль колониализма. Несмотря на политизированность постановки вопроса, поиски «зачатков капитализма» в позднесредневековой Индии позволили ввести в научный оборот много нового материала по организации производства и значительно расширили наши знания о хозяйственных аспектах функционирования индийского общества. Правда, постепенно многие специалисты отказались от идеи о самостоятельном развитии капитализма в доколониальный период.

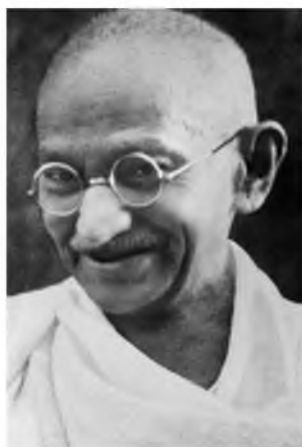
Изучение проблем новой Индии в последние десятилетия находится в упадке. После всплеска конца 50-х — начала 60-х гг., связанного с подготовкой упоминавшихся выше сборников, посвященных Сипайскому восстанию и деятельности Б. Г. Тилака, а также работой над «Новой историей Индии», в дальнейшем крупных монографий, анализирующих колониальную политику и развертывание национально-освободительного движения, почти не появлялось. Впрочем, заметным явлением стали работы, посвященные духовным процессам в новое время, реформаторским движениям в индуизме и исламе, идейным исканиям тогдашних властителей дум. Это направление исследований значительно расширило прежнюю тематику, группировавшуюся вокруг политических и экономических сюжетов.

Проблема переосмысления хода развития Индии в колониальный период назрела. Политика колонизаторов была гораздо сложнее и противоречивее, чем это представля-

лось раньше. Она не сводилась к эксплуатации колонии и к подавлению всего прогрессивного в ней. Национально-освободительное движение также содержало в себе много противоречий. Помимо общенационального движения шла борьба за идентичность составляющих Индию этносов, каст, конфессий. Эта борьба недостаточно изучена.

Исследования по новейшей истории велись довольно интенсивно. В соответствии с общей направленностью советской историографии большое внимание уделялось радикальным течениям в национально-освободительной борьбе. Довольно объективно для тех условий были изучены процессы, приведшие к образованию Коммунистической партии Индии. Повышенное внимание было уделено так называемым «рабоче-крестьянским партиям», возникавшим в 1920-х гг., хотя они большой роли в политической жизни не играли. Деятельность некоммунистических радикальных или террористических организаций была подробно освещена в многочисленных работах А. В. Райкова. Он же исследовал роль противоречивой фигуры Субхас Чандра Боса на последнем этапе борьбы за независимость.

Пожалуй, наиболее подробно и многограннее изучались личности и деятельность Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру. Можно сказать, что российский читатель может получить объемное представление об этих деятелях из доступных ему книг. Вместе с тем, явно недостаточное внимание уделялось тем партиям, организациям и движениям, которые считались «реакционными», таким, как Хинду Махасабха, Раштрия Сва-ямсевак Сангх, «Партия справедливости», движение «неприкасаемых» и т. п. Лидеры таких движений (Мадан Мохан Малавия, В. Д. Саваркар, Ш. П. Мукерджи, К. Н. Анна-

дураи, Б. Р. Амбедкар) лишь упоминались в различных исследованиях, и их деятельность не подвергалась тщательному разбору. Деятельность Мусульманской лиги и ее лидера Мухаммада Али Джинны рассматривалась как «реакционная» и «раскольническая». Впрочем, позднее она получила более объективное освещение.

Период независимого развития Индии привлекал вполне естественно небольшое внимание в советской индологической литературе. В настоящем обзоре невозможно даже упомянуть все значительные научные работы, связанные с этой тематикой.

Политическая борьба рассматривалась под углом зрения противостояния прогрессивных и реакционных сил. К прогрессивным относили, конечно, коммунистов, а также левое крыло правящей партии Индийский национальный конгресс. К реакционным — прежде всего партию Бхаратия Джана сангх (наследницей которой, в настоящее время является Бхаратия Джаната парти) и другие партии, считавшиеся выразителями интересов помещиков и «монополистической буржуазии». Критерием прогрессивности считалось стремление к аграрным реформам, к национализации всего и вся, к индустриали-

зации в форме строительства тяжелой промышленности, а также негативное отношение к иностранному капиталу и позитивное отношение к Советскому Союзу. Понятно, что весьма сочувственно было встречено введение правительством Индиры Ганди чрезвычайного положения в июне 1945 г. Вместе с тем, провозглашение партией Индийский

национальный конгресс в 1956 г. в качестве своей цели построение общества социалистического образца воспринималось скептически. По понятиям официальных советских кругов, существовал только

один социализм, а именно «научный», или, что то же самое, советский. Провозглашение «буржуазной» партией, а именно так характеризовался Конгресс, лозунга социализма могло быть либо добросовестным заблуждением, либо способом обмана масс.

Внимательно следили советские исследователи за деятельностью коммунистических партий и подчеркивали успехи возглавлявшихся ими правительств в отдельных штатах.

Традиционно значительное внимание уделялось национальному вопросу и пробле-

мам сепаратизма. Если в 40 — 60-х гг. исследователи исходили из того, что национальный вопрос может быть эффективно решен только при социализме и что он окончательно решен в СССР, а «буржуазное» индийское государство решить его не может по определению, то в последние годы сложность процессов национальной идентификации была прочувствована более глубоко.

Новым в подходе к политическому процессу в Индии было сознание прогрессивного значения политической демократии, хотя она продолжала характеризоваться как «буржуазная». Анализ результатов всеобщих и штатовских выборов именно в связи с этим стал неременной составной частью исследований современной истории. На последнем этапе развития советской индологии стали изучаться, помимо классовых, также кастовые и конфессиональные системы и противоречия.

Мне думается, есть основания говорить об основном феномене советской исторической школы в индологии. Одна развивалась в условиях, неблагоприятных для науки, а именно в условиях идеологических ограничений на свободную мысль. Тем не менее можно обозначить некоторые ее достижения, которые имеют мировое значение и служат вкладом в индологию в целом. Настоящий очерк служит лишь предварительным абрисом историографической задачи.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР РЕРИХОВ В МОСКВЕ

«Мысли Николая Константиновича и мои всегда были тесно связаны с Родиной, с русским народом. Где бы мы ни были, где бы ни путешествовали, мы всегда думали о нем и держали в наших сердцах образ русского человека. Все мы, вся наша семья горячо верили в великую будущность русского народа. Русский народ покажет пример и даст человечеству новые пути, новые врата и тем обогатит и создаст прекрасную новую жизнь». Эти слова принадлежат Святославу Николаевичу Рериху, мыслителю, художнику и ученому, младшему сыну Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов — человеку, благодаря которому уникальное наследие наших великих соотечественников стало достоянием России.

29 июля 1989 года в газете «Советская культура» было опубликовано письмо С.Н. Рериха «Медлить нельзя!». В письме говорилось о необходимости изучения и систематизации многогранного наследия Н. К. и Е. И. Рерихов и дальнейшего развития заложенных в этом наследии идей. «Русские и Восток, Россия и Запад, народная культура, всемирные народные ценности, единство культуры человечества, ценностные ориентации, понятие о совершенном человеке, человек и природа, внутренние возможности человека, наука и религия, — писал Святослав Николаевич, — все это так или иначе было, конечно, затронуто в трудах Н. К. и Е. И.».

В 20-е — 30-е годы XX-го века Н. К. и Е. И. Рерихи принесли в мир новое фило-

софско-этическое Учение о космической эволюции человечества, получившее название Живая Этика. Е. И. Рерих, образованнейшая женщина своего времени, философ и писатель, записала и систематизировала Учение, а все творчество Н. К. Рериха, великого русского художника, ученого и мыслителя, было пронизано его идеями. Художественное, научное, философское наследие, оставленное ими, по мнению Святослава Николаевича, должно способствовать «расширению сознания на пути к более совершенному, более нравственному человеку», что является необходимым условием для формирования «нового вселенского сознания» на нашей планете.

«Только осознанием Красоты, только Добром, только стремлением каждый день делать что-то лучше, чем вчера, жив будет человек. Нужны светлые мысли и реальные конкретные дела. Только объединением сотрудников, мыслящих о высоком, сложатся пути в будущее, — писал С. Н. Рерих. — Одним из таких объединений и видится мне Центр-музей Н. К. Рериха».

История создания Международного Центра Рерихов так же непроста, как непрост был путь семьи Рерихов, как непрост путь всех тех, кто несет человечеству новое знание — то знание, которое расширяет сознание человека, разрушает сложившиеся стереотипы и расчищает человеку дорогу к вершинам его эволюции.

Впервые предложение создать в России музей имени Н. К. Рериха было высказано в 1957 году Ю. Н. Рерихом — старшим братом С. Н. Рериха, всемирно известным ученым-востоковедом. Вернувшись на Родину, Юрий Николаевич обратился в Министерство культуры СССР с предложением создать музей имени Н. К. Рериха, куда бы он мог передать привезенную из Индии часть наследия

своей семьи — и получил согласие. Но обещания властей так и не были выполнены. А после внезапной смерти Ю. Н. Рериха в мае 1960 года к распоряжению наследием, которое осталось в его московской квартире, были допущены лица, не имеющие к нему никакого отношения и начавшие его незаконную распродажу. Многочисленные обращения С. Н. Рериха к руководству страны и в Министерство культуры с просьбой воспрепятствовать расхищению бесценных сокровищ культуры и организовать их музейно-научное использование не принесли положительного результата.

После смерти Юрия Николаевича в 1960 году Святослав Николаевич остался единственным хранителем наследия Рерихов, и проблема передачи на Родину второй части наследия родителей волновала его в течение многих лет. Особенно его тревожила судьба архива Елены Ивановны, который в услови-

ях тоталитарного государства мог оказаться под угрозой гибели. И только с началом перестройки Святослав Николаевич почувствовал, что настало время, когда он может передать духовное наследие родителей в Россию.

В мае 1987 года, в ходе его встречи в Кремле с Генеральным Секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачевым, идея создания в Москве Центра-музея имени Н. К. Рериха получила поддержку. В 1989 году в письме «Медлить нельзя!» С. Н. Рерих изложил концепцию создания и развития центра-музея. Святослав Николаевич подчеркивал, что музей должен иметь статус независимой общественной организации. Это должен быть не просто музей, а живой центр, в котором будут проводиться выставки, работать студии, мастерские, лекционный зал, библиотека, осуществляться научная деятельность. «Фонд имени Рериха и обеспечиваемый им Центр-музей смогли бы содействовать решению важнейших задач как внутри страны, так и в международном плане, — писал С. Н. Рерих. — Это явилось бы толчком для других стран и закрепило бы

за Советским Союзом роль первооткрывателя нового вселенского мышления».

Осенью того же года вышло постановление Совмина СССР «О Советском фонде Рерихов и Центре-музее имени Н. К. Рериха». Тогда же Святослав Николаевич в последний раз посетил нашу страну для решения вопросов, связанных с организацией фонда. Он встретился с руководителем Советского государства М. С. Горбачевым и его супругой Р. М. Горбачевой, а также с заместителем

министра иностранных дел СССР Ю. М. Воронцовым; принял участие в заседании бюро правления Советского фонда Рерихов (СФР). Уезжая, Святослав Николаевич пригласил в Бангалор Л. В. Шапошникову, вице-председателя СФР и свое доверенное лицо, для того чтобы подготовить наследие к вывозу в СССР.

Вопрос о том, кому можно доверить бесценное наследие своих родителей, всегда был чрезвычайно важным для Святослава Николаевича. «Главное, хотелось бы все передать в надежные руки, а где они? — писал он в одном из писем биографу Рерихов П. Ф. Беликову. — Конечно, есть преданные друзья и работники, но их мало очень. Мало таких, кто был бы и знающим, ответственным сотрудником и мог бы вести дело по правильному Пути. Мало таких, кто сочетал бы реальность с внутренним устремлением — Служением. А без этого трудно мыслить о каком-то Продвижении».

В письме «Медлить нельзя!» С. Н. Рерих определяет кандидатуру будущего руководителя Центра-музея: «Я со своей стороны не вижу лучшей кандидатуры, чем Людмила Васильевна Шапошникова, индолог и писатель,

человек деловой, давно занимающийся этими проблемами и мне лично давно и хорошо известный».

Л. В. Шапошникова стала генеральным директором Музея имени Н. К. Рериха и духовным преемником Святослава Николаевича, его близким помощником и соратником, верным хранителем наследия, последовательно и неуклонно исполняющим волю дарителя.

В марте 1990 года С. Н. Рерих оформил дарственную на передачу наследия Н. К. и Е. И. Рерихов Советскому фонду Рерихов. В мае 1990 г., несмотря на многочисленные препятствия со стороны некоторых структур власти, не желающих, чтобы богатейшее наследие оказалось в руках общественной организации, уникальный груз специальным рейсом самолета, предоставленным правительством СССР, прибыл в Москву. Большую помощь Л. В. Шапошниковой в организации вывоза наследия оказал дипломат Ю. М. Воронцов — один из главных участников создания Музея имени Н. К. Рериха. В то время он занимал должность первого заместителя Министра иностранных дел СССР. В 1999 году Чрезвычайный и Полномочный Посол Юлий Михайлович Воронцов будет избран президентом Международного центра Рерихов и останется на этом посту вплоть до своего ухода из жизни в 2007 году, поддерживая МЦР в борьбе за сохранность наследия Рерихов и помогая центру успешно решать многие сложные вопросы.

Доставленные из Индии в Москву сотни первоклассных полотен Н. К. Рериха, огромный архив планетарного значения, основу которого

составляют рукописи Е. И. Рерих, библиотека, содержащая бесценные и редчайшие шедевры мировой мысли, драгоценные реликвии, личные вещи Рерихов — все это бесценное наследие должно было стать содержанием будущего общественного музея. Мосгорисполком предоставил под музей усадьбу Лопухиных в центре Москвы (Малый Знаменский пер., 3/5). «Я сам выбрал для будущего Центра-музея Николая Константиновича бывший особняк княгини Лопухиной возле Пушкинского музея на Волхонке, — говорил Святослав Николаевич. — Это прекрасный уголок старой Москвы, где атмосфера проникнута духовностью и красотой».

В сентябре 1991 года в связи с начавшимся распадом СССР, по инициативе С. Н. Рериха, Советский фонд Рерихов был преобразован в Международный центр Рерихов. В октябре 1992 года С. Н. Рерих юридически подтвердил права МЦР на все переданное им Советскому фонду Рерихов наследие. «Создание Международного центра Рерихов, — писал Святослав Николаевич в апреле 1992 года в «Обращении к Рериховским обществам России и других независимых

государств», — способствует нравственному возрождению народа, широкому сотрудничеству между различными нациями, а также собранию и исследованию богатейшего наследия семьи Рерихов». В этом же обращении Святослав Николаевич подтвердил полномочия Л. В. Шапошниковой как вице-президента Центра, директора музея и своего доверенного лица по хранению и использованию наследия Н. К. и Е. И. Рерихов.

Многие препятствия пришлось преодолеть Международному центру Рерихов на пути к созданию музея, завещанному младшим сыном Рерихов. Святослав Николаевич постоянно, до последних дней жизни, оказывал поддержку МЦР, писал письма в его защиту. В апреле 1992 года он отправил письмо Президенту России Б. Н. Ельцину. «В 1990 году я вместе с остальным наследием, — писал С. Н. Рерих, — передал центру большую выставку картин моего отца и моих собственных (286) полотен, которая долго находилась в ведении Министерства культуры СССР. Теперь эту выставку незаконно удерживает Музей искусства народов Востока. Очень прошу Вас содействовать передаче ее Международному центру Рерихов».

Речь в письме шла о коллекции картин, которые были привезены С. Н. Рерихом в Советский Союз еще в 1974 году в связи со столетним юбилеем Н. К. Рериха и переданы им на хранение Министерству культуры. Святослав Николаевич включил их в дарственную, завещающую коллекцию МЦР. Последняя воля нашего великого соотечественника до сих пор остается невыполненной.

Святослав Николаевич Рерих ушел из жизни 30 января 1993 года. 12 февраля 1993 года, в день рождения Елены Ивановны Рерих, открылась первая экспозиция общественного музея имени Н. К. Рериха. Она разместилась в пяти отремонтированных комнатах флигеля усадьбы Лопухиных.

В октябре 1994 года состоялось второе открытие Музея, на этот раз в пяти отремонтированных залах первого этажа главного здания усадьбы.

9 октября 1997 года культурная общественность столицы стала свидетелем третьего торжественного открытия музея, приуроченного ко дню рождения Николая Константиновича Рериха. Оно состоялось вопреки всем сложностям — и тем, что возникали естественно в силу внутрисполитических событий в стране, и тем, что искусственно создавались определенными

кругами вокруг Международного центра Рерихов. Под руководством Л. В. Шапошниковой, в тяжелейших условиях, без привлечения бюджетных средств, при широкой поддержке общественности и на деньги, заработанные МЦР проведением передвижных выставок, экскурсий, лекций и издательской деятельностью, был поднят из руин памятник архитектуры XVII–XIX веков усадьба Лопухиных. В

усадьбе разместился Музей имени Н. К. Рериха Международного центра Рерихов, в котором, в соответствии с концепцией С. Н. Рериха, успешно развивается и функционирует научно-просветительский и художественный центр. В 1999 году перед зданием музея был возведен Мемориал Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов, а через несколько лет, в 2004 году, создана скульптурная композиция, посвященная Юрию Николаевичу и Святославу Николаевичу Рерихам.

Неоценимую помощь в возрождении усадьбы и в создании музея оказал крупнейший меценат современной России Борис Ильич Булочник, человек, благодаря бескорыстной помощи которого музей приобрел свой неповторимый вид и развернул широкую культурно-просветительскую деятельность. Б. И. Булочник, наряду со С. Н. Рерихом, Л. В. Шапошниковой и Ю. М. Воронцовым, является основателем Музея имени Н. К. Рериха.

Сегодня Международный центр Рерихов, созданный по инициативе С. Н. Рериха, — это:

- общественный Музей имени Н. К. Рериха, обладающий крупнейшим в мире собранием художественных произведений семьи Рерихов и ведущий широкую культурно-просветительскую деятельность;

- отдел рукописей и научная библиотека, занимающиеся систематизацией, исследованием и популяризацией уникального архива и мемориальной библиотеки семьи Рерихов;

- Объединенный научный центр проблем космического мышления (ОНЦКМ), главной задачей которого является осмысление творческого наследия Рерихов и его основы — философской системы Живой Этики и введение идей этого наследия в научный оборот;

- публикаторский отдел и редакция журнала «Культура и время», осуществляющие широкую издательскую деятельность;

- международный отдел, главной задачей которого является сохранение и популяризация наследия Рерихов за рубежом.

Международный центр Рерихов ежегодно организует международные научно-общественные конференции. В рамках сотрудничества с Международным мемориальным трестом Рерихов (Наггар, Индия) МЦР проводит работу, направленную на создание в гималайском имении Рерихов музейного и научного центра мирового уровня. Совместно с Международным комитетом по сохранению наследия Рерихов проводит международный культурно-просветительский выставочный проект, направленный на популяризацию мировоззренческих идей Н. К. Рериха.

Международный центр Рерихов является ассоциированным членом Департамента общественной информации ООН, коллективным членом Международного совета музеев (ИКОМ), членом Всеевропейской федерации по культурному наследию EUROPA NOSTRA, ассоциированным членом Международной организации национальных трестов. В 2014 году МЦР получил специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС).

Международный центр Рерихов имеет свои отделения в Санкт-Петербурге и Крыму, в Беларуси, Украине и Латвии, а также филиал в Болгарии.

Общественный Музей имени Н. К. Рериха — второй в мире музей, созданный непосредственно членом семьи наших великих соотечественников (первый музей был создан Н. К. и Е. И. Рерихами в Нью-Йорке в 1923 г.). Основой музея стало переданное Святославом Николаевичем Рерихом в Россию бесценное наследие Е. И. и Н. К. Рерихов.

Экспозиция музея отражает ключевые этапы жизненного и творческого пути Рерихов, образно раскрывает глубину их художествен-

но-философского наследия. Жизнь и творчество семьи Рерихов не уместается в привычные для нас рамки. Каждый из членов этой семьи был и художником, и ученым, и философом, и общественным деятелем. В основе всей их жизни и творчества лежали идеи Живой Этики — философии Космической Реальности, раскрывающей суть взаимодействия человека с Космосом, указывающей направление его космической эволюции и пути ее достижения. Она была создана Рерихами, и в первую очередь Еленой Ивановной, в сотрудничестве с Великими индийскими Учителями. В залах музея посетителей встречает мир удивительной красоты и высоких прозрений, запечатленный в картинах Н.К. Рериха, которые сам художник называл «художественным комментарием» к Живой Этике. Картины Н. К. Рериха являются основой музейной экспозиции.

Помимо произведений Николая Константиновича в музее представлены живописные полотна Святослава Николаевича Рериха, рисунки Елены Ивановны и Юрия Николаевича, фотографии, документы и рукописи из семейного архива, редкие коллекции восточного искусства, реликвии, книги, личные вещи. По ним можно проследить хронологию жизни и творчества Рерихов, они рассказывают об основных событиях каждого конкретного периода. Помимо этого, они несут в себе целый пласт знаний о времени, в котором жили Рерихи, об истории и культуре тех стран и народов, через которые прошел их путь.

Своеобразным эпиграфом к основной экспозиции Музея является *Вводный зал*, овальное пространство которого

оформлено в сине-золотых тонах. В зале находятся картины современной художницы Нины Волковой, их символические сюжеты перекликаются с идеями космической философии Рерихов и отражают основные этапы духовно-культурной эволюции человечества.

О начале жизненного и творческого пути Рерихов рассказывает *Петербургский зал*. В Петербурге было заложено и осмыслено все то, что впоследствии раскрылось в творческой деятельности Н. К. Рериха. Археология и история, живопись и Восток — эти интересы, проявившиеся уже в детстве, поведут его по жизненному пути. В 1899 году Николай Константинович встретил Е. И. Шапошникову, которая стала его женой. В 1902 году у супругов появился сын Юрий, в 1904-м — Святослав. Так возникла та уникальная семья Рерихов — семья общих интересов и единых творческих устремлений, которая сыграла важную роль в русской и мировой культуре.

Образ России в творчестве Н. К. Рериха раскрывается в экспозиции *Русского зала*. Картины серии «Санкта» («Святые»), полотна «Святой Сергей», «Сам Вышел», «Земля Славянская», «Пасхальная ночь» созданы художником в разные годы и в разных стра-

нах мира. Но все они посвящены России и проникнуты высоким чувством любви к Родине, к ее истории и культуре. «Всегда во всех наших путешествиях, во всех наших долгих скитаниях по всему миру мы никогда не переставали думать о России — нашей Родине, — напишет позже С. Н. Рерих. — Николай Константинович работал для той новой жизни, которая создается на Родине. Он нес свой призыв по всему миру, вкладывая в него свою глубокую любовь к Родине».

Зал Живой Этики является сердцем Музея имени Н. К. Рериха. В его экспозиции заключена глубокая мысль о единстве человека, планеты и Космоса. «Нет такого знания, которое не утверждало бы великую связь миров, — сказано в Живой Этике. — Нет таких путей, которые не вели бы к Высшему Миру». Сияющие полотна Н. К. Рериха, яркие фотографии Космоса, картины и скульптуры современных авторов, свет и музыка слились в красочном пространстве зала в едином органичном синтезе, знакомя посетителей с эволюционными идеями Живой Этики.

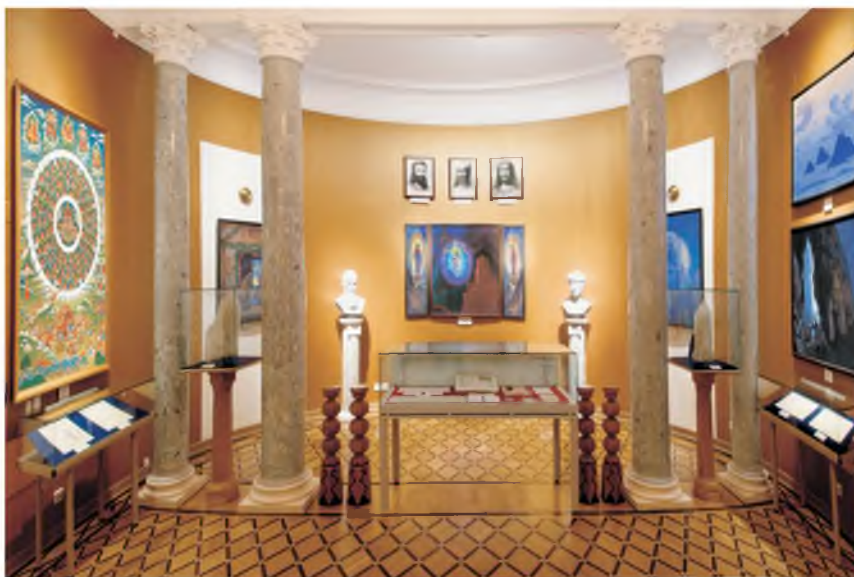
Уникальные экспонаты легли в основу экспозиции *зала Учителей*. Картины Н. К. Рериха серии «Его Страна» и триптих «Да здравствует Король!» обращают нас к образу Великого Учителя, одного из Тех, кого на Востоке называют Махатмы — Великие Души. В сотрудничестве с Учителем Еленой Ивановной Рерих были записаны тексты философского Учения Живой Этики. В экспозиции зала представлены подарки Учителя Елене Ивановне: рукопись XVI века «Шахнаме» поэта А. Фирдоуси, сердоликовые птички в оправе из серебра, старинное кольцо египетской царицы Нефертити.

Центрально-Азиатская экспедиция (1924-1928) стала одним из важнейших свершений в жизни Николая Константиновича и Елены Ивановны. В зале Центрально-Азиатской экспедиции можно проследить путь экспедицион-

ного каравана Рерихов, узнать о событиях на маршруте, увидеть уникальную археологическую коллекцию, собранную участниками экспедиции в Тибете, и запечатленные на картинах Рериха сияющие вершины Гималаев.

Зал Куллу рассказывает о жизни Рерихов в гималайской долине, куда Рерихи приехали после Центрально-Азиатской экспедиции и где они прожили около 20 лет. Почувствовать красоту священной долины и познакомиться с ее древнейшими традициями помогают картины Н. К. и С. Н. Рерихов и красочный фриз, выполненный на основе фотографий Л. В. Шапошниковой. В зале можно увидеть образцы традиционного искусства Куллу из коллекции Рерихов, а также их личные вещи. Здесь, в долине Куллу, Рерихами было создано уникальное научное учреждение — Институт гималайских исследований «Урусвати», что в переводе с санскрита означает «Свет утренней звезды». Директором института стал Ю. Н. Рерих.

В 2012 году, к 110-летию со дня рождения Юрия Николаевича, в Музее был открыт новый зал — *зал Ю. Н. Рериха* — крупнейшего востоковеда, лингвиста, энциклопедиста XX-го века. Экспонируемые в зале фотографии, документы, детские и юношеские рисунки, книги и личные вещи отражают многогранность творческих интересов Юрия Николаевича и помогают воссоздать его целостный образ — образ вдохновенного ученого, мыслителя, путешественника.

Экспонаты *зала Знамени Мира* рассказывают об истории подписания в 1935 г. первого международного договора «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников», известного в мире как Пакт Рериха. Отличительным флагом Пакта стало Знамя Мира — на белом полотнище три красных круга в окружности, знаменующие Прошлое, Настоящее и Будущее в едином пространстве Вечности и символизирующие

космический закон культурной преемственности.

С. Н. Рериху — младшему сыну Е. И. и Н. К. Рерихов, великому художнику, мыслителю и общественному деятелю посвящен *зал Святослава Рериха*. Представленные в зале картины художника поражают чистотой и глубокой мудростью, они пробуждают надежду и радость, несут людям любовь и красоту. «Поиски Красоты, — говорил Святослав Николаевич, — это то, что сблизит людей и спасет мир. Нужно в трудные моменты жизни мыслить о красоте».

Многогранный мир Рерихов отражен в экспозиции Музея. Использование в оформлении залов произведений современных художников и скульпторов, применение таких музейных средств, как цвет, звук и свет, позволяют выявить глубинные смыслы мемориальных предметов, усиливают их звучание и создают неповторимое одухотворенное музейное пространство, в котором объединяются два

мира — внешний материальный и внутренний духовный. Принесенное Рерихами в мир Знание, облеченное в форму искусства, становится мощным фактором духовного преобразования.

Неуклонно выполняя завет С. Н. Рериха, Музей имени Н. К. Рериха твердо стоит на страже **сохранения единства и целостности наследия Рерихов**. Музейная коллекция не только бережно хранится, но, благодаря меценатам и общественности, ежегодно пополняется новыми картинами, документами, мемориальными предметами.

Так, музейное собрание художественных произведений Н. К. Рериха и всех членов семьи Рерихов на сегодняшний день является крупнейшим в мире — 915 единиц. Самые значимые полотна — их более 140 — представлены в экспозиции музея. Среди них картины серии «Санкта», «Знамена Востока», «Его Страна» Н. К. Рериха, знаменитый портрет «Н. К. Рерих в тибетском одеянии» работы С. Н. Рериха и многие другие известные картины, приобретенные и подаренные музею меценатами, в первую очередь Б. И. Булочником и его семьей.

Постоянно пополняется и **фонд мемориально-вещевых коллекций** музея. Открытие нового зала, посвященного Юрию Николаевичу Рериху, стало возможным благодаря многолетним усилиям директора музея Л. В. Шапошниковой и мецената Б. И. Булочника по спасению гибнущего наследия Ю. Н. Рериха. Вещи ученого из его многострадальной разграбленной квартиры на Ленинском проспекте, приобретенные на аукционах и у частных владельцев меце-

натов музея, составили экспозицию зала: скульптура и тханка Майтрейи, привезенные Ю. Н. Рерихом из Индии, корреспонденция и документы на разных языках, отражающие научную деятельность Юрия Николаевича, его военное и походное снаряжение. Многие кожаные экспедиционные вещи: седло и другие предметы конской сбруи, патронташ, кобура, походные сумки — были отреставрированы специально к открытию зала.

Реставрационная деятельность — одно из важнейших направлений деятельности музея. Музей сотрудничает с реставраторами крупнейших музеев и реставрационных центров Москвы. Среди отреставрированных картин — большое полотно Н. К. Рериха «Варяжское море», картины «Последние Атланты», «Нейшлот», а также живописные произведения С. Н. Рериха. В свое время 65 работ художника, привезенные из Индии, находились в плачевном состоянии. Потребовались большой труд и не один год работы реставраторов для воссоздания этих полотен. Вторую жизнь обрели такие картины, как «Христос с учениками», «Портрет Карма Дордже», два автопортрета, «Портрет Асгари Кадир».

Особо следует выделить реставрацию «Портрета Е. И. Рерих», высокую оценку которому когда-то дал Николай Константинович: «...Святослав написал превосходнейший портрет Елены Ивановны. И по краскам, и по передаче сходства и духовного устремления портрет, написанный Святославом, является удачайшим произведением». Портрет поступил в музей в крайне тяжелом, аварийном состоянии сохранности. В результате трехлетнего напряженного труда реставратора прекрасный портрет Елены Ивановны был возвращен к жизни и находится в настоящее время в экспозиции зала Учителей.

В музее ведется **работа по созданию всех необходимых условий для хранения бесценных коллекций**. Она осложняется тем, что музей находится не в специально построенном здании, а в старинном особняке — памятнике истории и культуры, изначально не приспособленном под нужды музея. По специальному заказу для музея изготовлено климатическое оборудование, установленное в экспозиционных залах и в фондохранилище, разработана система климат-контроля, позволяющая быстро и своевременно реагировать на колебания температуры и влажности, к которым особенно чувствительны произведения живописи. В экспозиционных залах установлено современное светодиодное освещение, позволившее создать безопасный световой режим для картин и других предметов искусства. Для фондохранилища в одной из лучших немецких музейных фирм приобретено специально подобранное и изготовленное оборудование; установлена современнейшая система пожаротушения.

Музей проводит широкую **научно-исследовательскую деятельность** по изучению музейных предметов и коллекций. В 2009—2011 гг. был издан первый научный Каталог музея имени Н. К. Рериха «Живопись и рису-

нок. Николай Рерих. Святослав Рерих. Юрий Рерих. Елена Рерих» в 2-х томах. Издание содержит подробные сведения и научные комментарии о живописных произведениях и рисунках всех членов семьи Рерихов.

Особое внимание музей уделяет **культурно-просветительской работе**. В залах музея проводятся обзорные и тематические экскурсии для взрослых и детей разных возрастных групп, устраиваются лекции и поэтические встречи. Многочисленных посетителей привлекают музыкальные вечера в зале Святослава Рериха. Здесь выступали такие известные музыканты, как Владимир Крайнев, Николай Петров, Александр Гиндин, Мария Гамбарян, Маргирита Федорова, а также многочисленные гости из разных стран мира. Картины Святослава Николаевича Рериха, прекрасный рояль фирмы «Steinway&Sons» и замечательная акустика зала создают особую, незабываемую атмосферу этих вечеров.

Музей сотрудничает со многими детскими благотворительными организациями и фондами, такими как Международный благотворительный фонд Владимира Спивакова, Фонд «Новые имена», а также с Центральной музыкальной школой при Московской консерватории имени П. И. Чайковского и Московской средней специальной музыкальной школой имени Гнесиных, учащиеся и выпускники которых являются постоянными участниками концертов в музее.

В стенах музея ежегодно проводятся **выставки детских рисунков** — победителей Всероссийского конкурса детского художественного творчества «Объединенные Космосом». Выставки организуются в сотрудничестве с благотворительным фондом «Взгляд ребенка» и Российским центром подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

Доброй традицией в музее стало проведение ежегодных **фестивалей «Россия — Индия — Тибет»**. В дни фестиваля посетители музея имеют возможность прикоснуться к уди-

вительному буддийскому ритуалу построения песочной мандалы, услышать мультифоническое пение буддийских монахов и увидеть ритуальные танцы, послушать лекции и посмотреть фильмы на тему тибетской и индийской культуры и философии. Такие фестивали служат взаимообогащению культур и установлению сердечных связей между нашими народами.

В 2007 году Музей принял участие в **международном проекте «Майтрейя»**, организованным ламой Сопа Ринпоче, учеником Его Святейшества Далай-ламы. В течение нескольких дней посетители музея имели уникальную возможность увидеть древние буддийские святыни — реликвии великих Учителей прошлого: Будды Шакьямуни, Ананды, Миларепы, Нагарджуны, Цзонкапы. Эта поистине редкая и бесценная коллекция вызвала огромный интерес и внимание.

С 1998 года музей регулярно проводит в свои залы **выставки произведений художников-космистов** из России и других стран: Белоруссии, Украины, Киргизии, Армении, Англии, Америки. Среди художников такие имена, как Александр Маранов, Олег Высоцкий, Юрий Кузнецов, Лола Лонли, Игорь Анциферов, Ю. Ушков, Феодосия и многие другие... Их творчество — это попытка сказать о небесном земным языком. Они очень разные и по мастерству, и по духовной наполненности, но их объединяет безграничная любовь к Красоте и тонкое ощущение Иногобытия, свет и гармонию которого несут они в наш мир. Картины, подаренные художниками музею в разные годы, составили основу уникальной коллекции произведений художников-космистов в собрании музея.

Значимым событием в культурной жизни Москвы являются **выставки произведений Н. К. и С. Н. Рерихов из частных коллекций**, которые организует музей. Они не только позволяют посетителям увидеть малоизвестные

работы великих художников, но и дают возможность ввести эти произведения в научный оборот.

Неподдельный интерес вызывают **тематические выставки**, посвященные памятным датам и событиям, связанным с жизнью и творчеством семьи Рерихов. Подготовленные и впервые представленные посетителям в музее выставки затем продолжают свой путь по городам и странам. Темы и идеи, затрагиваемые ими, никого не оставляют равнодушными, так как мысли и труды Рерихов в современном мире вызывают огромный интерес и становятся все более и более востребованными.

«Неутомимыми вестниками Культуры» называл Н. К. Рерих **передвижные художественные выставки**. Первую выставку картин Н. К. Рериха музей организовал уже в марте 1991 года в выставочном зале Союза художников в Москве. С тех пор передвижные выставки Музея имени Н. К. Рериха несут искусство в самые отдаленные уголки России, в разные города и страны. К 2014 году было организовано более 500 выставок картин Н. К. и С. Н. Рерихов из фондов музея. Жители более чем 250 городов России, ближнего и дальнего зарубежья, в том числе Украины, Беларуси, Индии, Америки, Швеции, Монголии, имели возможность познакомиться с творчеством Николая Константиновича Рериха и его сына Святослава Николаевича и ощутить то «таинственное касание надземного», ту энергетику истинной Красоты, которые несут в себе полотна великих художников.

Научно-исследовательская работа по изучению рукописного и печатного фонда семьи Рерихов, переданного С. Н. Рерихом в составе наследия своих родителей, является одним из ведущих направлений деятельности Международного центра Рерихов и проводится отделом рукописей МЦР

Богатейший архив отражает жизнь и многогранную деятельность Рерихов в период с конца XIX до 90-х годов XX века. В основном это труды Н. К. Рериха, посвященные проблемам культуры и эволюции человечества; дневники Е. И. Рерих и рукописные тексты Живой Этики, созданной Еленой Ивановной в сотрудничестве с Махатмами, Мудрецами Востока. Это научные труды Юрия Николаевича Рериха, посвященные вопросам филологии, истории, археологии и этнографии, а также статьи Святослава Николаевича по культуре, искусству Индии и др.

Большой раздел представляют подлинные биографические документы Рерихов, а также документы, в которых отражена их общественная и научно-организационная деятельность по разработке и продвижению Пакта Рериха, созданию Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, Гималайского института научных исследований «Урусвати» в Куллу. Значительный интерес представляют документы, посвященные Центрально-Азиатской и Маньчжурской экспедициям.

Эпистолярное наследие охватывает переписку членов семьи между собой, с родственниками, а также деятелями науки и культуры разных стран, среди которых президент США Ф. Рузвельт, премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, президент Чехословакии Ян Масарик, писатели Морис Метерлинк и Леонид Андреев, историк Георгий Вернадский и другие выдающиеся люди того времени.

Фотодокументы представлены фотографиями членов семьи и родственников, сотрудников Музея Рериха в Нью-Йорке, представителей рериховских обществ разных стран, а также фотографиями, сделанными во время экспедиций.

Кроме того, в архиве находятся вырезки из различных печатных изданий России, Америки, Франции, Индии, Китая и других стран, в которых отражены разнообразные аспекты

творческой, научной и культурной деятельности Рерихов, а также научные, политические, общественные вопросы, представлявшие для них интерес.

Фонд отдела рукописей постоянно пополняется, в МЦР поступают архивы частных лиц и документы из ряда государственных учреждений. Так, в период с 1995 по 2002 годы в отдел рукописей были переданы документы из Министерства иностранных дел РФ, Службы внешней разведки, Института востоковедения РАН. Кроме того, в отделе хранятся ксерокопии документов о семье Рерихов из государственных архивов. В настоящее время общий объем документов в фондах насчитывает около 13 тыс. единиц хранения.

Для хранения архивных фондов было подготовлено специальное помещение и приобретено современное оборудование, позволяющее соблюдать все необходимые условия хранения. Сотрудниками отдела проводится научная работа по систематизации и исследованию архивов. Документы переводятся на современные электронные носители. В читальном зале отдела рукописей работают ученые из разных стран мира.

С самого начала своей работы отдел постоянно проводит **подготовку архивных материалов к публикации**. Эта работа проводится в тесном взаимодействии с издательским отделом и научной библиотекой МЦР. Уже в 1992 году были подготовлены к печати работы для Малой рериховской библиотеки, состоявшие из не публиковавшихся ранее записей, писем и статей Е. И. Рерих и писем Ю. Н. Рериха. В дальнейшем сотрудники отдела рукописей осуществляли подготовку к печати очерков и философских эссе Н. К. Рериха «Листы дневника», двухтомных изданий писем Ю. Н. Рериха и С. Н. Рериха, участвовали в подготовке к публикации полного собрания писем Е. И. Рерих.

Мемориальная библиотека семьи Рерихов, переданная С. Н. Рерихом в составе наследия своей семьи, стала основой **Научной библиотеки МЦР**. Фонд мемориальной библиотеки составляет более 4000 единиц хранения. В него входят редкие книги и журналы на русском и иностранных языках, принадлежавшие Рерихам, в том числе Учение Живой Этики на русском, английском, французском, немецком, итальянском и др. языках. Особую ценность для ученых и искусствоведов представляют сохранившиеся книги с автографами и подписями дарителей.

Созданию библиотеки Святослав Николаевич уделял особое внимание. Так, излагая в своем письме «Медлитель нельзя!» концепцию Центра-музея имени Н. К. Рериха, он писал: «Несомненно, при Центре должна работать большая библиотека, где будут собраны книги по истории культуры, по искусству, философии России, Востока и Запада, в том числе, конечно, и работы Николая Константиновича и Елены Ивановны».

Научная библиотека МЦР, фонд которой на 2014 г. составляет 23 000 печатных изданий, является незаменимым научно-просветительским ресурсом для изучения и популяризации литературного наследия и философских трудов семьи Рерихов.

Удобный для работы читальный зал с открытым доступом к справочной литературе дает возможность ознакомиться с редчайшими изданиями по многим научным направлениям:

- работы членов семьи Рерихов и литература об их жизни и деятельности, издания Учения Живой Этики;
- книги по истории, философии, религии, культуре, искусству, литературе России, Индии и других стран;
- книги естественно-научного профиля, в том числе труды К. Э. Циолковского, В. И. Вер-

надского, А. Л. Чижевского, И. Кеплера, труды современных ученых по новейшим открытиям и разработкам в области физики, химии, биологии, космоса, медицины, экологии. При комплектовании литературы особое внимание обращается на темы научно-общественных конференций, ежегодно проводимых в МЦР

Большой вклад в формирование фонда библиотеки вносят частные лица. Так, Кэтрин Кэмпбелл-Стибе, ближайшая сотрудница Е. И. Рерих и бывший вице-президент Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, подарила библиотеке 29 томов «Энциклопедии Британика» (1910—1911 гг.). Около тысячи печатных изданий передала в фонд библиотеки Генеральный директор Музея имени Н. К. Рериха Л. В. Шапошникова. Значительное содействие развитию библиотеки МЦР оказали меценат Борис Ильич Булочник и его семья — жена Надежда Михайловна и сын Александр Борисович. Благодаря их помощи библиотека приобрела ценнейшие издания.

В библиотеке организуются тематические выставки к конференциям, знаменательным и памятным датам, экспонируются интересные и редкие книги из Мемориального фонда. Постоянно действует выставка «Новые поступления», представлен «Уголок книголюбца». На базе библиотеки проходят практику студенты Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова, Университета культуры и искусства и других высших учебных заведений.

Основной задачей **Объединенного научного центра проблем космического мышления (ОНЦКМ)** является осмысление и разработка научно-философского, художественного, эпистолярного и литературного наследия семьи Рерихов и его основы — философской системы Живой Этики — и введение идей этого наследия в научный оборот.

Конец прошедшего и начало нынешнего века ознаменованы новым витком развития такого явления, как космическое мышление, или космизм, формирование которого началось в России более ста лет назад, на рубеже XIX — XX вв., и методологическая основа которого содержится в Живой Этике. В целях осуществления широкой исследовательской работы в русле идей космического мировоззрения уже в 1991 г. в МЦР был создан научный отдел, впоследствии преобразованный в Объединенный научный центр проблем космического мышления. В организации научного центра приняли участие представители Российской академии наук, Российской академии космонавтики имени К. Э. Циолковского, Российской академии образования, Российской академии естественных наук.

ОНЦКМ ставит своей целью объединить представителей естественных и гуманитарных наук, а также западную и восточную мысль вокруг крайне интересной и актуальной задачи всестороннего и целостного познания законов взаимодействия человека и Вселенной, а также изучения человека как неотъемлемой части единой одухотворенной системы Мироздания. На этом пути необходим синтез экспериментальных научных способов познания и метанаучных, т. е. полученных через внушений, духовный мир человека. Осмысление и развитие новой синтетической системы познания, заключенной в философии Живой Этики, является одним из основных направлений деятельности МЦР.

С 1992 года под непосредственным руководством Л. В. Шапошниковой в октябре, в день рождения Н. К. Рериха, в МЦР проводятся ежегодные международные общественно-научные конференции. Они организуются в сотрудничестве с авторитетными научными и культурными учреждениями, известными учеными и деятелями культуры. В них принимают

участие более 400 представителей из многих регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Каждая из конференций поднимает глубокие философские, научные, исторические, искусствоведческие вопросы и является событием в научном мире. В МЦР были проведены такие конференции, как «Космическое мировоззрение — новое мышление XXI века», «Живая Этика как импульс космической эволюции», «Дети нового сознания», «Россия и наследие Рерихов» и многие другие.

Ежемесячно ОНЦКМ организует и проводит в МЦР научный семинар «Проблемы русского космизма», а также семинары по другим темам, которые в целом объединены одной задачей: познание человека и Вселенной. На этих семинарах выступают крупные специалисты, в том числе известные ученые таких областей знания, как философия и космонавтика, история и педагогика и др.

Виды деятельности Объединенного научного центра проблем космического мышления очень разнообразны. Это и широкое сотрудничество по проблемам космизма и актуальным вопросам развития современной науки с институтами РАН, другими российскими и зарубежными научными и культурными организациями. Это консультирование соискателей ученой степени кандидата наук по тематике, связанной с творческим наследием семьи Рерихов и космическим мышлением. Сотрудники ОНЦКМ являются членами Российского философского общества, в котором по их инициативе была основана новая секция «Русский космизм».

Ученые ОНЦКМ участвуют в научных конференциях, семинарах, презентациях и иных мероприятиях в различных городах РФ, странах СНГ и дальнего зарубежья, а также принимают участие в международном выставочном проекте МЦР «Пакт Рериха. История и современность». Одним из основных направлений работы научного центра является возрожде-

ние деятельности Гималайского института научных исследований «Урусвати» в Индии, основанного в свое время Рерихами.

ОНЦКМ организует работу Лектория МЦР, круг тем которого очень широк. Это лекции, посвященные различным аспектам жизни и творчества семьи Рерихов и других выдающихся русских космистов, таких как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Е. П. Блаватская, К. Э. Циолковский, П. А. Флоренский, А. Н. Скрябин, И. А. Ефремов и др. На лекциях освещаются интереснейшие вопросы космологии, астрофизики, истории, искусства, философии. Лекции проводятся с аудиовизуальным сопровождением и демонстрацией результатов исследовательской работы. ОНЦКМ также обеспечивает работу лектория МЦР в Санкт-Петербурге в таком старейшем культурном учреждении страны, как Российская национальная библиотека.

ОНЦКМ готовит к выходу в свет такие серийные издания, как «Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления», «Живая Этика и наука», «Защитим имя и наследие Рерихов», сборники материалов конференций МЦР, а также различные научно-исследовательские работы.

Издание научно-философского, литературного и художественного наследия семьи Рерихов, каждый член которой внес огромный вклад в сокровищницу мировой культуры и науки, является одним из главных направлений деятельности Международного центра Рерихов.

Инициатором организации публикаторского отдела МЦР явилась Л. В. Шапошникова. Первой изданной книгой стал очерк Н. К. Рериха «Шамбала Сияющая», переведенный Людмилой Васильевной с английского языка, а первым проектом — серия «Малая рериховская библиотека». Журналисты сравнивали

выпуски «Малой рериховской» с дореволюционными изданиями просветителя И. Д. Сытина, что являлось своего рода знаком качества.

В 1994 году вышла первая книга из серии «Большая рериховская библиотека» — «Шамбала» Н. К. Рериха, собравшая легенды, мифы, рассказы о Заповедной Стране, обители великих мудрецов, тема которой проходит через все литературное и художественное творчество Н. К. Рериха. Позднее в этой серии были изданы и другие значительные труды Рерихов.

За время издательской деятельности публикаторским отделом было выпущено около 300 наименований книг и изобразительной продукции общим тиражом более 500 тысяч экземпляров. Среди них трехтомник очерков Н. К. Рериха «Листы дневника», полное собрание писем Е. И. Рерих, С. Н. Рериха и Ю. Н. Рериха из Отдела рукописей МЦР, «История Средней Азии» Ю. Н. Рериха и дру-

гие уникальные архивные материалы. С 2003 года МЦР приступил к выпуску нового научного издания философского Учения Живой Этики. Текст этих книг печатается по первым изданиям на русском языке, выходящим еще при жизни самих Рерихов в 1920—1930-е годы. При подготовке издания проводится сравнительный анализ текста первых изданий и дневниковых записей Е. И. Рерих, хранящихся в отделе рукописей МЦР, на основе которых были собраны и опубликованы эти книги.

Двухтомный каталог картин из собрания Музея имени Н. К. Рериха является первым научным каталогом музея и содержит подробные сведения и комментарии к живописным произведениям и рисункам Н. К., С. Н., Ю. Н. и Е. И. Рерихов. Большая часть этих художественных произведений предстает перед специалистами и широкой публикой впервые, что значительно расширяет сведения о творческой деятельности всех членов семьи Рерихов и дает импульс к ее дальнейшему исследованию.

Центр Рерихов выпускает широкий ассортимент изобразительной продукции: полный и краткий путеводитель по залам Музея имени Н. К. Рериха, альбомы современных художников-космистов, открытки, календари, постеры, которые знакомят любителей искусства с коллекцией Музея имени Н. К. Рериха и собраниями полотен Рерихов в различных музеях мира.

Помимо работы с наследием Рерихов, регулярно издаются материалы ежегодных международных научно-общественных конференций, проходящих в музее, труды ученых, исследующих новое космическое мышление и применяющих в своих работах новую методологию, содержащуюся в философской системе Живой Этики.

Особое место среди изданий занимают труды Генерального директора Центра-музея

имени Н. К. Рериха, известного ученого, писателя, философа и востоковеда Л. В. Шапошниковой, посвященные проблемам нового космического мировоззрения.

В 2002 г. МЦР стал победителем конкурса «Лучшие книги года» и был отмечен Дипломом Правления Ассоциации книгоиздателей России за высокое качество, художественное и полиграфическое исполнение книги Л. В. Шапошниковой «Тернистый путь Красоты» и книги Ю. Н. Рериха «Тибетская живопись».

«Если мы скажем друзьям нашим: «Любите книгу», «Любите книгу всем сердцем вашим и почитайте сокровищем вашим», — писал Н. К. Рерих в своем очерке «Любите книгу», — то в этом древнем завете мы выразим то, что действительно нужно в наши дни, когда ум человеческий обращается так ревностно к поискам о Культуре».

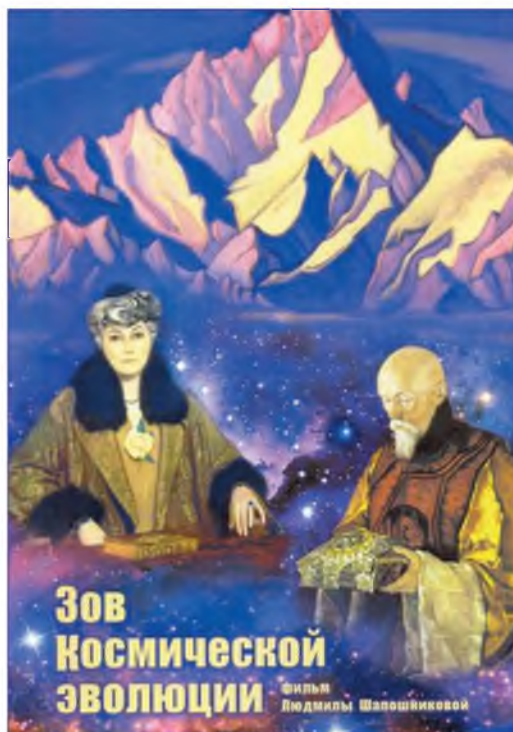
О важнейшей роли Культуры в духовном совершенствовании человека и гармоничном развитии всех сфер общественной жизни рассказывает **художественный и научно-общественный журнал «Культура и время»**, выпускаемый Международным центром Рерихов. В первом номере, вышедшем в 2001 году, в рубрике «От редакции» прозвучало: «Мы начинаем выпускать этот журнал в очень трудное и противоречивое время, когда культура по-прежнему не входит в число приоритетов и не может рассчитывать на государственную помощь. Многие культурные ценности, накопленные в течение долгих веков Россией, остаются до сих пор в забвении и небрежении <...>. Наш журнал призван противостоять подобным обстоятельствам и напомнить широкому кругу читателей о той истинной Культуре, которая составляет основу нашей духовной эволюции, нашего совершенствования и нашего продвижения к высотам обновленного сознания».

За последующие годы существования журнала его создатели и учредители во главе с главным редактором, Генеральным директором Музея имени Н. К. Рериха Л. В. Шапошниковой остались верны концепции, которая была заложена при его создании.

Журнал знакомит читателей с новыми достижениями науки и искусства, с уникальными художественными произведениями и культурными традициями стран Запада и Востока, раскрывая широчайший смысл понятия Культура. Сотрудничество с прогрессивно мыслящими учеными, философами, знатоками искусства и выдающимися деятелями науки и культуры дает журналу возможность публиковать материалы, содержащие ответы на важные философские и концептуальные вопросы, обсуждать на его страницах проблемы становления нового космического мировоззрения.

В каждом номере представлены красочно иллюстрированные материалы о творчестве выдающихся мыслителей, о многогранном и богатом наследии всех членов семьи Рерихов. Тема Красоты была центральной в творчестве этой великой семьи, потому девизом журнала стала пророческая фраза Ф. М. Достоевского «Мир спасет красота». В 2007 году журналу была присуждена премия «Золотой фонд Российской прессы».

Жизни и творчеству великой семьи Рерихов посвящены **документальные фильмы**, выпускаемые Международным центром Рерихов. Фильм **«Время собирать камни»** (2005 г., режиссер В. Шатин), посвященный 70-летию подписания Пакта Рериха, получил статус национального фильма России. Международная презентация этого фильма состоялась в ноябре 2005 г. в городе Брюгге (Бельгия), где в начале 30-х годов прошлого столетия проходили первые конференции в поддержку Пакта Рериха.

Фильм Л. В. Шапошниковой **«Зов Космической эволюции»**, выпущенный МЦР в 2012 году, поистине стал фильмом-открытием. В нем не только раскрывается значение семьи Рерихов для мирового искусства и культуры, но и показана их эволюционная роль в историческом процессе XX столетия. Презентация фильма успешно прошла во многих странах мира.

Главное направление **международной деятельности МЦР** — популяризация и сохранение наследия семьи Рерихов за рубежом. МЦР постоянно сотрудничает с авторитетными международными организациями в области сохранения мирового культурного наследия, такими как Международный совет музеев (ICOM), Международная организация национальных трастов, Всеевропейская федерация по культурному наследию EUROPA NOSTRA, Международный Комитет Красного Креста, Ассоциация Национальных комитетов Голубого Щита и многими другими. Являясь

ассоциированным членом Департамента общественной информации ООН, МЦР регулярно принимает участие во всех мероприятиях, проводимых этой организацией. С 2014 г. МЦР осуществляет сотрудничество с Экономическим и Социальным Советом ООН (ЭКОСОС).

МЦР сотрудничает более чем со 140 рериховскими организациями России, Эстонии, Украины, Беларуси, Кыргызстана, Канады, Молдовы, Чехии, Италии, Узбекистана, Армении, Финляндии, США, Испании, Казахстана, Латвии, Франции, Литвы, Германии, Ливана, Болгарии, Монголии, стран Америки, Евросоюза, Азии. За более чем двадцатилетнее плодотворное сотрудничество были совместно организованы и проведены сотни творческих программ, симпозиумов, форумов, круглых столов, конференций, акций в защиту имени и наследия Рерихов, а также других культурно-просветительских мероприятий.

Совместно с Международным мемориальным трастом Рерихов (Индия) МЦР реализует важный проект по сохранению наследия Рерихов в Наггаре, где усилиями двух организаций создается Международный мемориальный музейный и научный комплекс мирового уровня и проводится работа по возобновлению деятельности созданного Рерихами в 1928 г. Гималайского института научных исследований «Урусвати».

Всю свою жизнь посвятили Рерихи утверждению непреходящего значения Культуры для эволюции человечества и необходимости ее защиты. Одним из самых важных начинаний в этой сфере стал подписанный 15 апреля 1935 г. Пакт Рериха — первый международный договор «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников», автором которого был Н. К. Рерих. В XX веке Пакт не только не потерял свою значимость, но приобретает в мире все большую актуальность. Вооруженные столкновения и

военные конфликты ведут к гибели бесценных сокровищ искусства, масштабы разрушений становятся поистине катастрофическими. Уничтожается Культура, без высокой энергетики которой невозможна жизнь и эволюция человека. Инициативу по распространению идей Пакта и продвижению Знамени Мира принял на себя Международный центр Рерихов.

Выставки МЦР, посвященные непреходящему значению Пакта Рериха, на протяжении ряда лет с успехом прошли в Вашингтоне, Нью-Йорке, Вене, Берлине, Праге, Мадриде, Буэнос-Айресе, Шанхае, Улан-Баторе, Дели.

С 2012 г. Международный центр Рерихов совместно с Международным комитетом по сохранению наследия Рерихов при поддержке Министерства иностранных дел России и ЮНЕСКО проводит **международный культурно-просветительный выставочный проект «Пакт Рериха. История и современность»**, направленный на популяризацию в мире миротворческих идей Николая Рериха. Началом этой программы послужила одноименная выставка, которая прошла в апреле 2012 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже. За два года действия этой программы выставки были проведены во Дворце Мира в Гааге, европейском отделении ООН в Женеве, Берлине, странах Латинской Америки (Аргентине, Уругвае, Чили). В 2014 г. проект стартовал в России при поддержке Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а также начал свое шествие по городам Индии, Кыргызстана, Казахстана, Беларуси. В 2015 г. в день 80-летия Пакта Рериха выставки открылись в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, в Бонне и Беларуси. За четыре года выставка «Пакт Рериха. История и современность» с успехом прошла в 54 городах 17-ти стран мира. Особую популярность она получила на родине Николая Константиновича. В России выставочный проект приняли 117 городов девяти федеральных округов. Предварительные

итоги проведения этого проекта свидетельствуют, насколько востребованны в современном мире миротворческие идеи Николая Рериха, заложенные в Пакте Рериха, — мир на планете Земля возможен только через культуру. Выставка продолжает свое путешествие, и Знамя Мира снова и снова торжественно поднимается в разных уголках земного шара, объединяя людей разных стран и национальностей во имя будущего.

В 2016 году за свою миротворческую многолетнюю деятельность по продвижению идей Пакта Рериха Международный центр Рерихов был выдвинут на Нобелевскую премию мира.

Практической деятельностью Международного центра Рерихов по сохранению памятников культуры является **воссоздание памятника истории и культуры XVII—XIX веков усадьба Лопухиных**. Центр-музей без финансовой поддержки государства вернул жизнь усадьбе, проведя полномасштабную научную реставрацию на основании археологических, архивных и натурных исследований, научного анализа, с соблюдением реставрационных технологий.

Усадьба Лопухиных была передана Международному центру-музею имени Н. К. Рериха в 1989 году. Памятник с более чем трёхсотлетней историей и уникальной архитектурой, объединившей в себе колоритный XVII век, раннее барокко XVIII и строгую классику XVIII — XIX веков, находился в аварийном, а частично и в руинированном состоянии. Многочисленные трещины на стенах и сводах главного дома и флигеля, связанные с проседанием фундаментов, искажённые поздними перепланировками и многочисленными утратами интерьеры, прогнившие деревянные перекрытия, напитанные водой «плачущие» стены глубоких белокаменных подвалов, разрушенная историческая ограда, запущенная грязная территория — вот что представляла собой усадьба в то время.

Распад СССР в 1991 году сопровождался тяжелым финансовым положением в стране. Государственные власти не выполняли своих обещаний по реставрации усадьбы, данных С. Н. Рериху, и бездействовали уже в течение нескольких лет. Уникальный памятник культуры все более ветшал и разрушался. Созда-

Центр-Музей имени Н.К. Рериха.

ние общественного музея находилось под угрозой срыва.

Не дождавшись помощи от государства, Л. В. Шапошникова — первый вице-президент МЦР, Генеральный директор Музея имени Н. К. Рериха, обратилась к гражданам России для сбора средств на воссоздание исторического памятника и создания в нем общественного Музея имени Н. К. Рериха. Стали приезжать волонтеры-добровольцы, начали поступать народные пожертвования и финансовые средства от меценатов. Неоценимую помощь в создании общественного музея оказал меценат Б. И. Булочник. Собственные средства для воссоздания и реставрации усадьбы МЦР зарабатывал проведением экскурсий, лекций, передвижных выставок картин Рерихов и публикацией их трудов из семейного архива.

Для проведения подлинно научной реставрации усадьбы Лопухиных из Центральных научно-реставрационных проектных мастерских Министерства культуры РФ были приглашены профессионалы высшей категории. В процессе работы были отреставрированы фасады и интерьеры XVII — XX веков главного дома и флигеля усадьбы, восстановлены историческая ограда с пилонами парадных ворот первой половины XVIII века и хозяйственная постройка XIX века, благоустроена территория. Продолжаются работы по воссозданию части флигеля и каретного корпуса, утраченных в 1920-х годах.

Доказательством высокого качества реставрации и признанием историко-культурной значимости усадьбы Лопухиных является присуждение авторскому коллективу Национальной премии «Культурное наследие» в номинации «Реставратор» за 2007 год, а также «Благодарность», полученная Л. В. Шапошниковой от министра культуры и массовых коммуникаций. В июне 2010 года Людмила Васильевна стала лауреатом Премии Евросоюза по Куль-

турному наследию EUROPA NOSTRA за самоотверженный труд по сохранению культурного наследия, частью которого является и воссозданная усадьба Лопухиных.

В ноябре 2010 года Департамент культурного наследия города Москвы в числе одиннадцати лучших реставрационных работ Москвы представлял усадьбу Лопухиных на реставрационной выставке «Denkmal 2010» в Лейпциге.

Подвижническая деятельность Л. В. Шапошниковой по сохранению, исследованию и популяризации наследия Рерихов получила высокую оценку государства, российской и международной общественности.

27 ноября 2002 года указом Президента Российской Федерации В. В. Путина Л. В. Шапошниковой было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств Российской Федерации». 27 июля 2006 года она была удостоена ордена Дружбы «За выдающийся вклад в развитие музееведения и сохранение

культурного наследия»; в 2011 году награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени за большой вклад в сохранение культурного наследия, многолетнюю просветительскую и общественную деятельность.

Российская академия естественных наук наградила ее почетным знаком «Рыцарь науки и искусства», Академия горных наук — юбилейной медалью «Академик А. Л. Яншин» за вклад в развитие науки о Земле.

В 2010 году Л. В. Шапошниковой было присвоено звание лауреата премии Всеевропейской федерации по культурному наследию «Европа Ностра» в категории «Самоотверженный труд». За вклад в программу ООН «Культура мира» Людмила Васильевна награждена дипломом Международного гуманитарного фонда «Знание» им. Академика С. И. Вавилова и дипломом ЮНЕСКО.

Одна из малых планет, открытая в 2001 году астрономом Н. С. Черных, в честь Л. В. Шапошниковой названа «Lyudvasilia».

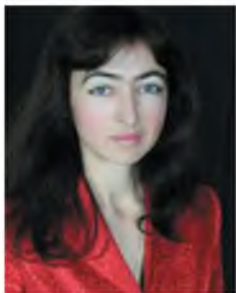
В 2014 году Международному центру Рерихов и его общественному Музею имени Н.К.Рериха исполнилось двадцать пять лет. За это время, несмотря на всевозможные кризисы и социальные напряжения, вопреки всем трудностям и чинимым со стороны некоторых

влиятельных сил препятствиям, деятельность центра была и остается всецело направленной к главным, как писал Н. К. Рерих, «священным основам» жизни — Миру и Культуре.

Большая многогранная работа, сделанная Центром-музеем по ознакомлению российской и международной общественности с творческим и духовным наследием наших великих соотечественников Рерихов, снискала ему высокий авторитет в нашей стране и за рубежом. Научное, философское, художественное наследие семьи Рерихов привлекает тысячи последователей в разных странах, и этот мировой отклик свидетельствует о чрезвычайной актуальности, насущности рериховских идей. Благодаря широкой научной и просветительской деятельности Международного Центра-музея имени Н. К. Рериха происходят перемены в главном — сознании поколений. Философия космической реальности, Живая Этика, новая методология познания входят в жизнь, знаменуя новый этап планетарной эволюции.

*Материал подготовлен
Международным центром Рерихов
в Москве.*

Л. В. Кудряшова,
*председатель Крымского отделения
Международного центра Рерихов,
доктор философии*

«ПОСТЕПЕННО ЭТА КУЛЬТУРА ВХОДИЛА В МЕНЯ...»

Людмила Васильевна Шапошникова (1926—2015) — индолог, историк, философ, писатель, общественный деятель, автор более пятисот печатных трудов, в том числе 35 монографий.

Её жизнь разделилась на две большие части: одна — поиск истока, начала, отправной точки нашей цивилизации, ради которого она совершала увлекательные путешествия; вторая — широкая общественная и научная деятельность, создание уникального Музея Н. К. Рериха. Путь от историка до директора музея

пролегал через духовное пространство двух стран — России и Индии. В этом глубинном внутреннем родстве народов совершалось таинство, священнодействие зарождения и развития нового этапа в эволюции планеты Земля. Общность и преемственность традиций постепенно разворачивались в необыкновенную картину, состоящую из множества малых, но взаимосвязанных сюжетов.

«Нравственные и этические, познавательные и творческие моменты, принесённые из мира высшего состояния материи, сохранялись в течение тысячелетий и постепенно становились практикой и образом жизни» [1, с. 213]. Индия, словно музей под открытым небом, сохранила в традициях, обрядах, искусстве, религии и даже в быту страницы своей непростой истории. Её народ глубоко предан своему прошлому, своим корням. Его жизнь зиждется на глубокой вере. Многочисленные боги и богини наполняют окружающее пространство особым смыслом. Жизнь — это вера, вера — это жизнь. Для индийцев вера и истина — явления космического порядка, на которые никто не может объявить монополию и поставить некоего заместника. Отсюда всё вмещающая веротерпимость. «Индийцы мыслят глубоко, никогда не теряют космических ориентиров и космических закономерностей,

которые они впитывают с молоком матери» [1, с. 215]. Именно космичность сознания является основой самосохранения любой нации, а не обособленность и чувство превосходства. История Индии ярко свидетельствует о том, что открытая система более жизнеспособна.

С самого начала творческого пути судьба связала Людмилу Васильевну с Индией. После окончания Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова она преподавала в родном вузе историю Индии, защитила кандидатскую диссертацию на тему «Борьба рабочего класса Индии за руководящую роль в национально-освободительном движении накануне Второй мировой войны (1934—1939)», около тридцати лет работала на кафедре истории Индии в Институте стран Азии и Африки при МГУ.

В общей сложности Людмила Васильевна прожила в Индии около десяти лет: сначала это была стажировка в Хайдарабадском университете, затем преподавательская деятельность в Мадрасском университете, работа в Мадрасском отделении правительства Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и, конечно, многочисленные путешествия. Это были не просто путешествия. Изучение хорошо знакомых и малодоступных уголков Индии обрело увлекательную литературную форму. Книги Людмилы Шапошниковой быстро приобрели популярность. Тиражи расходились за считанные месяцы. Многие произведения издавались в странах Западной Европы. В 1962 году вышла книга «По Южной Индии», затем «Парава — летучие рыбы» (1967), «Дороги джунглей» (1968), «Тайна племени Голубых гор» (1969), «Годы и дни Мадраса» (1971), «Австралоиды живут в Индии» (1976), «Мы — курги» (1978).

В 1965 году Правительством Индии была учреждена Международная премия имени Джавахарлала Неру за Международное понимание. Номинанту в торжественной обстановке вручали памятную золотую медаль и 2,5 миллиона

рупий. Премию присуждали за выдающийся вклад в развитие взаимопонимания, «доброжелательности и дружбы среди людей мира». Одним из первых её лауреатов в области литературы и искусства стала Людмила Васильевна Шапошникова. Её книги знакомили читателей с малоизвестными племенами Индии. Пытливый ум учёного, литературный дар и прекрасный художественный вкус дали начало новому направлению в отечественной научно-популярной литературе. Увлекательный сюжет излагался прекрасным научно-литературным языком, существующим в неразрывном единстве с богатейшим иллюстративным материалом.

Книги Людмилы Васильевны стали не только кладезем мудрости, но и источником Красоты, поскольку оформлению и иллюстративному материалу уделялось не меньше внимания, чем содержанию. Обладая изысканным художественным вкусом, за годы путешествий она создала большую коллекцию авторских фотографий. Её фотоработы не просто дополняют повествование, они ведут свою особую сюжетную линию, создавая единое целое с текстовой частью. Всё это позволяло в интересной форме познакомить читателя с малоизвестными фактами, философскими размышлениями и метанаучным смыслом хорошо знакомых исторических событий.

Первой из европейских учёных Людмила Васильевна Шапошникова смогла проникнуть в смысл целого ряда древних мистерий, символов, мифов Индии. Путь к этому постижению был простым и сложным одновременно, но единственно верным. Она была исследователем духовного наследия Индии и одновременно учеником, следующим путём постижения духовных высот. Сама Людмила Васильевна об этом процессе писала: «...постепенно эта культура входила в меня, становясь как бы моей частью» [2, с. 116].

Невозможно познать вершины, не поднявшись на них. Живое общение с носителями

культуры, уважение к ним, участие в их повседневной жизни позволили завоевать доверие и прикоснуться российскому индологу к святым святым этой страны. Благодаря тому, что «Индия больше, чем другие страны, сохранила не только культ Учителей, мудрых нагов, но и живую о них память», Людмиле Васильевне удалось ввести в научный оборот священные понятия для индийской культуры: Учитель-гуру, Шамбала, Риши... [2, с. 117]. Изучение в Западных Гималаях культа нагов, загадочных мифических существ, вышло далеко за рамки мифов и Индии. Наги, они же мудрецы, Учителя человечества, связали воедино культуру народов Азии, Африки, Америки, Европы, Австралии. Древние мифы разных стран и континентов выстроились в единую цепь преемственности передачи знаний, единство основ культуры всего человечества. Непонятые и казавшиеся наивными культы древних народов обрели в работах Людмилы Васильевны некогда утерянный смысл. Так Кецалькоатль — пернатый змей ацтеков, змееногие богини древних греков, египетские наги, многоголовый змей Шеша Индии на страницах

книг Людмилы Васильевны предстают перед нами культурными героями, мудрецами, реальными историческими личностями. Единый символ — змеи или змеинового капюшона, пишет она, «есть особый знак победы духа над плотной материей, символ преобразования, признак расширенного сознания, мудрости и владения высокими знаниями» [2, с. 117].

Читая книги Людмилы Васильевны Шапошниковой, понимаешь, что изучение культуры Индии, её философии открывает перед внутренним взором человека иную картину мироздания, в которой нет места распрям и войнам, а есть только одно — стремление преодолеть в себе всё недостойное и низменное, что разделяет нас, сеет вражду и заставляет забыть об истинном смысле жизни человека. Как напутствие для всех тех, кто ещё не открыл для себя свою Индию, звучат её слова: «Грандиозный индийский музей продолжает действовать и творить, напоминая нам о тех, кто принёс знания на планету Земля и передал нам их в той или иной форме, сохранив для нас самую важную традицию Учителства. Принесённые ими знания расширяли наше сознание, инициировали философию и науку, показывали нам смысл искусства и высокого творчества, укрепляли наш духовный кругозор и ступень за ступенью открывали тайны Мироздания и самого человека. Век за веком, капля за каплей проливались на Землю из Космоса, через посредников или напрямую, сокровенные знания, помогавшие нам преодолевать эволюционные восхождения и дававшие нам возможность понять смысл нашей жизни и смысл нашей эволюции» [2, с. 117].

Литература

1. Шапошникова Л. В. Свет и тернии Космического пути планеты Земля. — М.: Международный центр Рерихов, 2015.
2. Шапошникова Л. В. Великое путешествие. Книга третья. Вселенная Мастера. — М.: Международный центр Рерихов, 2005.

В. П. Кашин,
*кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
ученый секретарь Центра
индийских исследований*

РОССИЯ И ИНДИЯ – БЛИЗОСТЬ НАРОДОВ, БЛИЗОСТЬ КУЛЬТУР

В наше непростое время, когда чаша мира переполнена противоречиями, сомнениями и отрицаниями, российско-индийские отношения являются показательным и красноречивым примером масштабного экономического сотрудничества, взаимовыгодного партнёрства, духовного родства народов, притяжения культур и цивилизаций.

Как профессиональный историк, могу с уверенностью подтвердить, что в многолетней истории российско-индийских отношений не зафиксировано ни одного эпизода, омрачающего эти отношения. Между нашими странами никогда не было войны и военных конфликтов. И когда в феврале 1801 года император Павел I поддался уговорам Наполеона Бонапарта и отправил в поход против Британской Индии сорок один полк донских казаков, то дальше Оренбургской губернии они не прошли. После смерти императора Павла I на престол вступил новый император Александр I и приказал казакам вернуться на Дон.

У России и Индии не было и нет территориальных споров, как не было и нет политической конфронтации и экономического соперничества. Более того, дипломатические отношения между нашими странами были установле-

ны 13 апреля 1947 года, за четыре месяца до официального провозглашения Индией своей независимости. С октября 2000 года Россия и Индия являются стратегическими партнёрами, что подтверждается специально подписанным документом.

В сознании россиян Индия была и во многом остаётся страной-мечтой, романтической и сокровенной, влекущей, пленительной и недоступной «восточной красавицей». Когда-то в раскольничьих скитах и далёких монастырях рассказывали о «Белой Индии». Там будто бы все живут долго и счастливо и никто никого не преследует. Эти наивные

суждения получили широкое распространение в обществе; этими образами грезили и в крестьянских избах, и в родовых дворянских имениях. Под впечатлением народных преданий о сказочной Индии и великой «Рамаяны» А. С. Пушкин создал одно из самых замечательных своих произведений — поэму «Руслан и Людмила». А сегодня под влиянием тех же представлений многие россияне пытаются приобщиться к индийской духовности путём занятий йогой, знаменитыми индийскими танцами, благодаря знаменитым индийским кинофильмам.

Наши современники с большим энтузиазмом разыскивают общую прародину славян и индийцев, отыскивают общих богов и верования, выявляют общие слова в языках обоих народов. Кстати, тема эта достаточно сложная, и наука пока здесь не сказала своего весомого слова. Как считает доктор исторических наук, профессор Р. Б. Рыбаков, директор Ин-

ститута востоковедения РАН, существуют сотни совпадающих слов в славянских языках и санскрите (например, двара — дверь, мата — мать, агни — огонь и т. д.), есть сходство в языческих дохристианских обрядах и обрядах иудаизма (например, сожжение умерших), присутствуют, наконец, упоминания в древнейших памятниках индийской литературы «Ведах» («Веды» — отсюда русское «ведать», «знать»), из которых следует, что индоариям были известны арктические созвездия, Ледовитый океан и другие реалии высоких широт. В свою очередь, некоторые индийцы утверждают, что слово «Россия» происходит от имени легендарных мудрецов-риши, создателей священных текстов «Вед» — «Ригведы», «Самаведы», «Яджурведы» и «Атхарваведы».

Таким образом, поскольку русские и индийцы восходят к одному корню, многое в восприятии индийцев и мировоспитании русских является близким и понятным нашим народам. Россиян и индийцев роднят природные миролюбие, открытость, гостеприимство, отзывчивость, широта души, а также такое характерное качество, как приоритет духовных ценностей над материальными благами. Этим глубоко пропитана вся индийская культура, и это основная черта культуры России.

И в Индии, и в России человека всегда оценивали и оценивают по его деяниям с точки зрения их моральной значимости, а отнюдь не с точки зрения материальных выгод и приумноженного личного достатка. Правильна —

Семья Рерихов (долина Кулу, Индия).

праведная жизнь! Отсюда этическая ценность каждого человеческого шага, идея бескорыстного служения другим людям, воплощение в конкретных делах на благо другим своей веры в высшие моральные ценности.

И завершить своё выступление мне бы хотелось словами великого русского мыслителя, учёного и художника Николая Константиновича Рериха, двадцать лет жизни прожившего в Индии. В 1944 году в гималайской долине Кулу он писал: «Тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийский сердца русские... красота заложена в индо-русском магните. Сердце сердцу весть подаёт».

И последнее. Индира Ганди, пожалуй, самый известный в современной России политический деятель Республики Индия, любила слушать русские песни. Однажды она обратилась в посольство Советского Союза с просьбой перевести на английский язык текст особенно полюбившейся ей мелодии. Это была песня «Оренбургский пуховой платок».

Индира Ганди.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Т. Н. Загородникова,
*кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра индийских исследований.*

П. М. Шаститко

ГДЕ В МОСКВЕ ИЗУЧАЮТ ИНДИЮ?

Первым русским индологом был **Герасим Степанович Лебедев** (1749—1817). Талантливый музыкант, он имел большие способности к языкам. Волжанин, как и **Афанасий Никитин**, уроженец Ярославля, Лебедев поехал в Петербург, где сначала пел в церковном хоре, а потом, поразительно быстро и успешно выучив несколько европейских языков, поехал переводчиком с посольством графа А. К. Разумовского в Неаполь.

После завершения работы Герасим испросил разрешения графа поехать в Лондон для усовершенствования в английском языке. В Англии Лебедев услышал рассказы о далёкой и сказочной Индии и загорелся желанием поехать туда. Его желание осуществилось: он попал в Индию и пробыл в стране своей мечты с 1785 по 1797 год. Первое время Лебедев услаждал англичан Мадраса игрой на скрипке, а затем переехал в Калькутту. В столице колониальной Индии он не только выступал как музыкант, но и упорно изучал санскрит, хинди и бенгальский. Кроме

того, Лебедев организовал в городе театр и, переведя на бенгальский английскую пьесу «Притворство», взялся за её постановку. Это был первый европейский спектакль на индийском языке. В становлении национального театра Индии роль русского Лебедева несомненна. Возвратившись после двенадцатилетнего пребывания в Индии в Лондон, Г. С. Лебедев опубликовал ряд работ и главный труд своей жизни «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов».

В 1801 году Лебедев вернулся в Петербург и попытался продолжить индологическое исследование в Академии наук, но не был, к сожалению, востребован. В начале 1802 года он поступил в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, получив чин коллежского асессора. Видимо, служил он исправно, так как вскоре был пожалован в надворные советники и награжден орденом Святого Владимира 4-й степени.

Российское востоковедение базировалось с 1818 года в основном в Азиатском музее, в Петербургском университете. Становление индологии в Москве связано с именем **Павла Яковлевича Петрова** (1814—1875). Он окончил Московский университет по «словесному разряду», изучив западные и церковно-сла-

вянские языки, а также арабский и персидский. В университете Павел Яковлевич встретился и подружился с В. Г. Белинским. Их дружба была долгой и прочной, а влияние — взаимным и полезным. В одном из писем, датированном декабрём 1829 года, Белинский писал: «Я подружился с П. Я. Петровым. Мы часто бываем вместе, судим о литературе, науках и других

благородных предметах и всегда расстаёмся с новыми идеями и новыми мыслями... Вот дружба, которой я могу по справедливости хвалиться... Что за человек! Какие познания! Он превосходно знает по-французски, может читать

германских и итальянских писателей и отчасти говорит на их языках. Знает несколько по-английски, хорошо по-арабски и персидски. Пишет прекрасные стихи... Он ещё хорошо знает по-латыни и порядочно по-гречески. Жажда к познанию у него удивительна: хочет учиться ещё по-санскритски и турецки. Особенно любит восточные языки».

Большое значение в становлении Петрова как учёного имела его командировка в мае 1838 года в страны Западной Европы, где он провёл более двух лет (Берлин, Лондон, Париж) и встречался с видными ориенталистами. Возвратившись в Москву, Петров начал искать место приложения своим знаниям. Нужно сказать, что в то время одним из главных центров востоковедения, кроме Петербурга, была Казань. В 1842 году при Казанском университете была открыта кафедра санскрита, и Петров получил предложение преподавать на ней. Он преподавал там десять лет и вернулся в Москву в 1852 году. Здесь Петров стал преподавать санскрит на историко-филологиче-

ском факультете университета и в 1856 году был избран экстраординарным профессором. По характеру Павел Яковлевич был нелюдимым, замкнутым человеком, трудно сходилась с людьми, особенно молодёжью. Он создал несколько интересных исследований, но основать свою научную школу не смог.

Основателем русской школы индологии стал **Иван Павлович Минаев** (1840—1890). Он родился в типичном русском провинциальном городе Тамбове. После окончания классической гимназии в 1858 году поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, где начал изучать китайский язык у профессора В. П. Васильева, а на старших курсах стал изучать у К. А. Коссовича санскрит, которым очень увлёкся. Университет послал Минаева на стажировку в Западную Европу, где он пробыл целых пять лет (1863—1868). Знакомясь с английской и французской ориенталистикой, он изучал прежде всего Индию и

буддизм. Вернувшись, Минаев защитил магистерскую диссертацию по буддизму и целиком посвятил себя изучению Индии. Его докторская диссертация, которую он блистательно защитил в 1872 году, была посвящена фонетике и мор-

фологии языка пали, среднеиндийского языка, на котором написано большинство буддийских канонических произведений... Опубликованная на основе диссертации книга была переведена на английский и французский. Русская индология получила европейское признание. Минаева ожидал ещё один приятный сюрприз: университет направил его в командировку в Индию. Она продолжалась целых два года! Иван Павлович не только совершенствовался

в классической индологии, но и внимательно изучил быт, нравы индийцев и политические реалии в стране. Будет справедливым утверждать, что И. П. Минаев является первым русским индологом — специалистом по современной ему Индии. Всего он совершил три путешествия в страну изучения. За время преподавательской деятельности в Петербургском университете профессор Минаев имел много учеников, но мировую известность получили два будущих академика Сергей Фёдорович Ольденбург (1863—1934) и Фёдор Ипполитович Щербатской (1866—1942). Их труды в области традиционной индологии почитаются классическими. Оба учёных жили и работали в Санкт-Петербурге — Ленинграде. Позже их направление в индологии продолжили академик А. П. Баранников и его ученики. Так сложилась и плодотворно работала петербургская школа индологии. В 1930 году распыленные силы ленинградских востоковедов будут объединены в Институт востоковедения АН СССР, директором института станет академик С. Ф. Ольденбург.

В Москве в первые годы своего развития востоковедение носило прикладной практический характер — готовило переводчиков. В конце декабря 1827 года армянское училище, основанное меценатами братьями Лазаревыми, получило название Лазаревский институт восточных языков. Индийские языки в те годы там не изучались.

После Октябрьской революции декретом Совнаркома от 04.03 1919 г. вместо Лазаревского института был создан Армянский институт, переименованный в 1920 году в Центральный институт живых восточных языков, а в 1921 году — в Московский институт востоковедения. В том же году его ректором стал известный военный востоковед индолог и афганист **Андрей Евгеньевич Снесарев**.

А. Е. Снесарев (1865—1937) родился в слободе Старая Калитва Острогожского уезда Воронежской губернии. Образование молодой Андрей получил в Московском университете, но выбрал карьеру военного. Окончив курс Академии Генерального штаба, он в чине штабс-капитана был направлен в Туркестанский военный округ. Вскоре в его жизни произошло ещё одно важное событие: его отправили в командировку в Индию. Он пробыл там семь месяцев, но полюбил эту страну на всю оставшуюся жизнь. В 1904 году Снесарев был переведен в Главное управление Генерального штаба. К тому времени он стал не только военным разведчиком, но и учёным-востоковедом. В 1908 году на Международном конгрессе в Копенгагене он выступил с несколькими докладами, один из которых «Пробуждение национализма в Азии» был подготовлен на индийском материале.

Занятия Андрея Евгеньевича наукой были прерваны начавшейся Первой мировой войной. В сентябре 1917 года он был произведен в генерал-лейтенанты и награждён орденом Святого Георгия 3-й степени. Когда произошла пролетарская революция, генерал Снесарев уехал на родину, но вскоре получил письмо от находившегося на службе в Красной Армии генерала М. Д. Бонч-Бруевича с предложением встать под красные знамёна. Он его принял и выехал в Москву. Новое назначение бывшему генералу дали ответственное: командование Северо-Кавказским военным округом со штабом в Царицыне. Здесь у него произошёл неизбежный конфликт с посланцем ЦК наркомом И. В. Сталиным, и он был отозван. В ноябре

1919 года Снесарев стал начальником Академии Генерального штаба РККА, которая в 1921 году была реорганизована, и её начальником был назначен М. Н. Тухачевский, а Снесарев был отправлен руководить Московским институтом востоковедения. Вскоре там был начат набор на индо-афганское отделение. Среди первых его выпускников — будущий академик А. А. Губер, доктора наук В. В. Балабушевич, А. М. Осипов, Р. А. Ульяновский и другие известные учёные. Андрей Евгеньевич читал им лекции по истории и географии Индии.

Среди востоковедных учебных заведений прошлого следует отметить и Коммунистический университет трудящихся Востока — КУТВ, основанный в 1921 году и просуществовавший до мрачного 1938 года. В университете учились студенты как из республик советского Востока, так и из зарубежного. Были среди них и индийцы. КУТВ размещался на Тверском бульваре.

Сардару Чима Сингху сейчас 90 лет. Он рассказал авторам, что родился, вырос и получил среднее образование в Пенджабе. В 1926 году молодой индиец, отчаявшись получить работу на родине, отправился на Кубу. Однако на Кубе хорошо было отдыхать, но негде

работать, и он перебрался в Аргентину. Там ему улыбнулось счастье — он нашёл работу. И не только — он вступил в индийскую революционную партию «Гадр» («Революция»). Её лидеры предложили смывшённому молодому человеку поехать в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока. И вот в 1933 году под именем Альфредо он оказывается в «красной» Москве, о которой так много слышал. Альфредо узнал, что в университете учатся примерно 25 индийцев, в основном пенджабцы. Они быстро познакомились и подружились. Он поселился в общежитии при университете.

Изучали в КУТВе в основном марксистско-ленинскую теорию национального вопроса, политэкономии, историю стран Востока. В 1935 году товарищ Альфредо был участником VII Конгресса Коминтерна. В 1937 году индийский коммунист был приглашен в Научно-исследовательский институт национально-колониальных проблем, в котором революционеры из стран Востока изучали теорию и практику разных форм освободительной борьбы. В 1839 году Сардар Чима Сингх-Альфредо женился на молодой москвичке Лизе, но познать счастье спокойной семейной жизни им не довелось: Коминтерн направил его на партийную работу в Индию.

Легально попасть в Индию не представлялось возможным. Его путь лежал через Афганистан. На границе с Индией английские пограничники сумели обнаружить лазутчика, и он был арестован. Три года Сардар Сингх провел в пешаварской тюрьме. А дальше началась полная опасностей жизнь профессионального революционера, руководство Крестьянским союзом Пенджаба, новые аресты и новая борьба. В конце 50-х годов товарищи из Москвы сообщили Сингху, что в Москве его ждёт семья. Он долго не раздумывал и сразу начал хлопотать о поездке в Советский Союз.

В 1961 году он с волнением сошёл с трапа самолёта в Москве. Его встречали Лиза и красивая девушка. «Это наша дочь, Альфредо, — сказала жена. — Я верила, что ты вернёшься. Её зовут Вера».

Сардар Чима Сингх остался в Москве. Он работал в Институте востоковедения РАН. Сейчас 90-летний индийский революционер на пенсии. Вера подарила ему двух внучек — Надежду и Любовь.

Новый этап в советском востоковедении и, в частности, в индологии наступил, когда летом 1950 года руководство приняло решение перевести Институт востоковедения из Ленинграда в Москву. В столице ему предоставили особняк в Пречистенке, творение очень интересного архитектора, бывшего крепостного Афанасия Григорьева. Это здание как особняк Хрущева-Селезнева и является памятником архитектуры. На его фронтоне мастерски вписаны эмблемы. В капителях колонн угнездились лебеди, над окнами — медальоны. Особняк красив, уютен, но для целого института маловат. Ныне в нём находится музей А. С. Пушкина.

Институту была поставлена задача приблизить тематику исследований к современности. Изменилась и структура института: в нём предусматривалось создание страноведческих секторов и, в частности, сектора Индии и Афганистана во главе с замечательным индологом профессором А. М. Дьяковым. Но радикальной перестройки работы востоковедов не произошло. Дело в том, что назначенный директором института профессор С. П. Толстов был археологом, занимавшимся раскопками в советской Средней Азии.

В 1955 году директором института был назначен **Александр Андреевич Губер** (с 1953 года — член-корреспондент, с 1966 года — академик АН СССР). Были увеличены штаты (всего стало 220 научных сотрудников, из них

около 25 занималось Индией) и выделено новое здание в Армянском переулке, то самое, в котором находился Лазаревский институт.

Это красивое в стиле классического ампира с шестью высокими колоннами

здание было построено крепостными зодчими И. М. Подъячевым и Т. Г. Простаковым в 1914—1823 годах. В 1822 году в садике перед зданием был поставлен обелиск в память основателей института. У входа в садик — массивные ворота с могучими львами. Сейчас это здание посольства Армении.

При А. А. Губере была вновь изменена структура института и созданы сектора истории и экономики Индии и Юго-Восточной Азии (заведующий сектором — В. В. Балабушевич) и сектор языка и литератур народов Индии и Юго-Восточной Азии (заведующий сектором — М. Г. Асланов). Центральный Комитет КПСС настоятельно требовал от руководства института более решительного поворота к проблемам современности, но на это требовалось время и подготовка новых кадров. В ЦК торопили, медлительность их не устраивала. 12 ноября 1956 года Институт востоковедения, совместно с Союзом писателей, Министерством культуры, Комитетом защиты мира, Обществом советско-индийской дружбы провели в Колонном зале Дома союзов торжественное заседание, посвященное юбилею великого писателя древней Индии Калидасы. Собравшихся приветствовал посол Индии в Москве К. П. Ш. Менон, вступительное слово произнёс академик А. А. Губер. С докладом о Калидасе выступил В. И. Кальянов. С большим интересом было встречено выступление извест-

ного индийского санскритолога профессора Д. Шастри и других индийских специалистов по творчеству Калидасы.

Существенное влияние на советское востоковедение оказал XX съезд КПСС, на котором член Политбюро А. И. Микоян выступил с критикой института. Он высказался в том смысле, что Восток проснулся, а Институт востоковедения спит. Вскоре журнал «Крокодил» напечатал едкую карикатуру, где на ковре возлежали курящие кальян полные мужчины с портфелями, вдали пощипывали травку мирные ослики. Если кого-то покритиковал член Политбюро — жди «оргвыводы». Это понимали все и готовились к переменам. И они последовали. В сентябре 1956 года Президиум АН СССР принял постановление «О задачах и структуре Института востоковедения». Вскоре прибыл новый директор — профессиональный партийный функционер Бободжан Гафурович Гафуров (1908—1977). Он продемонстрировал незаурядные организаторские способности и широкий государственный подход. Был значительно расширен кадровый состав института, он стал насчитывать около 600 научных сотрудников. Было создано специализированное «Издательство восточной литературы» во главе с энергичным и эрудированным О. К. Дрейером. Оно выпускало свыше 200 книг в год. Отдел Индии (зав. отделом — В. В. Балабушевич) состоял из сектора истории и философии Индии (зав. сектором — С. М. Мельман), сектора языка и литературы (зав. сектором — Е. П. Чельшев).

Вскоре отдел Индии замахнулся на интересное и масштабное исследование — четырехтомное издание истории Индии от древности до наших дней. Коллектив всех томов состоял из 41 учёного, в основном сотрудников отдела, кроме тома «Индия в древности». Его подготовили Г. М. Бонгард-Левин и Г. Ф. Ильин, сотрудники отдела Древнего Востока. Общий

объём — 200 авторских листов — поражал в те годы своей масштабностью. Пожалуй, будет справедливым считать это десятилетие звёздным часом советской индологии.

После смерти Б. Г. Гафурова в 1977 году Институт возглавил энергичный **Е. М. Примаков**. Институт перебрался на улицу Рождественка, названную по женскому Рождественскому монастырю.

Напротив здания института — церковь Николы на звонарях. По свидетельству историка Москвы П. Сытина, где-то здесь было захоронено тело Бориса Годунова, его жены и сына. Сам Институт востоковедения

расположен в сильно искажённой переделками XIX века усадьбе XVIII века. Одно время здесь находилась гостиница «Берлин», в которой останавливался В. В. Вережагин. На месте левого усадебного флигеля архитектор И. А. Иванов-Шиц в 1896 году построил жилой дом. В настоящее время здание имеет три этажа, а в южной части — ещё и цокольный. В отделанном мрамором вестибюле института стоит деревянная скульптура девушки с лицом восточного типа, трепетно держащая позолоченную чашу знаний. Автор этой интересной работы — скульптор И. Васильев.

При Е. М. Примакове произошло дальнейшее организационное усовершенствование структуры института. Отдел Индии был преобразован в Центр индийских исследований, в котором работает свыше 30 научных работников. Заведует Центром профессор А. А. Куценков. Одной из главных целей создания Центра была координация работы индологов не только внутри института, но и других научных подразделений Москвы. Центр иссле-

дует широкий спектр истории, политологии и экономики Индии. Приоритетное направление исследований Центра — современность.

*Институт востоковедения РАН.
Москва, ул. Рождественка, 12.*

В Институте востоковедения Индию изучают также в Отделе языков Востока, Отделе восточных литератур, Отделе истории стран Востока, Отделе общих проблем, Отделе Древнего Востока, Отделе памятников. Общее число индологов в этих подразделениях — около 25.

Поворот индологии к современности не означал забвения традиционной ориенталистики, а также изучения связей России со странами Востока. Индологи разных поколений издали четырехтомный фундаментальный труд «Русско-индийские отношения. Сборники архивных документов и материалов», охватывающий XVII, XVIII, XIX и начало XX века. Это издание явилось серьезным вкладом в науку. Грех не назвать также два тома «Россия и Индия» и «СССР и Индия», где исследованы связи наших стран от древности до наших дней.

Кроме Института востоковедения, проблемы Индии исследуются некоторыми учёными Института мировой литературы, Института язы-

кознания, Института мировой экономики и международных отношений, Института сравнительной политологии и проблем рабочего движения, Института этнологии и некоторых других.

Кадры молодых индологов готовят в первую очередь в Институте стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Он расположен в самом центре столицы на улице Моховой. «Рассадник просвещения», «Ученая храмина», как называли бы университет раньше, был построен по проекту архитектора Матвея Казакова в 1786—1793 годах. Здание строгих форм. Его центральная часть с восьмиколонным портиком и высоким аттиком увенчана куполом, что делает его похожим на храм. В 1812 году творение Казакова сгорело. В 1817 году Дементий Жильярди возглавил работы по восстановлению здания университета. Это была непростая реставрация, архитектор внёс существенные изменения в планировку. Особенно впечатляет в современном виде этого здания фронтон дорического ордера, похожий на древнегреческий храм.

Институт стран Азии и Африки МГУ.

Учиться в таком здании — большая честь и строгая ответственность. Всего в Институте

стран Азии и Африки, ректором которого является профессор М. С. Мейер, учится около 45 студентов-индологов (по кафедрам индийской филологии и истории Южной Азии), будущих историков, филологов и экономистов. Они изучают хинди, урду, бенгальский и тамильский языки. Многие из них по окончании института идут работать в государственные учреждения и ведомства, ряд выпускников нашли призвание в бизнесе, а некоторые энтузиасты готовят себя к благородной миссии — служению науке.

Изучается Индия и в Московском институте международных отношений, расположенном в современном четырёхэтажном здании на проспекте Вернадского (архитектор — М. М. Посохин). В этом учебном заведении есть кафедры индо-иранских языков (преподают хинди, урду и бенгальский) и востоковедения. Всего на всех курсах около 40 студентов постигают историю, международные отношения, внешнеэкономические связи и средства массовой информации Индии.

Московский институт международных отношений.

Среди абитуриентов Института стран Азии и Африки и международных отношений число желающих изучить Индию всегда превышает число мест, имеющихся на кафедрах.

И на этом обнадеживающем факте основывается уверенность в добром здравии и крепком будущем индологии, увлекательнейшей науки, изучающей древнюю и всегда молодую Индию.

Т. Н. Загородникова,
*кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра индийских исследований*

П. М. Шаститко

ИНДИЙСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ В МОСКВЕ

Тихая улица Воронцово поле, дома 6–8. Здесь находится комплекс зданий Посольства Республики Индия в России. Откуда это название — Воронцово поле? По правому берегу реки Яузы поднимался холм, весь в садах. Здесь давно, еще в XV веке, находилось село, принадлежавшее тысяцким Воронцовым. Позднее эта земля отошла московским князьям. В 1504 году Иван III завещал сыну Василию «сельцо Вороновское на Яузе, где мой двор». В XVIII веке Воронцово принадлежало екатерининскому вельможе графу А. А. Безбородко, ставшему при Павле I канцлером и Светлейшим князем.

Позднее село Воронцово Поле стало московской улицей, где жили сначала знатные люди, а позднее богатые купцы. В 1912 году текстильный магнат Бардыгин купил у купца и мецената А. П. Бахрушина старый дом на Воронцовом поле и поручил архитектору спроектировать и построить новый особняк. Здание получилось красивым и удобным. В этом особняке с 1953 года помещается Посольство Республики Индия, здесь же зал посольства, где проходят приемы в честь знаменательных дат

в истории Индии, устраиваются презентации книг, выпущенных в России об Индии, открываются выставки картин, связанных с Индией, читаются лекции по истории, религии, искусству. Недалеко от особняка находится красивый двухэтажный дом, построенный в 1911 году по проекту архитектора К. В. Аполлонова для богатого коммерсанта Марка. В этом здании находится резиденция индийского посла.

Любопытна одна история, связанная с домом Марка. Дело в том, что коммерсант

очень любил театр и особенно Московский общедоступный художественный (будущий МХАТ), и к нему часто навещали его артисты. Однажды с ними пришел смуглый темноволосяй юноша и представился хозяину: «Сухраварди».

Шахид Сухраварди был родом из аристократической индийской семьи, его отец был редактором одной из крупных газет. Еще в

детстве мальчик заметил на географической карте большую страну к северу от Индии и, узнав от отца, что это Россия, решил непременно там побывать. Но сначала была учеба в Кембридже, где он написал свою дипломную работу

по русской литературе. В 1916 году он приехал в Москву. Здесь он вошел в компанию литераторов, поэтов, которые группировались вокруг А. Блока и А. Белого. Одновременно Сухраварди консультировал постановку спектакля Московского Художественного театра «Король темного царства» по Рабиндранату Тагору, который ставила Мария Николаевна Германова в помещении театра «Летучая мышь». Так он познакомился и сблизился со многими актерами театра, вошел в их круг. В 1918 году Сухраварди предложили работать в одном из отделов Наркомпроса, где он проработал до весны 1919 года как рядовой совслужащий: мерз, недоедал. Каким-то образом до

него дошло письмо из Индии, в котором его отец просил сына вернуться на родину. Надо было ехать. Но как? Узнав, что его знакомая М. Н. Германова в составе группы артистов и работников МХТ находятся на гастролях на юге России и в Грузии, он решил начать свое возвращение в Индию, примкнув к этой группе. Сухраварди долго скитался по югу России, пытаясь прорваться сквозь линию фронта; наконец в Тифлисе он соединился с труппой МХТ. Далее он вместе с Качаловым, Германовой, Книпер-Чеховой и другими артистами выехал за границу в качестве рабочего сцены, иногда играл мелкие роли в спектаклях. Так продолжались их совместные скитания. Когда весной 1922 года труппа разделилась и часть артистов во главе с Качаловым решила вернуться на родину, Сухраварди вместе с Германовой остался в Европе. Дальнейшая его судьба нам не известна.

Но вернемся в здание Индийского посольства и вспомним историю становления русско-индийских дипломатических отношений.

Впервые вопрос об установлении дипломатических отношений между нашими странами был поднят в середине XIX века, но он остался без ответа: обе стороны были не готовы к этому шагу. В 1863 году генерал-губернатор Лифляндии, Эстляндии и Курляндии барон В. К. Ливен официально обратился в Азиатский департамент российского МИДа с предложением об учреждении российского консульства в Бомбее. Оно нашло понимание в Санкт-Петербурге, но английское правительство активно противодействовало этим намерениям. Менялись министры и чиновники, но не менялась позиция Лондона. Консульство открыть не удавалось.

А. А. Довгань,
 редактор газеты «Медицинский вестник»
 (Медицинская академия имени
 С. И. Георгиевского ФГАОУ ВО «Крымский
 федеральный университет имени
 В. И. Вернадского»)

КРЫМСКИЙ МОСТ В ИНДИЮ

Известно, что Крым в течение многих столетий был уникальным перекрёстком цивилизаций, культурным центром, куда сходились дороги, идущие по «шёлковому пути» из Азии go-to-vietnam.ru. Далее шёлковый путь следовал через черноморские порты Тавриды и города Боспорского царства во все античные цивилизации Средиземноморья — в древнюю Грецию, Египет и Рим.

Через Крым проходили многие сухопутные караванные пути из Европы, Московского государства и Приуралья. Морские пути соединяли Крымский полуостров с Италией, Ближним Востоком, Сирией и Египтом, с Дальним Востоком и Китаем. Генуэзцы покупали и перепродавали сукно, ткани и льняной холст, оружие, женские украшения, ювелирные изделия, драгоценные камни, пряности, ладан, меха, кожи, мед, воск, соль, зерно, лес, рыбу, икру, оливковое масло и вино. Торговые пути Крыма XIV века шли в Константинополь и Иран. Из Индии в Северное Причерноморье плыли по реке Инду, через Кандагар, Бухару, Астрахань, дальше по Волге и Дону и через Азов в Каффу. Второй индийский торговый путь проходил по

Аму-Дарье и Каспийскому морю на Тифлис и по Риони к Черному морю.

Товары возили и в Китай, начиная десятидневный купеческий поход от Каффы и дальше по Дону и Волге к Астрахани и Сарая, через Сарайчик на реке Урал, Ургенч, Бухару,

Кашгар, Хотан, Каучу, Лопу, Гоби до Пекина. Существовал очень оживленный путь, проходивший через Каффу, Крымский полуостров, Белгород-Днестровский, Яссы, Сучаву, Серет, Черновцы, Коломыю, Галич и Львов в Центральную и Западную Европу. Путь от Каффы до Москвы занимал пятьдесят дней и проходил по Черному и Азовскому морям, по Дону, через Рязань и Коломну. Генуэзские корабли-навы не имели весел и управлялись только парусами, были очень прочны и имели большую грузоподъемность. Навы имели длину до тридцати метров, ширину — до двенадцати, осадку — шесть метров и брали на борт до 500 тонн груза.

Впервые попытка создания этого транспортного моста предпринималась во второй половине XIX века после окончания Крымской войны, когда был разработан проект железной дороги Лондон — Париж — Турин — Триест — Одесса — Керчь и далее через Кавказ в Персию и Индию. В Крыму дорога проектировалась по средневековому караванному пути в Индию, где уже была проложена линия индийского телеграфа (Лондон — Калькутта).

После Британской империи проект пытался реализовать Третий рейх, претендовавший на мировое господство. Согласно проекту европейской интеграции, разработанному немецкими экономистами (1939 год), к 1994 году должна была завершиться европеизация Украины на основе формирования транспортных коридоров. Скоростные автобаны планировалось проложить в направлениях

запад — восток и север — юг. Один шести рядный автобан соединял Одессу и Крым с Берлином и Гамбургом. Другой автобан Санкт-Петербург — Киев — Одесса возрождал путь «из варягов в греки». Скоростная железнодорожная магистраль соединяла Мюнхен с Винницей и Ростовом-на-Дону. От Винницы/Жмеринки стальная магистраль прокладывалась в Крым к Теодорихсхафену (Севастополю) и к Керчи. Здесь сооружался мост через пролив, и дорога шла через Кавказ в Персию. Не случайно на пересечении этих транспортных коридоров в районе Винницы была сооружена главная ставка Гитлера на Восточном фронте.

В соответствии с геополитическими планами Германии предусматривалось создание транспортного выхода в Персию через Кавказ. Во время Великой Отечественной войны в 1943 г. Гитлер отдает приказ о строительстве моста через Керченский пролив. Первоначально сооружается подвесная дорога, а к августу 1944 г. предполагалось закончить строительство пятикилометрового автомобильного и железнодорожного моста. Но наступление советских войск не позволило завершить проект.

По приказу Сталина запрещалось бомбить мост, строительство которого было продолжено силами уже советских военных строителей, заключенных и мобилизованного местного населения. В строжайшей секретности «ударная» военная стройка была завершена. К годовщине Октябрьской революции в ноябре 1944 г. от станции Крым до станции Кавказ прошел первый эшелон. Суровой зимой 1945 г. в Азовском море образовался толстый ледяной покров, и при резком потеплении, штормовой погоде льдины разрушили мост, достроенный по временной схеме с применением деревянных опор. В начале 50-х годов было осуществлено проектирование нового моста, но при обсуждении проекта Сталин

отдал предпочтение более дешевой паромной железнодорожной и автомобильной переправе. Последовавшая передача Крыма из Российской Федерации в Украину временно сняла проблему строительства Керченского моста.

Создание коммуникационного моста из Западной Европы на Средний Восток через Украину, Россию и Грузию станет возможным при строительстве стационарного транспортного перехода через Керченский пролив, где успешно функционирует паромная переправа.

Проекты Керченского моста существовали еще в Российской империи. В частности, сын великого химика В. Д. Менделеев предлагал с помощью запруды соединить берега Крыма и Тамани через косу Тузла. При Советской власти также разрабатывались проекты транспортного перехода через Керченский пролив.

В 2013 году вновь в очередной раз возникла идея строительства моста через Керченский пролив.

После его реализации может сформироваться одно из направлений Великого шелкового пути. Реализация проекта требует политической воли, значительных инвестиций и международного сотрудничества, в первую очередь Украины, России, Грузии и Армении.

О возможности сооружения моста через Керченский пролив впервые всерьез задумались англичане. В начале XX века вслед за успешным строительством Индоевропейского телеграфа британское правительство вознамерилось проложить по этому же маршруту — от Англии до Индии через Крым и Керченский пролив — железную дорогу. Но до реализации проекта дело не дошло — возникли проблемы с финансированием.

В 1903-м идеей строительства моста заинтересовался Николай II. К работе были под-

ключены лучшие российские инженеры, но осуществлению планов помешала Первая мировая война. Следующая попытка была осуществлена уже в советский период — в 30-х. Планировалось проложить железную дорогу с юга Украины — от Херсона через Крым, по мосту через Керченский пролив и затем вдоль всего Черноморского побережья Кавказа до Поти. Отечественные заводы не могли справиться с выпуском всех необходимых для строительства гигантского моста деталей, поэтому их заказали в Германии. Но вскоре началась Вторая мировая война, и за строительство взялся Гитлер.

Немецкий проект так же, как и британский, предполагал сооружение трансконтинентальной железной дороги: из Мюнхена через Керченский пролив в Индию. Весной 1943-го началась непосредственная подготовка к строительству, по плану мост должен был быть полностью закончен к августу 1944-го. Но из-за изменения положения на фронте эти работы вскоре были полностью прекращены.

Впрочем, соединить два берега немцам все же удалось, и дорогу через Керченский пролив они построили. Только не железную, а канатную. Летом и осенью 1943-го с ее помощью ежедневно перебрасывали по 500–800 тонн груза.

Перед отступлением немецкие войска почти полностью разрушили это сооружение. Но как только Тамань была освобождена, а в восточной части Крыма высажен десант, советские инженеры вновь занялись соединением двух берегов Керченского пролива. Для восстановления дороги было использовано оборудование с одной из действовавших в то время промышленных канатных дорог в Грузии. Хотя на самом деле канатную дорогу через пролив нужно было не столько восстанавливать, сколько строить заново. И строительство

это было не из легких: море постоянно штормило, строительные плоты раскачивало так, что солдаты привязывались к ним веревками, чтобы их не смыло волной. Однажды плот с людьми унесло в Азовское море. Их искали несколько дней, спасли полуживых. Чтобы защитить людей от неприятельского огня, вдоль стройки курсировали катера и с наветренной стороны ставили дымовые завесы. Дым разъедал глаза, мешал работать, но иного выхода не было.

В феврале 1944-го канатная переправа над Керченским проливом снова начала действовать. Протяженность ее была 5100 метров, работало на ней 150 грузовых вагонов. Правда, суточная производительность советской дороги составляла только 300 тонн, но все же несколько недель канатная дорога являлась единственным средством доставки грузов на крымский берег.

После освобождения Крыма керченской канаткой не пользовались. Вновь вспомнили о ней осенью 1944-го, когда советские войска овладели северо-восточными склонами Карпат. Канатную дорогу было приказано демонтировать и установить на одном из труднодоступных перевалов. Но пока канатку разобрали и доставили в Карпаты, надобность в ней уже отпала: наступающие войска к тому времени ушли далеко вперед.

О чем говорят остатки крымского участка телеграфа Лондон — Калькутта.

Энтузиасты, интересующиеся крымской историей, обнаружили несколько опор, через которые тянулась телеграфная линия, соединявшая Европу с Индией. По ней с 1868 по 1931 год были переданы сотни тысяч исторических сообщений, начиная от цен на биржах и заканчивая объявлениями войны. Мы не могли обойти стороной эту тему и встретились с людьми, которые приоткрыли очеред-

ную страничку в истории Крыма.

Англичане пересылали через Крым кодированные сообщения.

ЛИНИЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬЮ В 11 ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ

О том, что Крым некогда служил промежуточным звеном в индо-европейской телеграфной линии, знают немногие. Этот факт как-то ушел в небытие вместе с самой телеграфной линией и опорами, загадочно исчезнувшими из городов и сел и просторов крымских степей. Но недавно на форумах в Интернете стали появляться фотографии остатков телеграфа, разбросанных по всему полуострову: Симферополь, Белогорск, Керчь... А в крымской столице даже сохранилось здание, где располагалась главная контора крымского участка телеграфа, и принадлежало оно англичанам. Но обо всем по порядку... После окончания Крымской войны союзни-

кам достался Севастополь, разрушенный почти до основания. Взамен турецкой крепости Карс, взятой Российской империей, союзники вернули Севастополь и договорились с русскими о том, что через Одессу, Симферополь, Керчь и Кавказ пройдет линия телеграфа, которая будет соединять самую крупную английскую колонию — Индию с метрополией. Так и появилась знаменитая телеграфная линия Лондон — Калькутта, соединившая Европу с Азией. Это был самый шумевший проект XIX века — сооружение первой прямой трансконтинентальной телеграфной линии. Эту задачу можно было без труда приравнять к таким мировым достижениям, как строительство первой трансатлантической железнодорожной линии от Нью-Йорка до Сан-Франциско или строительство Суэцкого канала, существенно сократившего морской путь в Индию. Телеграфная линия была построена в рекордно короткие сроки — 11 тысяч километров за два года. С помощью кодов, в которых каждой букве алфавита соответствовала определенная комбинация символов, информация стала в считанные минуты передаваться по проводам. Никакие другие средства связи, известные в то время, ни наиболее распространенные аппараты Морзе, ни введенные с 1855 года печатающие аппараты Хьюза не могли обеспечить связь на линии такой протяженности. Их мощности не хватало даже для участка длиной в 6000 километров между Лондоном и Тегераном. Такой амбициозный проект лондонскому правительству предложила немецкая фирма «Siemens». Специально для этого компания сконструировала особый телеграфный аппарат с записывающим устройством. Он должен был обеспечивать не только передачу телеграммы от одного пункта в другой, с целью контроля осуществлялась также запись передаваемой телеграммы.

ХОРОШИЙ МЕТАЛЛОЛОМ

Телеграф шел через Перекоп, заходил в Симферополь, затем шел в сторону Керчи и уходил на Кавказ. В Симферополе было построено несколько зданий, в которых размещались сотрудники телеграфа.

Михаил Михайлов, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики ТНУ им. В. И. Вернадского:

— Я нашел старую карту 1894 года, на которую была нанесена телеграфная линия. Из фрагмента топографической карты Таврической губернии видно, что англо-индийский телеграф шел вдоль реки Салгир мимо села Сарабузы (ныне поселок Гвардейское). Также мне удалось выяснить, что здание на улице Карла Маркса в Симферополе напротив 1-й гимназии принадлежало Управлению индо-европейского телеграфа и являлось собственностью Британской империи. Во время Второй мировой войны немцы его не восстанавливали, зная, что это территория английской королевы. (Да и сейчас оно стоит полуразрушенное. (Прим. ред.)

Более того — при строительстве телеграфа британский король Георг выкупил землю в радиусе трех метров от каждого столба те-

леграфа, и все эти территории считалась собственностью Великобритании.

Телеграф просуществовал до 1931 года, но металлические столбы простояли до развала Союза. А потом их стали растаскивать на металлолом. Однако кое-что осталось и по сей день.

Михаил Михайлов:

— Найдено несколько столбов, которые служили опорой для линии телеграфа. Например, в Симферополе недалеко от автостанции «Восточная» возле одного из частных домов стоит один такой столб. Он сохранился благодаря тому, что житель закрепил на нем свой телефонный провод. На этом металлическом столбе отчетливо видна надпись «Siemens».

ОТ КОКА-КОЛЫ ДО РЕВОЛЮЦИИ

12 апреля 1870 года из Лондона в Калькутту по телеграфу был передан текст государственного гимна Туманного Альбиона «Боже, храни королеву» и табель заработной платы будущих телеграфистов. Пробный сеанс связи занял 28 минут и вызвал бурю восторгов своей невиданной скоростью. На следующий день в кабинет Льва Толстого вломился с пачкой свежих газет его секретарь Чертков: «Лев Николаевич, вчера открыли телеграф из Лондона в Калькутту. Теперь за несколько минут человек может передать любую свою мысль на другой конец планеты!»

— А есть ли у человечества мысли, которые необходимо передавать с такой скоростью? — удивленно спросил его писатель.

На протяжении 63 лет существования телеграфа Лондон — Калькутта Крым передал сообщения о создании Германской империи в 1871 году, о первом официальном футбольном матче между Англией и Шотландией в 1872 году, о том, что французы подарили США статую Свободы в 1885 году, об изобретении кока-колы в 1886 году, о провозглашении британ-

ской королевы Виктории императрицей Индии в 1887 году, об убийствах Джека-потрошителя в Лондоне в 1888 году, о Февральской революции в России в 1917 году и многом другом. Известно, что профессия телеграфиста считалась очень престижной. Руководство Индоевропейского телеграфа платило хорошую зарплату и на каждое Рождество присылало своим служащим проституток в виде подарков. Но и требования к работникам были соответствующими: по уставу компании телеграфист должен был выполнять свои обязанности, несмотря на землетрясения, ураганы и войны.

Алексей РУСИНОВ,
«Крымский телеграф»,
фото М. Михайлов;

материал опубликован в «КТ» № 65 от 22 января 2010 г.

Индоевропейский телеграф является первой телеграфной трансконтинентальной линией, которая соединила столицу Великобритании Лондон и Калькутту в Индии, пройдя при этом через Крым. Общая протяженность его составила более 11 000 километров и за-

хватила территории, включая Берлин, Киев и Одессу, Крым, Батуми и Тифлис с Кавказа, Тегеран на берегу Персидского залива и Карачи.

Строительство телеграфа, начатое в 1867 году, удивило современников невероятной скоростью, с которой удалось реализовать данный проект, ведь уже в апреле 1870 года по нему прошло самое первое послание, текст которого стал известен всему миру: «Боже, храни королеву!», а времени на его доставку ушло всего 28 минут. На то время такая скорость была настоящим чудом.

Роль главного подрядчика в этом мировом и историческом проекте была отведена немецкой фирме «Сименс и Гальске». Для прокладки кабеля использовались столбы, землю вокруг которых на три метра выкупила английская королева. Девять раритетных металлических столбов сохранились и до наших дней, а в городе Симферополь — их два, возле автостанции «Восточная» и у Центрального суда. Сама линия проходила вдоль реки Салгир.

Здесь же, в Симферополе, было и одно из зданий, в котором работала контора Индоевропейского телеграфа, и оно тоже принадлежало Ее Величеству. Часть этого здания, которому почти 150 лет, сохранилась и до наших дней, однако в полуразрушенном состоянии.

В основном линию этого телеграфа прокладывали по воздуху, только на двух участках — озеро Ла-Манш и Керченский пролив — ее пустили по дну, что привело к аварии и обрыву связи уже в первые месяцы после его открытия. Поэтому линию отремонтировали и полностью провели по воздуху.

Отличался Индоевропейский телеграф и высоким престижем в качестве работодателя. Служащими принимали только представителей дворянства, главным критерием выбора было хорошее образование, а также здоровье. Уровень заработной платы был довольно высок для того времени. Работа считалась

высокой секретности, каждым сотрудником давалось письменное «клятвенное обещание», содержащее присягу на верность царю. Сотрудник телеграфа не мог жениться без согласования кандидатуры с начальством, приветствовались браки между служащими.

Проработал Индоевропейский телеграф до 1931 года.

Линия эта проходила через наш город, свидетельством тому — кое-где сохранившиеся до наших дней столбы телеграфных опор. Найти их сложно. Вот уже десятки лет сотни энтузиастов собирают информацию и прочёсывают Крым в поисках осколков истории. Время пощадило чугунные опоры, но они оказались бессильны против сборщиков металлолома и охотников за древностями. Тем не менее, история иногда приоткрывает завесу тайны перед теми, кто упорно продолжает поиски.

Перед нами — кабель трансатлантической линии телеграфной связи, пролежавший в земле сто сорок лет. Кабель и опоры — вот и всё, что осталось от грандиозного проекта XIX века, триумфа научно-технического прогресса того времени, Трансатлантической телеграфной линии Лондон — Калькутта.

Обратимся к истории: после окончания Крымской войны одним из достижений англичан стало вытребованное ими у Российской империи право на строительство телеграфной линии Лондон — Калькутта. Проект выглядит грандиозным даже сейчас, для тех же лет он был просто фантастическим. Необходимо было проложить телеграфную линию протяжённостью 11 000 км, которая связала бы Лондон с Калькуттой, административным центром главной колонии Великобритании — Индии. Выбор пал на телеграфную связь: в те дни ни один вид связи более не соответствовал необходимым требованиям. Генеральный подрядчик нашёлся быстро: телеграфное предприятие «Сименс и Гальске» уже имело

необходимый опыт, пусть и не в таких грандиозных масштабах. «Siemens & Halske» к тому времени уже построили первую в Германии телеграфную линию Берлин — Франкфурт-на-Майне (1849 г.), предприятие занималось строительством линий, связавших Берлин с Кёльном, в 1852 году правительство Нидерландов заказало оборудование, связавшее Роттердам с Бельгией, а в 1853 году «Siemens & Halske» начали строительство русской телеграфной сети. Работы в России продолжались два года, сеть покрыла расстояние свыше 10 000 км, протянувшись от Финляндии до Крыма.

В 1868 году компанией начато строительство Индоевропейской телеграфной линии. Работы велись одновременно на территории разных стран, и тем не менее рекордные сроки окончания строительства до сих пор вызывают уважение даже у современных специалистов. Телеграфная линия прошла через Лондон — Берлин — Киев — Одессу — Керчь — Батуми — Тифлис — Тегеран — Карачи — Калькутту, её строительство заняло всего лишь два года. Торжественное открытие состоялось в 1870 году: 12 апреля из Лондона в Калькутту по телеграфу был передан текст государственного гимна «Боже, храни королеву» и табель зарплаты будущих телеграфистов. Скорость передачи сообщения была по тем временам ошеломительная: сеанс связи занял 28 минут.

Индоевропейская компания успешно работала на территории Российской империи: телеграфная линия использовалась и для местных нужд. Работа в компании считалась престижной, здесь трудились представители дворянства. Интересный факт: земля вокруг телеграфных столбов, в радиусе трёх метров, принадлежала Соединённому Королевству. Король Георг V выкупил землю вокруг каждого столба телеграфа, эта территория до рево-

люции считалась собственностью Великобритании. После революции большевики национализировали телеграфную линию, проходящую по территории России, а в 1922 году была продлена концессия с англичанами по совместной эксплуатации телеграфа, который успешно работал вплоть до 1931 г.

На старинных фотографиях Керчи начала прошлого века хорошо видны опорные столбы Индоевропейской телеграфной линии. Их можно увидеть на фото за одной из статуй грифонов, расположенных на месте современной улицы Шлагбаумской, на снимке здания табачной фабрики Месаксудии.

Найти свидетельства былой славы решили керченские связисты. Кому, как не им, хранить историю великого трансатлантического проекта, к которому был причастен наш город? За дело взялись основательно: изучали исторические справки, архивные записи, вели поиски в городе и его окрестностях. И удача улыбнулась. О том, как проходили поиски, рассказывает **инженер электросвязи ЦТУ №4 ОАО «Укртелеком» Александр Попов.**

— Мы знали о том, что 12 апреля исполнится 140 лет с того дня, как прошла первая телеграмма Лондон — Дели по телеграфной линии, построенной по трассе, которая проходила через Керчь и Керченский пролив. Телеграфная линия шла по опорам (столбам) на протяжении всей трассы, и только через Ла-Манш и Керченский пролив кабель шёл по морскому дну. Мы решили заняться поиском реальных экспонатов, было приложено немало усилий, наши связисты стали буквально одержимы этой идеей. И результаты не заставили себя ждать. Опору телеграфной линии мы обнаружили в центре города: она была установлена после войны на территории «Гидроплана» (бывший 520-й морской узел связи, по ул. Митридатский тупик). В пятницу мы извлекли опору из земли и перевезли в центр электросвязи.

Опора вылита из чугуна, её высота составляет 5,5 метра. Диаметр опоры начинается со 150 метра у основания и сужается до 50 мм у вершины.

Хорошо сохранилось клеймо, отлитое на опоре, надпись можно разобрать без труда: «LONDON № 8 SIEMENS». Сохранилась чугунная опора просто чудесно! Представьте себе: 90 лет она простояла на фундаменте, после войны её закопали в землю, но что поразительно: несмотря на почтенный возраст, опора выглядит как новая. Мало того, шпильки нижнего крепления сохранились, будучи закопаны в земле. Если бы кто-то рассказал, я бы не поверил, но я видел своими глазами: гайки со шпилек, крепящих кронштейны к опоре в верхней её части, легко открутились гаечным ключом. И это после стольких лет, проведённых в земле! Знаете, когда мне рассказывали, что Эйфелева башня в Париже поржавела, я думал: жалко будет, когда она разрушится от коррозии, — 300 лет всё-таки прошло. Но теперь я спокоен, потому что видел сам, на что способны изделия конца девятнадцатого века. Простоять 60 лет в земле, и при этом остаться как новой, никаких видимых признаков коррозии, — это, признаюсь, ошеломляет.

Мы, конечно, написали письмо в «Сименс». Может быть, им интересно узнать, что найдена их опора. Вряд ли она будет представлять для них какой-то интерес, в конце концов, длина телеграфной линии составляла 11 тысяч километров. Разделите на 50 метров — и получите приличную цифру. Думаю, у «Сименса» достаточно таких экспонатов, но мы ждём ответа. В любом случае, за этой опорой уже давно охотились коллекционеры, но благодаря личным и давним связям А. М. Голдыша с мичманом А. Г. Назаровым, служившим в «Гидроплане», опора досталась нам. Поверьте, в этой чугунной опоре чувствуется дух того времени, чувствуется стиль XIX века.

Помимо опоры, нам удалось разыскать и сам телеграфный кабель. Мы ведь не привыкли останавливаться на достигнутом и поэтому сразу после того, как нашли опору, поехали искать кабель. В район паромной переправы мы отправились с А. М. Голдышем, Е. А. Токуном и И. Жуком — инженером ТУРМ. Можно сказать, нам удалось поиграть в разрушителей легенд. Будучи маленьким мальчиком, проводя своё летнее детство в Осовино, я не раз слышал о таинственном кабеле, который шёл через Керченский пролив в Индию. Поговаривали даже, что кабель — с золотыми жилами, чтобы не окислялся. Кабель мы нашли. Так вот он не с золотыми жилами, а с медными. Сколько мы получили эмоций! Нам удалось найти домик на берегу моря, в который заходил телеграфный кабель. В этом домике когда-то находилась станция переприема. Мы выкопали из земли кусок кабеля, отрезали ножовкой и с чувством гордости привезли трофей на базу. Не перестаёт поражать мастерство, с которым сделан этот кабель. Броня сделана в виде свитых семимиллиметровых прутков, за 140 лет она только сверху взялась ржой, а внутри всё чистенькое. Просто фантастика! Качество кабеля отменное.

Александр Попов рассказывает о находках с увлечением. Связисты хотят не просто сохранить опору, уберечь её от охотников за металлоломом, у них возникла идея сделать из чугунной опоры памятный знак, который будет установлен вблизи от Керченского центра электросвязи. Знак, который будет напоминать всем керчанам и гостям города о замечательной странице истории Керчи, вписанной в главу всемирной истории развития электрических сообщений.

Ведь не зря и кабель, и чугунную опору после долгих лет поисков нашли профессиональные связисты — как раз накануне 140-й годовщины открытия Трансатлантической телеграфной линии.

Телеграфная линия Лондон — Калькутта проходила через Крым

После окончания Крымской войны одним из достижений англичан стало выработанное ими право на строительство телеграфной линии Лондон — Калькутта (11 тыс. км) через территорию России и, в частности, через Крым. Строила фирма «Сименс». Линия была введена в действие в 1870 г. и проработала до 1931 г. (по другим данным — до 1914 или до 1939 года). Проходила через Перекоп, Симферополь, Белогорск, севернее г. Агармыш и на Керчь.

Шестиметровая телеграфная опора этой линии, очень неплохо сохранившаяся, даже фарфоровые изоляторы уцелели, была обнаружена недавно на Кавказе — на границе Туапсинского и Горячеключевского районов. Какова же её история?

В 1868—1870 гг. фирма «S&H» участвовала в одном из самых шумевших проектов XIX века — сооружении первой прямой трансконтинентальной телеграфной линии Лондон — Калькутта протяженностью 11 000 км. Эту задачу можно было без труда приравнять к таким мировым достижениям, как строительство первой трансамериканской железнодорожной линии от Нью-Йорка до Сан-Франциско или строительство Суэцкого канала, существенно сократившего морской путь в Индию.

Заказ на прокладку Индоевропейской телеграфной линии был получен от английского правительства, которое нуждалось в быстрых средствах связи с Индией, крупнейшей своей колонией. Сипайское восстание в Индии в 1857 году, про которое в Лондоне узнали лишь много дней спустя, убедительно показало британскому правительству, какое значение имеют постоянно действующие средства передачи информации.

При СССР в Симферополе на главпочтамте существовал музей электросвязи. Была там и перекладина с изоляторами от этой ли-

нии, и карта-макет Крыма 2х1 м со столбиками телеграфа. И в 90-е годы жил еще в Белогорске монтер, который эту линию обслуживал. Контора Индоевропейского телеграфа размещалась в здании на нынешней ул. Маркса напротив 1-й гимназии в Симферополе.

До революции работа на Индоевропейской линии была престижной, работали отпрыски дворянских семей. Хорошая зарплата, форма. Линия использовалась и для нужд Крыма. Столбы были как деревянные, так и чугунные черного цвета. Вокруг столбов в радиусе 3 м земля считалась собственностью Соединенного Королевства. Есть какой-то грузинский советский художественный фильм. Там дикие грузины гонятся за англичанином, который находит убежище возле столба и запрещает им приближаться, потому что он находится на земле английской королевы. После войны отдельные участки линии и снятые с неё опоры использовались в Белогорском и других районах для местной связи.

По воспоминаниям аборигенов, ещё лет 6—8 тому назад от насосной станции на источнике Карасу-Баши до накопительного резервуара у поворота на село Карасёвка стояли столбы какие-то чугунные, с иностранными надписями даже. Но в начале двухтысячных их стали выкапывать неизвестные, якобы по указанию самого главного начальника водхоза. Куда увезли — не известно, но последствия заставили задуматься: чиновник от воды купил сразу себе и сыну по квартире в Симферополе. Уж не за вырученные ли за столбы деньги? Причём, конечно, проданные не по цене чугуна. Как раз к концу прошлого века стало известно об их раритетном значении.

Но есть ещё опоры позапрошлого века в селе Луговом Ленинского района. Раньше оно называлось Агибель, и в нём находилась подстанция телеграфа. Через эти столбы идут телефонные провода к дому В. Ф. Столецкого, ветерана войны, проработавшего много лет в

районной системе связи. А отец ветерана был сотрудником Индоевропейского телеграфа. Надо раритеты немедленно заменить простыми опорами и поместить возле районного или ещё какого музея как экспонаты, иначе и им «приделают ноги».

При написании странички использовались материалы и фото forum.sevastopol.info, travel.org.ua, С. Ткаченко («Крымская правда»).

Имеется очень немного карт, где обозначена линия Индоевропейского телеграфа. Конечно, в их число не входят специальные, проекционные карты, по которым шло строительство линии.

Все немецкие источники однозначно признают, что самым сложным участком строительства являлся Кавказ, из-за сурового климата высокогорья и нестабильной политической обстановки. Наземная линия через Кавказ планировалась изначально и была предметом споров между Вернером и Вильгельмом Сименсами.

Тем не менее кабель был проложен под водой, вдоль берега Черного моря от Керчи до Тифлиса, что мы можем наблюдать на почтовых марках, посвященных Индотелеграфу, и схематических картах.

После землетрясения 1869 г., уничтожившего подводный кабель, было принято решение вернуться к первоначальному плану и начать срочное строительство наземной линии. От Керченского пролива до Екатеринодара в то время проходил легендарный Таманский почтовый тракт, по которому возили не только почту, но и проезжавших по нему на Кавказ Пушкина, Лермонтова и прочих известных ныне диссидентов. Вдоль этого тракта к 1870 г. уже проходила русская телеграфная линия, которую наше правительство любезно предоставляло на несколько часов в день Индотелеграфной компании, пока шло строительство её собственной линии. На Почтовой карте России можно видеть телеграфные линии, в т. ч. и сухопутную часть Индотелеграфа, проходящую через Темрюк, Славянск и Екатеринодар:

В настоящее время документальными подтверждениями этого маршрута ИТ являются заметки в «Кубанских ведомостях», перечисляющие поломки на линии и контрольные станции в Темрюке, Славянске, Екатеринодаре, а также свидетельства старожилов ст. Новомышастовской, собранные местным краеведом В. Пухно. А вот с картографическими подтверждениями труднее: кроме Почтовой карты

России больше ни одна карта не обозначает никаких телеграфных линий на участке Славянск — Екатеринодар. Впрочем, на генштабовской карте 1985 года заметен участок какого-то телеграфа между Новомышастовской и Краснодаром, проходящего по рисовым полям в аккурат вдоль бывшего Таманского тракта.

К сожалению, строительство рисовой системы и распашка полей на данном участке совершенно уничтожили все артефакты, и мы не можем даже установить, на каких опорах, деревянных или чугунных, была подвешена линия. Памятники сохранились лишь на побережье Азовского моря в виде арки здания ИТ в Темрюке и еще одного домика техобслуживания в Голубицкой. В г. Екатеринодаре не сохранилось ни одной опоры Сименсов, несмотря на то что опоры электролинии — ровестники ИТ, относящиеся к XIX веку, до сих пор стоят в центральных районах города.

Далее, перейдя за Кубань, Индотелеграф продолжал свое шествие через Тахтамукай, Отрадный, Шуваев, Новодмитриевскую, Григорьевскую в сторону Шабановского перевала. Картографических подтверждений этому мно-

жество, особенно на участке Ставропольская — Дефановская, где даже довоенный генштаб подписывал линию как «Бывший Англо-индийский телеграф», а послевоенный — отмечал её же как «недейств.». При внимательном рассмотрении послевоенного генштаба линию можно проследить от Ставропольской в сторону Краснодара до Отрадного. Далее линия телеграфа не видна уже нигде, и нам приходится верить на слово путешественнику и краеведу С. В. Очаповскому, утверждавшему, что чугунные опоры ИТ тянулись вдоль дамбы Екатеринодар — Тахтамукай, где и на дореволюционных картах, и сейчас проходит дорога. Ныне старинная дорога от Отрадного на Новодмитриевскую, помнящая Ледовый поход генерала Корнилова, распахана. Зато начиная от х. Шуваев вплоть до побережья Индотелеграф оставил множество артефактов, хранящихся ныне во дворах хозяйственных григорьевцев, ставропольцев и шабановцев.

Как раз в этом месте нужно упомянуть об одной загадке, которую ставит перед нами некая «Карта нефтеносных слоев Кубанской области», а также довоенные карты РККА. Очевидно, срисованные с одного и того же топографического плана неизвестного происхождения эти карты протягивают линию ИТ от Темрюка через Варениковскую в Крымскую, причем подписывают однозначно: «Бывш. Англо-Индийский телеграф». После Крымской подписанная линия теряется в железной дороге. Никаких документальных подтверждений существования ИТ в Крымске мы не имеем. Что это — растражированная ошибка картографа или не известная нам дополнительная ветка Сименсов, проложенная по нефтеносным районам? Вопрос пока без ответа.

После Джубги, снабженной телеграфной станцией, Почтовая карта России окунает

кабель ИТ в море и тянет его до самого Сухум-кале. Но в «Воспоминаниях» Вернер Сименс утверждает, что сухопутная линия уже была построена к 1870 году, сохранились даже опоры в Новомихайловском и Туапсе, где, согласно заметкам в Адрес-календаре, стояла контрольная станция. Почтовая карта была выпущена в 1871 году, значит ли это, что в то время эта часть линии не была еще заменена? Или наземная часть здесь была построена гораздо позже? Предположение пока только одно: составители Почтовой карты не успели нанести новую линию ИТ, видимо, еще не законченную, между Джубгой и Сухумом и оставили часть кабеля под водой.

В любом случае картографические подтверждения маршрута ИТ по берегу Черного моря очень скудны и в настоящий момент представлены одной картой 1903 года, где обозначена «Контрольная станция Англо-Индийского телеграфа» в пос. Веселом, без самой линии.

У Крыма и регионов Индии много точек соприкосновения. Многочисленные исторические источники свидетельствуют, что через наш солнечный полуостров проходил Великий шелковый путь. Купеческие караваны с самыми разнообразными товарами, в том числе и из Индии, направлялись в крымские города — Солхат (Старый Крым), Кафу (Феодосия) и Сугдею (Судак), где шла бойкая торговля. Многие сухопутные караванные пути из Европы, Московского государства и Приуралья проходили через полуостров, а морские соединяли его с Италией, Сирией, Египтом, Китаем, странами Ближнего и Дальнего Востока. Из Индии в Северное Причерноморье плыли по реке Инду, потом маршрут пролегал через Кандагар, Бухару, Астрахань, далее по рекам Волге и Дону через Азовское море в Кафу. Еще один путь проходил по реке Амуда-

рье, через Каспийское море на Тифлис (Тбилиси, Грузия), а затем по одной из крупнейших рек Закавказья — Риони — к Черному морю.

Именно через Крым в XV веке возвращался домой русский купец из Твери, путешественник Афанасий Никитин. Он стал первым европейцем, достигнувшем Индии. О своем путешествии в первое мусульманское государство на юге Индии — Бахмани или Бахманийский султанат — Афанасий Никитин рассказал в путевых записях «Хождение за три моря». Большая часть рукописи была посвящена Индии — ее политическому устройству, обычаям и традициям. «Познакомился я со многими индусами и объявил им о своей вере, что я не бусурманин, а христианин, и они не стали от меня скрывать ни об еде своей, ни о торговле, ни о молитвах и жен своих от меня не прятали. ...И тут есть Индейская страна, и люди все ходят наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а все ходят брюхаты, а дети рождаются на всякий год, а детей у них много. А мужики и жонки все наги, а все черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку...», — отмечал в записях русский путешественник.

В 1474 году Афанасий Никитин на корабле прибыл в Феодосию. В его рукописи мы встречаем упоминание о буре, от которой его парусник укрывался в Гурзуфской бухте: «Божией милостью дошел я до третьего моря — Черного, что по-персидски Дарья Стамбульская. С попутным ветром шли морем десять дней и дошли до Воны, и тут встретил нас сильный ветер северный и погнал корабль назад к Трабзону. Из-за ветра сильного встречного стояли мы пятнадцать дней в Платане. Из Платаны выходили в море... дважды, но ветер дул нам навстречу злой, не давал по морю идти. Море перешли, да занес нас ветер к самой Балыкее (ныне — Балаклава). И

оттуда пошли в Токорзофу (ныне — Гурзуф) и стояли мы тут пять дней. Божиею милостью пришел я в Каффу, за девять дней до Филиппова заговенья...». В Кафе тверской купец провел несколько месяцев. В это время он изучал окрестности, занимался записями, накопившимися за годы путешествия. В Феодосии на территории Старого города напротив Иверской церкви в июле 2008 года ему установили памятник с надписью: «Афанасию Никитину, купцу-путешественнику, автору «Хожения за три моря», приидошему в Кафу в лета 1474 ноября 5 дня». Также одна из феодосийских улиц названа в его честь.

В советские времена дети из Индии приезжали на отдых в знаменитый детский лагерь «Артек». Им очень нравилось в Крыму. Например, индийская девочка Пурнима Мехта, прощаясь с ребятами и работниками «Артека», сказала, что очень переживала, когда ехала сюда. «Как мы будем разговаривать? Поймем ли друг дру-

га, не зная языка? Только здесь, в Артеке, я поняла, как много может сказать улыбка».

12 июня 1955 года в Симферопольский аэропорт прибыли премьер-министр Индии Джавахарлал Неру и его дочь Индира Ганди. В Крыму они пробыли полтора дня. Высокопоставленные гости встретились с пионерами в «Артеке» и с крестьянами, отдыхающими в санатории в Ливадии. В экскурсионную программу также вошло посещение Никитского ботанического сада, южнобережных дворцов, Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. На отдых Дж. Неру и И. Ганди останавливались в лучшем на то время крымском санатории «Курпаты».

Сейчас в Крыму численность индийской диаспоры составляет более 500 человек. Это преимущественно выпускники Медицинской академии имени С. И. Георгиевского (ранее — Крымский медицинский институт, Крымский государственный медицинский

университет). Сегодня в Медицинской академии обучается более 750 студентов из Индии. Их землячество самое многочисленное в вузе.

Сейчас у индийских бизнесменов есть большой интерес к нашему полуострову. Крымское правительство намерено тесно сотрудничать с представителями деловых кругов Индии. Так, в декабре 2014 года Глава Республики Крым Сергей Аксенов во время визита в Индию подписал с руководителем организации «Индийско-Крымское партнерство» Гулом Крипалани Меморандум о взаимопонимании.

По словам С. Аксенова, подписание этого документа является знаковым событием для Крыма как нового субъекта Российской Федерации. «Этот Меморандум будет способствовать долгосрочному и взаимовыгодному взаимодействию в широком спектре отраслей — от машиностроения, фармацевтики, сельского хозяйства и туризма до информационных технологий, микроэлектроники и создания технопарков», — отметил он.

Справка:

Медицинская академия имени С. И. Георгиевского (структурное подразделение ФГА-ОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»). Вуз создан в 1931 г. В 1961 г. начался набор на обучение иностранных студентов. С 1999 г. в вузе введена новая форма обучения — преподавание на английском языке. Занимал лидирующие позиции среди вузов СССР, затем Украины. Сегодня академия также занимает достойное место среди медицинских вузов России.

В Медицинской академии учится более 4300 студентов, около 40% из них — граждане из 46 стран мира.

Индийская организация «Индийско-Крымское партнерство» представляет собой ассоциацию деловых кругов Индии, в первую очередь из финансового центра Индии города Мумбаи. Её руководитель — Гул Крипалани — один из самых известных бизнесменов в Индии. Он возглавляет группу компаний Rijika Group и является вице-президентом Национальной индийской ассоциации поставщиков морепродуктов. В недавнем прошлом возглавлял Коммерческую палату Индии и Федерацию Индо-Израильской палаты коммерции и культуры.

Благодаря индийским студентам у нас — крымчан — есть возможность познакомиться с культурой их страны. Ежегодно они отмечают главный индийский праздник Дивали (или Дипавали). На торжество с удовольствием приходят преподаватели и сотрудники вуза, студенты разных национальностей.

Индийские студенты не только учатся, но активно участвуют в различных культурных мероприятиях, проводимых в Крыму. Это празднование Дня народного единства, Дня России, Нового года и др. Например, в 2015 году они стали гостями первого международного этно-литературного фестиваля «Народы и времена — процветание в единстве», который проходил в Алуште.

БАЛАЯН Борис Сергеевич,
Президент Алуштинского
международного этнолитературного фестиваля,
автор и руководитель издательского проекта
«Всемирная серия. Народы и времена»

ОГНЁВА Галина Ивановна,
Председатель Алуштинского
городского Совета

СУМУЛИДИ Лера Васильевна,
директор ГБУРК «Дом дружбы народов»

СОТОВ Игорь Иванович,
Глава администрации города Алушты

ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

о I Алуштинском международном этнолитературном фестивале «Народы и времена»

Фестиваль проводится ежегодно с целью содействия процессу укрепления добрососедства, международного сотрудничества, межнациональных отношений, пропаганды традиций народов и достижений мировой культуры, а также развития Крыма как курортно-туристического центра Российской Федерации.

Организаторами фестиваля являются:

- Крымский союз журналистов этнических средств массовой информации,
- Алуштинский городской Совет,
- Государственный комитет Республики Крым по делам

межнациональных отношений и депортированных граждан,

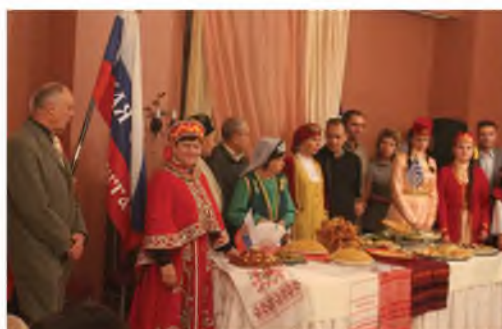
- Министерство внутренней политики, информации и связи Республики Крым,
- Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Дом дружбы народов»,
- Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
- Союз промышленников и предпринимателей Крыма,
- Крымская медицинская академия им. С. И. Георгиевского Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Фестиваль является ежегодной площадкой для обмена опытом работы и идеями, установ-

ления личных контактов, поиска новых направлений этнолитературного процесса, демонстраций достижений, проведения мастер-классов и творческих семинаров.

В рамках фестиваля проводятся конкурсы литературных произведений, журналистских публикаций, выставки работ живописцев, мастеров декоративно-прикладного искусства, народных промыслов, а также конкурсы музыкантов и фольклорных коллективов.

Лауреаты фестиваля получают поддержку в развитии своих творческих планов.

РЕЗОЛЮЦИЯ

I Алуштинского международного этнолитературного фестиваля «Народы и времена»

Признавая важность общечеловеческих ценностей, руководствуясь основополагающими международными документами в гуманитарной сфере, стремясь внести свой вклад в укрепление добрососедства и межнационального согласия, участники I Алуштинского международного этнолитературного фестиваля «Народы и времена» — представители Российской Федерации, Белоруссии, Казахстана, Китая, Бразилии, Индии, Узбекистана, Южно-Африканской Республики, Шри-Ланки, Нигерии

считают актуальным и своевременным ежегодное проведение этого важного форума.

Ценно, что в его работе принимает участие многонациональная талантливая интеллигенция, которая нуждается в поддержке своей творческой деятельности. Особенно важно, что на фестивале представлена одаренная молодежь. Построение гуманитарного моста между поколениями — важнейшая задача нынешнего и последующих фестивалей.

Целесообразно, чтобы в дальнейшем была расшире-

на география его участников и предоставлена возможность более продолжительной работы фестиваля.

Обращаемся к странам СНГ и БРИКС рассмотреть вопрос о включении фестиваля в совместный план гуманитарного сотрудничества.

Считаем целесообразным инициировать создание в г. Алуште этнолитературного музея, который стал бы одним из международных культурных центров.

Контакты:

Российская Федерация,
Республика Крым, г. Симферополь
8365 26-71-13 +7 (978) 858 80 86

Российская Федерация,
Республика Крым, г. Алушта,
курортный комплекс «GOLDEN»
+7 (495) 204 14 08 +7 (495) 740 55 58

Л. В. Кудряшова,
*председатель Крымского отделения
Международного центра Рерихов,
доктор философии*

ИНДИЯ НА КРЫМСКОЙ ЗЕМЛЕ

В 2000 году Крымская региональная культурно-просветительная общественная организация «Общество Рерихов», имеющая статус Крымского отделения Международного центра Рерихов (основана в 1991 г.), решила создать в Симферополе общественный культурный центр и парк. В многонациональную культуру Крыма очень органично должен вписаться небольшой оазис, вбирающий в себя лучшие национальные традиции разных народов, ведь язык культуры понятен и доступен всем. Конечно, в этом проекте обязательно будет представлена Индия. Но всё по порядку...

По инициативе общества творческая группа Санкт-Петербургского союза архитекторов под руководством И. П. Шмелева разработала проект Культурного центра. Здание центра (общая площадь — 1299,8 кв. м) состоит из трёх блоков, в которых компактно разместились:

1) выставочные залы (два зала на разных уровнях);

2) зрительный зал (на 300 человек), зимний сад, малый зал (на 40—50 человек), планетарий, кафетерий;

3) студийные помещения; студийно-административный блок состоит из трёх этажей:

а) для размещения администрации, артистических;

б) танцевальный зал;

в) читальный зал, кружковые помещения.

Внутренний открытый дворик-амфитеатр планируется использовать в тёплое время года для различных мероприятий. Проект подготовлен к стадии строительства. В настоящее время организация ведёт поиски инвесторов для реализации проекта.

Культурный центр будет размещён в обычном парке. Прежде чем о нём рассказать, обратимся к основам садово-паркового искусства, одного из самых древних на зем-

ле. Любой вид искусства, подобно человеку, имеет троичную структуру: дух, душу и тело. «Тело» этого искусства составляют агрономические знания, позволяющие грамотно, без ущерба для человека и окружающей среды выращивать те растения, которые необходимы для обеспечения жизнедеятельности человека. «Душа» — знания в области ландшафтного дизайна, позволяющие создать живое пространство, заключающее в себе особый смысл, радующее глаз и приносящее положительные эмоции. Сад в переводе с персидского языка — рай, частица неба, существующая на бренной земле. Первые сады, не имеющие сельскохозяйственного назначения, согласно историческим данным, появились в Древнем Египте. Создавали их представители жреческой касты. Особым образом организованное пространство создавало живую энергетическую структуру, которая выполняла роль камертона, духовного магнита. Впоследствии садово-парковое искусство распространилось по всем странам и континентам. Каждый такой сад имел сакральный смысл и был посвящён определённой теме подобно тому, как создаются произведения живописи, музыки, поэзии... Сад можно было читать как раскрытую книгу, но прежде нужно было познать особый язык символов, язык природы, законы гармонии, равновесия, единства противоположностей и многие другие. Это и был «дух» садово-паркового искусства. Со временем эти знания были утрачены, и сады стали местом отдыха и развлечения, утратив своё первоначальное значение.

Строительство парка им. Н. К. Рериха — попытка возродить некоторые фрагменты утраченного искусства. В данном направлении сотрудники нашей организации проводят научно-исследовательскую работу, результатом которой стали теоретическое обоснование и практическая реализация проекта.

Главная цель создания парка — наглядно продемонстрировать важные вехи в истории развития человечества посредством садово-паркового искусства.

Также можно выделить основные задачи:

- представить садово-парковое искусство Египта, Индии, Греции, Китая, России и Крыма;
- собрать коллекции растений, родиной которых являются указанные страны;
- представить важный исторический этап развития указанных стран;
- представить ключевые философемы, являющиеся основой национальной идеи указанных стран и вошедшие в мировую культуру.

Территория парка имеет неправильную геометрическую форму, которая своими очертаниями повторяет очертания созвездия Большая Медведица. Семь «звёзд» с соблюдением необходимых пропорций отмечены в границах парка. Таким образом, его площадь разделена на семь участков. На пяти участках представлены Египет, Индия, Китай, Греция, Россия и растения, родиной которых являются вышеуказанные страны; на шестом — Крым; на седьмом, расположенном у главного входа в культурный центр, будет установлен памятник Н. К. Рериху. Каждый участок имеет своё смысловое и функциональное значение и представляет ландшафтную архитектуру, малые архитектурные формы, водоёмы, скульптуру, растения указанных стран.

На «звёздных местах» будут возвышаться колонны. Парк имеет большой перепад высот — 22 метра, что обуславливает террасирование территории, а близкое залегание почвенных вод — размещение водоёмов.

Территория для строительства парка (1,13 га) представляла собой непригодный для выращивания растений скальный грунт (мраморовидный известняк миоценового периода) с небольшим (до 40 см) слоем каменистой почвы. Значительную часть территории занимала свалка строительного и бытового мусора, отвал каменистого грунта.

За прошедший период была осуществлена следующая работа:

- разобрана свалка;
- выполнен и согласован в установленном законодательством порядке проект парка;
- разработаны чертежи малых архитектурных форм;
- по трём сторонам выполнено постоянное ограждение, по одной — временное;
- имеющийся плодородный слой просеян от камней;
- завезено более 2000 машин плодородной земли и речного ила;
- построены подпорные стены для индийского и китайского сада;
- сформирован рельеф;
- собрана уникальная коллекция редких декоративных растений, насчитывающая около

740 видов. В подборе посадочного материала приняли участие 13 ботанических садов мира;

- выполнена посадка растений;
- частично выполнены фундаментные работы для установки малых архитектурных форм, скульптуры;
- выполнены центральные скульптуры для России, Индии, Китая, Греции.

Индийский сад расположен по соседству с русским. При разработке проекта сада Индии определяющим стал период правления Акбара (XVI в.) и построенный им розовый город Фатехпур Сикри. Доминантой данной территории будет индийская колонна. На участке размещены: индийский водоём, каменная арка-вход, две кованые арки, скульптура «Акбар». Выполнена скульптура «Гармония». Необходимо выполнить индийскую беседку, колонну, центральный вход, скульптуры львов и слонов, облицевать мрамором водоём и постамент скульптуры Акбара, красным песчаником облицевать дорожки.

Пройдёт несколько лет, и на территории Симферополя для горожан и гостей города будет открыт небольшой сад Индии. В нём можно будет познакомиться с культурой этой великой страны, её историей, обычаями, необыкновенными праздниками, полюбоваться прекрасными растениями. Мы надеемся, что это место станет одним из любимых уголков не только индийцев, проживающих в Крыму, но и горожан, гостей города. Ведь, кроме путешествия по Индии, можно будет совершить экскурсию по России периода жизни Преподобного Сергия Радонежского, по Китаю эпохи Конфуция, по Греции правителя Перикла и его жены Аспазии, по Египту фараона-реформатора Эхнатона и его прекрасной супруги Нефертити; познакомиться с многогранной историей Крыма и идеями Николая Константиновича Рериха, направленными на защиту и сохранение культуры.

Сингх Далджит

МОЯ УЧЁБА В ОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Уважаемый Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Индии в Российской Федерации Сатиндер Кумар Ламба!

Уважаемый заместитель губернатора области!

Уважаемые дамы и господа!

Свою студенческую жизнь я начал в Омске в 1994 году, поступив в Омскую государственную медицинскую академию. Отучившись полгода, я перешёл в Омский государственный технический университет. В ОмГТУ понравилось спокойное, корректное и интеллигентное отношение персонала администрации. Именно контакт с администрацией университета помог мне определиться с выбором специальности «экономист-менеджер». Хотелось бы отметить, что ОмГТУ имеет возможность обучать иностранных студентов, здесь созданы благоприятные условия для получения вузовского и послевузовского образования.

Обучение в университете даёт возможность получать не только теоретические знания, но и практически участвовать в общественной и экономической жизни области. В частности, обучаясь на младших курсах университета, я работал преподавателем английского языка в школах № 28 и 109. На 3-м курсе работал ассистентом экономиста в Сибирском международном инвестиционном банке в международном отделе. Благо-

даря комитету внешнеэкономических связей Администрации Омской области я, будучи студентом 4-го курса, участвовал в выставке военной техники «ВТТВ» в качестве переводчика индийской делегации.

За время учёбы я познакомился с Омском не только с внешней стороны, но и изучал экономику, финансы и инвестиции города. Ознакомился с профилем, экономическими и инвестиционными интересами основных промышленных предприятий Омской области и других областей Сибирского региона, что позволило составить представление о промышленном потенциале предприятий Сибири, которые имеют конкурентоспособную продукцию, но, к сожалению, не имеют выхода на мировой рынок.

В настоящее время я хочу продолжить обучение в аспирантуре ОмГТУ. Обучение планирую по экономическим вопросам развития международного сотрудничества Индии и Рос-

сии, совмещая его с активной практической деятельностью в Омской области. Реализовать возможность получения вузовского и послевузовского образования мне было бы проще, если бы я приехал на обучение в Омск по государственной программе. Поэтому наличие срочных программ сотрудничества Индии и Омской области позволило бы значительно повысить доступность и уровень подготовки специалистов из числа граждан Индии.

О. Г. Павлова

ИНДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА НА БЕРЕГАХ ИРТЫША

Центр индийской культуры «Бхарат» (Индия) был создан в Омске в 1992 году по инициативе Е. Л. Рохкиной и О. Г. Павловой. Несколько десятков энтузиастов объединились для изучения индийской культуры, для того чтобы удовлетворить большой интерес к Индии, её культуре, традициям. Несомненно, культуры России и Индии очень близки — связи между двумя народами прослеживаются издревле. Многочисленные данные свидетельствуют о довольно широких связях с Востоком ещё в Киевской Руси. Некоторые авторы (Ал-Бакри, Ибн Хаукал) указывают на сходство обычаев (погребальных, свадебных) русов и индийцев. Ал-Бакри пишет: «У них (русов) обычаи, подобные обычаям индийцев». Уже в XII веке на Руси пользовалась известностью «Повесть о Варлааме и Иоасафе, царевиче индийском». Это переложение легенды — жизнеописание Будды. Сюжет об отказе индийского царевича от благ и соблазнов мирских, обращении к царству иному, лучшему, и удалении в пустыню оказался близок средневековому христианскому мировоззрению. В украинском языке слово «рахман, рахманин» стало означать праведника и нищего, в Калужской и Смолен-

ской областях прилагательное «рахманный» означало «смиранный, простодушный, чудной» (отсюда и фамилия композитора С. Рахманинова). По мнению многих учёных-индологов, у нынешних индийцев и славян были одна прародина и один праязык — санскрит. В Вологде подавляющее большинство названий можно просто переводить с санскрита.

Но постепенно книжный образ Индии начал противоречить реальной информации и понемногу отступал в область сказок и занимательного чтения. Индийские фильмы, шедшие на наших экранах, также не способствовали распространению достоверной информации об индийской культуре. Знания многих людей о «прекрасной и загадочной Индии» в основном свелись к йогам, слонам и женщинам с точкой на лбу. Но что такое культура Индии? Это язык народов, населяющих её, религия, храмы, традиция, одежда, архитектура, нравственность, семейные отношения и т. д. Зачем нам всё это знать, нам — людям другой культуры? Чтобы лучше понять свою планету во взаимодействии народов, культур, традиций, ощутить свою причастность к человечеству, мировой культуре. Самопозна-

ние чаще происходит через познание другого, иной страны, иного народа.

Энтузиасты центра постоянно занимаются творческой деятельностью: шьют костюмы, делают украшения, рисуют, чеканят, вышивают, учатся готовить блюда индийской кухни, делают аппликацию в традиционном индийском стиле. Один раз в год пишут реферативную работу на выбранную тему: музыка, театр, индийская кулинария, архитектура, прикладное творчество, скульптура и т. д. При центре был создан коллектив индийского классического танца «Калпна» («Созидание»). Это расширило просветительские возможности центра, потому что танец — наиболее доступное наглядное средство. Он понятен всем без исключения — и детям, и взрослым, и пожилым. С танцевальной программой мы выступали в центре для слабослышащих. Они поняли нас, не слыша музыки танцев (танцевальные жесты очень похожи на жесты сурдоперевода).

За прошедшие годы по крупицам для центра была собрана библиотека: более 200 книг научной и научно-популярной литературы, художественные тексты, книги по экономике, политике, философская и лингвистическая литература. На видео есть классические индийские танцы, обряды, передачи из серии «Эврика» (Кашмир, Южная Индия). Многие передачи мы записываем сами. Большую помощь в приобретении журналов и книг об Индии нам оказал директор Культурного центра им. Дж. Неру г-н Ашок Саджанхар.

С 1992 года мы выступали с благотворительными концертными программами в учреждениях социальной сферы, больницах и интернатах для детей-инвалидов, зимой был концерт в неотапливаемом клубе колонии для несовершеннолетних в п. Морозовка, домах отдыха, школах и вузах нашего города, принимали участие в городских мероприятиях. Участвовали во встрече индийской делегации во

главе с господином Пурти (СибГАФК, г. Омск), в культурной программе по случаю визита директора Культурного центра им. Дж. Неру г-на А. Саджанхара. В марте 1996 года были в Москве на конференции общества дружбы «Друзья Индии» и на празднике весны Холи Мела.

Мы с удовольствием сотрудничаем со всеми национально-культурными центрами. В любых культурах можно найти то, что их объединяет. Многие праздники национально-культурных центров совпадали с индийскими, и мы вместе их праздновали. С танцевальными программами мы выступали в немецком, корейском, еврейском, казахском, татарском, армянском и китайском культурных центрах. Вместе с китайским культурным центром «Золотой дракон» мы встречали делегацию Тайваня. Наше выступление нашло тёплый отклик в их сердцах.

В 1999 году нашим центром была создана долгосрочная программа «Новое открытие Индии на пороге XXI века». Основная цель программы — ввести личность в процесс культурного роста для освоения подлинных ценностей. Её задачи: 1) приобщение личности к миру прекрасного, создание условий для реализации творческого потенциала; 2) приобщение к здоровому образу жизни, организация досуга. Для реализации этих задач Центр индийской культуры предлагает: проведение культурно-просветительских программ, занятия в группах женской оздоровительной гимнастики на базе индийских танцев и элементов йоги (автор гимнастики — Е. Л. Рокхина), занятия индийскими танцами, занятия кулинарией, изготовление кукол в национальных индийских костюмах, занятие изобразительным творчеством.

В наших планах и дальше пропагандировать культуру Индии. Мы хотим также показать, что не хлебом единым сыт человек, главное в человеке — его духовный мир.

Ю. В. Линник

ИНДИЯ – КАРЕЛИЯ: ПЕРЕКЛИЧКА И ПАРАЛЛЕЛИ

1. В сознании русского человека Индия всегда была образом запредельной, недоступной, сказочной красоты. О ней можно сказать так: это предмет самого сокровенного трансцендирования — аналог рая, его представительство на земном шаре. Об Индии мечтают, Индией грезят. В частотном словаре Николая Клюева название заповедной страны занимает выделенное место. Вдохновение аннулирует любые расстояния — вот и происходит чудо: индийские реалии поэт видит рядом с собой — в самой избе, в прионежском пейзаже. Это мираж, наваждение? Вовсе нет! Поэт прозревает корневое родство Индии и России. Свое отечество он называет «Белой Индией» — в одноименном стихотворении читаем такие строки:

Как перепел алый, Христовы уста!

В них тридцать три зуба — жемчужных горы,

Язык — вертоград, железа же — юры.

2. За этими образами стоит наидревнейший индоевропейский архетип. Человек — и Вселенная: созвучья между ними задаются

космогенезисом. Он имел форму жертвоприношения: первочеловек Пуруша заклал себя — и превратился в космос. Человеческая анатомия обернулась космографией — один уровень полностью изоморфен другому. Вот как об этом говорит ведический «Гимн Пуруше»:

Луна родилась из мысли, из глаз возникло солнце,

Из уст — Индра и Агни, из дыхания возник ветер.

Николай Клюев многократно слышал от народных исполнителей «Голубую книгу». Ее космогонические мотивы восходят к тому же архетипу. Вот цитата из варианта, записанного под Петрозаводском — в ныне не существующей деревне Остречины:

Началось солнце красное

От светлого лица Божия,

Звезды часты от риз Божиих.

3. «Гимн Пуруше» — «Голубиная книга» — «Белая Индия» Н. Клюева: смысловая и образная преемственность тут налицо. Как ее объяснить? Прямые влияния маловероятны

как из-за пространственных, так и из-за временных дистанций, но подобные барьеры не существенны для архетипов: они проявляются где угодно и когда угодно. Именно их проявление свидетельствует о глубинном единстве этносов и культур. Наш Русский Север оказался благодатным субстратом для того, чтобы здесь активизировались архетипы, характерные для Древней Индии. Сдвоенные кони, чьи головы обращены в разные стороны: этот образ широко варьируется в северном декоре. Как здесь не узнать братьев Ашвинов? «Обладающие конями» — так переводится их имя с санскрита на русский. Близнечная пара была призвана символизировать извечный дуализм бытия. Небо — и земля, день — и ночь, свет — и тьма: перед нами противоположные полюса, сие единство обуславливает мировую гармонию. В Индии и России мы находим идентичные друг другу образные решения этой темы.

4. Наши культуры имеют общую архетипическую базу. Язык и манифестирует, и закрепляет её. Поразительны гидронимы Русского Севера! Лишь в санскрите мы можем найти ключ к их пониманию. В Индии течет река Ганг — а возле Коми мы обнаруживаем речку Ганга. Индега, Индига, Индога: в этих названиях северных рек отчетливо отзывается Инд. Красота притягивала русских людей к Индии. Лакшми — так именуется индийская богиня красоты. Неужели каргопольская речка Лакшма когда-то отображала ее лик? Глубочайшую символическую нагрузку несет в себе образ лотоса. Цветок моделирует космос — как его морфологию, так и его ритмику. Падма — индийское название лотоса; но так были наречены и две реки, текущие в нашем Прионежье. Таинственные языковые переключки! Что стоит за ними?

5. В поле своего уmozрения Н. Ключев мог одновременно удерживать Индию и Карелию. Вот один из его глобальных пейзажей:

От Пудожа до Бомбея

Расплеснется злат-караван.

Бомбей был для поэта своеобразной реперной точкой. Посмотрим, как он еще раз появляется в его стихах:

Там, Бомбеем и Ладогой веющий,

Притаился мамин платок...

Коли речь зашла о Бомбее, то уместно вспомнить, что именно там в 1903 г. вышла книга Б. Тилака «Арктическая родина в Ведах». Ученый выделил немало реалий, типичных для приполярных широт: как они могли стать известными авторам ведических текстов? Б. Тилак утверждает: арии пришли в Индию с Севера — они принесли с собой память полярных сияний и белых ночей. В культуре Карелии проступает память великих миграций. Об этом свидетельствует не только язык, но и орнамент: кенозерские прялки естественно ассоциируются с индийскими мандалами. Хранителем общей памяти может быть и архитектура. Именно такую гипотезу высказал в 1877 г. Лев Владимирович Даль, сын прославленного лексикографа.

6. В 1877 г. журнал «Зодчий» опубликовал статью Л. В. Даля «Старинные деревянные церкви в Кижях»: ...в ней уж виден в плане восьмигранник, явившийся во всех церквях петровской эпохи, но богатое венчание здания 22-мя главами и 21-ю закомарою или кокошником, дает ему то странное сходство с индийскими зданиями, которое мы замечаем в наших постройках самой последней допетровской эпохи». А вот цитаты из архивных документов: отмечая «восточное влияние на ваш стиль», Л. В. Даль утверждает, что имеющееся здесь сходство «основано на том же, на чем и сходство всех индоевропейских языков — на общем происхождении, — тогда оно должно быть скорее в самом вкусе украшений, чем на строительных приемах, зависящих всегда от климата страны». Кижское Преображение — и индийская пагода: накладывая их друг на друга, Л. В. Даль пытается прозреть общий архетип. Инвариантов здесь немало — ярусность, вертикальный порыв: архитектура символизирует восхождение от дольного к горнему.

7. Вернемся к образу лотоса. Он поднимается из вод, как маленький остров. Воды — как неопределенный хаос; цветок — как организованный космос. Здесь просматривается очень глубокая антитеза. Нельзя ли Кижь уподобить многолепестковому лотосу? На аналогичную роль могут претендовать и наши северные монастыри — Валаамский и Соловецкий: давно расцветают они над северными водами. Эти ассоциации не случайны. Крайне важно вспомнить сейчас, что Индия представлялась древнерусскому созданию двояко — и как материк, и как остров. Причем между этими двумя ипостасями Индии отмечается антиномическое напря-

жение. Материк подвержен мирской суете — благодать обретается на острове. Именно островная Индия была вожделенной для русских искателей красоты. Древние тексты прямо и непосредственно отождествляют ее с земным раем.

8. 20 июля 1871 г. Александр Федорович Гильфердинг записал в Чолмухах от Ивана Аникиевича Касьянова былинку о индийском госте Дюке Степановиче. Вот как там описывается Индия:

Церкви у вас деревянные,
А маковки на церквях да осиновые.
А у нас ли во Индии во богатые
Церкви у нас да все каменные,
А известочкой они да отбелены.

Обратив внимание на оппозицию «деревянное — каменное», отметим, что перед нами амбивалентное описание: оно может быть отнесено как к индийскому, так к русскому каменному зодчеству. Разве не похоже выглядят издали Соловки и Валаам? Это призвание монастыря: моделировать рай — воспроизводить его в земных условиях.

9. «Хожение Зосимы к рахманам» повествует именно об острове Индия. Рахманы — это брахманы: люди высшей праведности. Наши апокрифы называют их еще «нагомудрецами», что является точной калькой с греческого «гимнософисты»: рахманы не признают одежды. Цитируем апокриф «Хожение Зосимы к рахманам»:

— Почему ты, брат, наг?

— Не знаешь ли ты, брат, что ты сам наг? Ибо ты носишь шкуру овец земных, и она истлеет с телом твоим. А я, посмотрев на небо, вижу лицо мое и одежду, как они есть, в истинном их виде.

Это лицо — как у ангела. Тогда как «одежда его — как молния, идущая с востока на

запад». Узнаете библейские аллюзии? Нагомудрецы облечены в сияние. Их одеяние — аура святости.

10. Остров рахманов имеет в наших апокрифах сложный онтологический статус. С одной стороны, он принадлежит дольному миру, с другой стороны, очевидна его необычность, даже трансцендентность. Рост энтропии если не остановлен, то существенно замедлен на сказочном острове. Рахманы — долгожители. Их жизнь подчинена не только причинности, но и телеологии: будущее открыто нагомудрецами — ангелы загодя сообщают им день смерти. Отход в мир высшей сферы происходит мягко и безболезненно. Безэнтропийность и телеология — это верные признаки пакибытия. Как они могут совмещаться с мирскими реалиями? Ответ на этот вопрос нам поможет найти знаменитый спор новгородского архиепископа Василия Калики с тверским епископом Феодором. Где он, «мысленный рай»? За этим важнейшим понятием стоит представление о вечности. Но она станет нам доступна только после второго пришествия. На этом твердо стоит Василий Калика. Именно к «мысленному раю» устремлялись наши исихасты — и достигали его на пике своих удивительных озарений. По сути это было проникновение в будущее. Что касается настоящего, то Василий Калика убежден: существует земной рай — и его можно достичь. Авторитетную поддержку новгородский архиепископ находит в «Хождении Зосимы к рахманам».

11. Остров рахманов надежно защищен от вторжения всего мирского, суетного. Широкая река Евмасион отделяет его от материка. Апокриф говорит: «Глубина же той реки — до бездны». Ни птицы, ни ветра не могут перелететь через нее. Второй пояс защиты — облачная стена, встающая из вод. Зосима преодолевает препятствия благодаря помо-

щи чудесных деревьев: одно растет на том берегу, подхватывает Зосиму — и передает его над серединой реки другому дереву. Хотя действие разворачивается в горизонтальной плоскости. Но участие в нем деревьев указывает на духо-подъемную вертикаль, возносящую нас на небо. Сплетение горизонтали и вертикали на этом сюжете соответствует взаимодействию земного и небесного. Остров рахманов одновременно принадлежит обеим сферам. В этом его уникальность. Он находится на Земле — но уже не принадлежит Земле. Двойственность его — от промежуточного положения: земное отринуто — однако небесное еще не достигнуто окончательно. Таков земной рай. По сути, это понятие — оксюморон, синтез противоположных смыслов. Комментаторы «Хождение Зосимы к рахманам» В. М. Хачатурян и В. В. Мильков указывают, что описанный здесь «земной рай» есть аллегория монастыря».

12. П. А. Флоренский прозрел в Троице-Сергиевой лавре «сверх-эмпирическую, выше-земную сущность». Он описывает ее как рай. «Мысленное» благодаря художественному подвигу здесь делается зримым, конкретным. Эстетический момент очень важен для русского сознания. А он требует воплощенности, предметности. Тяга к земному раю — вовсе не натурализм: это установка на синтез небесного и земного, идеального и материального. Прообраз такого синтеза Святая Русь нашла на острове рахманов. Наши северные монастыри, возведенные учениками и последователями Сергия Радонежского, обычно окружены водами, они и топографически, и существенно вторят острову рахманов. Среди диких лесов и вод — сказка русского монастыря: он трансцендентен как Индия, — у него с нею общие духовные истоки. Белая Индия! Эта формула Н. Ключева относится

прежде всего к северным монастырям. Они выносят человека из потока времени — они приобщают его к измерениям вечности.

13. Русский Север всегда питал особый интерес к Индии. Замечательно, что именно белозерскому книжнику Ефросину мы обязаны сохранением многих текстов, где речь идет о рахманах. Среди них мы находим «Слово о рахманах и о предивном их житии». Вот цитата оттуда: «У рахман же народ благочестив, и живут они совершенно без стяжания и, уведав жребий, посланный им божьей судьбой, обитают нагие у реки и всегда восхваляют бога». Святость брахманическая и святость христианская: понятно, что между ними много различий, но ведь инварианты тоже наличествуют. Индийская аскеза древнее христианской. Отшельники Фиваиды, Синая, Афона: знаком ли им был восточный мистический опыт? Много говорит в пользу положительного ответа на этот вопрос. Апокрифы свидетельствуют: христианские подвижники шли к рахманам с полным доверием — они видели в них реализацию своего идеала. Сколь значителен этот факт! Экуменический дух присущ древнерусским апокрифам.

14. Кого на Руси нарекли рахманами? Скорее всего это были адживики. Их называли падда-броддо: «те, чье богатство — нагота». Другие их отличительные признаки: отказ от собственности — вегетарианство — непричинение вреда живым существам — физическая аскеза — постоянное молитвенное обращение к небу — способность к прорицаниям (но не по частным вопросам). «Слово о рахманах и о предивном их житии» подробно перечисляет то, что отсутствует в их стране. Вот это реестр:

Скотоводство	Храмы	Царь	Зависть
Земледелие	Одежда	Купля	Вельможи
Железо	Огонь	Продажа	Воровство
Золото	Мясоедение	Распри	Разбой
Серебро	Соль	Драки	Игра

Переписчик Ефросин делает интересную пометку на полях «Александрии»: рахманы «близ рая живут». Георгий Аморто в своей «Хронике» пишет о райском благоухании, веющем на острове рахманов; подчеркивается его соседство с Эдемом. Нравственный кодекс рахманов — и монастырский устав: здесь много параллелей.

15. Что привлекло русских людей в рахманах? Информация о них укрепляла наших предков по крайней мере в двух важнейших убеждениях:

— индивид есть дух; тело — всего лишь бренный эпифеномен;

— бороться надо не с внешними, а с внутренними врагами — нашими страстями.

Рахманы учили человеческому достоинству. Блистателен их ответ Александру Македонскому на предложение покориться: «Философ не облагается, но обладает». Невооруженный Дандамий, вождь рахманов, берет верх над вооруженным Александром. Не здесь ли начинается философия непротivления злу силою? Зосима вернулся из своего фантастического путешествия на христианские земли. И вот резюме его путешествия: «Блажен ты, Зосима, ибо соединился с блаженными». Индийская духовность вовсе не враждебна христианству.

16. Вернемся к былинам о Дюке Степановиче. Для них весьма характерна не только

оппозиция «деревянное — каменное», уже отмеченная нами, но и как бы географически уточняющее ее противопоставление «Карелия — Индия». Вот как иллюстрируется цитата из свода П. Н. Рыбникова:

Из той Индии богатыя,

Из той Карелы упрямыя.

В другой редакции Карелия наделяется еще менее лестным эпитетом — цитируем запись А. Ф. Гильфердинга:

Я похвастал знать Индией богатою,

Да похвастал я Карелой да проклятою.

Известный индолог В. К. Шохин видит в этой антитезе нечто подобное двойственному образу самой Индии: ее материковый аспект — отрицательный, а островной — положительный. Географический дуализм в обоих случаях призван подчеркнуть всю контрастность земного и небесного, дольного и горного. Не будем упрекать наших сказителей в самоуничтожении. Индия в их глазах была и эталоном несказанной красоты, и Корела по мере своих сил приближалась к нему — создала среди снегов «белую Индию».

17. Свою духовность Индия сумела выразить в телесной, физически ощутимой красоте. Именно этот момент привлекал русских людей. Они искони любили Софию — тварную божественную мудрость, воплощенную в материальных формах. Индия воспринималась

как средоточье райской красоты — яркой, щедрой, цветущей, избыточной, переливающейся через край. Имел место своеобразный мимозис: Русский Север подражал Индии — пусть несколько условной, фантастически воспринятой. С Индией ассоциировался земной ирий или вырий — земной рай, где переживают зиму птицы и звери; возвращаются они оттуда 1 апреля — в день Рухмана по народному календарю. Рухман — рахман: смыслы тут идентичные. Буян-остров — Лукоморье — Беловодье: имеются тексты, где эти притягательные места-цели сопрягаются опять-таки с Индией — точнее, с островом рахманов. Есть в нашем словаре прилагательное «рахманный» — оно сочетает разные смыслы: щедрый — тихий — блаженный — навий — духовный — связанный с душами умерших. Это культурно-исторический факт: Индия учила Россию трансцендировать — влекла к себе как к чему-то запрещенному, райскому. Могли бы вне этого трансцендирования возникнуть храм Василия Блаженного или Преображенская церковь в Кижях? Воспевая космос крестьянской избы, Николай Клюев написал со своим основанием:

Кто несказанное чаёт,

Веря в тулупную мглу,

Тот наяву обретает

Индию в красном углу.

А. Щеткин

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ «ИНДИЯ – РОССИЯ – СИБИРЬ»

В мире свыше трёх десятков стран выращивают чай. Однако чайными гигантами могут считаться только Индия и Китай. По производству чая Индия удерживает пальму первенства. Бывшая «жемчужина британской короны» владеет самыми большими запасами «зелёного золота». Примерно на 400 тысячах гектаров здесь разводят чайные плантации. Как

известно, чай является в России популярным напитком, который употребляют более 98,5 процента населения. Обеспечить его потребности и вкусы в качественном чае — задача вполне достижимая и достойная российских предпринимателей. Поэтому неудивительно, что одной из существенных позиций во внешнеэкономических отношениях между Россией и Индией является чай.

Обнаружение чайного растения на территории Индии датируется 1820 годом. Его нашли в штате Ассам, на северо-востоке страны, в непроходимых джунглях. С тех пор минуло 160 лет. Индийская чайная промышленность стала крупнейшей в мире, ежегодное производство в настоящее время превышает объёмы производства основных чаепроизводящих стран — Шри Ланки, Индонезии, Бангладеш, Кении и некоторых других — вместе взятых. Свыше 2 млн. человек заняты в сфере производства и маркетинга индийского чая, и многие миллионы людей во всём мире потребляют его.

Наиболее перспективным рынком экспортеры чая считают сейчас Сибирь. Рост покупательского интереса к качественным сортам чая нельзя рассматривать как стихийное явление, в большей степени он явился результатом целенаправленных действий русских и индийских торговцев. Позитивные перемены на чайном рынке России очевидны. И лучшее тому доказательство — устойчивый рост объёма продаж чаеразвесочных фабрик на внутреннем рынке за последние годы, устойчивый интерес потребителя к высококачественному чаю, появление новых российских сортов этого напитка.

Подтверждение тому — открытая в 1999 году Омская чаеразвесочная фабрика «Вдохновение». В настоящий момент под торговой маркой «Вдохновение» выпускаются индийские и цейлонские чаи, а также кофе растворимый и в зёрнах (всего около 60 наименований), причём почти 50 процентов продукции из коллекции «Вдохновение» произведено или произрастает в Индии. Постоянное тесное сотрудничество с крупнейшими индийскими производителями чая и кофе, например «Мадху Джаянти Интернешнл ЛТД», позволяет не только снижать себестоимость выпускаемой продукции за счёт прямых поставок, но и контролировать качество на всех этапах производства.

Индийские сорта чая, отличаясь богатым насыщенным настоем, снискали популярность во всём мире. Высокий спрос на индийский чай обуславливается тем, что он ориентирован на потребности стран, в которых по обыкновению чай употребляют с молоком и сливками (Россия, Великобритания, Австралия, Канада). Именно для этой цели лучше подходят экстрактивные, выразительные, несколько резкие чаи, являющиеся утренними чаями по характеру их употребления.

В настоящее время индийский чай не испытывает каких-либо затруднений в части продвижения на рынках, так как он очень хорошо известен потребителям. Однако, что касается качества чая, то оно постоянно нуждается в продвижении и разъяснении, чтобы не происходило сокращение рынка хорошего чая. Ведь опасность подрыва авторитета индийского чая (как и любого другого), возникающая из-за проникновения в Россию низкокачественного продукта, выдаваемого за качественный чай, не может не беспокоить как индийских, так и российских специалистов.

Что касается дальнейших перспектив, то интерес к сотрудничеству с индийскими партнёрами с нашей стороны постоянно растёт, и это связано не только с поставками чайных смесей, но и с другими этапами производства чая и кофе. Надеемся, что оно будет плодотворным, и сибиряков по-прежнему будет согревать прекрасный индийский чай.

А. В. Дышин

ПРОБЛЕМЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ИНДИИ ДЛЯ ИХ РЕШЕНИЯ

Вопреки оптимистичным прогнозам о быстром выходе экономики России из мирового финансового кризиса ситуация складывается достаточно сложная. Как и предсказывали некоторые специалисты, мировой финансовый кризис постепенно превращается в экономический кризис. Если развитым странам с диверсифицированной экономикой удастся противостоять кризису, то страны с монокультурной экономикой оказываются в достаточно неблагоприятной ситуации. К числу этих стран относится и Российская Федерация, большую часть доходных статей бюджета которой составляют поступления от экспорта энергоресурсов, цены на которые колеблются в значительных масштабах. Несмотря на постоянные разговоры об инновациях в экономике, коренных изменений в данной области не происходит. Причиной этого является отсутствие отечественного венчурного капитала в необходимых размерах, а также недостаток организаций, которые занимаются венчурной деятельностью (так называемые «бизнес-инкубаторы»). Что касается иностранных компаний, то в условиях мирового экономического кризиса их интересуют в большей степени

собственные перспективы, чем перспективы экономического развития в России.

Создание единственного в России центра инновационных технологий Сколково не решает проблемы, которые в настоящее время стоят перед экономикой России. Тем более, что в мировой практике известны случаи, когда подобные центры инновационных техноло-

гий в течение десятилетий были убыточными, получали дотации от государства.

Если в европейской части страны, где сосредоточена большая часть населения, принимаются определенные меры по стабилизации экономической ситуации и смягчению последствий мирового экономического кризиса путем предоставления дотаций целым отраслям отечественной промышленности, прежде всего автомобилестроению, а также путем введения ограничений на экспорт зерна, то в азиатской части страны ситуация складывается несколько иная. Реализация мегапроектов в рамках подготовки к форуму руководителей стран-членов АТЭС в 2012 г. на юге Приморского края, которая должна была обеспечить работой десятки тысяч жителей Приморья, фактически ликвидировать безработицу в Приморском крае, не приносит желаемых результатов. На стройках объектов АТЭС заняты китайцы, вьетнамцы, турки, узбеки, таджики и выходцы из других стран Средней Азии, но не приморцы.

На объектах, возводимых в рамках подготовки к форуму стран-членов АТЭС, использовались иностранные строительные материалы и детали, которые в силу ряда причин дешевле отечественных. Те же строительные детали, которые являются отечественными, изготавливались не на предприятиях Приморского и Хабаровского края, а в Сибири и в европейской части России. В качестве примера можно привести изготовление металлоконструкций для центрального пролета мостового перехода через пролив Босфор-Восточный на остров Русский. Их произвели на заводе металлоконструкций в г. Омске. Создается впечатление, что предприятия оборонной промышленности, которые расположены в Приморском и Хабаровском краях, не в состоянии выпускать подобную продукцию. Тогда каким

образом планируется строить супертанкеры на двух гигантских судовверфях, которые будут созданы в Приморском крае? Ведь промышленной базы для их работы нет.

За судьбоносными или, как сейчас принято выражаться «знаковыми проектами» как-то теряются простые люди с их непростой жизнью. Согласно данным социологического опроса, проведенного «Левада-Центром», 27% опрошенных жителей Российской Федерации сообщили, что им хватает денег только на продукты питания, 48% опрошенных сообщили, что им хватает денег только на продукты питания и одежду, а купить вещи длительного пользования они не в состоянии. Интересно, что численность данной категории населения, согласно данным социологического опроса, проведенного указанной выше организацией в 2011 году, составляла 39% опрошенных, т. е. фактически количество населения, испытывающего материальные трудности, за 1 год увеличилось на 9% на фоне официальных сообщений об успехах в экономическом развитии. Следует заметить, что менее 1% опрошенных могут купить коттедж, квартиру и другие дорогие вещи, по данным социологических опросов, с 2001 г. количество данной категории населения не увеличивается.

На фоне достаточно нестабильной картины экономического развития страны в еще более сложной ситуации оказались те регионы, где имеются городские образования, основой которых является предприятие какой-то одной отрасли промышленности, в научной литературе их принято называть моногородами.

Как правило, они относятся к так называемым «малым городам», т. е. к городским поселениям с численностью жителей до 50 тыс. человек. По данным Министерства регионального развития Российской Федерации, в настоящее время в России имеется 335 мо-

ногородов, в которых проживает 25% населения страны. Разработан список моногородов, в которых в 2010 г. в первоочередном порядке планировалось разработать и начать реализацию комплексных планов модернизации. От Приморского края в данный список были включены г. Дальнегорск, численность населения которого составляет 48,05 тыс. человек, а градообразующим предприятием является ЗАО «Горнохимическая компания «Бор», и поселок Светлогорье, численность населения которого составляет 1,7 тыс. человек, а градообразующим предприятием является комбинат ООО «Русский вольфрам». Ситуация осложняется тем, что в проекте бюджета на 2011—2013 годы не предусмотрено средств на оказание поддержки моногородам.

В 2010 г. средства, выделяемые из бюджета на оказание помощи моногородам, шли на реализацию комплексных инвестиционных программ, которые должны были быть разработаны моногородами. Однако разработка таких программ требует значительных средств. Компании отказываются готовить проектную документацию без подтверждения финансирования из центра, а центр не выделяет средства, пока не будут подготовлены комплексные инвестиционные программы. Получился своего рода замкнутый круг. С другой стороны, одним из основных условий утверждения инвестиционных программ в Министерстве финансов Российской Федерации является участие в этих программах бизнеса и создание дорог, линий электропередач и других инфраструктурных объектов на средства моногородов.

Открытым остается вопрос о том, кто из представителей бизнеса будет участвовать в реализации данных программ в условиях, когда проект бюджета на 2011—2013 годы не предусматривает выделение средств на под-

держку моногородов, и из каких источников будет финансироваться строительство инфраструктурных объектов.

Прекращение финансирования инвестиционных проектов для перепрофилирования экономики моногородов из федерального бюджета привело к сокращению или даже к полному прекращению данных программ, поскольку в этом случае финансирование должно осуществляться из местных источников, а на местах денег нет. В частности, в Приморском крае доходная часть бюджета 2013 г. составляет 63,786 млрд. рублей, а расходная часть — 72,585 млрд. рублей, размер дефицита краевого бюджета составляет 8,798 млрд. рублей.

В настоящее время в Приморском крае реализовано несколько проектов, которые должны стимулировать развитие экономики Приморского края. Завершено строительство двух гигантских мостов в г. Владивостоке, один строили с материковой части города на о. Русский, другой построен через бухту Золотой Рог. После завершения строительных работ они заняли 1-е и 7-е места в списке самых длинных мостов в мире. На о. Русском, который входит в состав г. Владивостока, планируют создать зону туристическо-рекреаци-

онного типа, в состав которой будут входить сафари-парк, океанариум, киностудия, там также будет построен технопарк, уже построен федеральный университет и комплекс зданий для проведения встреч глав государств стран — членов АТЭС, который позже был передан федеральному университету.

На основе СРЗ № 30 в ЗАТО Фокино планируют создать совместно с китайским капиталом одну из крупнейших в мире судоверфей, на которой будут строить супертанкеры для перевозки нефти водоизмещением 100 тыс. т и основания буровых платформ для освоения месторождений полезных ископаемых, которые расположены на континентальном шельфе Российской Федерации.

Большое влияние на экономическое развитие Приморского края окажет строительство магистральных нефтепроводов и газопроводов «Восточная Сибирь — Тихий океан». Строительство нефте- и газопроводов осуществлялось в 2 этапа. На первом этапе — были построены трубопроводы на участке Тайшет — Сковородино, а на втором этапе — на участке Сковородино — бухта Козьмино. Протяженность нефтепровода по территории Приморского края составила свыше 570 км, на территории края будет построено 6 нефтеперекачивающих станций. При загрузке нефтепорта в бухте Козьмино до проектной мощности (50 млн. т. нефти в год) в порт каждый год будет заходить под загрузку около 500 танкеров водоизмещением до 150 тыс. т. Завершение строительства нефтепровода и пуск в эксплуатацию объектов нефтепорта в бухте Козьмино, по мнению специалистов, приведут к тому, что валовой региональный продукт в Приморском крае увеличится на 1,5%.

При этом следует учитывать, что 70% средств, выделенных для строительства объектов АТЭС в Приморском крае, поступили из

внебюджетных источников. Однако, поскольку главными инвесторами являются ОАО «Российские железные дороги», «Транснефть» и «Газпром», которые являются государственными корпорациями, то по существу эти средства являются бюджетными средствами или банковскими кредитами, оплачивать которые будет население Приморского края за счет более высоких тарифов, которые придется платить за услуги монополий, занимающих ведущее положение на рынке. Даже цена за газ, которым будет заполняться газопровод Сахалин — Хабаровск — Владивосток, является достаточно высокой. Очень мало частных инвесторов, которые инвестируют средства в экономику Приморского края. Это происходит по той причине, что экономический рост, который имеет место в Приморском крае, основан на строительстве большого количества мас-

штабных объектов, однако на этих объектах не будут производить продукцию. Таким образом, после завершения строительства объектов АТЭС темпы роста в Приморском крае сразу же резко сократятся, что и происходит в настоящее время. Население моногородов больше всего интересуется вопросом о том, какое влияние на их жизнь окажут гигантские стройки. Пока они не оказывают никакого влияния на деятельность предприятий горнорудной промышленности, которые являются градообразующими во многих городах. Что касается моногородов, основой экономики которых являются предприятия оборонного комплекса, то будущее гражданского судостроения на предприятиях оборонного комплекса является достаточно смутным. Что касается оборонных заказов, то заказы имеются на ближайшие год или полтора, а в целом мощности предприятий оборонного комплекса в крае загружены на 20—25%.

В последнее время достаточно много говорится о развитии малого предпринимательства, которое должно способствовать развитию экономики моногородов. Однако до сих пор не разработаны механизмы, которые бы стимулировали активность предпринимателей. Меры по стимулированию малого предпринимательства тесно связаны с развитием моногородов, поскольку малое предпринимательство зачастую является единственным предпринимательством, которое продолжает функционировать в моногородах тогда, когда останавливаются градообразующие предприятия. При этом можно использовать опыт развития малого предпринимательства и развития моногородов, который накоплен в развивающихся странах мира.

Причиной этого является то, что в настоящее время Россия представляет собой развивающуюся страну с экономикой переходного

типа. Достаточно хорошим средством, которое эффективно используется для стабилизации ситуации в данном направлении, является комплекс мер по развитию депрессивных территорий, включая создание зон совместного предпринимательства в этих районах. В качестве примера можно привести Индию, правительство которой достигло значительных успехов в данной области.

По некоторым данным население Индии составляет примерно 1,1 млрд. человек. Если демографическая ситуация в стране не изменится, то через 20—30 лет по численности населения Индия догонит и перегонит КНР. Большая часть населения Индии проживает в сельской местности, хотя в стране много мегаполисов, к которым относятся Дели, Колката, Мумбай, Ченнай и некоторые другие города. Основным занятием населения, проживающего в сельской местности, является сельское хозяйство, различные виды традиционных ремесел, включая производство текстильных изделий, в особенности сари, которые популярны не только в Индии, но и в соседних странах: в Пакистане, Бангладеш и Шри-Ланка, и сфера обслуживания.

Большое количество мелких, как правило, семейных предприятий потребляют гораздо больше сырья и электроэнергии на единицу готовой продукции и выделяют больше отходов, чем современные предприятия. При этом утилизация данных отходов превращается в довольно сложную проблему. В связи с этим в Индии достаточно актуальной является проблема энергосбережения и охраны окружающей среды. Преимущественно экстенсивное сельское хозяйство ведет к истощению плодородного слоя почвы, ее эрозии, загрязнению окружающей среды в результате применения химических удобрений, чрезмерному расходованию пресной воды, которая в некоторых

районах Индии еще в глубокой древности была дефицитной. Дело доходило до того, что правителям Индии в средние века, в частности Акбару I, пришлось из-за недостатка воды перенести столицу страны из Фатехпур-Сикри в Агру.

Эффективным решением проблем водоснабжения сельских районов Индии и малых городов, расположенных в этих районах, является строительство плотин для сбора воды, которые в Индии называют «джоход», а также проведение лесопосадок для восстановления лесов, которые были вырублены для расширения площади сельскохозяйственных угодий и которые играют важную роль в процессе влагозадержания. В процессе этой работы приходится бороться с малоэффективными предприятиями горнорудной промышленности, которые в ходе своей деятельности загрязняют окружающую среду. Больших успехов в данной области добилась общественная организация «Тарун Бхарат Сингх» во главе с Раджендрой Сингхом. Благодаря деятельности данной организации в штате Раджастан восстановлен гидрологический режим на 6

реках. Данная организация также добилась, чтобы суды различной инстанции приняли решение о закрытии более чем 100 мелких нерентабельных шахт, которые варварскими способами вели добычу полезных ископаемых и наносили существенный вред окружающей среде. Деятельность данной организации не только способствует прекращению миграции сельского населения из сельской местности в крупные города, но и позволяет создавать новые рабочие места в малых городах.

Одной из проблем развития малых городов и сельскохозяйственных районов Индии является проблема энергосбережения, которая является общей проблемой всех развивающихся стран. Если рассматривать данную проблему, то традиционно ее решают путем снижения энергоемкости производства, снижения потребления электроэнергии в жилых и нежилых помещениях, включая применение более экономичных электроприборов.

Для решения проблемы энергосбережения правительство Индии пошло по пути создания специальных центров энергоэффективности при поддержке государственной организации — Бюро энергоэффективности. Достаточно эффективно подобные центры функционируют в городах Колката, Нагпур и Ахмедабад.

Центр энергоэффективности в г. Колката специализируется на сокращении потребления электроэнергии в жилых помещениях, где потребляется значительная доля электроэнергии. В мае 2006 года Бюро энергоэффективности начало проведение программы для производителей электроприборов. В ходе данной программы электроприборы в зависимости от степени уменьшения потребления электроэнергии при их использовании включались в особую рейтинговую систему и на них ставилась определенная маркировка, которая должна способствовать активному

приобретению и использованию населением наиболее энергоэффективных электроприборов. Первоначально данная программа была добровольной для производителей электроприборов, однако с января 2010 года она стала обязательной для производителей люминесцентных ламп, холодильников и кондиционеров. Деятельность данного центра способствовала тому, что не только жители Колкаты, но и окружающих малых городов стали получать больше информации об энергоэффективности электроприборов, стали покупать наиболее энергоэффективные электроприборы и экономить электроэнергию.

Активную роль в данном процессе играют частные компании, с которыми правительству страны удалось наладить эффективное партнерство. В качестве примера можно привести деятельность компании «CESC». Когда в 1989 г. С. Гоенка приобрел данную компанию, она была неэффективной. В настоящее время по данным Бюро энергоэффективности, три станции данной компании входят в список 10 лучших предприятий частного сектора по таким параметрам, как загруженность и эффективность.

Несмотря на влияние мирового экономического кризиса, Индия демонстрирует достаточно устойчивые темпы экономического развития, которое сопровождается активным развитием строительной индустрии. Ежегодно в Индии вступает в строй большое количество отелей, универмагов, развлекательных центров и бизнес-центров, а также других коммерческих зданий, которые потребляют большое количество электроэнергии. Центр энергоэффективности в г. Ахмедабад, созданный на базе Университета г. Ахмедабад, занимается решением задач, связанных со снижением расходования электроэнергии при строительстве и эксплуатации коммерческих

зданий. Бюро энергоэффективности оказывает всестороннюю помощь данному центру. При активной помощи Бюро энергоэффективности разработана специальная рейтинговая программа энергосбережения для уже построенных коммерческих зданий, а также программа кодирования энергоэффективных строительных материалов, которая начала действовать с мая 2007 года.

Центр энергоэффективности разработал специальную компьютерную программу, которая помогает моделировать строительство зданий из специальных энергоэффективных строительных материалов, а также создал лабораторию, в которой можно протестировать теплопроводность строительных материалов, используемых при строительстве коммерческих и некоммерческих зданий. Кроме этого, Центр энергоэффективности в г. Ахмедабад оказывает помощь правительству штата в продвижении энергоэффективных строительных кодов и разработке необходимой документации. Центр производит обучение преподавателей вузов и колледжей, а также сотрудников проектных организаций проектированию зданий из энергоэффективных строительных материалов, разрабатывает специальные программы для сертификации и маркировки энергоэффективных строи-

тельных материалов. Деятельность данного центра способствует не только тому, что значительная часть зданий в окружающей местности проектируется с использованием энергоэффективных строительных материалов, но и тому, что местные предприятия начинают расширять ассортимент выпускаемой энергоэффективной продукции, что также приводит к значительной экономии электроэнергии.

Большую часть промышленных предприятий в Индии представляют собой малые и средние предприятия, которые обеспечивают до 40% производства экспортной продукции и потребляют до 50% импортируемой продукции. На них занято свыше 40 млн. человек. Меры правительства Индии по снижению энергоемкости в промышленности приносят хорошие результаты, однако до сих пор малые и средние предприятия отстают от крупных предприятий по энергоэффективности при выпуске продукции. Более того, на некоторых малых и средних предприятиях стоимость потребляемой ими электроэнергии составляет значительную долю в затратах на единицу выпускаемой продукции. За счет снижения потребления электроэнергии данные предприятия могут существенно повысить рентабельность производства. В Нагпуре создан

Центр энергоэффективности, который специализируется на внедрении энергоэффективных технологий производства продукции на малых и средних предприятиях. Целью деятельности данного центра является не только внедрение энергосберегающих технологий, но и обучение сотрудников малых и средних предприятий, включая управленческий персонал, использованию данных технологий. Деятельность данного центра энергоэффективности способствует не только внедрению энергосберегающих технологий на малых и средних предприятиях Нагпура, но и стимулирует продвижение энергосберегающих технологий на малых и средних предприятиях в других районах Индии.

В качестве эффективного средства развития депрессивных территорий, а именно к ним относятся малые города, во многих странах мира используются зоны совместного предпринимательства в различных формах. Зоны совместного предпринимательства представляют собой особые районы на территории принимающей страны, в которых созданы льготные условия для деятельности иностранных предпринимателей. История функционирования зон совместного предпринимательства насчитывает несколько веков. Первые зоны совместного предпринимательства появились в Италии в XVI веке. Индия одной из первых создала зону совместного предпринимательства в Кандла в форме экспортной производственной зоны. Экспортная производственная зона представляет собой особый тип зон совместного предпринимательства, который специализируется на производстве продукции, направляемой на экспорт. В последующий период в различных районах Индии было создано 7 экспортных производственных зон. Для активизации деятельности зон совместного предпринимательства на

территории Индии в 2005 г. был разработан новый вариант закона об особых экономических зонах, который вступил в силу 10 февраля 2006 г. Согласно новому закону, особые экономические зоны на территории Индии могут создаваться правительствами штатов и союзных территорий и их органами, частными компаниями, а также правительственными органами и частными компаниями. Предприятия, которые действуют на территории зон совместного предпринимательства, ведут хозяйственную деятельность в условиях особого таможенного режима.

На территории особых экономических зон (ОЭЗ) для привлечения иностранных инвестиций предоставляются специальные льготы: — закупка на местном рынке товаров, необходимых для развития предприятий на территории ОЭЗ, без уплаты таможенных пошлин; — полное освобождение от налога на прибыль в первые пять лет деятельности предприятий, в последующие пять лет налог на прибыль уплачивается в размере 50%, при рефинансировании прибыли на территории ОЭЗ в последующие пять лет налог на прибыль уменьшается на 50%; — освобождение от дополнительных налогов согласно соответствующим разделам Закона «О налоге на прибыль»; — льготы при привлечении внешних займов через банки без ограничения по срокам погашения кредитов на сумму до 500 млн. долл. в год; — освобождение от федерального налога на продажи; — освобождение от налога на обслуживание; — реализация принципа обращения в «одно окно» при получении разрешений на федеральном уровне и уровне штатов; — освобождение предприятий ОЭЗ от налога на продажи на территории штатов и от других сборов, оплата которых определяется правительствами соответствующих штатов.

В настоящее время на территории Индии функционируют 8 особых экспортных зон, которые в 2006 г. были преобразованы в особые экономические зоны; они находятся в городах Кандла, Сурат, Санта-Круз, Кочин, Ченнай, Вишакапатнам, Фалта, Нойда. В 2006 г. начали деятельность 22 новые экономические зоны, кроме этого, выданы разрешения на создание еще 237 ОЭЗ. В настоящее время на территории ОЭЗ функционируют более 1200 предприятий, на которых занято свыше 500 тыс. чел. Экспорт продукции предприятий ОЭЗ превышает 6 млрд. долл. США.

В последние годы наметились новые тенденции в эволюции особых экономических зон. Данные тенденции выражаются в том, что предприятия, действующие на территории зон, перепрофилируются на выпуск экологически чистой продукции и оборудования, которые используются для охраны окружающей среды. Более того, во многих странах мира, включая Индию, созданы специализированные организации, которые занимаются разработкой и выпуском экологически чистой продукции и оборудования для охраны окружающей среды.

В Индии на территории особых экономических зон создано большое количество компаний, которые занимаются разработкой программного обеспечения для компьютеров с последующим экспортом. Такой вид деятельности получил в Индии название «оффшорного программирования». Индийские компании, базирующиеся на территории особых экономических зон, в 2010 г. экспортировали за рубеж программные продукты на сумму свыше 6 млрд. долл. США, по оценкам индийских специалистов, данный вид предпринимательской деятельности имеет широкие перспективы. Примером компании, специализирующейся на деятельности в данной области, является

ся 3i Infotech Ltd, которая начинала с отдела банка ICICI, в 1999 г. стала независимой фирмой, а в 2008 г. доходы компании превысили 6,7 млрд. рупий.

Другим новым явлением в деятельности особых экономических зон является создание так называемых «эколого-экономических районов». Эколого-экономические районы представляют собой особые экономические зоны, расположенные на территориях с экологически чистой окружающей средой и благоприятными возможностями для рекреации организма. Как правило, на территории данных зон действуют компании, занимающиеся операциями в области организации туризма, рекреации организма, валютно-финансовыми операциями, аудитом, консалтинговыми услугами и другими услугами. Такого рода особые экономические зоны созданы во многих районах Европы, прежде всего в Швейцарии. Правительство Индии также рассматривает несколько подобных проектов. Один из них предусматривает создание на территории штата Раджастан эколого-экономического района под эгидой организации «Тарун Бхарат Сингх».

Таким образом, правительству Индии удалось наладить эффективное партнерство между государственными, общественными и частными организациями в области решения проблем малых городов и сельских районов Индии и добиться значительных успехов в данной области. С другой стороны, целенаправленная политика правительства Индии по трансформации особых экономических зон также приносит положительные результаты, способствуя решению наиболее острых проблем малых городов и сельских районов Индии. Опыт, накопленный государственными и общественными организациями Индии в данной области, может быть использован в России, которая сталкивается с аналогичными проблемами при развитии своих малых городов и сельских районов.

Опыт развивающихся стран по оказанию помощи малым городам в перепрофилировании и диверсификации их экономики, включая опыт Индии, которые добились успехов в данной области, может быть использован в Приморском крае и на Дальнем Востоке России. Первым шагом в данном направлении является формирование специальной программы, которая бы предусматривала развитие малых городов с учетом их специфики при условии обеспечения обязательной помощи со стороны центральных и местных органов государственной власти как путем предоставления финансовых средств, так и путем оказания помощи в других областях, прежде всего в подготовке кадров. В то же время необходимо привлекать негосударственные организации и частные компании для решения проблем малых городов таким образом, как это делается в Индии.

Сингх Далджит

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИНДИЕЙ НА УРОВНЕ РЕГИОНА, ФИНАНСОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ

Индия, её народ, её культура всегда вызывали у россиян огромный интерес. Что касается контактов в военной области, то первая попытка установить их с Индостаном относится ко времени правления Павла I. В один прекрасный день, если следовать академику Е. Тарле, рассорившийся с Англией император вызвал к себе казачьего атамана Платова, сидевшего за какую-то провинность в Петропавловской крепости. Далее из высочайших уст прозвучал вопрос: «А знаешь ли ты, братец, дорогу в Индию?». Платов не моргнув и глазом ответил: «Да, Ваше Величество». Лишь смерть Павла I смогла остановить уже углубившихся в Оренбургскую степь в направлении Индии 20 тысяч казаков. Но это дела давно минувших дней. Обратимся к периоду, последовавшему за историческим для Индостана 1947 годом.

Развитие промышленности независимой Индия началось после 1947 года. Принятое в 1948 году решение положило начало становлению индийской индустриальной политики, в которой ведущая роль принадлежала государству.

С 1991 года в промышленном секторе Индии, как и во всей экономике, произошли значительные структурные изменения, обеспечившие увеличение объёмов выпуска продукции, модернизацию и внедрение новых технологий. Компании наладили связи с зарубежными партнёрами, чтобы получить новые технологии, опыт в области маркетинга и выход на зарубежные рынки. В течение восьмилетнего периода (с 1991-го по 1999 год) постоянный ежегодный прирост промышленного сектора составлял 7,3%. Правительство предприняло шаги, которые должны были способствовать дальнейшему его развитию. Например, были снижены налоги

с компаний и частных лиц, изменены размеры акциза и таможенных сборов для возрождения производственного сектора; банкам была предоставлена большая свобода для определения суммы налога на кредиты. Правительство также уделило значительное внимание привлечению инвестиций в быстрорастущие отрасли промышленности, такие как производство компьютерных программ, электронная промышленность, машиностроение, производство продуктов питания.

На начальном этапе развития инфраструктуры и диверсификации промышленной базы важный вклад внёс государственный сектор. Однако в настоящее время эта сфера подвержена значительной конкуренции. Часть акций государственных предприятий дезинвестируется. В то же время многие ключевые области, важные для экономики и самостоятельности страны, продолжают оставаться в государственном секторе.

С 1991 года было отменено лицензирование во всех отраслях промышленного сектора. Исключение составили производство алкогольной продукции и табачных изделий, авиакосмическая промышленность, производство промышленных взрывчатых веществ и опасных химикатов, а также фармацевтической продукции.

В последнее время промышленное производство Индии постоянно растёт. В 1999—2000 годах прирост составил 8% по сравнению с 3,9% за период 1998—1999 годов. Однако перспективы развития индийской промышленности неоднозначны. По мнению экспертов, некоторую неопределённость вносят проблемы с приватизацией и резкое повышение расходов на закупку нефти, которые фактически удвоились, превысив 20 млрд. долларов. Бюджетный дефицит (с учётом несбалансированности союзного бюджета и бюджета штатов) вырос до 10% ВВП. Его сокращению могли бы способствовать разгосударствление 246 предприятий, в настоящее время находящихся на балансе союзных министерств и ведомств, а также переход к формированию тарифов на электро- и водоснабжение на рыночной основе. Пока же субсидирование обходится государству в 15% ВВП.

В каком же состоянии находится сейчас внешнеэкономическое сотрудничество России, в целом, и Омской области, в частности, с Республикой Индией?

В принципе, таможенная статистика свидетельствует о более или менее динамичном развитии торгово-экономических связей между Омской областью и Республикой Индией.

Динамика торговли (в тыс. долларов США) представлена в следующей таблице.

	Экспорт	Импорт
1999	30	1100
2000	28	1206

В импорте последних 2-х лет преобладает табачное сырьё, а 2-х предыдущих — лекарственные средства.

Таким образом, торговые отношения Омской области с Индией не прекращаются, несмотря на объективные и субъективные, общие и местные трудности.

Но нас, естественно, не могут устраивать ни объёмы взаимной торговли, ни её структура. Я уже не говорю о других формах внешнеэкономических связей, в частности таких, как техническое сотрудничество, сотрудничество между субъектами федераций.

В Индии уже проявляют активность такие регионы России, как Воронеж, Татарстан, Приморье.

Значительно снизило привлекательность России как страны, принимающей иностранные инвестиции, принятие федерального Закона «О некоторых вопросах предоставления льгот участникам внешнеэкономической деятельности», который отменил все ранее предоставленные иностранным инвесторам льготы, за исключением предусмотренных законами Российской Федерации «О таможенном тарифе», «О налоге на добавленную стоимость», «Об акцизах» и Таможенным кодексом РФ.

Следовательно, необходимы дополнительные меры по снижению воздействия негативных факторов на состояние инвестиционного климата в России, среди которых в качестве первоначальных можно выделить следующие.

1. Достижение национального согласия между различными социальными группами и политическими партиями по поводу решения общенациональной проблемы выхода России из экономического кризиса.

2. Выравнивание экономических показателей и борьба с инфляцией.

3. Внимательная разработка правовой базы инвестирования.

4. Радикализация борьбы с преступностью.

5. Создание конкретного механизма предоставления налоговых льгот банкам, отечественным и иностранным инвесторам, идущим на долгосрочные инвестиции с целью компенсации убытков по замедлению оборота капитала по сравнению с другими формами их деятельности.

6. Формирование общего рынка республик бывшего Союза со свободным перемещением капитала, товаров и рабочей силы.

Данные меры не абсолютны, но они, на мой взгляд, могут сыграть положительную роль в становлении отечественной экономики и развитии внешнеэкономических связей.

В заключение отмечу, что внутренние и внешние экономические инвестиции представляют собой сложный многоступенчатый механизм, способный в огромной степени увеличить экономический потенциал государства, поэтому успех, достигнутый в данной сфере, во многом предопределяет реализацию всей реформы в целом.

Указанные выше пути позволят развивать сотрудничество между Индией и Россией. В полной мере развитие сотрудничества может укрепляться на уровне регионов, включая Омскую область и штаты Индии. Конечно, специфические детали, которые я изучаю в процессе работы над диссертацией, я надеюсь, помогут развивать наши отношения.

В. П. Кашин,
*кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
ученый секретарь Центра
индийских исследований.*

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО – ПРОДОЛЖЕНИЕ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОГО ДИАЛОГА

В соответствии с Декларацией о стратегическом партнерстве, подписанной в октябре 2000 года во время визита в Дели президента Российской Федерации В. В. Путина, одним из важнейших аспектов российско-индийских отношений признано конструктивное взаимодействие регионов. Его основная задача заключается в том, чтобы придать дополнительный импульс торгово-экономическим, научно-техническим и культурным связям, наработанным десятилетиями плодотворного сотрудничества России и Индии в самых различных областях, и в перспективе поднять эти многосторонние связи на качественно новый уровень. Успешное решение обозначенной задачи позволит в течение ближайших лет как минимум удвоить товарооборот между нашими странами, который приближается к показателю 2 млрд. долл. в год.

Расширение партнерских контактов с Индией отвечает долгосрочной цели российской внешней политики — формированию многополюсного мира и демократизации системы международных отношений. Оно является важнейшим стабилизирующим фактором безопасности в Азии и способствует укреплению

авторитета России и Индии в мировом сообществе.

Для взаимовыгодного сотрудничества регионов России и штатов Индии присутствуют все необходимые условия: добрая воля народов и правительств двух стран, соответствующая договорно-правовая база и наличие эффективного механизма взаимодействия по принятию совместных решений по линии Межправительственной российско-индийской комиссии.

Претензии Индии на роль одного из ведущих зарубежных партнеров российских регионов представляются вполне обоснованными. Индия является второй страной по численности населения и выполняет важную миссию в глобальной политике. Возрастание веса Индии на международной арене в немалой степени обусловлено ее экономическими успехами и стабильностью общественного и политического развития. Индия входит в первую десятку стран по объему промышленного производства. Ее ВВП вышел на четвертое место после ВВП США, Китая и Японии. Валютные запасы достигают 33 млрд. долл. Иностранные инвестиции в промышленный и финансо-

вый сектора быстро растут. На ее территории, фактически, присутствуют все главные транснациональные корпорации мира. Наряду с США Индия стала лидером в области информационных технологий и крупнейшим экспортером программного обеспечения. Она является также космической и ядерной державой.

На протяжении многих лет взаимодействия России и Индии отличаются обоюдным доверием и имеют устойчивый характер, несмотря на глубокие экономические и политические перемены в обеих странах. Больше того, за последнее десятилетие они поднялись на качественно новый рубеж, определяемый понятием «стратегическое партнерство».

Индия, одна из немногих стран, признавших свой государственный долг бывшему СССР, который регулярно выплачивает Российской Федерации. Эти средства, эквивалентные 1 млрд. долл. в год, используются российской стороной для оплаты традиционных индийских товаров и услуг. В этой связи необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что в условиях общего сокращения импорта России объем экспорта из Индии не только не упал, а даже несколько увеличился как в рупиевом, так и долларовом выражении. Сложившийся механизм взаимных расчетов вносит в российско-индийские экономические контакты элемент стабильности и предсказуемости, что особенно благоприятствует долгосрочным инвестиционным проектам.

В сфере обоюдных интересов Индии и России, как и прежде, находятся энергетика, металлургия, нефтяная и газовая промышленность, сельское хозяйство и переработка его продукции, космос и информационные технологии. Индия успешно сотрудничает с Россией в области укрепления своей обороноспособности. «Отношения между Индией и Россией в этой сфере уже переросли отношения про-

сто покупателей и продавца. Значительная часть вооружений нашей армии, Военно-морского и Военно-воздушного флотов — российского производства, — подчеркнул в одном из выступлений С. К. Ламба, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Индии в РФ. Долгосрочное соглашение по военно-техническому сотрудничеству до года — показатель тех тенденций, согласно которым эти связи будут развиваться в третьем тысячелетии.

В настоящее время в широком спектре российско-индийских контактов большое значение приобрел научно-технический обмен. В обеих странах проявляют живой интерес к дальнейшему расширению. Научно-техническое взаимодействие развивается прежде всего по реализации Комплексной долгосрочной программы, подписанной в 1997 году. Она координируется Российской Академией наук и Департаментом науки и техники правительства Индии. Комплексная программа включает в себя 8 направлений и 167 совместных проектов. В них задействовано более 500 ученых и 150 научно-исследовательских институтов.

На протяжении многих лет народы России и Индии объединяют тесные культурные связи. Они имеют богатую историю и отличаются яркими именами. Индеец в России — это всегда гражданин страны Ганди, Неру или Тагора. В

свою очередь в каждой индийской семье пользуется уважением посланец страны Пушкина, Толстого и Рериха. Семь тысяч индийских студентов, получивших образование в России, — прямое подтверждение культурной и духовной близости между нашими странами.

И наконец, еще одной крупной вехой в российско-индийском диалоге обещает стать сотрудничество между штатами и союзными территориями Индии и регионами России.

В условиях становления рыночных отношений и коренной ломки прежней экономической структуры регионы России приобрели значение основной хозяйственной единицы. С отменой монополии на внешнюю торговлю и децентрализацией власти в Российской Федерации они получили право заниматься самостоятельной внешне-экономической деятельностью.

В качестве приоритетного направления внешнеэкономической деятельности регионов выступает поощрение и поддержка частного предпринимательства. Взаимодействие с иностранными фирмами осуществляется по целому ряду направлений, в том числе по освоению природных ресурсов, созданию совместных предприятий, реализации крупных проектов с использованием новейших технологий, привлечению иностранных специали-

стов-консультантов, подготовке управленческих кадров и т. п.

Однако регионы России сегодня далеко не равнозначны и отличаются друг от друга по темпам проведения экономических реформ, развитию инфраструктуры рынка, а также по объему привлекаемых иностранных инвестиций. В данной связи наиболее благоприятная ситуация пока складывается в Северо-Западном, Приволжском и Уральском Федеральных округах (ФО). Это обстоятельство обусловлено, главным образом, специализацией их отдельных регионов на отраслях производства, ориентированных на экспорт. Такими отраслями остаются газовая и нефтяная промышленность и добыча цветных металлов. Наименее благоприятное положение сохраняется на юге России, в первую очередь в густонаселенных аграрных регионах и национальных республиках с депрессивной экономикой — Калмыкии, Дагестане и Ингушетии. К Южному округу примыкают Сибирский и Дальневосточный округа, где многие проблемы порождены удаленностью от центра и суровыми климатическими условиями. Что касается Центрального ФО, то сравнительно глубокий спад производства в нем вызван преимущественно специализацией ряда субъектов Федерации на наиболее проблемных отраслях производства — машиностроении и металлообработке.

Указанные особенности экономического развития российских регионов непосредственным образом влияют на распределение иностранных инвестиций. Стабильное увеличение их долей характерно для Свердловской, Челябинской, Омской и Сахалинской областей, Карелии и Чувашии, стабильное сокращение — для Приморского края, Кемеровской, Нижегородской и Магаданской областей, республики Марий Эл. За период с 1996 по 1999 годы в восемь субъектов РФ

иностранные инвестиции не привлекались вообще. Это Алтайский край, Ингушетия, Калмыкия, Северная Осетия, Коми-Пермяцкий, Таймырский, Эвенкийский и Чукотский автономные округа.

Распределение иностранных инвестиций по Федеральным округам РФ остается по-прежнему крайне нестабильным. Подобного рода ситуация в значительной степени связана с реализацией на территории некоторых регионов отдельных крупных проектов.

Рост товарооборота между российскими регионами и их зарубежными партнерами, в том числе штатами Индии, как и прежде, достигается за счет увеличения экспортно-импортных операций, в то время как развитие других форм экономического сотрудничества осуществляется крайне медленно. Между тем без серьезного продвижения в этом направлении будет трудно рассчитывать на положительный результат от такого рода контактов в целом.

Инициатором российско-индийского диалога на региональном уровне выступила Свердловская область. В 1994 году в Индии с большим успехом прошли «Дни Свердловска», во время которых были заключены соглашения о создании совместных предприятий с участием индийских компаний.

Примеру Свердловска последовал Воронеж. В 1997 году делегация из 80 человек, включая 45 бизнесменов, приняла участие в праздновании «Дней Воронежа» в Индии. Тогда же ведущий воронежский машиностроительный завод «Рудгормаш» заключил многомиллионную сделку по поставкам горнорудного оборудования для модернизации индийской промышленности по добыче каменного угля.

Свердловск, Воронеж, Омск, Рязань, Ярославль и Татарстан стали напрямую участвовать в ежегодных международных торговых

ярмарках в Дели — крупнейших мероприятиях такого рода в Азии.

Картина российско-индийского регионального сотрудничества была бы неполной без рассказа о многочисленных связях между сторонами двух столиц. В ноябре 1996 года Индию посетил мэр Москвы Ю. М. Лужков и установил прямые контакты с правительством Дели. Столицы России и Индии выразили намерение осуществить целый ряд совместных крупных проектов, таких как управление водами реки Джамны, строительство делийского метро и использование троллейбусов на окружных дорогах Дели. В 1998 году в Индии с огромным успехом прошли «Дни Москвы», а в 1999 году «Дни Дели» встречала Россия. В Москве состоялся гала-концерт индийских мастеров сцены, и открылась художественная выставка на Манеже. На выставке были представлены коллекции произведений искусства из ведущих музеев индийской столицы, экспозиции известных художников и образцы индийского народного ремесла.

В феврале 1999 года Индию посетила большая делегация парламентариев России. В состав делегации входило десять губернаторов, что придало дополнительный толчок российско-индийским контактам на региональном уровне. Со своей стороны, Посол

Республики Индии в РФ С. К. Ламба в сопровождении группы индийских бизнесменов посетил Воронеж, Пензу, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Казань, Якутск, Иркутск, Хабаровск, Владивосток, Тверь, Рязань, Тулу, Уфу, Белгород, Астрахань, Южно-Сахалинск, Калугу, Красноярск, Екатеринбург, Омск, Нижний Новгород, Липецк. Индийские гости имели деловые встречи с губернаторами регионов, председателями местных торгово-промышленных палат и ведущими руководителями отраслей производства. Непосредственным результатом этих переговоров стало создание ряда российско-индийских предприятий. Первым из них была фабрика по огранке мелких алмазов «Чорон Дайзмондс» со стопроцентным владением индийским предпринимателем Р. Ганди. Фабрика была открыта в августе 1999 года в Якутске. Чуть позже начала действовать совместная российско-индийская фармацевтическая фабрика «Фармасинтез», созданная в сотрудничестве с иркутской городской администрацией. Фирма «Фармасинтез» специализируется на выпуске противотуберкулезных препаратов.

В Южно-Сахалинске появилось представительство крупнейшей индийской нефтегазовой компании «ONGS». В ходе недавнего посещения Татарстана были получены большие заказы на рис, текстиль и кожу. В Уфе президент Башкортостана М. Рахимов обсуждал с представительственной делегацией индийских деловых кругов масштабные проекты, в

особенности касающиеся нефтегазового комплекса. Более 150 интересных экономических предложений получили индийские бизнесмены в Нижнем Новгороде.

Посещение Послом Индии и индийскими бизнесменами города Волгограда и Волгоградской области обещает стать еще одной крупной вехой российско-индийского регионального сотрудничества. Волгоградская область входит в число регионов России с наиболее высоким инвестиционным потенциалом. Здесь развиты предприятия химической, нефтехимической и топливной промышленности, машиностроения и металлообработки. В 2000 г. объем промышленного производства зерна — 5 процентов, подсолнечника — 7 и мяса — 3 процента.

За последние годы в Волгограде создана сеть новых рыночных структур, в том числе 6 местных коммерческих банков и 22 иногородних филиала, 20 страховых компаний, а также ряд негосударственных пенсионных фондов, инвестиционных компаний, аудиторских и консалтинговых фирм, оптовый продовольственный рынок, агропромышленная финансовая корпорация, региональная холдинговая компания и другие. Здесь действуют 72 совместных предприятия. В ближайшее время их число пополнят фирмы с участием индийского капитала. Однако это только первые ласточки на горизонте сотрудничества штатов и союзных территорий Республики Индии и Волгоградской области Российской Федерации.

Л.В. Кудряшова,
*председатель Крымского отделения
Международного центра Рерихов,
доктор философии*

СЕРДЦЕ СЕРДЦУ ВЕСТЬ ПОДАЕТ

*О, Индия волшебна-прекрасная!
Позволь выразить тебе глубочайшее
восхищение величием и вдохновением,
которыми полны твои древние города
и храмы, твои луга, твои священные
реки и Гималаи.*

Н. К. Рерих «Индия»

Индия и Россия издавна тяготели друг к другу. Это притяжение было поверх всяких условностей. Если западных путешественников влекли богатства Индии и её экзотика, то русских странников притягивали родство духовное, общие корни и волшебная красота далёкой страны. Сегодня мы имеем достаточно много фактов, свидетельствующих о крепких исторических связях двух стран.

Известный русский художник Николай Константинович Рерих в очерке «Русь-Индия» писал: «В Астрахани и в Поволжье жили индусы. Даже от них пошли некоторые обрусевшие роды. При Екатерине — индусский раджа

в Яблоницах. Сказание об Иосафе, царевиче индийском. Беловодье. Множество санскритских корней в русском языке. Афанасий Тверитянин в Индии. Долгорукий — при Акбаре.

Если поискать да прислушаться непредубеждённо, то многое значительное выступает из пыли, из мглы. Нужно, неотложно нужно исследовать эти связи. Ведь не об этнографии, не о филологии думается, но о чем-то глубочайшем и многозначительном. В языке русском столько санскритских корней! Кое-какие ответы на такие запросы имеются, но ведь они разрозненны и случайны и забыты в пыли неведомых полок библиотечных. Пора русским учёным заглянуть в эти глубины и дать ответ на пытливые вопросы.

Трогательно наблюдать интерес Индии ко всему русскому. В нём не только доверие к русской мощи, но и нечто родственное...

Тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийский сердца русские. Истинно, «Алтай-Гималаи» — два магнита, два равновесия, два устоя. Радост-

но видеть жизненность в связях индо-русских.

Дело не в политике, а в живых душевных человеческих отношениях. Непрочны швы политические, то и дело лопаются и являют отвратительные прорехи. Другое дело — прочные сердечные узоры. Чем древнее они, тем они краше.

Красота заложена в индо-русском магните. Сердце сердцу весть подаёт» [1, с. 198].

Первое письменное упоминание о путешествии по Индии в средние века было обнаружено русским историком Николаем Михайловичем Карамзиным в древлехранилище Троице-Сергиевого монастыря. Это был список XVI в. под названием «Хождение за три моря Афанасия Никитина». Н. М. Карамзин, потрясённый прочитанным, написал: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века». В Индии, продолжал он, о России знали «...прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о догматах их Веры» [2, с. 325].

Небольшое по объёму, но очень емкое повествование тверского купца о старой Индии и сегодня представляет большой интерес для исследователей. В XV в. это были бесценные сведения, ведь до него на эту землю не ступала нога европейца. Тем, кто никогда не был в Индии, но мечтает в ней побывать, Афанасий Никитин (ок. 1433 — 1472 гг.) даёт очень важный совет, который прекрасно раскрывает одну из черт русской души: веротерпимость и неподдельное уважение к чужой вере. Следуя христианскому канону «Господом Твоим», он писал: «Итак, русские братья-хри-

стиане, кто из вас хочет идти в Индийскую землю, тогда ты оставь свою веру на Руси и, призвав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю» [3, с. 41]. Индийцам он говорил, что исповедует веру христианскую, называя своё русское имя и «бусурманское» (мусульманское) — ходжа Исуф Хорасани.

О сказочной Индии русичам торговцы восточные много сказывали. Вот и отправился в поисках лучшей жизни «пограбленный» русский купец в далёкое путешествие: «И я от многих бед пошёл в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем, никакого товара не осталось» [3, с. 49]. Описывая диких животных, уклад жизни, верования и даже политические события, Афанасий Никитин подробно рассказывает о том, какой товар и где можно приобрести купцам для ведения торгового дела. Четыре года странствий по разным странам, Дербентскому (Каспийское море), Индийскому (Индийский океан) и Чёрному морям были полны приключений, но тяга и любовь к родной стороне день ото дня становились сильнее: «Русская земля да будет Богом хранима! Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны подобной ей, хотя вельможи (бояре) Русской земли несправедливы (не добры). Да станет Русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость!» [3, с. 53]. В 1474 году ступил Афанасий Никитин на крымскую землю. Сначала корабль причалил в Балаклаве, оттуда отправился в Гурзуф, а затем в Кафу (Феодосия). В память об этом событии в Феодосии, недалеко от Генуэзской крепости и церкви, где тверитянин, по преданию, молился, установлен памятник русскому купцу и путешественнику.

Есть предположение, что свои записи он сделал именно в Крыму. Несмотря на все тяготы дальнего пути, завершил он своё повествование хвалой Богу, который для Афанасия за годы странствий стал един во всём

своём внешнем многообразии: «Бог велик! Боже благий, Господи благий, Иисус дух Божий! Мир тебе! Бог велик; нет Бога, кроме Аллаха, творца. Слава Богу, хвала Богу!.. Он царь, свет, мир, спаситель» [3, с. 58]. Скончался Афанасий Никитин неподалеку от Смоленска, по пути в родную Тверь в 1472 году.

Неверно будет утверждать, что до Афанасия Никитина Русь и Индия были неведомы друг другу. Арабские источники IX в. указывают на торговые связи двух стран и похожие обычаи. Тем не менее значение «хождения» А. Никитина трудно переоценить. Это был новый импульс к установлению тесных контактов с Индией. При Иване Грозном были изданы указы о развитии торговли с Индией, а в XVII в. при Алексее Михайловиче Тишайшем направлено посольство к шаху Джахану I с целью установления дипломатических и торговых отношений.

С возросшей силой в XVIII и XIX вв. Индия, её культура притягивает путешественников, учёных, писателей, художников, философов, государственных деятелей России. Среди них Филипп Ефремов, Рафаил Данибегашвили, Петр Пашино, Герасим Лебедев, И. В. Крузенштерн, А. Д. Салтыков, А. Г. Ротчев, А. Н. Краснов, И. Н. Кяинген, И. И. Воронцов-Дашков, Л. Г. Корнилов, великий князь Борис Владимирович, цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II. И это далеко не полный перечень тех, кто путешествовал по Индии. Основоположник отечественной индологии Герасим Лебедев, проживший многие годы в Индии и снискавший там большое уважение, считал её праматерью человечества: «Поелику Восточная Индия, кроме ея изобилия и сокровищ, на кои не только Европа, а может быть и целый свет завистными взирает очами, есть та первенствующая часть света, из которой, по свидетельству разных бытописателей, род челове-

ческий по лицу сего земного круга рассеялся; и которая национальный шомскритский язык, не довольно со многими азиатскими, но и с европейскими языками, имеет весьма ощутительное в правилах сближение» [4]. Позже немецкий учёный Готлиб Зигфрид Байер, работая в Петербургской Академии наук, тоже пришёл к выводу о единстве корней санскритского и русского языков.

Особо следует отметить неоднократные поездки в Индию Е. П. Блаватской, основательницы Теософского общества, автора многих фундаментальных трудов и прекрасной книги «Из пещер и дебрей Индостана», которую печатали отдельными главами в 80-е годы XIX столетия в русской периодике. Описание путешествия сопровождалось авторскими фотографиями. Вот небольшой фрагмент из её книги: «Индия — страна легенд и таинственных уголков. Нет в ней развалины, нет памятника или леска, чтобы не было у него своей истории. А главное, как обыкновенно ни опутана последняя паутиной народной фантазии, всё гуще свиваемой с каждым последующим поколением, но трудно, однако, указать хоть на одну такую, которая не была бы основана на каком-нибудь историческом факте. С терпением, а главное с помощью учёных браминов, раз войдя в их доверие и дружбу, всегда возможно докопаться до истины. Но уж, конечно, не англичанам, с их высокомерием и явно высказываемым презрением к «побеждённой расе», ожидать чего-либо подобного. Поэтому-то между официально расследованною Индией и (если дозволено так выразиться) подземною, настоящею Индией такая же разница, как между Россией в романах Дюма-перс и настоящею русскою Россией» [5, с. 9]. Елена Петровна Блаватская, приезжая к своим родственникам Фадеевым, состоящим в родстве с премьер-министром России С. Ю. Витте, кузиной

которого она была, привлекала интересными рассказами много молодёжи. В этот круг входил Илларион Иванович Дашков (1837—1916). Впоследствии он, совместно с путешественником Петром Пашино, начнёт издавать журнал «Азиатский вестник», в котором размещались материалы, посвящённые Индии.

Любил Индию и великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. Интерес к её философии, истории, религии и борьбе за независимость свёл Л. Н. Толстого с лидером национального освободительного движения М. К. Ганди. Их переписка — это общение родственных душ, преисполненных друг к другу искренним уважением. Приведём два фрагмента писем.

7 октября 1909 г. Л. Н. Толстой писал М. К. Ганди: «Сейчас получил ваше в высшей степени интересное и доставившее мне большую радость письмо. Помогай Бог нашим дорогим братьям и сотрудникам в Трансваале... Письмо к индусу написано мною... Переводу на индусский язык моего письма и распространению его могу только радоваться. Думаю, что competition, т. е. денежное поощрение, в деле религиозном неуместно. Если я могу служить чем вашему изданию, то буду очень рад. Братски приветствую вас и радуюсь общению с вами. Л. Толстой». В ответном послании М. К. Ганди читаем: «Милостивый государь, вы, вероятно, припомните мою переписку с вами, когда я временно был в Лондоне. Как ваш скромный последователь, посылаю вам при сем книжку, написанную мною. Это мой собственный перевод с языка гуджарати. Любопытно, что правительство Индии конфисковало книгу на этом языке. Поэтому я поспешил с опубликованием перевода. Мне не хотелось бы беспокоить вас, но, если позволит ваше здоровье и если вы найдёте время просмотреть книжечку, излишне говорить, что ваша критика этого сочинения

будет для меня в высшей степени ценной. Посылаю вам также несколько копий с вашего письма индусу, которое вы разрешили мне опубликовать. Оно тоже было переведено на одно из индусских наречий. Остаюсь ваш покорный слуга М. К. Ганди» [6]. Л. Н. Толстой искренне радовался, что его сочинения стали мощной поддержкой для освободительного движения, а ферма Калленбаха была названа «Толстовской фермой» и предоставлена для нужд непротивленцев и их семей.

Откуда это стремление Индии и России друг к другу, когда началось взаимное проникновение культур? Поиск ответа на этот вопрос стал ещё одним фактором сближения для учёных двух стран. Российский индолог Р. Б. Рыбаков писал: «Помню, под Мадрасом зеленобородый от старости бродячий садху (святой) на давно уже мёртвом языке санскрите уверял меня, что священная река индусов Ганг берёт начало в Сибири, в стране мудрецов, праотцев индийцев-риши (от имени которых происходит, мол, имя Россия) — более высокого пьедестала в Индии вообразить нельзя.

Может быть, первопричину этого тяготения стоит поискать в глубинах истории? Никогда, ни в какие века не зафиксировано ни одного эпизода, могущего омрачить наши отношения...

А может первопричиной взаимного тяготения двух столь различных внешне цивилизаций следует признать доисторическую общность их корней?

Это очень сложная тема, наука не сказала ещё последнего слова. Есть сотни практически совпадающих слов в славянских языках и санскрите (двара — дверь, мата — мать, агни — огонь и т. п.), есть разительное сходство в языческих дохристианских обрядах с обрядами индуизма (например, сожжение мёртвых)» [7].

Р. Б. Рыбаков называет несколько принципиально важных черт двух народов, которые и являются объединяющим началом: «примат духовных ценностей над материальными», общность (коллективизм), «единство в многообразии», бескорыстное служение людям и совесть (голос души).

Современные российские учёные нашли немало фактов, подтверждающих родство санскрита со славянскими языками. Достаточно вспомнить книги индолога Н. Р. Гусевой «Славяне и арьи. Путь богов и слов» (2002) и «Русский север — прародина индославов» (2010), в которых автор доказывает наличие общих предков у арьев и славян в эпоху палеолита. А также книгу академика О. Н. Трубачева «Indoarica в Северном Причерноморье» (1999). Он обнаружил индоарийские языковые реликты в областях Черноморского и Азовского побережья.

Особое притяжение двух стран мы наблюдаем в сфере культуры. Русские мастера давно восхищались индийским искусством и в своём творчестве неоднократно обращались к его мотивам. Во Владимире уже восемь веков поражает великолепным убранством и лаконичностью форм придворный собор князя Всеволода III, прозванного «Большое Гнездо». В оформлении храма, посвящённого Дмитрию Солунскому, использованы стилизованные изображения львов, барсов, слонов, павлинов, фантастических растений и т. д. Строили его с 1194 по 1197 гг. русские зодчие, чьих имён история не сохранила. Рассматривая искусную резьбу по камню, невольно задумываешься: почему в XII веке сказочное убранство с характерными индийскими мотивами появилось во Владимиро-Суздальском княжестве? Случайно ли?

Как и прежде, в современной архитектуре нередко встречаются индийские мотивы, ставшие неотъемлемой частью русской куль-

туры. В 1983 г. в Москве была открыта новая станция метрополитена — «Серпуховская». В оформлении использовано изображение павлина, главного символа древнего русского города Серпухов, первое упоминание о котором в письменных источниках датировано 1328 годом. Заморскую птицу с 1691 г. разводили в здешнем Владычном женском монастыре. С 1781 г. её изображение занимает центральное место на гербе Серпухова. Казалось бы, какое отношение имеет индийский павлин к православному монастырю? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к языку символов: в Индии павлин олицетворяет всевидящее Солнце, бесконечность космических циклов, в раннехристианской иконографии — небесный свод, воскрешение, единство. А ещё павлина на Руси называли «сто глаз всевидящей церкви». Поэтому не стоит удивляться, что по сей день из-за стен монастыря слышны то резкие, то мяукающие голоса павлинов.

Нельзя обойти вниманием ещё один факт, имеющий отношение к крымской земле. Англия, стремясь установить быструю и бесперебойную связь с колониальной Индией, осуществила беспрецедентный проект, проложив телеграфную линию Лондон — Калькутта. Работу по воплощению проекта осуществлял немецкий транснациональный концерн «Сименс». Часть маршрута Индо-Европейского телеграфа пролегла по территории Крымского полуострова — через Керчь, Белогорск, Симферополь, Перекоп. Один из офисов компании был расположен в центре Симферополя по ул. К. Маркса, напротив 1-й гимназии. Сегодня это здание находится в полуразрушенном виде, а с 1868 по 1931 гг. из него за считанные минуты можно было связаться с далёкой Индией. В вышеупомянутых городах Крыма сохранились опорные столбы с чугунным основанием. Они продолжают свою особую жизнь в городской среде как свидетели

научно-технического прогресса прошлого и русско-индийских связей.

Индия и Россия прошли сложные, подчас трагические периоды в своей истории, но всё пережитое делало их сильнее. Веротерпимость, уважение к представителям разных национальностей и культур прочно соединили народы, живущие на их благодатных землях, в мощный единый народ. Кульминацией во взаимопроникновении двух стран в XX веке стала широкая культурная деятельность семьи Рерихов. Эта уникальная семья столь много привнесла в российскую и мировую культуру, что на изучение их наследия требуется немало времени. Каждый из них был незаурядной личностью. Вместе они дополняли и усиливали друг друга.

Николай Константинович Рерих (1874—1947) — всемирно известный художник, ученый, философ, путешественник, общественный деятель, автор более семи тысяч художественных произведений, более тридцати литературных трудов и богатого эпистолярного наследия, инициатор создания и подписания Пакта Культуры, более известный как Пакт Рериха, а также международного проекта «Знамя Мира», за которые кандидатура Н. К. Рериха была выдвинута в 1929 г. на Нобелевскую премию.

Елена Ивановна Рерих, жена художника (1879—1955), — выдающийся русский философ Серебряного века, автор и соавтор уникальных книг, посвященных вопросам духовного совершенствования человека и глобальным космическим процессам. Особый интерес представляют девять томов её писем с трактовкой сложнейших положений русской и восточной философии, а также четырнадцать томов «Живой Этики», философии космической реальности. Многие труды Елены Ивановны ещё не изданы и ждут своего часа.

Юрий Николаевич Рерих, старший сын (1902—1960), — выдающийся русский востоковед, филолог, обладавший энциклопедическими знаниями. Владел более чем 30 иностранными языками. Автор и переводчик трудов по индологии, монголоведению и тибетологии.

Святослав Николаевич Рерих, младший сын (1904—1993), — прекрасный художник, автор более пяти тысяч художественных произведений, признанный одним из лучших портретистов XX века. Архитектор, искусствовед, философ, общественный деятель. Занимался естественнонаучными исследованиями и предпринимательской деятельностью.

В семье Рерихов с любовью и увлечением собирали предметы старины, произведения искусства, старинные манускрипты. Почти все собранные коллекции находятся в различных музеях. Дореволюционное собрание картин старых мастеров Европы, кисти Ван Дейка, Рубенса, П. Брейгеля Младшего и других известных художников, вошло в коллекцию Эрмитажа. Восточные, археологические, живописные коллекции и книжные памятники являются неотъемлемой частью собраний музеев России, Индии, США и других стран мира.

Широко известны два музея, основанные Рерихами и носящие имя Н. К. Рериха. Первый был открыт в Нью-Йорке в 1923 г., второй — в Москве в 1993 г. Музеефицированы имения Рерихов в Изваре, Наггаре и Бангалоре. Ежегодно их посещают тысячи людей.

Для великой русской семьи Индия стала второй родиной. Путь в эту страну был долг, но предопределён, казалось, самой судьбой. Николай Константинович Рерих родился в Петербурге 9 октября 1874 года в семье Константина Фёдоровича Рериха, известного нотариуса. Лето его семья проводила за городом. Старинное имение, построенное в XIX

веке, приобрела в 1872 г. мать художника — Мария Васильевна. Находилось оно неподалёку от Гатчины и носило необычное для здешних мест название «Извара», что в переводе с санскрита значит «Милость богов». В одной из комнат имения находилась картина с изображением величественной горы. Пройдёт немало времени, и Николай Константинович увидит воочию одну из священных вершин Гималаев, ту самую, образ которой так ярко запечатлелся в сознании в детские годы. Как вспоминает Н. К. Рерих, в екатерининские времена «неподалёку жил какой-то индийский раджа» [8, с. 29]. По преданию, первым владельцем имения был С. Р. Воронцов. Граф Семён Романович Воронцов (1744—1832) — дипломат, родной брат Екатерины Романовны Дашковой, сподвижницы Екатерины II, возглавлявшей Императорскую Российскую академию, личность незаурядная. Его духовные интересы были связаны с краеугольными положениями индийской философии. Из писем Е. И. Рерих, урожденной Шапошниковой, известно, что он совершил длительное путешествие в Индию вместе с Сен-Жерменом. «Воронцов, — писала она, — был один из немногих, кто знал о Гималайском Братстве и распространял сведения о Махатмах (речь идет о С. Р. Воронцове. — *Примечание автора*). Среди частного архива наместника Кавказа Воронцова-Дашкова имелись письма об Учителях Индии. И в семейных архивах Фадеевых, родственников Е. П. Блаватской, хранились любопытные документы о Воронцове. Так и у меня имелся ритуальный кинжал, принадлежавший Воронцову, и в детстве я любила повторять отрывки из привезённых им из Индии ритуальных напевов, каким-то образом дошедших до моей семьи» [9, с. 434]. Во второй части Е. И. Рерих рассказывает об Илларионе Ивановиче Воронцове-Дашкове (1837—1916), который общался с Е. П. Бла-

ватской в доме Фадеевых. Столь необычным образом оказались связаны семья Рерихов через С. Р. Воронцова и семья Шапошниковых через И. И. Воронцова-Дашкова с Индией и её культурой. Уже тогда она манила к себе.

Это притяжение и мечта о далёком странствии усилились после общения в 1913 г. с востоковедом В. В. Голубевым, вернувшимся из экспедиции в Индию. Делился своими впечатлениями о странствиях по Индии живописец Я. Ф. Ционглинский, преподаватель Императорской школы поощрения художеств, которую с 1906 по 1917 гг. возглавлял Н. К. Рерих. Ян Францевич мог часами рассказывать об Индии, показывая этюды, выполненные во время путешествия. Хорошо был знаком Николай Константинович с индийской серией В. П. Верещагина. Василий Петрович два года находился в Индии и выполнил там полторы сотни этюдов. Все вышеупомянутое привело Н. К. Рериха к идее об учебных поездках учеников школы Общества поощрения художеств, а в ней училось более двух тысяч человек, в Индию. К сожалению, этим планам не суждено было сбыться. Политическая ситуация в стране и мире развивалась стремительно и непредсказуемо, диктуя свои жёсткие, подчас неприемлемые, условия.

После революции 1917 года Н. К. Рерих, проживавший с семьей в Карелии, оказался отрезанным от родины. За 6 лет пребывания в Европе и Америке с успехом прошли многочисленные выставки художника, в Нью-Йорке открылся музей его имени, были созданы художественные и культурные объединения.

В декабре 1923 года семья Рерихов достигла столь долгожданных берегов Индии. Так начался индийский период жизни и творчества всемирно известного русского художника. Николай Константинович был покорён красотой Индии, её древнейшей историей и тем огромным потенциалом, который она в

себе таила для будущего: «Гималаи, разрешите ещё раз послать вам сердечное восхищение. Также вся прекрасная Индия, позволяй ещё раз послать тебе привет за всё то влекущее и вдохновляющее, которым наполнены твои и луга, и рощи, и старинные города, и священные реки, и великие люди» [10, с. 9]. Именно здесь появились широко известные серии картин — «Сиккимский путь», «Его страна», «Гималаи», «Майтрейя», «Учителя Востока» и другие.

В 1924 году состоялись научные экспедиции по Сиккиму и Бутану, а с 1925 по 1928 гг. прошла центрально-азиатская экспедиция Н. К. Рериха. Николай Константинович, Елена Ивановна и старший сын Юрий следовали через Кашмир, Ладак, Китайский Туркестан, на два месяца выезжали в Москву, затем через Алтай, Монголию и Тибет вернулись в Индию, в Сикким. Здесь, в Сиккимском княжестве, Н. К. Рерих напишет несколько картин, на которых во всей красе утренних и вечерних лучей солнца предстает перед нами Канченджанга, хранительница пяти сокровищ, пятиглавая священная вершина Индии. Это её величавыми отрогами любовался маленький Рерих в Изваре.

Центрально-Азиатская экспедиция стала самой масштабной в XX веке. Часть маршрута караван прошёл по тем местам, где ещё не ступала нога европейских исследователей. Тибет и труднодоступные районы Трансгималаев представляли малоизученный центр древних культур. Николай Константинович стремился «ознакомиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов» [11, с. 10].

На протяжении всего маршрута художник писал картины. Серия гималайских этюдов, насчитывающая около 400 работ, представ-

ляет величественную симфонию гор. Из путевого дневника Николая Константиновича известно, с какими трудностями приходилось сталкиваться ежедневно. И при этом он продолжал создавать прекрасное. Н. К. Рерих в очерке «Гималаи» писал: «Люди во всех частях света хотят знать о Гималаях. Самые лучшие люди сердечно устремляются к этому сокровищу Индии. Они просят послать хотя бы маленький эскиз или снимок, который они могли бы держать на своём столе для вдохновения. Во все времена происходило притяжение к Гималаям. Людям известно, что всякий ищущий духовного восхождения должен смотреть в сторону Гималаев» [10, с. 7].

В экспедиционных записях Николая Константиновича зафиксированы факты, подтверждающие не различия, а сходство обрядов, художественных стилей, уклада жизни, народов Центральной Азии с народами Европы, России, Америки. Всеобщие элементы культуры разных континентов выстраивались в сознании художника в величественную картину мира. Результатом экспедиции стали уникальные археологические и этнографические коллекции, ценные манускрипты и научные наблюдения, географические открытия.

Всё это явилось основой для создания Гималайского института научных исследований «Урусвати», в местечке Нагар долины Кулу, где поселились Рерихи после завершения длительного путешествия. Институт сотрудничал с крупнейшими учёными того времени. Научное предвидение Н. К. Рериха затрагивало темы, получившие впоследствии развитие в научных кругах. Но ещё больше направлений до сих пор остались неисследованными. В годы Второй мировой войны институт из-за отсутствия финансирования и возможности контактировать с учёными пришлось законсервировать. Будем надеяться на то, что его работа будет возобновлена и живой,

некабинетный метод работы, сотрудничество учёных разных стран мира в направлениях, заложенных Рерихами, позволит расширить границы научной картины мира.

Известно, что с семьёй Рерихов были знакомы несколько поколений индийских лидеров: Джавахарлал Неру, Индира Ганди, Сарвапалли Радхакришнан, Раджив Ганди. 2 февраля 1940 г. Д. Неру писал Н. К. Рериху: «Я — давний поклонник ваших величественных полотен и с удовольствием прочитал несколько ваших книг... Я надеюсь, что настанет день, когда мне предоставится возможность посетить вас в вашем прекрасном уединении в долине Кулу...» [12, с. 362]. И такой день настал. В мае 1942 года в имение Рерихов в Наггаре приехал Джавахарлал Неру с дочерью Индирой на две недели. Вторая мировая война была в самом разгаре, в Индии британцы жестоко подавляли попытки местного населения освободиться от колониального гнёта. Н. К. Рерих и Д. Неру обсуждали вопросы налаживания культурных связей Индии и России.

«Славный, замечательный деятель, — писал в те дни в своём дневнике Николай Константинович. — К нему народ тянется. Каждый день он кому-то говорит ободрительное слово. Наверно, сильно устаёт. Иногда работает до четырёх часов утра. Святослав написал отличный этюд портрета. Самый портрет будет в десять футов вышиной и шесть в ширину. Сзади — знамя Конгресса. Говорили об Индо-Русской Культурной Ассоциации. Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной... Все чувствуют, что он не только большой человек, надежда Индии, но честнейший добрый человек. Эти два ощущения очень важны в наши дни» [1, с. 39].

Дружба на долгие годы соединила две семьи. Когда не стало Н. К. Рериха, выставку в Дели, посвящённую творчеству русского художника, открыл Премьер-министр Индии

Д. Неру: «Когда я думаю о Николае Рерихе, я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий учёный и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений. Уже само количество его картин изумительно — тысячи живописных полотен, и каждая из них — великое произведение искусства... Картины его напоминают нам многое из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного и духовного наследия, они говорят нам так много не только о прошлом Индии, но и о чём-то постоянном и вечном, и мы чувствуем, что мы в долгу у Николая Рериха, который выявил этот дух в своих великолепных полотнах» [12, с. 387].

В 1966 г., через два года после ухода Д. Неру, в зале заседаний парламента Индии был размещён парадный портрет первого премьер-министра свободной от колониального гнёта страны, выполненный русским художником Святославом Николаевичем Рерихом. Эскиз к нему выполнялся в далёком 1942 г. Годы спустя там появился ещё один портрет кисти русского мастера, на котором изображена Индира Ганди, первая в истории Индии женщина премьер-министр.

Наследие семьи Рерихов многогранно и уникально. В последние годы всё чаще поднимается вопрос о создании в России Института рериховедения. Регулярно проходят научные и общественные конференции, посвящённые художественному, научному и философскому наследию Рерихов. Бесценный вклад в развитие этого направления сделала индолог и путешественник Людмила Васильевна Шапошникова. С 1975 по 1980 гг. она в одиночку прошла по маршруту Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов, кроме китайской части маршрута. Более двадцати лет дружбы связывали её со Святославом Николаевичем

Рерихом. Именно Людмиле Васильевне он доверил перевезти в Россию наследие уникальной семьи и предложил ей стать директором общественного Музея Н. К. Рериха в Москве. Перед Людмилой Васильевной стояла сложная задача — создать музей в непростые 90-е годы и научно осмыслить огромный пласт знаний, оставленный Рерихами, который выходит за рамки существующей научной парадигмы. Воля Святослава Николаевича Рериха была исполнена. Уже более четверти века успешно работает созданная в Москве неправительственная общественная организация «Международный центр-музей Рерихов». Её сердцем стал Музей им. Н. К. Рериха. Он располагает самой большой коллекцией произведений прославленных живописцев и ценнейшим архивом семьи Рерихов.

Россия и Индия хранят память о Рерихах. В Индии Николая Константиновича называют Махариши, что значит «великий мудрец». В Кулу, одной из самых живописных долин Индии, где он жил, установлен камень, на котором высечено: «15 декабря 1947 года здесь было предано огню тело Махариши Николая Рериха — великого русского друга Индии. Да будет мир». А в Калимпонге на месте кремации Елены Ивановны Рерих построена ступа. В 1999 г. у входа в Музей им. Н. К. Рериха в Москве состоялось открытие памятника Елене Ивановне и Николаю Константиновичу. В постамент были торжественно заложены титановые капсулы с их прахом. Так, много лет спустя, произошло возвращение Рерихов на Родину, снова соединив две великие страны, две великие культуры.

Выпуск этой книги ещё раз свидетельствует о том, что «тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийский сердца русские... Красота заложена в индо-русском магните. Сердце сердцу весть подаёт» [1, с. 198]. Так было, так есть, так и будет!

Литература

1. Рерих Н. К. Листы дневника. — Т. 3. М.: Международный центр Рерихов, Мастер-Банк, 1996.
2. Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. V—VIII. Калуга, 1995. Т. VI, гл. VII.
3. Никитин А. Хожение за три моря: с приложением описания путешествий других купцов и промышленных людей в Средние века / Афанасий Никитин. М.: Эксмо, 2009.
4. Лебедев Г. С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев. — Санкт-Петербург, 1805, с. 1. [Электронный ресурс] // Русские путешественники в Индии. Режим доступа: <http://anavrita.ru> (дата обращения: 29.03 2016 г.).
5. Блаватская Е. П. Из пещер и дебрей Индостана. — Киев: МП «Муза», 1991.
6. Сергеев А. П. Переписка Л. Н. Толстого с М. К. Ганди. [Электронный ресурс] // Русская литература и фольклор. Режим доступа: <http://antimilitary.narod.ru>
7. Рыбаков Р. Б. Россия и Индия — брак по любви. [Электронный ресурс] // Индия по-русски — живой путеводитель. Режим доступа: <http://indonet.ru> (дата обращения: 30.03 2016 г.).
8. Зажигайте сердца! Сборник. — М.: «Молодая гвардия», 1975.
9. Рерих Е. И. Письма. — Т. IV (1936 г.). М.: Международный центр Рерихов, 2002.
10. Рерих Н. К. Химават. Пер. с англ. Рериховского центра духовной культуры г. Самары. — ТОО «Агни», 1995.
11. Шапошникова Л. В. От Алтая до Гималаев. По маршруту Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха. — М.: «Планета», 1987.
12. Дубаев М. Л. Рерих. — М.: Мол. гвардия, 2003.

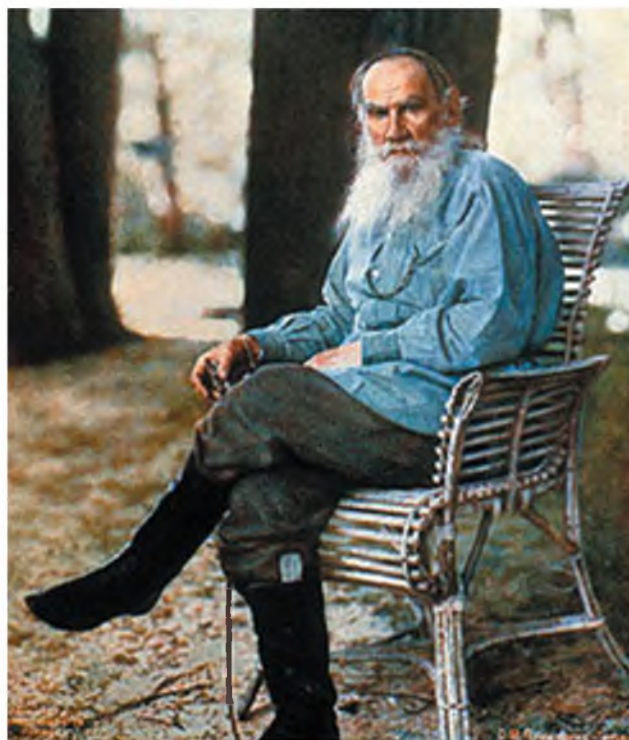
Т. Н. Загородникова,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра индийских исследований

П. М. Шаститко

ВЕЛИКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Лев Николаевич Толстой был москвичом, но он был совестью всей России и говорил с миром от имени всех россиян. Мохандас Карамчанд Ганди был гуджаратец, но был отцом всего индийского народа и говорил с миром от имени всех индийцев. Знаменитый бенгалец Рабиндранат Тагор дал ему почётный титул «Махатма» — «Великая душа». Ганди был на несколько десятков лет младше Толстого, но они жили в одну историческую эпоху и не могли найти путь друг к другу, хотя им довелось встретиться. Это были два великих корреспондента, обменивавшиеся мнениями нравственно-мировоззренческого характера друг с другом.

М. К. Ганди был не первым индийцем, обратившимся за советом и поддержкой к мудрому русскому мыслителю. В августе 1896 года бенгалец Упендра Кришна Датт, обучавшийся в Кембридже, направил Л. Н. Толстому три письма. Среди корреспондентов, поддерживавших переписку с русским графом, были редактор лахорского издания «Ревью оф релиджен» Мухаммад Садык, редактор мадрасского журнала «Нью реформер» Гопал Четти, редактор журнала на тамильском языке «Веданта сансисей» профессор Рамадевана и

несколько других индийцев, живших в Англии и Соединенных Штатах. Редактор журнала «Арья» Раматешан обратился к Л. Н. Толстому с просьбой: «Напишите нам несколько ободряющих слов, которые вдохновили бы нас в наших мучительных поисках выхода из того ужасающего положения, в которое ввер-

гнут индийский народ. Ваши добрые слова глубоко западут в наши сердца». Ответ молодого Льва Толстого на письмо Раматешана был перепечатан на первой полосе с припиской от редакции, набранной крупным шрифтом: «Вникните в содержание этого письма».

С 1882 по 1901 год Толстые жили в Хамовниках, около большой площади, где находились Хамовнические казармы, построенные в 1897—1899 годах архитектором М. М. Казаковым, сыном знаменитого московского зодчего. Рядом находился небольшой Хамовнический переулок.

Тогда это был тихий уединённый уголок Москвы. Вокруг дома — большой изумрудно зелёный сад. Толстому здесь хорошо работалось, хотя он больше любил своё имение в Тульской губернии — Ясную Поляну.

Усадьба Ясная Поляна принадлежала матери Л. Н. Толстого — Марии Николаевне, урождённой княжне Волконской.

Лев Николаевич стал владельцем Ясной Поляны в 1847 году и очень любил своё имение за простор полей, зелень дубрав, за спокойную мудрость и несуетливый быт крестьян. Он открыл для их детей школу и сам писал для них учебники. Писатель был прост, любил труд в поле и пешие прогулки. Кстати сказать, он трижды ходил из Ясной Поляны в Москву пешком, а это расстояние в 200 км, ходил он и в Оптину пустынь — 100 км и много раз в Тулу. Отметим, что Ганди тоже прошёл с посохом многие сотни миль по дорогам Индии.

Кабинет писателя в московском доме разместился на антресолях между первым и вторым этажами. Его окна выходили в сад, и открывавшийся вид располагал к спокойному размышлению. Он был напрочь лишён помпезности — хозяин её органически не терпел. На большом сосновом письменном столе — только книги, письменный прибор и два подсвечника. Диван, два кресла, книжный шкаф, несколько стульев

и небольшой столик — вот и всё убранство кабинета графа-мыслителя. После смерти Л. Н. Толстого особняк был продан городской управе, в 1921 году здесь был открыт музей Л. Н. Толстого, а в 1956 году установлен памятник скульптора З. М. Виленского.

Первое письмо М. К. Ганди написал Л. Н. Толстому 1 октября 1909 года из Лондона, куда он прибыл, чтобы добиться у английского правительства элементарных человеческих прав для индийцев, проживавших в Южной Африке. Сам Ганди работал тогда на скромной должности адвоката в Йоханнесбурге, но, нетерпимый к несправедливости, наивно решил найти управу на южноафриканских расистов в Лондоне. Его миссия была обречена на неудачу и была бы бессмысленной, если бы ему не дали почитать «Письмо к индусу» Л. Толстого. Особенно поразила Ганди созвучная его настроениям толстовская мысль о непротвлении злу насилием и о необходимости для каждого человека быть ближе к природе и к физическому труду. Мысли русского писателя были полным откровением для индийца. Отчасти и с дерзостью, свойственной молодости, начинающий адвокат написал всемирно известному писателю, мыслителю и графу большое письмо, в котором рассказал о бедственном положении индийцев в Южной Африке. Заканчивал своё письмо индийский адвокат почтительно: «Я утомил Вас этим письмом. Я знаю, что те, кто читает Вас и пытается следовать Вам, не имеют права отнимать Ваше время и, поскольку могут, должны воздерживаться чем-либо затруднять Вас. И всё же я, абсолютно неизвестный Вам человек, осмелюсь обратиться к Вам с этим письмом, ради истины и с целью услышать Ваш совет относительно тех вопросов, решение которых Вы сделали задачей нашей жизни». Подписано письмо было так: «Ваш покорный слуга М. К. Ганди».

Писатель ответил незамедлительно. Письмо из Ясной Поляны датировано 7 октября 1909 года. Толстой оценил борьбу «наших дорогих братьев» в Южной Африке, как борьбу смирения и любви против гордости и насилия, мягкости против жестокости и выразил свои симпатии правому делу.

Ганди был безмерно счастлив получить письмо из России. 4 апреля уже из Йоханнесбурга он пишет Льву Николаевичу ответ и посылает свою книгу «Indian Home Rule» («Самоуправление Индии») с просьбой высказать своё впечатление о ней. Толстой ответил 25 апреля. Сообщив Ганди, что он получил письмо и прочитал «Самоуправление Индии», русский мыслитель дал самую высокую оценку его работе: «Я прочел Вашу книгу с величайшим интересом, так как я думаю, что вопрос, который Вы в ней обсуждаете — пассивное сопротивление — вопрос величайшей важности не только для Индии, но и для всего человечества». Обратим на это внимание: адвокат-индиец из Южной Африки и русский писатель заняты проблемами Индии и всего человечества. Какой масштаб мышления! Своё письмо Лев Николаевич подписал: «Ваш друг и брат Лев Толстой». В этой подписи признание единомыслия и духовного родства. И Толстой, и Ганди приходят к простому и мудрому выводу: главная социальная функция человека — труд, главное социальное завоевание — свобода.

Всего переписка Ганди с Толстым составляла семь писем. Но дело не только в письмах. В Южной Африке Ганди организует трудовую общину, члены которой совместно трудятся на общей земле, и называет её «Толстовской фермой». Здесь же у него вызревает мировоззренческая концепция, которую он называет «Сатьяграха» («Упорство в истине»). Влияние Толстого на формирование «Сатьяграхи» и ненасильственного сопротивления несо-

мненно. Метод Ганди органично соединился с глубочайшими религиозными традициями индуизма, с психологией его крестьянских масс и всего народа. Может быть, в этом секрет того, что учение о ненасилии в России не стало таким популярным, как в Индии, где почва оказалась более благоприятной. Ганди станет идеологом национально-освободительного движения в Индии.

В 1910 году Л. Н. Толстой ушёл из жизни.

В 1914 году Ганди покинет Южную Африку и вернётся на родину, чтобы применить свой метод борьбы в масштабах Индии. Великий пророк ненасилия будет в 1948 году злодейски убит религиозным фанатиком, когда выйдет из дома, чтобы поговорить с народом.

До конца своих дней М. К. Ганди оставался страстным поклонником и последователем учения Толстого, которого считал своим духовным наставником. Его прельщало в толстовстве очищение через страдание, всепоглощающая любовь к людям, уважение к труду, самосовершенствование личности. Когда уже в Индии он возглавил борьбу против английских колонизаторов, он находил у Толстого бесстрашие духа, упорство в постижении истины, непротивление злу насилием. Уже на излёте жизни в 1942 году он писал: «Россия дала мне в лице Толстого учителя, который представил рациональную основу для моего ненасилия».

Родство душ великого россиянина и великого индийца было отражением родства душ россиян и индийцев.

Лишь 4—5 апреля 1900 (!) года посол Великобритании в России Ч. С. Скотт доложил министру иностранных дел Великобритании лорду Солсбери: «Милорд, имею честь сообщить Вашей Светлости... что сегодня в «Официальном вестнике» опубликован Царский декрет об утверждении в Бомбее Генерального консульства». Первым консулом России в

Индии был опытный и умный дипломат Вильгельм Оскарович фон Клемм. Он пробыл в Бомбее шесть лет.

В феврале 1910 года Российское генеральное консульство переехало в Калькутту и оставалось там до 1920 года, продолжая оказывать посильную помощь соотечественникам, оказавшимся в Индии. После предложения наркома иностранных дел Л. Троцкого признать Советскую власть и отказа консула сделать это работа консульства постепенно прекратилась, и дипломатические отношения между нашими странами прервались на долгие десятилетия.

1 сентября 1946 года было образовано Временное правительство Индии во главе с Джавахарлалом Неру, и через двадцать дней, 21 сентября, он направил письмо министру иностранных дел СССР В. М. Молотову с предложением обсудить вопрос об установлении дипломатических отношений между двумя странами. 2 октября советский министр выразил согласие своего руководства начать переговоры. Переговоры с В. М. Молотовым Дж. Неру поручил вести опытному дипломату К. П. Ш. Менону. 14 апреля в Москве и Дели было опубликовано краткое, но исполненное глубокого исторического смысла заявление: «Стремясь к сохранению и дальнейшему укреплению дружественных отношений, существующих между СССР и Индией, правительство СССР и правительство Индии решили обменяться дипломатическими представительствами в ранге посольств».

В начале августа 1947 года в Дели состоялись торжественные проводы первого индийского посольства в Москву. Первым послом Индии в СССР была, и это знаменательно, сестра Дж. Неру Виджаялакшми Пандит. Среди тех, кто одним из первых прибыл в Москву ещё до всего состава посольства, был начинающий дипломат Т. Н. Кауль. Он вспоминал:

«Джавахарлал Неру, или Пандит-джи, как мы его с любовью называли, поручил мне отправиться в Москву, чтобы открыть здесь индийское посольство. И вот я сбросил запыленную тужурку чиновника из индийской глубинки и окунулся в напряжённую дипломатическую жизнь. Что ещё более важно, именно по распоряжению Пандита-джи я впервые приехал в Москву летом 1947 года, в конце июля. И так началась моя пожизненная привязанность к вашей великой стране».

Своего здания у индийского посольства не было, посол и сопровождавшие его лица временно разместились в комнатах гостиницы «Метрополь». Надо было выбрать здание для посольства. Первый особняк в Глазовском переулке (дом 8), удобно расположенный вблизи от Смоленской площади и Министерства иностранных дел СССР, оказался слишком мал. При нём не было гаража даже для машины посла. Второй, трёхэтажный, на Смоленском бульваре (дом 11/2), построенный в 1890 году архитектором В. Шимановским, был неудобен тем, что выходил фасадом на шумную улицу. Он не отвечал правилам безопасности.

В 1950 году после провозглашения Индии республикой в Москву прибыл новый посол Сарвапалли Радхакришнан (1888—1975), видный деятель национально-освободительного движения страны и крупный, мирового масштаба, философ. (Впоследствии в 1952 году он станет вице-президентом, а в 1962—1967 годах президентом Индии.) При Радхакришнани индийское посольство находилось в бывшем особняке известного миллионщика Арсения Морозова, что на улице Воздвиженка, там, где впоследствии откроется Дом дружбы.

Новый индийский посол был мудр, несуетлив, обладал тонким чувством политической ситуации, умением видеть перспективу. Коллеги по дипломатическому корпусу встретили

Радхакришнана с определённым недоумением: уж очень он не вписывался в привычный, казавшийся обязательным стереотип дипломата. Посол не любил фрак, не употреблял спиртных напитков, был строгим вегетарианцем, откровенно скучал на светских раутах и приёмах и запросто уходил с них, когда они ему надоедали, не считаясь с рамками протокола. Визитёры, приходившие к философу, бывали сконфужены, когда он принимал их лёжа в кровати, обложившись книгами на санскрите.

Англичане говорят: «Манеры создают человека». Интеллигентнейший Радхакришнан имел свой взгляд на догмы этикета и, если они ему мешали, решительно отбрасывал. Лидеры страны, в которой он был аккредитован, его уважали. Сталин редко достаивал своим вниманием послов зарубежных стран, и многие из них ни разу не имели аудиенции у него за долгие годы. Индийский посол был принят русским вождём дважды и имел с ним продолжительные беседы.

Начало деятельности индийского посольства в Москве на Воронцовом поле связано с именем крупного дипломата Кумара Падма Шивашанкара Менона (1898—1982). Смуглую кожу выходца из Южной Индии оттеняла серебристая седина, очки в толстой оправе не скрывали мудрой глубины карих глаз, строгий европейский костюм подчёркивал спортивную стройность посла.

К. П. Ш. Менон окончил в Англии Оксфордский университет (исторический факультет) в 1921 году и поступил на индийскую гражданскую службу в административный аппарат английских властей в Индии. В 1945 году способный чиновник стал советником индийской делегации на конференции в Сан-Франциско, когда создавалась Организация Объединённых Наций. Вся его последующая деятельность была связана со становлением внеш-

неполитического курса независимой Индии. Менон был первым её дипломатом, получившим ранг посла. Напутствуя его в 1952 году перед отправкой в Москву, премьер-министр Дж. Неру сказал, что посол Индии должен «не только представлять Индию в России, но и представлять Россию в Индии». Девять лет К. П. Ш. Менон был хозяином дома 6/8 на Воронцовом поле. Оценивая позднее свою дипломатическую карьеру, он с полным основанием напишет: «Мне выпала честь провести в Советском Союзе девять счастливых и, надеюсь, наиболее продуктивных лет своей жизни в качестве представителя Индии».

Менон был в числе разработчиков и организаторов визита в 1955 году премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, которому суждено было стать историческим. Он означал, наряду с визитом отечественных советских руководителей в Индию в 1956 году, прорыв в российско-индийских отношениях, определивший их содержание на всю вторую половину XX века. Мы обычно называем итоговые документы именем лиц, их подписавших, забывая тех, кто их готовил. Менон был одним из тех, кто готовил исторические соглашения.

В 1953 году к Кумару Менону обратился с частной просьбой Джавахарлал Неру. Он попросил его принять в Москве дочь Индиру и помочь ей посмотреть наиболее интересные места в СССР. К. Менон охотно согласился. Он был в дружеских отношениях с премьер-министром и давно знал Индиру. Посол посетил гостью в своей резиденции. Позднее она напишет: «Я была гостьей нашего посла К. П. Ш. Менона и его супруги, но ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей (позднее ССОД — Союз советских обществ дружбы) постоянно заботился о нас, помогал увидеть всё, о чём мы просили, дал нам переводчика». Переводчиком И. Ганди была М. Я. Тархова.

Индира Ганди посетила детские учреждения Москвы, имела встречу в Комитете советских женщин. Её всюду встречали с восторженным гостеприимством. Яркое сари, гордая осанка брахманки, огромное личное обаяние и глубокий ум производили сильное впечатление. Менон вспоминал о ней: «Индира — это женщина, красота которой одновременно и индивидуальна, и универсальна. Сама она как-то мило не осознаёт своих данных». Добавим, что сари, национальная одежда индийских женщин, была ещё непривычна для советских людей и вызывала их восхищенное любопытство. Индира Ганди улыбалась всем радостно и доброжелательно, лишь иногда углубляясь в себя, словно гадая, что ей сулит будущее. Кроме Москвы она посетила Ленинград, Тбилиси, Сочи, Ялту, Ташкент. Всего индийская гостья провела в Москве месяц, полный ярких впечатлений и интересных встреч. Покинув СССР, Индира Ганди полетела навстречу своей по-шекспировски трагической судьбе. Ее ждал ошеломляющий политический взлёт, а позднее в 1960 году — смерть мужа, в 1964 — отца, гибель в 1980 году младшего сына в авиакатастрофе, собственная смерть от руки своего охранника. После этого взрыв унёс жизнь её старшего сына.

В 1961 году Менон вернулся в Индию, а в 1965-м стал председателем Индийско-советского культурного общества, целеустремленно продолжая служить делу, которое считал главным предназначением своей жизни. 3 августа 1979 года К. П. Ш. Менону была вручена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

В 1961 году хозяином дома на Воронцовом поле стал Трилоки Натх Кауль (1913—2000). Летом 1947 года он начал в Москве свою дипломатическую карьеру скромным служащим

посольства. Через 14 лет вернулся послом. Т. Н. Кауль был послом в СССР дважды. 16 июля 1989 года он открыл на Воронцовом поле, почти напротив посольства, Культурный центр Посольства Республики Индия имени Джавахарлала Неру. На открытии центра присутствовал министр иностранных дел Индии господин Нарасима Рао.

В своей речи Кауль сказал: «Культурный центр, который я имею честь открывать сегодня, явится проводником индийского гуманизма. Центру оказано высокое доверие носить имя Джавахарлала Неру, входящего в большую плеяду индийских гуманистов... Главная черта гуманизма Неру — утонченное чувство свободы». Кауль выразил надежду, что эти идеалы будет исповедовать Культурный центр имени Джавахарлала Неру.

Во дворе центра находится небольшой, тщательно ухоженный цветник с бюстом Дж. Неру посередине — работа туркменского скульптора М. Саитмуратова (1940—1994), который автор преподнёс в дар Посольству Индии.

В этом скромном двухэтажном здании работают курсы языка хинди, североиндийского классического танца катхака, ударного инструмента таблы и читальня. Руководят курсами индийцы — профессиональные танцоры и музыканты, знатоки своего дела. Большинство мероприятий центра, которые проходят в Зале имени Д. П. Дхара Посольства Индии, заканчиваются небольшими концертами. При входе в центр висит большой фотопортрет Дж. Неру, по стенам развешаны картины индийских художников. Любой москвич может прийти в этот гостеприимный дом и попробовать себя в одном из видов искусств.

Такова здесь, в Москве, на улице Воронцовом поле, территория Республики Индия.

Т. К. Фомина

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ НА КАФЕДРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В условиях медицинского вуза русский язык является рабочим языком иностранных учащихся. Поэтому приоритетной сферой обучения на кафедре русского языка становится учебно-профессиональная сфера.

Нами было проведено исследование с использованием техники «репертуальных решеток». Целью данного исследования было выявление трудностей, с которыми встречаются иностранные студенты в условиях обучения будущей профессии. В исследованиях участвовали иностранные студенты 1—4 курсов из арабских стран, Африки, Азии, Индии. В качестве оцениваемых ситуаций выступали следующие:

- работа на лекциях;
- работа на практических занятиях.

В качестве оценивающих элементов использовались биполярные признаки:

- легко — трудно;
- нуждаюсь в помощи — справляюсь самостоятельно;
- требует хорошего знания языка — не требует хорошего знания языка;

– полезно для приобретения профессии — не влияет на приобретение профессии;

– происходит как на Родине — происходит по-другому.

При анализе учебных ситуаций обнаружены значимые различия, прежде всего, при оценке элемента «занятия русским языком».

Нами отмечается высокий уровень заинтересованности русским языком на первом курсе. Так как на этом этапе русский язык является не только средством аккультурации, а также средством приобретения зна-

ний по специальным предметам. В первом семестре второго курса уровень интереса к изучению русского языка снижается: иностранные студенты овладевают нужным запасом общенаучной лексики и терминологии. Во втором семестре второго курса и на третьем курсе вновь резко возрастает заинтересованность в обучении русскому языку. Это объясняется тем, что произошло первое ознакомление с профессией (появление клинических дисциплин, посещение клиник, встречи с учеными вуза, практическими врачами, больными и т. д.).

Ситуация «обучение русскому языку» оценивается признаком «полезно для приобретения профессии» не только студентами 1—3 курсов, но и студентами 4-го курса. Это вполне объяснимо, так как у студентов 3-го курса начинаются учебные занятия на клинических базах и активная практика у постели больного. Поэтому формирование навыков профессиональной речи в устной и письменной форме, навыков речевого поведения в профессиональных ситуациях, навыков понимания и языковой реакции на речь больного необходимы студентам как для устного общения с больным, так и для записи субъективных и объективных данных о состоянии больного в истории болезни.

Ситуация «работа на лекциях» и «работа на практических занятиях» оценивается признаками «трудно», «нуждаюсь в помощи», «требует хорошего знания языка». Так оценивают эту ситуацию студенты 1-го и 3-го курсов. Студенты 2 курса оценивают признаком «трудно» учебную ситуацию «работа на лекциях». В связи с этим на кафедре русского языка было проведено отдельное исследование, целью которого было выявление трудностей при слушании и записи лекций иностранными студентами 1—4 курсов.

Результаты исследований выявили языковые трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты как на начальном, так и на последующих этапах обучения, а также послужили основанием для выработки системы обучения иностранных студентов с учетом профессиональной направленности.

Основой данной системы служит межкафедральная интеграция, представляющая тесное сотрудничество кафедры русского языка и профессиональных кафедр. Необходимо заметить, что в Волгоградской медицинской академии давно перестал дискутироваться вопрос, кто должен выступать инициатором этой работы. Как преподаватели-русисты, так и преподаватели-предметники понимают, что только при тесном сотрудничестве можно добиться оптимальных результатов в обучении иностранных студентов будущей специальности. Кафедра же русского языка является исходной для организации совместной работы с профильными кафедрами.

Эта работа начинается с составления календарно-тематических планов, которые имеют ориентацию на факультеты: лечебный, стоматологический, фармацевтический. В планах отражены не только необходимые для

выработки на определенном этапе умения и навыки, но и наиболее сложные для иностранных студентов темы по медико-биологическим и клиническим дисциплинам.

Вторым этапом является отбор сложных тем, текстов, а также необходимого объема терминов для создания учебных словарей. Основная роль здесь принадлежит преподавателям-специалистам.

Следующий этап работы — это щадящая адаптация учебных текстов и толковых терминов, которая проводится филологами-русистами с учетом особенностей родного языка студентов.

Памятую о том, что любое языковое явление иностранного языка воспринимается учащимися через призму родного языка, преподаватели кафедры при обучении русскому языку широко используют сопоставительный метод. Определенные условия русского языка могут быть даны более полно или сжато в зависимости от того, насколько они сходны с соответствующими явлениями в родном языке учащихся. В частности, при сопоставлении фонетических систем русского языка и языка хинди нами были разработаны методические рекомендации по обучению русской ритмике, интонации, ударению.

При работе над лексикой и новой терминологией по медико-биологическим и клиническим дисциплинам в аудитории индийских студентов нами учитывается наличие языка-посредника (английского), что облегчает и работу преподавателя, и восприятие нового материала студентами. А учет схожей по корням интернациональной лексики дает возможность вскрыть большой словарный резерв у индийских студентов. Порой сами студенты не подозревают о том, что благодаря этому знают довольно много слов, входящих в состав русского языка.

Огромный аспект совместной деятельности кафедры русского языка и специальных кафедр — это подготовка учебных терминологических словарей по химии, гистологии, дисциплинам стоматологического, хирургического, терапевтического профилей. Дефинирование терминов осуществляется специалистами, а преподавателям даются грамотные методические рекомендации по использованию словаря в учебном процессе.

В нашей академии существует достаточный опыт по созданию совместных научно-практических пособий по специальности (н. анатомия, стоматология, биохимия и др.) для работы на занятиях русского языка, а также для самостоятельной работы иностранных студентов в аудиторное время и дома. Роль русистов заключается в методически правильном оформлении методических разработок на основе предлагаемых текстов.

Учебный процесс в вузе представляет обучение (группы иностранных учащихся формируются отдельно от российских студентов). Данное разделение предполагает использование в аудитории соответствующей методики преподавания. Это является важнейшим условием эффективности процесса обучения на кафедрах медико-биологического и клини-

ческого профилей: правильная организация учебного занятия (лекции, практического занятия, семинара) с учетом методики преподавания в иностранной аудитории. Преподаватель вводит новые термины, записывая их на доске, в ходе занятия объясняет новые лексические единицы, темп предъявления нового материала унифицирует для данной аудитории, широко использует различные средства наглядности и т. д.

В свою очередь, преподаватели русского языка, понимая необходимость быстрее включения иностранных студентов в учебный процесс общетеоретических и клинических кафедр, вводят в учебные материалы тексты с информацией о системе здравоохранения России, о структуре вуза, в котором обучаются студенты. В учебные материалы на основе межкафедральной интеграции включаются также страноведчески ценные тексты о достижениях русских ученых-медиков — Павлова, Сеченова, ведущих ученых ВМА. На занятиях русского языка иностранные студенты знакомятся с проблемными текстами по медицинской этике и деонтологии, участвуют в учеб-

ных конференциях по актуальным вопросам медицины.

Говоря о совместной работе кафедры русского языка с профильными кафедрами, необходимо отметить, что данное направление работы строится по принципу устного опережения, то есть изучаемый материал по специальности на занятиях русского языка излагается прежде, чем студенты с ним знакомятся на профильных кафедрах. В данном случае это облегчает восприятие нового материала в ходе занятия по химии, н. анатомии, терапии и др.

Главная сфера иноязычного общения для студентов-медиков — профессионально-деловая. Поэтому задачу обучения иностранных студентов будущей специальности можно решить только в условиях межпредметной координации. Все это помогает сделать обучение русскому языку профессионально направленным, что, в свою очередь, способствует включению иностранных студентов в процесс обучения и приобретения знаний по специальности.

Внеаудиторная работа с иностранными учащимися на кафедре русского языка проводится также в контексте профессиональной направленности.

В. Б. Мандариков

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗАХ РОССИИ

Современное социально-экономическое положение России и высшего образования предъявляет новые требования к качеству обучения зарубежных студентов. Оптимизация данного процесса помимо решения материально-технических и педагогических задач предусматривает изучение адаптации учащихся к новым условиям на различных уровнях их жизнедеятельности и возможности ее коррекции.

Период адаптации иностранных студентов к новым условиям обучения и быта определяется комплексом социально-психологических, религиозных, медико-биологических проблем (Н. Н. Седова, И. К. Простов, В. В. Крысанов). Недостаточное знание русского языка, различия в системе среднего образования усложняют приспособление зарубежных учащихся к новым условиям жизнедеятельности (А. И. Корешкин, Л. Д. Бабакова, Р. Н. Бедрик, О. М. Воскечьян, Б. Н. Моренко). Развитие состояния дезадаптации проявляется в снижении успеваемости и сопротивляемости про-

студным заболеваниям, в обострении синдрома хронической усталости (В. И. Петров, А. А. Спасов, Т. К. Фомина).

Для оптимизации процесса адаптации и повышения качества обучения зарубежных студентов помимо педагогических, гигиенических подходов (оптимальное расписание занятий, улучшение жилищных условий, диета и т. д.) важно применение антиоксидантных веществ, поливитаминных препаратов. Эти препараты оказывают тонизирующее, адаптогенное действие, усиливают неспецифическую резистентность организма (А. З. Зурдинов, А. А. Спасов, Т. А. Оробинская, Ю. Аникин).

В то же время, влияние препаратов на организм в условиях физических нагрузок относится к малоизученной практике, особенно при положительном действии стрессирующих факторов (М. Ю. Соломин, С. А. Сергеева, В. А. Лиходеева).

Таким образом, разработка методов оценки, прогноза и коррекции адаптации зару-

бежных студентов к учебным и физическим нагрузкам, воздействию комплекса психо-социальных факторов иноязычной среды является актуальной проблемой. Ее решение позволит в значительной мере уменьшить негативное влияние ряда факторов на адаптированность иностранных учащихся (М. Я. Мухамеджанов, И. Я. Давыдов, С. В. Клаучек, Л. Б. Осадшая, В. Б. Мандаиков, В. В. Неумоин).

Цель настоящей работы заключается в определении критериев оценки особенностей течения и хода адаптации зарубежных студентов к новым условиям жизнедеятельности и путей ее коррекции.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи.

1. Исследовать исходный уровень и динамику функционального состояния, физического развития и физической подготовленности иностранных студентов за время обучения в вузе.

2. Определить степень адаптации иностранных студентов к физическим нагрузкам.

3. Проанализировать социально-психологические компоненты адаптации иностранных студентов к новым условиям жизнедеятельности.

4. Исследовать динамику психофизиологического состояния иностранных студентов в период обучения в вузе.

5. Изучить влияние адаптогенного препарата растительного происхождения на физическую работоспособность и психофизиологическое состояние иностранных студентов.

6. Разработать систему группового и индивидуального прогноза формирования адаптивного поведения зарубежных студентов в новых условиях жизнедеятельности.

Исследование проводилось в течение трех лет на базе кафедры физического воспитания, лечебной физической культуры и врачебного контроля Волгоградской медицинской академии в рамках межкафедральной программы «Медико-биологические, культурологические и педагогические акценты адаптации зарубежных студентов». Под динамическим наблюдением находились 80 российских и 108 зарубежных студентов мужского пола из Индии в возрасте 17—23 лет.

Оценка физического развития проводилась по результатам общепринятых антропометрических измерений и стандартов. Уровень физической подготовленности оценивался по показателям тестов Государственной программы по физическому воспитанию для медицинских вузов России.

Для изучения адаптации иностранных студентов к новым микросоциальным условиям был использован анкетный опросник Московского института профилактической медицины (И. А. Гундаров, 1989).

Для изучения влияния адаптогенных препаратов растительного происхождения на психофизиологическое состояние и показатели работоспособности иностранных студентов использован препарат «Артикрут»,

выпускаемый по шведской технологии из природного сырья (золотой корень) и любезно представленный для исследования шведским институтом лекарственных растений.

Обработка результатов осуществлялась методами математической статистики. Достоверность различий средних оценивалась по величине t -критерия Стьюдента. Для разработки прогностических моделей адаптивного поведения использовался регрессионный анализ.

В результате сравнительного анализа исходного состояния физического развития иностранных и российских студентов по параметрам длины тела и окружности грудной клетки достоверных различий не обнаружено. В то же время, отмечен достоверно более низкий уровень зарубежных студентов по показателям массы тела, кистевой и становой динамометрии, статической выносливости, индекса Кетле.

Исходный уровень физической подготовленности иностранных студентов по основным физическим качествам — быстрота, сила, гибкость и скоростная выносливость в соответствии с государственной учебной

программой был оценен как неудовлетворительный и был достоверно ниже по всем фактическим показателям по сравнению с российскими студентами.

Функциональное состояние зарубежных студентов на начальном этапе обучения в вузе по данным ЖЕЛ, пробы Генчи, ЧСС в покое, жизненного индекса также имело достоверно более низкий уровень у иностранных студентов по сравнению с российскими. Абсолютные и относительные значения физической работоспособности свидетельствуют с достоверностью о более высокой толерантности российских студентов к физическим нагрузкам. Зарубежные студенты реагировали на стандартные велоэргометрические нагрузки более высокими значениями ЧСС, длительным восстановительным периодом, что указывает на напряжение регуляторных механизмов ССС.

Таким образом, полученные результаты позволяют утвердительно говорить о недостаточном уровне компенсаторно-приспособительных механизмов организма иностранных студентов к физическим нагрузкам на первом этапе обучения в российском вузе.

Одним из факторов, воздействующих на организм зарубежных студентов за весь период наблюдений, явились регулярные физические нагрузки. Обязательные занятия физическим воспитанием и внеучебные мероприятия соревновательного характера позволили довести объем двигательной активности иностранных студентов в среднем до 3,5—4,5 часа в неделю.

Положительным результатом таких воздействий явился выход организма иностранных учащихся на новый качественный уровень адаптации к физическим нагрузкам.

За период наблюдений основные морфологические признаки обследуемых практически не изменились. В то же время достоверно повысились результаты кистевой и становой динамометрии, статической выносливости.

По результатам тестирования физической подготовленности зарубежных студентов на заключительном этапе исследования отмечено достоверное улучшение результатов всех представленных физических качеств.

Экономизация функций сердечно-сосудистой и дыхательной систем проявилась в учреждении ЧСС в покое, повышении устойчивости к гипоксическим состояниям, увеличении дыхательных объемов.

Данные велоэргометрического теста свидетельствовали о компенсации напряжения регуляторных механизмов CCC, что проявилось в достоверно более низких значениях ЧСС на стандартные физические нагрузки. Отмечен рост как абсолютных, так и относительных значений физической работоспособности. Изменилась структура разделения лиц с различными уровнями работоспособности (увеличилась на 28%). В целом значения работоспособности по группе в конце исследования в соответствии с российскими стандартами классифицировались как средние.

Косвенным подтверждением повышения уровня адаптированности зарубежных студентов явилось изучение документов здравпункта академии.

При анализе результатов лабораторных исследований состава крови выявлено увеличение показателя гемоглобина в конце второго курса, что может быть свидетельством улучшения функционального состояния зарубежных студентов. Снизилось число обращений зарубежных учащихся в лечебные учреж-

дения с острыми заболеваниями на 13%.

Для изучения социально-психологической адаптации зарубежных студентов к новым условиям жизни на всех этапах исследования проводилось анкетирование.

Анкета состояла из 32 вопросов, которые были распределены на четыре блока:

1. бытовые условия проживания;
2. взаимоотношения (с друзьями, одногруппниками, преподавателями);
3. питание (разнообразие и качество продуктов);
4. здоровье (самочувствие, настроение, переживания, удовлетворенность собой, душевное состояние). Оценка исследуемых условий проводилась по пятибалльной системе.

Результаты анкетирования свидетельствуют о достоверном росте качества жизни зарубежных студентов практически по всем блокам проводимых исследований. Снизилось число респондентов недовольных бытовыми условиями, качеством и разнообразием питания соответственно на 18 и 16%. Повысилась оценка самочувствия у 21% иностранных студентов. 83% обследуемых отмечали ощущение счастья.

Анализ результатов наблюдений с использованием специализированной диагностической компьютерной программы «Око» выявил положительную динамику психофизиологических состояний зарубежных студентов. Установлено достоверное снижение показателей ситуационной тревожности. На 12% выросло число обследуемых с состоянием полного психологического комфорта.

Отмечено достоверное снижение психической напряженности по тесту «Цветовая диагностика». Количество студентов с состояниями психического дискомфорта, неурав-

новешенности, признаками переутомления, непродуктивной эмоциональной деятельности снизилось на 16%.

Диагностика функционирования состояния ЦНС выявила высокую сосредоточенность, способность не отвлекаться на постоянные внешние раздражители, поддерживать избирательное внимание на высоком уровне у 73%.

В то же время необходимо отметить повышение уровня тревоги, психической напряженности и психического утомления в динамике исследований от начала к концу каждого учебного года.

Широкое применение биологически активных препаратов на основе продуктов пчеловодства, витаминов и адаптогенов растительного происхождения в практике спорта и профессиональной деятельности, связанной с высоким физическим и психоэмоциональным напряжением, позволило предпринять попытку использования препарата растительного происхождения «Артикрут» в процессе учебной деятельности иностранных студентов.

В исследованиях приняли участие практически здоровые иностранные студенты из Индии. Все обследуемые методом случайной выборки были распределены на три группы по 20 человек. Первая группа была контрольной. Представители второй группы получали плацебо. Студенты третьей группы принимали препарат сухого экстракта родиолы розовой («Артикрут») (100 мг в день) в течение 20 дней.

Исследование физической работоспособности и психофизиологического статуса проводилось до и после курсового приема препарата.

Под влиянием курсового приема препарата «Артикрут» отмечалось достоверное повышение показателей физической работоспособности, наблюдалась экономизация функций ССС, выразившаяся в достоверном уменьшении значений ЧСС на высоте выполнения второй нагрузки.

Улучшались показатели точности мышечных усилий, увеличивался объем прослеженной информации и одновременно уменьшалось количество ошибок в тесте Иванова-Смоленского. Использование компьютерной специализированной психодиагностической программы «Око» позволило дать оценку психофизиологическому состоянию зарубежных студентов, принявших участие в исследованиях.

В результате приема препарата «Артикрут» у иностранных студентов снижались явления утомления и ситуационной тревожности, улучшалось самочувствие, настроение, повышались активность и желание работать.

Установлено влияние препарата на структуру распределения студентов по тесту «Диагностика функционирования состояния ЦНС».

В контрольной группе и группе плацебо отмечалось снижение количества учащихся с высоким уровнем активности и готовности ЦНС к работе на 38% и 30% соответственно. В то же время в группе студентов, принимавших адаптоген, зафиксировано повышение уровня функционирования ЦНС. Число «активных» студентов увеличилось на 20%.

В результате проведенных исследований для каждого этапа адаптации разработаны математические (регрессивные) модели функционального состояния зарубежных студентов. На их основе создана единая

прогностическая модель последовательного формирования адаптивного поведения зарубежных студентов в новых условиях жизнедеятельности. Практическое использование прогностических таблиц позволило установить, что на первом этапе исследования группу риска с неблагоприятным течением процесса адаптации составили 56% зарубежных студентов. Через три года численность этой группы сократилась в разы.

Таким образом, в результате проведенных исследований были получены данные, подтверждающие положительное влияние учебных и внеучебных занятий по физическому воспитанию на функциональное состояние организма иностранных студентов, повыше-

ние уровня их физической подготовленности.

Применение адаптогенного препарата на основе сухого экстракта родиолы розовой оказывает положительное влияние на организм иностранных студентов, что позволило рекомендовать его в качестве средства улучшения процессов адаптации в период обучения в вузе.

Комплексный подход позволяет наиболее эффективно проводить отбор критериев оценки особенностей течения и исхода адаптации зарубежных студентов к новым условиям жизнедеятельности и путей ее коррекции.

Это явилось теоретической основой разработки практических рекомендаций по индивидуальной коррекции неблагоприятного течения адаптации.

Г. Н. Токарева

ИНДИЙСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНО-ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Многовековая самобытная культура Индии была и остается привлекательной темой как для учёных, так и для простых людей во всем мире. Культурное наследие, оставленное нам древними индийцами, огромно: это и философские течения, и достижения науки, и произведения искусства. Ретроспектива историко-культурного отражения наследия Индии в культуре России, взаимного влияния России и Индии в области материальной и духовной культуры, этнических отношений, рефлексии влияния в фольклоре и искусстве (устное народное творчество, распространение светских литературных произведений) широка и многообразна. Своими истоками она уходит в глубокую древность. Как пишет известный индолог К. А. Антонова (1910–2007), «сильнейший интерес к Индии существовал в России с древнейших времен». Межкультурные связи России и Индии, отличавшиеся своей многогранностью, творческим синтезом и гармонией, в значительной мере выделялись на фоне восточнокультурной ориентированности Запада. Влияние Востока не прошло бесследно

для развития русской музыкально-песенной культуры. Именно в русской музыке восточное влияние нашло своё наиболее полное развитие и выражение среди всех европейских музыкальных культур. Процесс этот не был односложным. Тема Востока не появилась в русской музыкальной культуре на голом месте. Этому предшествовал определённый исторический этап.

Отечественные историки XVIII в. находили следы индийского влияния на Руси в глубочайшей древности. Прямые контакты двух стран в древности были эпизодическими, а представления о далеких землях нередко носили фантастический характер. Поэтому можно поражаться, как рано обнаруживаются русско-индийские контакты, как многообразно они проявляются, как органично образ Индии входит в народное творчество и древнюю русскую литературу.

Многочисленные совпадения в русском языке и санскрите, а также в чертах мифологии становятся объектом научного интереса исследователей славянской фольклорной

традиции уже в конце XVIII — начале XIX века. Одним из первых русских ученых, высказавших предположение о древнеиндийских связях русского народного творчества, был фольклорист, писатель, лексикограф М. Н. Макаров (1789—1847), выступивший с этой идеей в 30-е гг. XIX в., а позднее — известный собиратель российских древностей, историк, этнограф, фольклорист, археолог, искусствовед И. М. Снегирев (1793—1868). «Предполагая, что праздники и поверья легко могли быть заимствованы от других народов, он разделяет их на отечественные и заимствованные. При таком взгляде на праздники И. М. Снегирев обращается к сравнению греческих мифов с индийскими. В его изысканиях наш Перун встречается в богоучении восточных индийцев с указанием на путешествие по Индии Соннерата. Купало имеет сходство с индийским Копалом».

19 ноября (2 декабря по новому стилю) православная церковь отмечает память Иоасафа, царевича индийского, вместе с памятью преподобного Варлаама. О них же, прежде всего об Иоасафе (Будасфе Бодхисаттве), пели на Руси странники и старообрядцы. Более полувека назад отечественный индолог В. Н. Топоров (1928—2005) писал: «Можно думать, что сказание об Иоасафе проникло к нам не только благодаря древнерусскому переводу с греческого (как случилось и с другой знаменитой повестью индийского происхождения — «Стефанит и Ихниллат»), но и благодаря непосредственным связям Руси с Востоком».

О «доисторическом единстве и общении» индийского и славянского народов говорил русский славяновед и фольклорист А. Ф. Гильфердинг (1831—1872), занимаясь санскритско-славянскими лингвистическими изысками и исследуя русский фольклор.

В атмосфере интереса, опиравшегося на энергетическое поле «восточно-западной» русской культуры, мыслитель и художник Н. К. Рерих (1874—1947) смог стать фигурой мирового масштаба, ощутив проблему «Восток-Запад» как единство многообразия.

Изучая вопросы массовых миграций, Рерих пришел к заключению, что близость между нашими народами уходит глубоко в тысячелетнюю толщу великого индоарийского союзного братства; народы, заселявшие русские равнины в течение многих лет, были в далеком прошлом тесно связаны с Востоком, а не с Западом. Поэтому на Востоке и следует искать разгадки тех многих особенностей русского типа и характера, мысли, культуры, языка, истории. Он писал о сходстве индийского Кришны и славянского Леля, об общности ритуалов сибирских шаманов и колдунов Малабара, о родственных связях фольклора Тибета и Персии, Германии и Китая. Он анализировал народные праздники России и Гималаев и находил в них много общего.

В Кашмире и Сиккиме (Индия) во время праздничных торжеств, вспоминал о славянских празднествах, отображенных в спектакле «Весна священная».

Понятны в этой связи слова Рериха, когда он, говоря о результатах экспедиции в Индию, привезшей из тех мест орудия быта, одежду, головные уборы, прочие памятники культуры и искусства, а также корни речи, совершенно искренне утверждал, что все это было «так близко нашим истокам, во всем чувствовалось единство начального пути».

«Неудивительно, что в песнях и гаданиях цыган слышится много санскритских слов: ведь цыгане — выходцы из Индии. Гораздо удивительнее, что в песнях русских сектантов сказывались целые санскритские песнопения, хотя и в очень искаженном виде. Откуда? В

каких горах жил Святогор?» — такими вопросами задавался Николай Рерих, приглашая ответить на них русских ученых: «Пора русским ученым заглянуть в эти глубины и дать ответ на пытливые вопросы».

Многие исследователи склонны полагать, что русский язык и санскрит — язык традиционной индийской культуры, на котором написано большинство философских, литературных и научных сочинений, — имеют общие корни. Санскрит исключительно важен для изучения индоевропейского культурного достояния, являясь проводником идей и образов древнеиндийской культуры.

Г. С. Лебедев (1749—1817), которого по праву считают основоположником российской индологии, впервые указал на сходство санскрита и древнеславянского языка, также обнаружив поразительное родство санскритской и русской фонетических систем, указывающих на культурную и духовную общность наших народов. С именем Герасима Лебедева связана одна из замечательнейших страниц в летописи культурных отношений России и Индии. Он основал первый в мире Бенгальский театр (1795 г.), первую в Европе типографию, где печатались книги на языках народов Индии (1805 г.), составил грамматику языков хинди и бенгальского (1801, 1816 гг.), дал обстоятельное описание верований, нравов и обычаев индийцев, которое назвал «беспристрастным созерцанием» (1805 г.).

Первый русский индолог считал, что Индию важно знать не только потому, что она чрезвычайно изобильна, но главным образом потому, что она является той частью света, из которой расселился по лицу земли весь человеческий род и язык которого сходен со многими азиатскими и европейскими языками. «По велику Восточная Индия, кроме ея изобилия и сокровищ, на кои не только Европа, а может

быть и целый свет завистными взирает очами, есть та первенствующая часть света, из которой, по свидетельству разных бытописателей, род человеческий по лицу сего земного круга расселялся; и которая национальный Шомскритский язык, не довольно со многими Азиатскими, но и с Европейскими языками, имеет весьма ощутительное в правилах сближение». Особое внимание Лебедев уделял прослеживанию лингвистических общностей между языками Индии («шомскритский язык» — санскрит) и языками соседних с нею стран.

Хотя Герасим Лебедев как музыкант и не получил специальной востоковедной подготовки, тем не менее его работы представляют большой исторический интерес. Г. Лебедев был единственным русским автором XVIII в., который собрал значительные по тому времени сведения об индийской культуре непосредственно в самой Индии.

Наличие в русском фольклоре различных восточных мотивов, заимствований, упоминаний об Индии действительно наводит на мысль не только о возможном общении, но и о некоем едином духовном критерии двух народов, обнаруживающем себя, несмотря на различия в вероисповедании. Объяснение этому надо искать в общих индоевропейских корнях. Некогда предки славян, иранцев, индийцев, европейцев жили вместе, образуя индоевропейский суперэтнос. «Так называемые индоевропейские языки, к отделу которых принадлежат и наречия славянские, суть только разнообразные видоизменения одного древнейшего языка... Племя, которое говорило на этом древнейшем языке, называло себя ариями, и от него-то, как многоплодные отрасли от родоначального ствола, произошли народы, населяющие почти всю Европу и значительную часть Азии. Каждый из новообра-

зовавшихся языков, развиваясь исторически, многое терял из своих первичных богатств, но многое и удерживал как залог своего родства с прочими арийскими языками, как живое свидетельство их былого единства».

Зарождение языка происходит в неразрывном единстве с мифами, обрядами, обычаями и относится к глубокой древности. «Сам язык выступает, таким образом, древнейшим памятником доисторической жизни народа. Для доисторического периода характерна известная цельность духовной жизни, которая находит свое отражение опять-таки в языке. Одними и теми же словами, например, выражаются понятия: говорить и думать; говорить и делать; делать, петь и чародействовать; говорить и судить, рядить; говорить и петь и т. д.».

Наряду с общим индоевропейским наследием в языке «живым свидетельством былого единства» — периода контактов предков славян и индийцев в арийскую эпоху — является отражение широкого спектра связей в области материальной культуры и быта, в религиозных и мифологических представлениях, фольклоре и эпосе. Древние славянские обычаи, обряды, верования во многом совпадают с древнеиндийскими. А.Н. Афанасьев (1826—1871) писал: «Мы не раз уже говорили о доисторическом сродстве преданий и поверий у всех народов индоевропейского племени».

Истоки русской музыки восходят к культуре и быту славянских племён, населявших территорию древней Руси до образования первого русского государства — Киевская Русь, в эпоху, охватывающую почти три тысячи лет языческого догосударственного существования. Исследователи полагают, что в этот период восточные славяне уже имели достаточно развитый календарный и семейно-бытовой фольклор, героический эпос и инструментальную музыку.

Довольно долгое время среди древнерусских источников по ранней российской истории, духовности и культуре центральное место занимали письменные литературные памятники, и древнейший среди них — «Повесть временных лет», с ее сказаниями о первых русских князьях и начале христианства на Руси.

Уже с конца XVIII — начала XIX вв. в просвещенных кругах российского общества начал проявляться интерес к народному творчеству, который углубляется после Отечественной войны 1812 года, когда усиливается интерес к истории русского народа, его культуре, активизируется собирание, публикация и изучение русского фольклора. Однако особое внимание к русской народной культуре возникло лишь во второй трети XIX в. В этот период, как известно, вообще наблюдалось возрастание интереса к русскому быту, обычаям, фольклору, народной культуре в целом.

«Напрасно думали, что только одни записи летописцев могут служить основанием для истории русского народа. Разве наши песни, наши сказки, наши былины, наши поверья были выражением других народов? И будто русский так может думать? Нет!

Он знает, что все это было в его родной стороне, что все это высказывалось нашими предками, и обо всем этом забывают говорить в историях русского народа. Если бы чужеземец спросил: что вам осталось от вашей старой семейной жизни? — мы бы с гордостью пригласили его на Русские Святки в старинный боярский дом, и там, указывая на разгул народных фантазий, сказали бы ему: вот ее памятники! Вот наша старая Русская жизнь!». Начальным толчком для первых исследований народного творчества послужили труды собирателей и хранителей языческой мифологии, народных верований и обрядов,

заговоров, песен, суеверий и т. д.: И. М. Снегирева, М. И. Касторского, И. П. Сахарова, Н. И. Костомарова, Д. О. Шеппинга.

Особое внимание исследователей привлекал мифологический период в развитии народной эпической поэзии. Доисторический период мифологических представлений и верований индоевропейских народов во всей своей первоначальной свежести дошел до нас в гимнах и мифах индийских Вед.

Устная традиция на протяжении не менее 3-х тысячелетий сохранила тексты Вед «с такой исключительной полнотой и подлинностью, для которой в истории человечества нет даже отдаленных аналогий».

О значительной близости славянской и ведической мифопоэтической традиции писал в XIX в. А. Н. Афанасьев, который придавал огромное значение сходствам в мифологических сюжетах и обрядовой практике у восточных славян и древних ариев: «Свидетельства, сохраненные гимнами Вед, осветили запутанный лабиринт мифических представлений и дали путеводные нити, с помощью которых удалось проникнуть в его таинственные переходы...». «Словом «веда» — (veda — [священное] знание обозначались древнейшие в мире памятники индийского устного литературного творчества. Отсюда и название языка этих памятников — ведийский, который называют также ведийским санскритом».

Веды создавались в течение многих веков и содержат также устную традицию более древних времен, передаваемую из поколения в поколение в виде отдельных изречений или мантр — звуковых комплексов, которым придавалось магическое значение и которые использовались в магических целях.

«Язык метрических текстов — мантр — представляет собой наиболее архаичный слой ведийского языка, который в своих исто-

ках восходит к общеиндоевропейской поэтической речи, обнаруживая сходство с авестийским, древнегреческим, латинским, хеттским и другими древними индоевропейскими языками в фонетике, морфологии, лексике, фразеологических оборотах и поэтических фигурах общего древнего языка сакральной индоевропейской поэзии. Поэтому ведийский язык считается звеном, соединяющим индийские языки с индоевропейской семьей языков».

До нас веды дошли в виде четырех последовательных сборников, или самхит. В «Ригведе» (веды гимнов — РВ) — одном из наиболее древних письменных памятников Индии — нашли свое отражение религиозные гимны, песни и стихотворения светского характера. Кроме «Ригведы» в состав самхит входят «Самаведа» (веда напевов, мелодий — СВ), «Яджурведа» (веда жертвенных формул — ЯВ), «Атхарваведа» (веда заклинаний — АВ).

Известный отечественный индолог и переводчик гимнов Ригведы на русский язык — Т. Я. Елизаренкова подчеркивала: «По глубочайшему убеждению переводчика, при переводе с ведийского на другие языки русский язык обладает рядом несомненных преимуществ перед западноевропейскими языками. Эти преимущества определяются как большей степенью соответствия между ведийским и русским в силу лучшей сохранности в нем архаизмов, чем в западных языках, так и большей близостью русской (славянской) мифопоэтической традиции к индоиранской».

Основной формой, в которой первоначально выражалось поэтическое воодушевление народа, была песня. Она хранила национальное предание и передавала его из поколения в поколение, чему в немалой степени способствовал мерный стих и напев. Прозаическая форма сказания — явление более позднее.

Основатель и глава мифологической школы в русской фольклористике Ф. И. Буслаев (1818—1897) так характеризовал этот процесс: «Собственное имя города или какого-нибудь урочища приводило на память целую сказку, сказка основывалась на предании, частью историческом, частью мифическом; миф одевался в поэтическую форму песни, песнь раздавалась на общественном торжестве, на пиру, на свадьбе или же на похоронах».

В тот эпический период никто не был творцом ни мифа, ни сказания, ни песни: «Поэтическое воодушевление принадлежало всем и каждому... Поэтом был целый народ... Отдельные же лица были не поэты, а только певцы и рассказчики; они умели только вернее и ловчее рассказывать или петь, что известно было всякому».

Для исследования наиболее глубоких корней славянской мифопоэтической традиции, дошедшей до нас в виде былины, песни, сказки, необходимо рассматривать ее в сопоставлении с индоевропейской мифологией и обрядностью в целом, а также философией и культурой, возникшими на ее основе. «На ранних стадиях мышления, которые мы встречаем в «Ригведе», мифология, космология и религия переплетаются».

Космогонические мифы всегда тесно связаны с преданиями о происхождении богов (теогонией) и людей (антропogонией), мир которых вторичен по отношению к рождающим силам космоса, но тесно с ними взаимодействует.

Теогонический эпос сменяется героическим на той стадии развития эпической поэзии, когда к чистому мифу стали присоединяться сказания о делах людей. В это время из мифа вырастает былинный эпос, из которого впоследствии выделилась и сказка.

Рассмотреть космологические коды рус-

ских былин позволяет обращение к текстам вед. Таковы основные положения мифологической теории Буслаева, которая в 60—70-е годы XIX века постепенно перерастает в школу сравнительной мифологии и теории заимствования. Теория сравнительной мифологии была разработана А. Н. Афанасьевым (1826—1871), О. Ф. Миллером (1833—1889) и А. А. Котляревским (1837—1881). В центре их внимания была проблема происхождения мифа в самом процессе его создания.

Большая часть мифов, по этой теории, восходит к одному общему источнику, «...к отдаленному времени ариев; выделяясь из общей массы родоначального племени и расселяясь по дальним землям, народы, вместе с богато выработанным словом, уносили с собой и самые воззрения и верования». Сравнительный метод, по Афанасьеву, «дает средства восстановить первоначальную форму преданий».

Это побуждает исследователей сдвигать датировку исторической первоосновы былин вглубь времен, примерно к середине первого тысячелетия нашей эры. Открытие русского эпоса состоялось после опубликования в 1804 г. сборников Кирши Данилова, включающих 60 фольклорных произведений. Впоследствии собрание былин было дополнено находками Рыбникова и Гильфердинга. Всего собрано и записано около двух тысяч этих песен. До середины XX в. былины сохранялись преимущественно на Русском Севере (Архангельская область, Карелия), в устах сказителей.

Основой сюжета былины является какое-либо героическое событие, либо примечательный эпизод русской истории (отсюда народное название былины — «старина», «старинушка», подразумевающее, что действие, о котором идет речь, имело место в прошлом).

Существовали они всегда, но записаны были, главным образом, в XIX — начале XX вв. Еще в прошлом веке бушевали нешуточные страсти вокруг вопроса о смысле былин, источниках их происхождения и событиях, в них отображенных. Среди русских былин есть группа произведений, которую почти все фольклористы относят к числу наиболее древних. Это, прежде всего, былины о Волхе и Святогоре и о Дунае и Потыке. К ним причисляют и былинку о Добрыне и змее. Основное отличие этих былин состоит в том, что в них значительны следы мифологических представлений.

Былина о Волхе состоит из двух частей. В первой он изображен как чудесный охотник, обладающий способностью превращаться в зверя, птицу, рыбу; охотясь, он добывает для дружины пищу. Во второй Волх — предводитель похода в Индейское царство, которое он покоряет и жестоко разоряет. Вторая часть почти вышла из бытования, так как ее тема не соответствовала идейной сущности русского эпоса. Но первая часть долго бытовала в народе. Она увлекала сказочно-героической цепью приключений. Образ чудесного охотника исследователи относят к глубокой древности. Однако на этот образ наслоились исторические черты, связав былинку с киевским циклом. Это дало основание ряду ученых, в том числе академику Д. С. Лихачеву, сопоставить Волха с Олегом Вещим и Всеславом Полоцким, которые пользовались славой кудесников. Образ Индии — сказочный, а не исторический и пришел в былинку, вероятно, из «Сказания об Индии богатой».

Очень интересна гипотеза российского публициста, автора трудов по фольклору, этнографии, искусству Н. В. Водовозова (1864—1933) относительно былины Кирши Данилова о Волхе. Ученый предполагает, что индийский

царь Салтык Ставрुльевич — не кто иной как Тамерлан, и былина в целом отражает древние русско-индийские связи: «Таким образом, в былине Кирши Данилова о Волхе мы имеем дело не со сказочно-фантастическими персонажами, а с отражением древних русско-индийских связей, свидетельствующих об исторической общности интересов русского и индийского народов, одинаково испытывших в конце XIV в. кровавое нашествие одного из самых жестоких мировых завоевателей».

П. Н. Рыбников (1831—1885) — один из первооткрывателей неисчерпаемого мира северных былин — предполагал, что даже самые простые и житейски приземленные герои русского фольклора в действительности имеют древнейшее происхождение, уходящее в индоевропейскую и доиндоевропейскую культурную и мифологическую общность.

Выявление и раскрытие архаичных пластов в структуре русского эпоса ни в коем случае не принижает самобытности и полнокровности его героев. Центральную роль в устном народном творчестве занимает колоритный образ Ильи Муромца. К тому же известно, что у него был реальный прототип среди деятелей Киевской Руси. Еще в XVI в. иностранные путешественники описывали разрушенную киевскую церковь, где когда-то была гробница знаменитого богатыря — сподвижника Владимира Святого, жившего в X веке. Все это означает, что цикл сказаний об Илье Муромце сложился не на пустом месте. Стоит пристальней приглядеться — и тотчас же проступает пласт более древних архаичных воззрений. Первым актом становления Ильи Муромца как святорусского богатыря (после пролога исцеления его каликами переходящими) было восприимствование силы и получение благословения на жизненные и ратные подвиги от старейшины богатырского пантеона великана

Святогора. Прежде чем отправиться в Киев ко двору Владимира, Илья держит путь на Север, в Каменную страну, где живет Святогор. В прозаическом пересказе былины, по записям П. Н. Рыбникова, край, где повстречались два русских богатыря, поименован Сиверными (то есть Северными) горами. По некоторым версиям, имя старшего богатыря звучит как Светогор. Горы, где он обитает, названы Светлыми. В старинных памятниках северной Новгородской Руси (XIV—XVII вв.) под словом «камень» подразумевали горы вообще и Уральский хребет в частности. Все это лишь усиливает аргумент в пользу северного места действия былин Святогорова цикла. «События последнего тысячелетия (начиная с Владимира Святого и даже Олега Вещего), угадываемые в былинах, — всего лишь обрамление, фон да еще позднейшие дополнения сказителей, вовсе не ведавших, что истинное содержание былин относится ко временам гораздо более ранним, включающим как предысторию самого русского народа, так и предысторию тех протославянских, протогерманских, протокельтских, протогреческих, протороманских и т. п. протоплемен, когда все они находились в составе постепенно распадающейся индоевропейской этнической, языковой и культурной

общности». Множество убедительных аргументов в пользу архаичности основных героев русского былинного эпоса привел известный деятель отечественной культуры В. В. Стасов (1824—1906). Проанализировав целый ряд малодоступных русскому читателю иностранных источников, он на конкретных примерах доказал, что корни большинства персонажей русских былин уходят к самым истокам мировой культуры и истории. Например, хрестоматийная фигура удалого новгородского купца Садко на самом деле родственна героям, прежде всего древнеиндийского эпоса, а также героям легенд тибетцев, индонезийских даяков и индейцев Северной Америки, в которых развивались мотивы встречи с Морским царем, изкупительной человеческой жертвы и т. п.

Сказка о Жар-птице, по мнению учёного, уходит своими корнями в рассказы индийского автора XII в. Сомадевы. Во многих былинах можно выявить несколько исторических пластов, и самый древний из них уходит в глубины общеиндоевропейского прошлого. Вот это как раз нагляднее всего и проявилось при анализе образа князя Владимира, проведенном Буслаевым в его классическом труде «Исторические очерки русской народной поэзии и искусства». Безусловно, нет никакого сомнения, что былинный Владимир Красное Солнышко на завершающем этапе развития данного образа присвоил многие черты двух стольнокиевских князей. Но сделано было это на уже имевшейся устойчивой фольклорной основе. Таким первичным и древнейшим ядром, как установил Буслаев, является архаичный образ древнеславянского и древнерусского Волота Волотовича, фигурирующего в качестве ведущего «вопрошателя» уже в русском мифологическом компендиуме, именуемом «Голубиная книга». Впоследствии этот образ

распался на былинных героев Волхва Всеславьевича (легендарного Вольгу) и Владимира Красное Солнышко.

Волот — древнерусское слово, означающее «великан». В конечном счете, этот мифологический образ является общемировым и восходит к сказаниям разных народов об исполинах, некогда населявших Землю. Как и у них, у русского Волота обнаруживается также и космогонический аспект, в чем нетрудно убедиться при лингвистическо-смысловом анализе имени Владимир, в котором закодированы древнейшие представления о великанах-волотах. Древнерусская форма имени — Володимер.

А первоначально было Волот Имир. Имир — гигантский вселенский великан скандинавских сказаний. Из его расчлененных частей был создан весь Мир (понятие «мир» как раз и содержится в имени Имир).

Мифы Индии и славян сохранили схожее верование, а именно: материальный мир был создан Богами из тела убитого ими (принесенного в жертву) существа. Эта аналогия заставляет нас обратиться к названному выше фольклорному источнику.

В русской мифологической традиции отзвуки этого сюжета явно просматриваются в стихах о «Голубиной книге», сочетающей православную религиозную терминологию (Саваоф, Христос, Ерусалим и пр.) и социальную терминологию Московской Руси («белый царь — всем царям царь») с глубочайшей индоевропейской архаикой. «Суеверные сказания, передаваемые стихом о голубиной книге, составляют общее достояние всех индоевропейских народов, находят свое оправдание в истории языка и совершенно совпадают с древнейшими мифами индусов и с показаниями Эдды: свидетельство в высшей степени знаменательное!»

«Если А. Афанасьев и А. Котляревский рассматривали эти сходства в общем контексте индоевропейской мифологии, то В. Мочульский не исключает и опосредованного древнеиндийского влияния...». Первые записи «Голубиной книги» относятся как раз к московскому периоду, но упоминания о ней встречаются еще в житии Авраамия Смоленского XIII века. Как в «Ригведе» (X, 90), и явления Природы, и слои общества происходят в «Голубиной книге» из космического тела Первобога-Первочеловека.

В стихах «Голубиной книги» все богатство видимого мира истолковывается как части некоего космического божества: «Белый свет от сердца его, Красно солнце от лица его, Светел месяц от очей его, Часты звезды от речей его...». Причем «Солнце Красное — от лица Его», а «цари православные от честной главы». Выстраивается смысловой и образный ряд: князь («царь») — голова/лицо — Солнце. Былина качественно отличает Владимира от иных «князей-бояр», но точно так же и «Голубиная книга» производит «князей-бояр» не от «честной главы», а «от плеча» Первосущества. Другой вариант «Голубиной книги» (всего их известно около тридцати), апокрифический (т. е. на библейскую тему), описывает очень похожее «начало вещей», хоть и в христианизированной форме: «Солнце красное от лица Божьего, Самого Христа, Царя небесного, Млад-светел месяц от груди его, Звезды частые от рук Божиих, Ночи темные от дум Господних, Зори утренни от очей Господних, Ветры буйные от Свята Духа, Дробен дождик от слез Христа...».

Как уже говорилось, миф о зарождении общественных слоев из тела Первосущества в «Ригведе» и русской «Голубиной книге» почти полностью совпадает. При этом эти два мифа — единственные, где из тела Первосу-

щества возникают не только явления природы, но и части общества. Однако существует одна немаловажная особенность — из головы Первосущества в Ригведе наряду с Солнцем возникают не цари или князья, абрахманы (X, 90; 12), то есть жрецы. Таким образом, не подлежит сомнению, что некоторые общие для древних индоевропейцев космогонические представления преломились впоследствии и в древнерусском Волоте Имире (Владимире). Эпитет последнего — Красное Солнышко — практически представляет собой калькированное воспроизведение мифологических представлений древних арийцев о красно-солнечном боге Сурье.

Былина — произведение песенного характера, песня-поэма, возникшая во времена, когда пение и рассказывание ещё не сильно отошли друг от друга. Одна из особенностей стихотворных произведений фольклора состоит в том, что эти произведения, к какому бы жанру они ни принадлежали, всегда поются. «Сюжет, стихи, напев составляют одно художественное целое. Когда собиратели былины, желая заполнить пропущенные строки или вообще проверить себя, или уяснить себе некоторые детали повествования, просили исполнителей рассказать то, что они пропели, они могли только петь. Это не недостаток, не ограниченность, а как раз наоборот: это органичное понимание, понимание всем своим существом, своим нутром (а не логическим мышлением) неразрывности музыкальной, стихотворной и сюжетной основ произведений. Напевность выражает лирическое отношение к изображаемому. Она есть существенная часть поэтики. Хотя каждая былина в отдельности не обладает своим напевом (одним напевом могут исполняться разные былины и наоборот), стиль былинного музыкального исполнения в известных границах целостен и

неприменим к другим видам эпического творчества».

При сравнительном изучении древнеславянской мифопоэтической традиции весьма важная роль выпадает на долю санскрита и вед. Попробуем сопоставить исследования разных времен о «стиле былинного музыкального исполнения» как интонационном своеобразии русской народной музыки и ведийском интонировании, так как в ведах находят самые ранние из дошедших до исследователей образцов определенно организованной музыки.

В отечественном музыкознании особое внимание к ведийскому интонированию проявил российский музыковед Р. И. Грубер, считавший мелодизацию интонационной стороны художественной речи «любопытнейшей чертой древнеиндийской музыки». Священные тексты «Ригведы» рецитировались с использованием трех разных звуковых уровней. Пытаясь определить тип интонирования «Ригведы», он называл его по-разному: повышенной декламацией как «первой ступенью» омузыкаления речи, или повышенной речью; чуть омузыкаленной речитацией; «промежуточной» областью между речью и пением.

Былины исполнялись речитативом, поэтому их стихотворный ритм обусловлен напевом. Напевы былины величавы, спокойны, близки к разговорной речи — декламации. Хотя сказители использовали при исполнении былины всего несколько мелодий, они обогащали пение разнообразием интонаций, а также меняли тембр голоса. Былинная строка чаще всего имеет три главных ударения, причём третье всегда находится на третьем слоге от конца. Четвёртое, добавочное ударение падает на самый последний слог и при напеве создаётся протяжение этого слога. Обычно они основаны на короткой, повторяющейся попе-

ке, которая соответствует одному стиху: «Что не белая берёза к земле клонится, Не шелкова трава приклоняется, То сын перед матерью поклоняется, Кланялся Добрынюшка родной матушке: «Ты бы благословила меня, родная матушка...». («Добрыня Никитич»).

Рифмы в былинах нет: она затрудняла бы естественное течение речи, но всё же певцы не отказывались совсем от созвучий. В стихах созвучны однородные окончания слов: «Только видели добра молодца ведь сядучи, Как не видели добра молодца поедучи, Во чистом поле да курева стоит, Курева стоит, да пыль столбом летит...».

В самом начале XIX века русский филолог А. Х. Востоков (1781—1864) собирает и изучает народные песни, пословицы и поговорки. В 1812 году в «Санкт-Петербургском вестнике» Востоков публикует свое исследование «Опыт о русском стихосложении» (отдельной книгой издано в 1817 г.), в котором определяется и подробно рассматривается тоническое стихосложение русских народных песен и былин: «В Русских стихах считаются не стопы, не слоги, а просодические периоды, т. е. ударения, по коим и должно измерять стихи старинных Русских песен. Стих Русский состоит из двух, либо трех просодических периодов...

Гармония стихов Русских наиболее слышна в старинных песнях, и даже безошибочно можно утвердить, что чем стариннее песня, тем чище и правильнее в ней соблюлась сия форма ударятельного или Русского стихосложения».

Фольклорист-этнограф И. П. Сахаров (1807—1863) прокомментировал его и дополнил, взяв примером «Слово о полку Игореве»: «Слово о полку Игоревом» Г. Максимович называет историческою песнею, и что оно есть первородный, изящный образец собственно русской, настоящей исторической поэмы...

Язык, на котором писано сие Слово, есть язык Русский, Юга Русского, коим говорили в XII веке в Киеве и Чернигове, тогдашнем местопребывании Олеговичей; но только язык его возведен в ту поэтическую степень изящества, до которой достигает и ныне язык простолудина в народной песне... В «Слове о полку Игоревом» размер явен, и стоит только вспомнить, что тут считать надобно не стопами, вы тотчас поймете его разнообразную певучую музыкальность».

Это наблюдение получает свое развитие в наши дни в работе российского санскритолога, специалиста в области древнеиндийской лингвистической традиции, преподавателя Санкт-Петербургского государственного университета С. С. Тавастшерна (р. 1965, Ленинград): «Принцип чтения санскритских стихов весьма отличается от принятого в русской или европейской поэзии. Это, конечно, связано с тем, что в русском языке нет оппозиции долгих и кратких слогов. Но все же можно усмотреть некоторую аналогию в русском песенном творчестве, где текст подчиняется в основном ритмике музыкальной, а не естественно-словесной. Санскритский стих поистине можно назвать «музыкальным», и между его исполнением и пением нет большой разницы (заметим, что в нашем понимании индийцы стихи не читают, а поют, используя простейшие мелодии, что не исключает переложения на более сложную мелодию, и тогда стих становится уже песней). Если продолжить аналогию дальше, то можно сказать, что некоторые мелодии в русском песенном творчестве ритмически полностью соответствуют некоторым санскритским стихотворным размерам. Вот пример такой песни: «Ма — ма, ма — ма, что я бу — ду де — лать...» В традиционной санскритской метрике данная мелодия имела бы запись, ритм которой полностью соответству-

ет санскритскому десятисложному размеру мата... Таким образом, ритмика стиха на Русском языке полностью совпадает с ритмом стиха на языке Ариев! Не случайно и то, что для Русской поэзии в целом типична та же самая, доведённая до совершенства, ритмическая стихотворная структура, которая как раз и является характерной особенностью поэзии Ариев... И даже более того, как в Ведах, так и в Русской поэзии, даже правила грамматики иногда приносятся в жертву только лишь ради сохранения совершенного ритма».

Былинные сюжеты нашли свое отражение в музыке русских композиторов: опера-былина «Садко» Римского-Корсакова, «Богатырская симфония» Бородина, симфония «Илья Муромец» Глиэра, опера «Добрыня Никитич» Гречанинова, «Богатырские ворота (В стольном городе во Киеве)» Мусоргского.

После крещения на Руси появились греческие и южнославянские книги, стали известны индийские имена, сюжеты и мотивы, проникли представления об Индии, сформировавшиеся в Византии. Появление в отечественной дидактической письменности древнеиндийских литературных реальностей обогатило русскую художественную литературу.

Полученные Русью через античную и раннесредневековую исторические традиции древнеиндийские исторические реалии расширили перспективу историко-культурного мышления русского книжника. Он узнал о том, что в древности наряду с эллинским миром существовала великая страна Востока — Индия. Книжные образы не остались достоянием одной книжности, они быстро нашли отражение в устной поэзии, народных верованиях и обрядах. Оживление культурных связей с другими странами мира в постмонгольский период привело к развитию жанра путевых очерков, так называемых древнерусских хож-

дений (основоположником которого принято считать игумена Даниила, начало XII в.). В XV веке появились путевые записки тверского купца Афанасия Никитина (? — 1475), описывающие его путешествие в Индию (1466—1472) — «Хождение за три моря» (имеются в виду, Каспийское, Аравийское и Черное). Это был первый европейский письменный труд

о хозяйственном укладе, культурных обычаях и религии Индии. Никитин описал пышные выезды местного султана, страшную нищету крестьян, кастовые и религиозные различия. Своим подвигом он доказал, что в середине XV века, за

30 лет до португальского «открытия» Индии, путешествие туда мог совершить даже не богатый, но целеустремленный человек.

Новым видом эпоса, органично выросшим из былины, стала историческая песня. «Среди исторических песен древней Руси, записанных собирателями фольклора в XVIII — XX веках, есть такие, которые содержат не только упоминания о далекой Индии, но и живописуют эту сказочную страну. Так, в песне «Индрик-зверь», относящейся к IX — XIII вв., поется:

«...А и где, слышно, есть Индей-земля,
Индей-земля, все богатая?
Как и много там злата-серебра,
Да на больше того доброго земчуга.
Во Индей-земле степя дикие,
Степя дикие, леса темные.
Да во тех лесах живет Индрик-зверь».

Индриком называли в древней Руси легендарное животное. В его названии и характе-

ристике смешаны представления о единороге (носороге) и гидре, их чудодейственных качествах: считалось, что рог первого обладает целительными свойствами, а гидра магически связана с силами водной стихии. Из приведенного отрывка видно, что у тех, кто складывал эту песню, было не только представление о сказочно богатой стране, но и о мифических восточных животных. Они так же знали, кем был в пантеоне индийских богов Индра. Ведический Индра, освободивший солнце из мрака «вечной ночи» и «разбивший оковы рек», являет соответствие русскому Индроку-зверю из «Голубиной книги», который «прочищает все ручьи и проточины», — оба они сохранились в народной памяти.

Из словаря В. Даля: «Индрикъ — какой-то сказочный зверь, поминаемый в стихах и песнях в народе», и приводятся такие слова из русской песни — «У нас Индрикъ — зверь всем зверям отец».

Каждое произведение народного творчества имеет не один, а несколько глубинных смыслов. Каждый из них — отдельная большая тема, но все они взаимосвязаны. Один из смыслов заключен в отражении цикличности природных явлений. Исследователи народного творчества выделяют обрядовый фольклор, связанный с земледельческим календарем и уходящий корнями в древние языческие верования. Таковы песни и пляски, связанные с Масленицей, днем Ивана Купалы, рождественские коляды. К обрядовому фольклору относятся также свадебные песни и гадания. Как известно, именно обрядовые жанры фольклора менее других подвержены изменениям во времени. С принятием христианства языческие (ведические) знания стали искореняться. Смысл магических действий, породивших тот или иной вид народной деятельности, постепенно забывался. Однако

чисто внешние формы древних праздников оказались необычайно устойчивы, некоторый обрядовый фольклор продолжал жить как бы не в связи с породившим его древним язычеством.

«Прикрепленность» музыки к тем или иным моментам обряда — также достаточно надежное средство для фиксации музыки в памяти. Во всяком случае, внешняя сторона обряда может послужить импульсом к припоминанию, музыкальному озвучиванию конкретной ситуации, скрывается во мраке древности. Свадебные и хороводные песни весьма древни; между оными нет ни одной в наше время сочиненной. Свадебные песни во всем пространном государстве нашем и словами, и голосом столько единообразны, что из нескольких тысяч верст пришедший по голосу оных узнает, в которой избе свадьба. Хороводные песни также одинаковы; из них еще и поныне употребляются припевы: Дидо, Ладо и прочие имена языческих богов древнего Славянского поклонения».

Известный специалист по индийской музыкальной культуре Е. М. Алкон, рассматривая интонационную модель мира ведийской эпохи, поддерживает предположение исследователей русской фольклорной традиции о том, что некоторые русские обрядовые песни и, в частности, свадебные песни, сохраняют отголоски древнерусской просодии, которая перекликается с квантитативной ритмикой «Ригведы». «Предположение В. А. Лапина и Е. Е. Васильевой о том, что в квантитативной ритмике свадебных песен сохранились отголоски древнерусской просодии, не лишено основания, учитывая вышеназванную особенность квантитативной ритмики РВ, общие индоевропейские корни, ритуальность обеих традиций и архаичность представлений о значимости оппозиции мужской/женский в

мифологическом моделировании». «Важно отметить, что песни этого типа имеют широкое географическое распространение, будучи представлены «островками» локальных песенных традиций на беломорском побережье, на Пинеге, в восточной части Вологодской области, в некоторых старожильческих районах Сибири, и узнаваемы именно благодаря характерному ритмическому посылу...».

Углубленные исследования традиций, обрядов, песенного фольклора Русского Севера принадлежат искусствоведам и этнографу С. В. Жарниковой, посвятившей более двух десятилетий изучению древнейших корней русской народной культуры. Они рассматриваются с позиций «полярной гипотезы», сформулированной в 1903 г. выдающимся индийским ученым Б. Г. Тилаком (1856—1920). Суть этой гипотезы заключается в том, что в древнейший период своей истории, вплоть до рубежа IV тыс. до н.э., предки практически всех европейских народов и некоторых народов Азии (индоевропейцы) проживали на территории Восточной Европы — своей прародины. Часть этих народов, являвшихся предками иранцев и индийцев, или как они сами себя называли «арьев», жила в высоких широтах — в Приполярье и Заполярье. С. В. Жарникова, разделяя взгляды выдающегося индийского ученого, внесла свой вклад в дальнейшую разработку и подтверждение «полярной гипотезы» Тилака и превращение ее из гипотезы в «теорию полярной прародины индоевропейцев».

Анализируя в сравнении сложившиеся в глубокой древности на севере Восточной Европы и унесенные арьями в III–II тысячелетиях до н. э. на территорию Ирана и Индостана обряды и обычаи, дожившие до наших дней в одинаковых формах как в Индии, так и на севере России, автор доказывает, что многие из них впервые получают объяснение на основе древних арийских текстов.

«Можно без труда убедиться, что индо-славянские связи гораздо теснее, чем славяно-иранские. Обнаружено множество соответствий славянской религии и религии Вед; поражает удивительное сходство славянских языков с санскритом; то же сходство заметно и в обрядах».

Так же неоспоримы сходства свадебных и похоронных обрядов, имена главных божеств, социальная и общественная структура. Общеизвестно то огромное значение, которое придавалось в ведической мифологии водоплавающей птице — гусю, лебедю, утке, где она символизировала: небо, свет, огонь, солнце, а также воплощение Творца и Вселенной. Но и в русской народной традиции образы водоплавающих птиц играют исключительную роль в обрядовых песнях календарного цикла. Если мы обратимся к древнейшим литературным памятникам индоевропейцев «Ригведе» и «Авесте», то узнаем, что в санскрите «hansa» — гусь, лебедь и душа, познавшая высшую истину, высший дух — музыка Вселенной. В гимнах «Ригведы» и «Авесты» гусь-лебедь ассоциируется с творческим началом Вселенной, со светом, разумом и богом-творцом.

Б. А. Рыбаков, считал, что «солнечных лебедей праславянского мира мы должны рассматривать не как механическое заимствование античного мифа, а как соучастие северных племен в каком-то общем (может быть, индоевропейском) мифотворчестве, связанном с солнцем и с солнечным божеством». Для восточнославянской фольклорной традиции характерно практически то же восприятие этого образа, что и в ведических гимнах четырехтысячелетней давности. В священных текстах Упанишад говорится, что вселенский свет — это златоцветная птица, обитающая в сердце и солнце. Огонь называют белой птицей, несущей свет. На санскрите огонь «очи-

щающий, очищение», звучит как павана, а павака — чистый, яркий огонь. Кроме того, павана — это свежий ветер, а павана манна — это название многих хвалебных гимнов. Но в севернорусских обрядовых песнях водоплавающая птица гусь-лебедь носит название паванька, пава, павана. Таким образом, огонь и хвалебный гимн в санскрите соотносятся с севернорусским названием гуся-лебедя — паванька, пава, павана.

Кстати, и «пава» русских народных песен, судя по всему, мыслилась также водоплавающей птицей-уткой или лебедью. Особенно широко распространены образы гусей и белых лебедей в русских народных свадебных песнях, где постоянно сравнение невесты с «лебедью белой», плывущей по «Морю Хвалынскому», «по Дунаю», восклицаящей «на тихих заводях», «отстающей от стада лебединого» и т. д. Об этом свидетельствует песня, записанная в 1958 году в Архангельской области: «Что на тихой на тишине, Да на тихой лебединою, Да там не паванька плавала, Да не пава перья ронила...».

Образ невесты — белой лебеди оказался в народной традиции настолько устойчивым, что сохранился в свадебных обрядовых песнях Псковской земли вплоть до наших дней. Таков он в песне, записанной фольклористами Санкт-Петербургской консерватории в 1985 году: «Вы косоя сватавьё, где далеча ездили? Где далече ездили, что вы чули, видели? И мы чули, видели сизу вутицу на море. Сизу утицу на море, железня на полёте. Вы косоя сватовьё, вы чаво не поймали? А мы имали, ня поймали, сиза крылья оборвали. Гырячу кров разливали, дочку с маткой разлучали.

Атлучали лябёдушку от лебединыва стади-ка. Прилучали лябёдушку кы гусяному стадику». Фольклорно-этнографические экспедиции 80—90-х годов зафиксировали в Псков-

ской области четкую память информаторов о том, что среди персонажей святочных ряжений, связанных с обрядами культа предков, обязательно присутствовали «гусь», «гусак», «утка». «Уточка полевая», «утка луговая» или «гуси-лебеди» — характерные персонажи песен Масленицы — праздника, также связанного с культом предков и заклинанием плодородия следующего земледельческого года. В песне, записанной П. В. Шеном в Псковской губернии, поется: «Приходила Коляда наперёд Рождества, Виноградъ краснозеленое-моё! Нападала пороша снегу беленького, Как по этой по пороше, Гуси-лебеди летели — колядовщики, недоросточки».

Известно, что ведическая традиция связывает гуся-лебедя с музыкальным ладом, с сакральными музыкальными ритмами, с особым строем напева священных текстов, со стихотворным размером, с определенным положением руки в танце. Но и в восточнославянской, и особенно севернорусской, традиции гуси-лебеди тесно связаны с музыкальным ладом, с гуслиями (часто крыловидными, в связи с чем заметим, что в санскрите «hansapaksa» — крыло лебедя — название определенной позиции руки в танце), с обрядовыми плясками. Так, в одной из предсвадебных песен, записанной в Архангельской губернии, есть следующие строки: «Вы где, гуси, были? Вы где побывали? Где спали, ночевали? Мы спали у княгини, Побывали к первобрачной, Еще что княгиня делает? Во гусли играет, Дары снаряжает...».

И в этих же песнях именно гусли являются обязательным компонентом озвучивания сакрального текста. Примером может служить эта предсвадебная песня, то есть такой важный обряд, как подготовка свадебных даров, обязательно сопровождался ритуальной гусельной игрой. Несомненно, исходной фор-

мой существования образа гуслей и связанной с ними музыкальной практикой был миф. Анализируя мифологию, связанную с гусями, И. Заруцкая отмечает, что «струнный инструмент может выступать в мифе как модель мироздания, а игра на нем — как акт творения мира, тем самым делая музыкальный инструмент принадлежностью демиурга».

Одними из наиболее ярких являются сюжеты, так или иначе связанные с темой гусельных струн — здесь говорящими, наделяемыми особым смыслом, символами, являются и «натянутые струны», и «струны порванные», и процесс «налаживания» струн и т. п. В частности, порванные гусельные струны, как правило, обозначали некий переход, перемену, «перерыв постепенности». Вспомним, например, знаменитый сюжет о Садко, где порванные струны позволили перейти из нижнего мира (океана) в верхний (на землю). Вначале Садко подчиняет себе весь подводный мир, «организует» его игрой на гусях. Затем, чтобы выйти за пределы этого мира, он должен порвать струны, «связующие нити», и тем самым разрушить границы нижнего мира.

Оппозицию порванным струнам составлял мотив «налаживания струн», настройки гуслей. Он, по понятной причине, часто встречается в песенных текстах с семейно-брачной тематикой, символизируя процесс, «механизм» становления гармоничной, сбалансированной, равновесной новой структуры.

Важное место в мифологических представлениях, в системе символов занимало звучание, тембр музыкального инструмента, характер собственно процесса исполнения. Слова о целительном воздействии звука гуслей, об их гармонизирующем, «оживляющем» влиянии содержится во многих поэтических и песенных текстах.

Само извлечение звука через соприкосновение со струнами, игра на струнах-гусях —

это тоже своего рода символ, это материализованное воплощение взаимодействия внутреннего и внешнего, встреча «этого» и потустороннего миров. В обрядовой культуре игра на гусях часто обозначала проникновение в сакральное пространство. В частности, мотив связывания двух миров является одним из ключевых для «переходных» обрядов — прежде всего свадебных и похоронных.

Зная о том, что в древнейшей традиции музыкальный лад, связанный с гусями, лебедями, творит музыку космоса, что игра на гусях сравнима в этом мифопоэтическом ряду с тканьем мировой гармонии, можно понять, почему автор «Слова о полку Игореве» связывает в единый образ стадо лебедей и живые струны гусель, по которым передвигаются пальцы вещего Бояна, как по нитям основы уток, творя ткань эпической песни.

В «Ригведе» гимнотворчество мудрецов (Риши или Раша) — это процесс, в котором высшая творческая сила, слово и «узор песни», «ткать ткань», «излагать песню», свидетельствует такой термин санскрита, как «прастава», имеющая аналогию в севернорусском диалектном «прастава», «праставка». Но севернорусская «праставка», «прастава» — это вышитая или заполненная тканым узором полоса ткани, украшающая рубахи, передники, концы полотенец, набожников, скатерти, свадебные простыни, то есть сакрально означенные вещи.

Санскритская же «прастава» — это священный текст, хвалебный гимн. Так, в гимнах «Ригведы» поэт-певец просит помочь ему, ткающему произведение, и говорит о том, что новую и новую нить ткут к небу и в океан озаренные поэты. Причем внутри текста самого гимна термин «прастава» имеет множество значений: «прастава» — это огонь, солнце, взо-

шедшее солнце, время после восхода солнца, воздушное пространство, дождь, ветер, лето, речь, кожа человека, любовный зов, три мира. Таким образом, исполняя священный гимн, поэт-певец-музыкант соединял в одно целое все три мира. Голосом, ритуальным пением, как утком ткется из нитей — слов, на нитях основы — струнах ткань вселенной. В этой структуре музыкальный инструмент фактически идентичен ткацкому стану. Не случайно в ведических текстах многотысячелетней давности говорится о трех нитях основы, по которым движется гусь-свет-огонь, созидая вещественный мир.

Древние трехструнные крыловидные гусли, это предельно приближенный к идеальному музыкальный инструмент — божественный инструмент. Гимн древней веды заговоров — Атхарваведы — повествует о сохранении гармонии во вселенной: «Две юницы снуют основу, на шесть колышков две снующих, одна другой протягивает пряжу и не рвут её, не прерывают. Вот колышки — они основа небу, стали гласы для тканья челноками». Упомянутые в гимне шесть колышков, по три с каждой стороны, на которых натянуты три струны — нити основы (гуны), это священные столбы, о которых в «Ригведе» говорится: «Словно гусли, выстроившиеся рядами, были к нам столбы, одетые в светлое, поднимаемые перед огнем поэтами, боги вступают на путь богов». Гусли из года в год, из века в век, из тысячелетия в тысячелетие постоянно в процессе творческого озарения повторяли акт творения Вселенной. Они гудят, а значит, из звука «гу» и движения «гу», созидают третий компонент — видимый свет, творящий все проявленное во Вселенной, весь материальный, иллюзорный мир. Они подпитывают светом космос, не давая хаосу разрушить его, сохраняя наш мир и высший закон бытия.

И не случайно о них, которых ещё называли скоморохами, а «скомрат» на санскрите значит вестник, посланец, говорили «идушие со светом по свету». Проповедник XII века Кирилл Туровский грозил посмертными муками тем, кто ворожит, гудит в гусли и рассказывает сказки, почему в требнике XVI века среди вопросов на исповеди были такие, как: «Не пели еси песней бесовских. Не играл ли еси в гусли...», а игумен Памфил ругал псковичей за то, что во время Купальской ночи они играли «в бубны и сопели и гудением струнным». Но в той борьбе за духовную власть, что шла на Руси в течение тысячелетия, судя по всему, они остались непобежденными, коль скоро, даже в конце XX века, сохранилась в России архаическая форма живой гусельной традиции, которая была найдена экспедицией Ленинградской консерватории в Псковской, Новгородской и Кировской областях. Таким образом, древние ведические обряды, ритуалы, священные тексты имеют непосредственное отношение к севернорусской народной традиции, исследователи которой неоднократно отмечали, что для нее характерна консервация рудиментов архаичнейших явлений, порой не находящих отражений даже в ведической традиции.

В конце XVIII — начале XIX вв. устанавливаются основанные на взаимном интересе научно-культурные отношения России и Индии. Во второй половине XIX в. сфера российско-индийских отношений расширилась. Предыдущие эпизодические контакты, являвшиеся инициативой отдельных лиц, уступали место устойчивым научным и культурным связям. Содержание этих связей обогащалось, расширялись каналы, формы и методы их осуществления.

Интерес в России к теории и эстетике музыки Индии, фольклору, ее древним традици-

ям, изобразительному искусству и архитектуре возрастал на протяжении XIX в. В журнале «Пантеон» (Санкт-Петербург) и в изданиях по проблемам музыкального искусства появлялись сообщения и краткие обзоры, освещавшие историю развития музыки в Индии. Материалы о различных жанрах искусства Индии — обзоры, рецензии, научно-популярные статьи — систематически печатали «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», «Журнал Министерства народного просвещения», «Художественные новости». Одновременно в Индию проникали сведения о высоком уровне музыкального творчества в России. Между ведущими центрами музыкальной жизни — Петербургом и Калькуттой — начали устанавливаться прямые связи. Отношения, выстроенные С. М. Тагором, одним из представителей рода Тагоров, доктором музыковедения, в 1880-х гг. продолжил его сын Радж Кумар Шиама Тагор. Накануне Первой мировой войны он передал в дар Русскому музыкальному обществу (РМО; с 1868 года Императорское Русское музыкальное общество, ИРМО) 24 музыкальных инструмента — полный набор индийских национальных инструментов для традиционных оркестров. К дару была приложена подробная справка со списком инструментов, краткой характеристикой и историей каждого из них. Пристальное внимание индийскому музыкальному искусству уделяла музыкально-этнографическая комиссия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

В начале XX века в среде музыкальной общественности Петербурга и Москвы возникали кружки любителей камерной музыки, в которые входили поклонники индийского искусства. Тогда же заметное влияние восточных культур наметилось и в академической

музыке. Русское музыкальное искусство всегда отличалось особой внутренней свободой и не могло оставаться глухим к ориентальным культурным ценностям. Одним из актуальных и коренных для национальной композиторской школы было оригинальное национальное стилевое явление, которое традиционно, вслед за Асафьевым, называем «русской музыкой о Востоке».

«Русский Восток» — особый комплекс интонационно-тематических, ритмических, ладогармонических и тембровых особенностей, переплавивший характерные черты восточной музыки и русской музыкальной традиции. «Русская музыка о Востоке» развивалась своим, особым путем. Безусловно, неразрывная связь с романтизмом определяет страницы этой музыки, начиная с «Руслана и Людмилы». Но включенность в состав Российской империи регионов Средней Азии и Кавказа, высокий опыт «русской поэзии о Востоке» — эти и другие факты и факторы определили особенности «восточной» ветви национального музыкального творчества.

Появляется ряд сочинений русских композиторов, воплощающих как восточную, а в её контексте — индийскую, так и собственно индийскую тематику. Музыкальные образы Индии появлялись в творчестве русских композиторов. Об этом свидетельствовали ария индийского гостя в опере Римского-Корсакова «Садко», симфоническое произведение А. Г. Рубинштейна «Танец кашмирских невест», опера А. С. Аренского «Наль и Дамаянти» по сюжету «Махабхараты» в переводе В. А. Жуковского (автором либретто был П. И. Чайковский).

Классический этап становления русской ориентальности связан с творчеством М. И. Глинки. В его опере «Руслан и Людми-

ла» (1837—1842) родилась новая образная сфера русского Востока, в которой ориентальность и фантастика были по существу нераздельны. Подход Глинки к заимствованным темам был отнюдь не этнографический, а именно мифологический.

Композитор создал собственный, неповторимый мир восточной сказки, показанный в тесной связи с русской, славянской тематикой, объединяющий Русь и Восток. С «Руслана и Людмилы» Глинки утвердились самые общие и принципиальные позиции русского Востока, вошла в русскую музыку традиция интерпретации тембра восточных инструментов ритмических танцевальных комбинаций.

Ритмоинтонационные, ладогармонические комплексы, становившиеся «знаком» Востока, что было, начиная с Глинки, коренной традицией русской музыки, встречаются во многих сочинениях А. Г. Рубинштейна. Композитору особенно удавались музыкальные образы Востока. Художественные завоевания в этой сфере признавали даже критики. В 1862 году Рубинштейн завершил работу над оперой «Фераморс», созданной на сюжет восточной сказки. В «Фераморсе» развитие лирического конфликта представлено в соединении со сказочными и ориентальными мотивами. Ц. Кюи писал о «Фераморсе», особо отмечая упоминавшийся «Кашмирский танец» («Танец кашмирских невест», опера «Фераморс», 1861), часто звучавший в концертах: «...счастливым следует считать выбор сюжета потому, что он восточный, а восточная музыка всегда удавалась Рубинштейну. В «Фераморсе» Рубинштейн оказался в сфере Востока, столь близкой ему». «Фераморс» (Feramors) — лирическая опера А. Рубинштейна в 3-х действиях, 4-х картинах, немецкое либретто Ю. Роденберга по поэме «Лалла Рук» ирландского поэта Т. Мура, первая постановка: Дрезден, 24

февраля 1863 г. Принцесса Индостана Лалла Рук, невеста кашмирского царя, приезжает в его владения. Она никогда не видела жениха. Лалла Рук полюбила присланного за ней царем певца Фераморса и с горестью ожидает брака с нелюбимым. Свиданию влюбленных мешает глупый визирь принцессы. Выследив Фераморса, который ночью бродит близ палатки Лаллы Рук, визирь обвиняет его в оскорблении царя. Фераморсу угрожает казнь. Когда Лалла Рук прибывает в столицу Кашмира, она с радостью узнает в царя Фераморса: он принял чужое имя, чтобы узнать свою невесту. Музыка подкупает лирической прелестью, мелодической выразительностью. Особенно удались автору образы Лаллы Рук и Фераморса. «Музыкальные воплощения Востока мы находим у А. Г. Рубинштейна многократно, в целом же рубинштейновский Восток имеет свой особый эмоциональный акцент: в нем по преимуществу воплощается мужественность, энергия, динамизм, в ораториях — монументальность».

Новая страница в развитии ориентальной сфере русской музыки связана с именем Н.А. Римского-Корсакова. Он вошел в русскую музыкальную культуру как композитор-живописец, мастер оркестрового колорита, увлеченный древними языческими обрядами и славянским народным бытом. Важнейшей линией его творчества является столкновение добра и зла, нередко воплощенных в условных мифологических образах. Ориентальность развивается в музыке композитора глубоко и разнообразно в таких произведениях, как симфоническая сюита «Шахеразада» и оперы «Садко» и «Золотой петушок».

Наиболее ярко воплотились ориентальные сказочные образы в четырехчастной оркестровой сюите «Шахеразада» (ор. 35; соч. 1888; посв.: В. В. Стасову) на основе восточ-

ных сказок «Тысяча и одна ночь». Композитор не пошел по пути конкретного изображения сюжетной канвы, его «Шахеразада» — повествование о многочисленных и разнообразных сказочных чудесах Востока вообще. Воссоздавая Восток средствами симфонического оркестра, Римский-Корсаков полностью отказался от заимствования подлинных ориентальных фольклорных тем. Он свободно воспроизводит терпкий восточный колорит, исходя из собственного музыкального опыта, точно интонируя эталонные восточные ритмы и попевки, прихотливую изысканно томную мелодику. Это сказка в музыке, «...восточным колоритом окрашены и выразительный речитатив фагота, и картина яростной битвы, и образ стремительного полета сказочной гигантской птицы Рух».

Из первого издания «Шахеразады» можно узнать, какие именно эпизоды «Тысячи и одной ночи» вдохновили Римского-Корсакова — там присутствуют названия частей: I часть — «Море и корабль Синдбада-морехода»; II часть — «Рассказ календера-царевича о чудесах, виденных им в путешествиях»; III часть — лирическая сцена «Царевич и царевна». В основе IV части — две самостоятельные картины: «Праздник в Багдаде» и «Корабль, разбивающийся о скалу».

«Садко́» — опера-былина Н. Римского-Корсакова в семи картинах. Либретто написано самим композитором на основе русских былин о гусляре Садко. Впервые поставлена в Частной опере Солодовникова в Москве (Московская частная русская опера — оперный театр в Москве в 1885—1904 гг.) под управлением Евгения Эспозито в 1897 году. Сюжет «Садко» построен на различных вариантах новгородской былины в соединении со сказками из сборника Афанасьева «Народные русские сказки» — повествованиях о чудес-

ном обогащении гусляра, его странствиях и приключениях. В либретто всюду выдержан народно-былинный и песенный стиль, широко использованы фольклорные тексты, традиционные обороты и «формулы» эпических жанров. «Многие речи, а также описание декораций и сценических подробностей, — писал Римский-Корсаков, — заимствованы из былин, песен, заговоров, причитаний и т. п. Былина о Волхе Всеславьевиче и песня о Соловье Будимировиче взяты прямо из народного эпоса, лишь с надлежащими сокращениями и изменениями. Поэтому в либретто зачастую сохранен былинный стих с его характерными особенностями». Время действия, обычно относимое в былине к XI — XII векам, перенесено в опере в полусказочную-полуисторическую эпоху только что водворившегося в Новгороде христианства, когда ещё сильны были старые языческие верования. В основу народных сцен он положил на этот раз не календарнобрядовые песни, а повествовательные эпические жанры с их стилистикой, что и сообщает музыке былинный отпечаток.

Обобщение через песню — главное средство музыкальной характеристики новгородцев. Столь последовательное, драматургически весомое применение фольклорных, в первую очередь песенных, былинных жанров и форм очень типично для оперы-былины, в которой герои — обобщенные типы, не нуждающиеся в психологической детализации. Как известно, в «Садко» есть три заимствования: напевы былины «Соловей Будимирович» и духовного стиха о «Голубиной книге», мелодия из «Обихода» (Старчище). Однако эпический жанр, стилистические его особенности претворены композитором и в двух других эпизодах оперы: в былине и сказке Нежаты, а также в замечательном хоре «Будет красен день» с его одиннадцатидольным размером и харак-

терными мелодическими оборотами, своеобразием гармонического и фактурного склада. Особенно ярким проявлением эпичности Римский-Корсаков считал речитативы Садко, сочиненные им под впечатлением исполнения былин Т. Г. Рябининым, известным народным сказителем. «Речитатив этот, — писал композитор, — не разговорный язык, а как бы условно-уставной былинный сказ или распев, первообраз которого можно найти в декламации рябининских былин. Проходя красной нитью через всю оперу, речитатив этот сообщает всему произведению тот национальный былевой характер, который может быть оценен вполне только русским человеком».

В популярнейшей арии «Песня индийского гостя» из оперы «Садко» (4-я карт.) «Не счесть алмазов в каменных пещерах, Не счесть жемчужин в море полуденном — Далёкой Индии чудес...» композитор пользуется приемами развития мелодии, создающими образ, полный томной восточной неги.

Сочетая сложнейшие хроматические интонации с характерными восточными ритмами, Римский-Корсаков добивается высокого мастерства в обобщении восточного музыкального колорита, вносит весомый вклад в развитие «русского Востока».

Итогом ориентальной сказочной линии творчества Римского-Корсакова стала опера «Золотой петушок» («Небылица в лицах»): опера в трех действиях с прологом и эпилогом (либретто В. И. Бельского; соч.: 1906—1907; исп.: 1909). Опера «Золотой петушок» создана по мотивам «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина.

Второй акт оперы — подлинный шедевр претворения ориентальности в русской музыкальной классике. Шемаханская царица — это образ восточной чародейки.

«Ее знаменитая выходная ария «Привет солнцу» — один из перлов оперы, высшая,

как кажется, и особенно по контрасту, точка корсаковского, а может быть, и всего русского музыкального ориентализма».

В партии Шемаханской царицы органично сплелись интонации арабской и азербайджанской музыки, а «элементы лада бхайрава, используемые композитором, являются главной составляющей музыки Индии». Опытом музыкального воплощения древнеиндийского эпоса в русской музыкальной классике стала опера А. С. Аренского «Наль и Дамаянти» (1898—1899), автор либретто — П. И. Чайковский. Литературная первооснова оперы — отрывок из III книги индийской эпической поэмы «Махабхарата», переложенный В. Жуковским с немецкого перевода Ф. Рюккerta в 1844 году. Как известно, перевод сказания о Нале под названием «Наль и Дамаянти» В. А. Жуковского завоевал широкую известность и вошел в сокровищницу русской литературы, так как отличался замечательными художественными достоинствами. Первое представление оперы состоялось 9 января 1904 года в Москве на сцене Большого театра под управлением И. Альтани. Опера написана на русском языке и включает 3 действия, 6 картин. Наиболее известные номера: увертюра, колыбельная и рассказ Дамаянти (для сопрано). Лучшие страницы — хор подруг Дамаянти, сон девушки, молитва, сцена Наля и Дамаянти в лесу, колыбельная Дамаянти (для сопрано). Некоторые из этих номеров неоднократно исполнялись на концертной эстраде.

Искусство русского Серебряного века конца XIX — начала XX столетий вернуло интерес к первоосновам русско-восточных связей. Серебряный век устремляется к первоначальному, к древности, вспоминая об индоевропейских корнях русской культуры.

«Русская Индия» — так можно условно назвать творения русских мастеров, что были

навеваны соприкосновением национальной художественной системы с культурой восточной традиции. Показателен в связи с этим пример Н. Рериха, прошедшего путь от славянской архаики до Индии. Именно Индия становится одним из полюсов притяжения русского культурного сообщества в этот период.

На первое десятилетие XX века приходится увлечение фольклором русского композитора, хорового дирижёра, исследователя музыкального фольклора А. Д. Кастальского (1856—1926). Кастальский являлся и тонким ценителем искусства древности, и пытливым ученым-реставратором, мысль исследователя уносила его то в стародавнюю Русь, то в далекие языческие времена, то в древние Индию, Египет, Китай, Грецию, Иудею... Он постоянно искал способы расширения возможностей музыкального языка, ставя во главу угла задачу обновления искусства. Этот поиск приводил его к созданию новых форм, как, например, форма музыкальных реставраций. В таких сочинениях он на основе работ музыковедов-палеографов и этнографов пытался воссоздать картины давно ушедших времен и древние церковные обряды, например, «Пещное действо». Однажды взявшись за расшифровку древних мелодий, Кастальский уже не мог расстаться с «музыкальной археологией» — ему хотелось все дальше вглубь веков, да и вовсе незачем было ограничивать себя одной Россией.

«...Жилка реставратора, вероятно, была у меня врожденною, так как вслед за этой работой я взялся за другую, ей подобную, но из более отдаленных эпох и стран, и окупился гораздо глубже: захотел, наперекор историкам, доказать существование на белом свете неунисонной музыки с древнейших времен и издревле ее стремление к выразительности, живописности и т. д. Собрал много примеров,

много исторических свидетельств, озаглавив свой труд «Из минувших веков». Но так как мои положения в этом исследовании в глазах заправских историков могли показаться слишком смелыми, то я решил издать только часть: «Китай», «Индия», «Египет», «Эллада», «Иудея», «На родине ислама» и «Первые христиане». Эта работа вышла в издании Юргенсона в трех тетрадах (1904—1906 годы). Она заинтересовала историков, кой-кого за границей; некоторые картины исполнялись публично, под мелодии из «Эллады» танцевали греческие танцы в классах пластики. Пианист Прокин начинал свои исторические концерты (в польских городах) моими «Минувшими веками» и даже заинтересовал ими слушателей...».

Так появился цикл фортепианных пьес «Из минувших веков», в котором представлено в музыкальных картинах танцевальное искусство и старинные песни Китая, Индии, Египта, Эллады, ранние христианские песнопения и средневековые арабские мелодии. В последней же части композитор возвращается к своей культуре, — заключительный раздел называется «Торжище в старину на Руси». Каждая пьеса снабжена комментариями, под напевом подписан текст, указаны и те инструменты, на которых может исполняться сопровождение. Так что пьесы для фортепиано можно превратить в музыкально-этнографический спектакль — с пением и танцами.

Цикл «Из минувших веков» стал подлинной историей мировой народной музыки, в т. ч. традиционной музыкальной культуры Индии. Вторая половина XIX — начало XX вв. знаменуются всплеском интереса к Индии, обусловленного как духовными поисками, так и поисками принципиально новых идей в искусстве и литературе.

При выявлении восточных элементов в срезе русской культуры невозможно обойтись

без изучения всесторонних связей с конкретными восточными культурами, в том числе индо-буддийской. Полнее всего проблема русско-восточных связей раскрывается в это время на философско-религиозном уровне. Это отразилось в многочисленных произведениях религиозно-философского содержания, для которых индийская философия являлась удачной основой. Неудовлетворённость христианской доктриной породила интерес к теософии и буддизму. Организация обширных исследований в области буддологии связана с именем востоковеда С. Ф. Ольденбурга (1861—1934). В 1895—1913 гг. профессор Ольденбург опубликовал 14 статей, основанных на индийских источниках и посвященных, главным образом, буддийскому искусству. Им был проработан огромный санскритский эпос — поэма «Махабхарата». Публикации об отражении эпоса в буддийской литературе стали частью оживленного обсуждения проблемы «Махабхараты» в европейской санскритологии тех лет. Популяризация научных достижений Ольденбурга воплотилась в сборнике «Культура Индии». Востоковед-индолог, академик Ф. И. Щербатской (1866 — 1942) занимался проблемами индийской культуры и буддизма.

Мировая ориенталистика обязана академику Щербатскому осуществлением важнейшего научного мероприятия. Вместе с академиком С. Ф. Ольденбургом он явился создателем всемирно известной серии «Библиотека буддизма» — крупного международного издания, где наряду с русскими ориенталистами приняли участие виднейшие буддологи конца XIX — начала XX вв. Благодаря академикам С. Ф. Ольденбургу и Ф. И. Щербатскому Петербург стал центром международного сотрудничества по изучению буддийской философии.

Накануне Первой мировой войны группа ученых Академии наук по инициативе Ольденбурга и Щербатского выступила с предложением о сооружении в Петербурге буддийского храма. Комитет предусматривал перевозку из Бомбея в Петербург индуистского храма. Планировался показ экспонатов религиозного культа, памятников прикладного искусства и художественного ремесла. К слову сказать, в России и ныне находится крупнейший в Европе буддистский храм (Санкт-Петербургский буддийский храм «Дацан Гунзэчойнэй»), в котором после реставрации воссоздан когда-то подаренный императору «буддистский рай».

В октябре 1913 года в Россию приезжает с концертами музыкант и композитор, философ-мистик, писатель и суфия из Северной Индии Хазрат Инайят Ханбыл, известный во всей Индии как певец, несравненный мастер игры на вине и преданный возродитель классической музыки Индии. Он был также первым, воспользовавшимся учебником музыки и начавшим учить по нему, — учебником, который был сочинен его дедом Маула Бакшем, изобретшим первую систему нотной записи индийской музыки. Хазрат Инайят Хан — автор трактатов-посланий, в которых он изложил свои мистико-философские взгляды, в том числе и на природу музыки. Самой знаменитой его книгой в мире и поныне остается «Мистицизм звука». Целью его приезда была организация концертов и лекций-демонстраций индийской музыки. Он исполняет музыку — свою и классическую индийскую — в сопровождении подлинных индуистских инструментов, комментирует, рассказывает о природе вероисповеданий. У него завязывается дружба с педагогами Императорской консерватории, с певицей Ольгой Такке; пианист и композитор Владимир Поль и граф Сергей Толстой помогают ему издать нотный альбом с шестнадца-

тью индустанскими мелодиями в переложении для фортепиано. Ансамбль индийских братьев дает концерты в Политехническом музее и в консерватории. Всего за семь месяцев их состоялось около десяти. Инайят Хан играет и в салонах. Круг его общения с каждым днем растет. И вместе с ним растет его восхищение Россией, ее людьми. «Россия напомнила мне Родину, — писал он позже. Тепло, исходившее от сердец здешних наших друзей, согревало нас холодной зимой...».

В 1914 году Инайят Хан сумел открыть в России филиал «Суфийского Ордена», представителем музыкального отделения которого становится граф С. Л. Толстой (Толстой-сын). Весной Инайят Хан поручил ему ещё одну важную миссию — устроить для императора постановку в Петербурге балета (скетча) «Шакунтала» по драме известного индийского средневекового драматурга Калидасы, которая, однако, не состоялась вследствие общественно-политической обстановки, сложившейся в России накануне Первой мировой войны. Есть основания предполагать, что в России где-то хранится фонографический архив с записями с концертов Инайят Хана и его братьев, так как почти все концерты проходили под эгидой Московской музыкально-этнографической комиссии, которая непременно должна была вести записи значительных музыкальных событий, ведь это были первые настоящие индийские музыканты, исполнявшие в России классическую индийскую музыку.

Почувствовать величие Востока стремились многие поэты, художники, музыканты, жившие в пограничье столетий, для которых индийская философия являлась удачной основой для расширения духовных границ творчества: Блок и Белый, Бальмонт и Скрябин. Скрябин (1872—1915), создатель «мистического», или «прометеевского», аккорда, явля-

ется не просто композитором-исполнителем, но и в некотором роде философом. Его жизнь и творчество объединяют в себе три взаимосвязанных факта: пристрастие к «Тайной доктрине» Е. Блаватской (1831—1891), пристрастие к индийской культуре — собственному внутреннему Востоку — и пристрастие к непрерывному новаторству в области музыкального выражения.

Увлечение «Тайной доктриной» заметно повлияло и на литературный и на музыкальный стиль композитора. Скрябиновская «санскритизация» касается и лексического выбора, и тематического содержания его записок, где наблюдается широкое заимствование излюбленных выражений Блаватской, получающих свою вторую жизнь под пером композитора. «Тайное братство махатм» для Скрябина не просто фигура стилия: оно ожидает его прибытия, оно определяет его миссию на земле и т. д.

«Шамбала» — это не риторическая дань Блаватской, а реальный солнечный рай, талящийся в высокогорных долинах Гималаев. «Манвантара, уничтожающая прадаю» — это не случайный жаргон, а доказательство скрябиновского ощущения времени, определяющегося блаватско-индийским катастрофизмом. Иначе говоря, скрябиновский синтетический Восток является понятием гораздо более глубоким и серьезным, чем простой декоративный эффект. Но прежде всего Скрябин — все-таки музыкант, и поэтому его философия и язык претерпевают метаморфозы, проходя через музыкальные фильтры. Феноменом доминирующего восточного начала в его творчестве стал философско-музыкальный проект Мистерии.

Скрябин заявляет о своей «восточности» известным высказыванием: «Мы, европейцы, больше знаем и чувствуем Восток, чем

те, кто на Востоке. Я больше индус, чем настоящие индусы». На его мировоззрение в значительной мере повлияли идеи индийской философии Бхагават-Гиты, Упанишад, а также взгляды Ауробиндо Гхоша и Рамакришны. На протяжении всего своего творческого пути композитор общался с интересными личностями Востока и Запада, изучал многочисленные источники. Скрябин был знаком с «Религиями Индии» Барта, «Светом Азии» Арнольда, «Жизнеописанием Будды» Бальмонта и многой другой переводной литературой, глубоко интересовался древнеиндийскими теориями музыкального и поэтического искусства. «Скрябин читал в этот период книги об Индии (между прочим, санскритскую грамматику; «Свет Индии» был его любимой книгой), по истории религии...». В 1917 г. вышла небольшая книжка К. Бальмонта, поэта, обладавшего, по его признанию, «индийским мышлением» (стихотворение «Огонь», 1904), «Светозвук в природе и Световая симфония Скрябина».

Бальмонт являлся первым русским писателем нового времени, посетившим Индию. Он был не только автором произведений об Индии, но и переводчиком древнеиндийских памятников: отрывков из Вед, Упанишад, им полностью были переведены драмы Калидасы «Шакунтала», «Малаялика и Агнимитра», «Мужеством завоеванная Урваси», а также драма Асвагоши «Будда».

В своей книге Бальмонт, обращаясь к индийским источникам, поддержал идеи Скрябина о Светомызыке. «В музыкальном творчестве Скрябина жив Восток... Скрябин, не переставши быть Европейцем и Русским, был Индусом, как о нем кто-то сказал. Он угадал Восток, воздух которого всегда исполнен симфониями света. Первобытный Индус, который в утреннем своем тайноведении и прозрении

в сущность явлений мира слагал свои ведовские песнопения, называющиеся «Ведийскими Гимнами», воспринимал лик Огня, и земного, и небесного, как Светозвук, — Огонь для Индуса поет, он неразъединим с говорящим голосом.... И все создания Индусской поэтической мысли пронизаны пением Огня, все паутинные построения Индийской умственности тонкими лунно-радужными тропинками ведут в светозвук».

В 1914 году в салоне Вячеслава Иванова Скрябин встретился с Инайят Ханом, присутствовал на его концертах, познакомился с «вызывающими всеобщий экстаз ритуальными танцами кружащихся дервишей». Индийский и русский музыканты обнаруживают удивительное духовное сходство натур, особенно когда речь идет о вселенском братстве. Скрябин уже вел в это время переговоры о покупке участка земли в Индии, мечтая построить на берегах Ганга или озера Манасаровар храм для всего человечества, чтобы исполнить в нем Мистерию, музыка которой объединит Вселенную, сделав духовно просветленными всех участников-слушателей-зрителей. Местом осуществления Мистерии была избрана Индия, не только как страна — праматерь индоевропейских народов, но и как хранительница высокодуховной культуры.

По замыслу композитора, этот храм должен быть настолько большим, чтобы в нём собрались все жители Земли и стали участниками-исполнителями таинственного произведения. В результате ожидалось наступление конца непластичного физического мира и возникновение единого светлого сознания Земли, освободившегося от тягостных оков грубой материи. Другими словами, Скрябин мечтал о духовном преображении народов мира. По мнению композитора, именно в разрешении такой сверхзадачи заключался ис-

тинный смысл его земного существования и всего хода развития человечества.

Оказалось, что у Скрябина и Инайят Хана одинаковые устремления к храму — индус собирался построить «Всемирный храм человечества» в Европе, а европеец — в Индии. Хан писал о Скрябине: «Я обрел в нем не только прекрасного артиста, но также мыслителя и мистика. Он показался мне неудовлетворенным западной музыкой, думающим, как внести нечто из восточной музыки в западную для того, чтобы обогатить последнюю. Я соглашался с ним, я думал, что если эта идея когда-нибудь исполнится, несмотря на сложности, возникающие вначале, то такая музыка могла бы стать музыкой всего мира, что в свою очередь могло бы способствовать объединению человечества во вселенское братство. Музыка для этого лучше всего, ибо она любима, как на Востоке, так и на Западе».

Из воспоминаний Хидайят Инайят Хана (Сын Хазрата Инайят Хана): композитору Скрябину «...он также подарил мелодии, и некоторые из них, в частности «Танец Афганской Сабли», Скрябин впоследствии использовал в одном из своих симфонических произведений».

Л. Сабанеев в своих воспоминаниях пишет о впечатлении, которое произвел на Скрябина своей игрой индийский музыкант: «...это как раз то, что потеряно в нашей истощенной ограниченной жизни, — культура такого рода <...> в действительности в этой музыке есть великое рвение, тут, должно быть, есть скрытые и потому ускользающие от нас элементы».

Обоими ими владели идеи синтеза, оба они были твердо убеждены, что музыка может влиять на эволюцию человечества и способствовать объединению культур Востока и Запада. Скрябин часто говорил о том, что «му-

зыка — путь откровения <...> могущественный метод познания».

«Это такой же настоящий путь, — утверждал композитор, — как и всякий «раджа-йога» и другие йоги — только он еще прямее и быстрее. <...> Я почти всему научился из своего творчества».

Последним полномасштабным эскизом «Мистерии» должно было стать «Предварительное Действо», своего рода Пролог к основной музыке с использованием, помимо хора и оркестра, цветомузыки, музыкально-светового аналога звучащей симфонической ткани. Композитор говорил: «Это будет еще не «Мистерия», но уже в таком духе, и в ней и синтез искусств будет, и уже оно будет эзотерично... Это все-таки художественное произведение, хотя в нем уже будет совсем иное, будет очень много настоящей магии...». Наряду с обычными музыкальными инструментами Скрябин планировал ввести в оркестр новые, ещё не созданные им — они будут иметь необычный тембр и более тонкие градации высоты звука, словно индусские ситары, на которых играл Инайят Хан.

Мелодия начиналась со звуков и заканчивалась световыми линиями. Но были и неслышимые звуки — они воспринимались только душой человека (это влияние знаменитого трактата о неслышимом звучании Блаватской «Нада»). Для воображаемых звуков нужна была особая запись и особый шрифт — его тоже следовало разработать.

Композитор ищет новые способы создания музыкальной ткани своих произведений, появляется мистический скрябиновский альтерированный доминантный аккорд — это аккорд, уничтожающий материю своим собственным разрешением, прометеевское шестизвучие.

«Скрябиновский музыкальный аккорд послужил богатой пищей для музыкальной кри-

тической литературы различного уровня серьезности. «В «Вестнике теософии» за 1993 г. А. И. Бандура в своей статье «Александр Скрябин. Мистика творчества и магия светозвука» [Бандура, 1993] пытается доказать, что центральный элемент гармонической системы Скрябина (доминантовый альтерированный нонаккорд) представляет собой транспозицию цифровой структуры Стансов № IV «Тайной доктрины»:

«Прорывается луч вечной темноты,

Разбуженные энергии прорываются в пространство,

Единица рождается из яйца, потом шестерка и пятерка, а

Затем тройка и единица, четверка, единица и пятерка,

Дважды семерка — их общая сумма.

Это — Эссенция, Огонь и Элементарные частицы».

Галеев и Ванечкина предлагают иное, паратеософское и более скромное, прочтение музыкального текста Скрябина. Авторы утверждают, что «Мистерия» заставляет нас переживать эволюцию семи рас (идея, заимствованная композитором у Блаватской) с помощью диатонической гаммы: Фа# — ля bem — си bem — до — ре — ми — фа#». В своих последних произведениях он превращал музыкальные структуры в магические символы, мог изменить структуру звука в пространстве, отчего многие писали о «фантастических, нерояльных» тембрах исполняемых им произведений.

Скрябин был уверен, что «музыкой можно вызвать и гипноз, и транс, и экстаз <...> музыка есть звуковое заклинание». Образы «Предварительного действия», а также таких сочинений композитора, как «Поэма экстаза» (1905—1907), Симфония № 3, «Божественная поэма» (ор. 43, 1903—1904), «Прометей,

Поэма Огня» 1909—1910), заставляют вспомнить состояния медитативного созерцания в сочетании с моментами экстатических взрывов полета и движения, характерных для сложившихся в музыке представлений о русском Востоке.

Композитор не успел закончить главную работу своей жизни, никто, кроме ближайших друзей, так и не услышал этого загадочного опуса. «Замыслом своей Мистерии он опередил свое время на много лет, а может быть, и веков. В лице гениального композитора эволюция стремилась показать человечеству пример Преображения и обратить его внимание на средства достижения такого Преображения — на Высшие Миры и Красоту. То и другое было сплетено в скрябинской Мистерии в одно великое целое нового мира, зарницы которого были едва видны в двадцатом столетии».

Ориентализм в русской музыкальной классике стал одним из мощных стимулов развития нетрадиционных для европейской музыки средств выразительности. Восток не является инородным телом в музыкальных произведениях русских композиторов, но их органичной частью, обогащая ритмику, мелодику, гармонию, оркестровку. Образы русского Востока отразили общие духовные установки русской нации, русской культуры, связанные с бережным и гуманным отношением к культурным ценностям других народов.

Отношения России и Индии очень перспективны и с точки зрения мировой политики, и с точки зрения межкультурного взаимодействия. На современном этапе ключом к решению проблемы взаимодействия культур стал акцент на духовно-содержательном аспекте. В последнее время связь двух культур рассматривается в реальном историко-художественном процессе с учетом регионально —

особенного и национально-единичного. Неповторимость противоположных культур не свидетельствует об исключительности каждой, именно эта непохожесть связывает обе культуры. И даже более того, они ещё до недавнего времени сохраняли то самое духовное единство, к которому призывает «Ригведа» в «Гимне единения»: «Вместе сходитесь! Вместе договаривайтесь! Вместе пусть будут направлены ваши мысли, Как некогда боги с мыслями, направленными вместе, Сидели у (своей) доли (на жертвоприношении)! Единый совет, собрание единое, Единая мысль, решение совместное у них. Единый совет я советую вам, Единым возлиянием жертвую вам. Единым (да будет) ваш замысел, Едиными —

ваши сердца! Единой да будет ваша мысль, Чтоб было у вас доброе согласие!».

Открытость русской культуры проявляется не только в ее восприимчивости к мировому культурному контексту в целом. В гораздо большей степени она выразилась в ее взаимодействиях с культурами других народов. Открытость русской культуры и в ее соборности, т. е. в стремлении поддержать друг друга, объединить усилия и помыслы ради достижения благородных целей, благорасположенности к непохожему, не своему, к другому, умении отнестись к чужому, как к своему. И еще открытость отечественной культуры в ее отношении к прошлому, как к современности, а к современности, как к будущему.

А. Киселева

100 ЛЕТ БОЛЛИВУДА: «БРОДЯГА» ВЕРНУЛСЯ В МОСКВУ

Индийское кино давно стало не только визитной карточкой страны, но и культурным феноменом мирового значения. Поэтому 100-летний юбилей крупнейшей киноиндустрии мира отмечается не только в Индии, но и в Москве.

Сегодня в индийском кинопроизводстве задействованы миллионы индийцев, эта кинематографическая сверхдержава выпускает тысячи фильмов в год. Но, как гласит древняя мудрость, самый длинный путь начинается с первого шага. И этот шаг 100 лет назад сделал Дхандирадж Говинд Пхальке (Dhundiraj Govind Phalke), известный также как Дадашахейб Пхальке (Dadasaheb Phalke), который считается отцом индийского национального кинематографа.

Индийцы впервые познакомились с кино ещё в 1896 году, когда в Бомбее (ныне Мумбаи) была представлена коллекция короткометражных фильмов братьев Люмьер. Конечно, это зрелище производило на людей того времени просто магическое действие. Тогда в Индии и начали снимать документальные фильмы, а с участием англичан создавались и постановочные киноленты. В 1907 году в

Калькутте открылся первый кинотеатр. Но годом рождения индийского кино стал 1913-й, когда на экраны вышел «Раджа Харишчандра» («Raja Harishchandra») — первый полнометражный кинофильм, созданный только индийскими силами и средствами.

Дадашахейб Пхальке (1870—1944) был человеком с разносторонними интересами и хорошим образованием. Он учился на инженера, занимался скульптурой, живописью, графикой, был чертёжником и фотографом, работал в Археологическом обществе Индии. Неудивительно, что кино — только зарождающаяся, неизведанная сфера, которая синтезировала в себе возможности техники и искусства, — так его увлекло. Идея создания собственного фильма пришла к Пхальке в 1902 году под впечатлением от французской кинокартины о жизни Христа, которая поразила его настолько, что будущий кинематографист посмотрел её дважды за один день. Оставив все свои дела, Д. Г. Пхальке отправился в Англию для обучения на киностудии. Там же он приобрёл технику и материалы, необходимые для съёмки фильма.

Дадашахб был уже не так молод, и затея с кино казалась достаточно сомнительной даже его друзьям. Но семья Пхальке поддерживала его, и кинематограф стал для них общим семейным делом. Чтобы покрыть затраты, начинающий режиссёр взял кредит под залог страхового полиса, а его жена Сарасвати продала свои драгоценности. Она также принимала активное участие в технической работе над фильмом, а сын Дадашахеба сыграл в нём одну из ролей.

Вероятно, залогом будущего успеха стало уже то, что основой для своей картины Пхальке избрал мифологический сюжет из «Махабхараты», который был понятен и близок его соотечественникам. Главный герой фильма раджа Харишчандра, известный своим благородством и правдивостью, проходит через тяжёлые испытания, разлуку с семьёй и скитания, но остаётся верен своему слову, за что в финале вознаграждается богами.

Поиск актёров режиссёр проводил по объявлению. Проблема возникла с женскими ролями, ведь актёрство считалось недостойным занятием для женщины, и от участия в съёмках отказались даже проститутки. Так что женские роли пришлось играть переодетым

мужчинам. Например, в жену Харишчандры перевоплотился бывший повар из ресторана.

Съёмки ленты «Раджа Харишчандра» проходили в Дадаре и в одной из деревень недалеко от Пуны. 50-минутный фильм был снят за 7 месяцев и 21 день. Премьера «Раджи Харишчандры» для избранной публики состоялась в Бомбее 21 апреля 1913 года, а 3 мая того же года начался её коммерческий прокат. В 1914 году кинолента была показана в Лондоне. Фильм имел большой успех по всей Индии. Здесь Д. Г. Пхальке проявил себя ещё и как находчивый продюсер.

Провинциальные зрители, привыкшие к многочасовым театральным представлениям, поначалу не спешили отдавать приличную сумму за сравнительно короткое кино. И Дадашахб стал рекламировать свой фильм так: «Представление из 57 тысяч фотографий в две мили длиной. Всего за три анны». И теперь, придя в кино, люди чувствовали, что не зря потратили деньги. Кроме того, перед киносеансами иногда устраивались выступления танцовщиц. После «Раджи Харишчандры» Дадашахб Пхальке продолжил работу в кино и на своей студии при участии жены и детей создал ещё целый ряд фильмов.

Как ни сложно это представить в случае с насквозь музыкальным индийским кино, «Раджа Харишчандра» — немой фильм. Для разъяснения сюжета он снабжен титрами на английском и хинди. К сожалению, время не пощадило первую индийскую кинокартину, и до наших дней дошли лишь 11 минут 19 секунд ленты. И возможно, как предполагают исследователи, это кадры ремейка 1917 года. Но зато современные цифровые чудеса позволяют посмотреть фильм «Раджа Харишчандра» даже в 3D.

Хотя Д. Г. Пхальке использовал самые передовые для своего времени технологии,

конечно, на сегодняшний взгляд, его первый фильм технически и художественно очень несовершенен. Он снят неподвижной камерой, мизансцены не выстроены и переполнены персонажами, игра актёров наивна и безыкусна. Но это только усиливает уважение и восхищение Дадашахебом Пхальке — очень энергичным и талантливым человеком, который с такой увлечённостью и самоотверженностью относился к своему делу. Ведь с помощью этих прыгающих, не всегда чётких кадров и сейчас можно почувствовать любовь режиссёра к древней культуре своей страны, оценить его внимание к достоверности костюмов и декораций, понять, что кино воспринималось автором именно как искусство, которое может затрагивать серьёзные нравственные проблемы, а не только развлекать зрителей.

По случаю празднования 100-летия национального кино в нескольких городах Индии были организованы показы картины «Раджа Харишчандра» и других индийских немых фильмов. Кроме того, Национальный киноархив Индии выпустил DVD с кинокартинами эпохи немого кино.

Увидеть первый индийский фильм можно было и в Москве в рамках фестиваля индийской культуры и кино RETRO BOLLYWOOD, который был организован креативным агентством «Планета Болливуд», Индийским культурным центром им. Дж. Неру при посольстве Индии совместно с международным отделом Союза кинематографистов России и PRAKASH SHARMA PRODUCTION в честь векового юбилея индийского кинематографа. В программу фестиваля вошло также несколько знаменитых кинолент индийского и совместного советско-индийского производства, созданных во второй половине прошлого века. Гости праздника получили возможность вновь увидеть любимые фильмы на большом экране московского Дома кино.

Среди них был и легендарный «Бродяга» («Awara»), снятый в 1951 году классиком индийского кинематографа Раджем Капуром (Raj Kapoor, 1924—1988). Любовь русских зрителей к фильмам из далёкой Индии началась

именно с лирической и драматичной истории бродяги, которая впервые была представлена в Москве на Фестивале индийского кино в 1954 году. В СССР «Бродягу» ждал ошеломляющий успех: за первый год проката его посмотрели 64 миллиона человек. Переведенные на русский язык песни из фильма зрители распевали наизусть, а во время визитов Раджа Капура в Советский Союз его были готовы буквально носить на руках. Как рассказывает Рандхир Капур, старший сын Раджа и продолжатель знаменитой кинематографической династии, отец был поражён тем успехом, который «Бродяга» и другие его картины имели в СССР. Рандхир объясняет этот феномен тем, что Радж Капур воплощал образы простых героев, которые были близки советским людям своей эмоциональностью и искренностью.

Но когда пересматриваешь «Бродягу» сейчас, спустя десятилетия, не покидает ощущение, что секрет успеха индийского кино в России не так прост и однозначен. Конечно, с одной стороны, «Бродяга» был для советских зрителей сказкой о прекрасной стране с экзотической природой, красивыми обаятельными людьми, роскошными интерьерами и чарующей музыкой. С другой стороны, это универ-

сальная, вечная история о добре и зле, любви и ненависти, верности и предательстве, которая понятна во всех странах и во все времена.

И вместе с тем кажется, что для людей, только что похоронивших диктатора и ещё не дождавшихся «оттепели», всё происходившее на экране должно было наполняться очень личным и обыденным смыслом. Ведь за стенами кинотеатра была жизнь, в которой ты мог быть осуждён только из-за своего «неудачного» происхождения, приговоры выносили, мягко говоря, предвзятые судьи, и маленькому человеку трудно было надеяться на справедливость и закон. Совсем как в жизни бродяги Раджа. И сколько советских женщин, плакавших в темноте кинозала над его судьбой, обещали ждать своих любимых из тюрем и лагерей так же, как красавица Рита.

И эта традиция глубинной жизненной правды, умения сказать доступным языком о самом главном и насущном сохраняется в индийском кино на протяжении всей его столетней истории, непостижимым образом сочетаясь с театральностью, экспрессивностью, зрелищностью. Поэтому и раджа Харишчандра, достойно решающий сложные этические вопросы, и бродяга Радж, пытающийся изменить себя и свою судьбу вопреки обстоятельствам, и другие герои лучших индийских фильмов, каждый в своё время, заставляли зрителей сопереживать, дарили надежду и, может быть, помогали им стать человечнее.

Е. А. Белов,
О. И. Святецкая,
Т. Л. Шаумян

РОССИЯ И ТИБЕТ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Российская дипломатическая история, казалось бы, детально изученная, всё ещё таит в себе страницы, которые, хотя и достаточно хорошо известны, являются предметом дискуссий и споров как отечественных, так и зарубежных исследователей. Одна из таких страниц, связанная с событиями почти столетней давности, касается отношений между Россией и Тибетом, русским царем и светским и духовным лидером Тибета — Далай-ламой.

Расположенный в самом центре Азии, на стыке границ крупнейших азиатских держав, труднодоступный, окруженный ореолом таинственности, Тибет в течение веков был «запретным» для посещения иностранцев. Изоляцию Тибета от внешнего мира всячески культивировали маньчжурские власти Китая, которые относились к нему как к вассальному государству в составе империи. Здесь сохранялось уникальное государственное устройство: его основу составляло политическое, экономическое и идеологическое господство ламаистской церкви. Религиозный глава —

Далай-лама (живое божество) — был одновременно и светским правителем Тибета. Ламаистские монастыри — их насчитывалось более трех тысяч и 100—200 тысяч лам — традиционно являлись политическими, религиозными и экономическими центрами, вокруг которых возникали города.

В столице Тибета, Лхасе, кроме правительственных учреждений находится и знаменитый дворец Потала — грандиозное сооружение из красного кирпича с золоченой крышей, резиденция Далай-ламы. На поклонение ему и тибетским святыням стекались паломники не только из соседних Индии, Китая, Непала, Сиккима, Бутана, Монголии, но и России (из Забайкалья и калмыцких степей). Это обстоятельство широко использовали правители Великобритании и России, которые мотивировали свой интерес к тибетским делам необходимостью проявлять заботу о своих подданных-буддистах, пытаясь отвлечь внимание от других, возможно, более важных причин своего интереса к Тибету, и в первую очередь —

его выгодного стратегического положения в самом сердце Центральной Азии.

Повышенный интерес к Тибету во второй половине XIX в. — начале XX в. британские колониальные власти Индии объясняли стремлением всячески оберегать эту «жемчужину британской короны» от внешних посягательств, в первую очередь от «интриг» России, которая вела активную наступательную политику в Центральной Азии.

Именно о характере, побудительных мотивах и методах осуществления российской и британской политики в Центральной Азии, в том числе и в отношении Тибета, ведутся споры и сегодня. Действия России и Великобритании рассматриваются как часть так называемой «большой игры» — англо-русского соперничества в этом регионе, которое неизбежно воздействовало и на политику этих двух великих держав в Европе.

По тибетскому вопросу отечественными и зарубежными историками опубликовано большое число работ. Основу изучения этой проблемы в России заложили еще до 1917 г. Н. И. Сувилов и А. Е. Снесарев. Свой вклад в ее изучение внесли и советские исследователи Л. Берлин, А. Попов, В. П. Леонтьев, П. И. Остриков, А. Ф. Остальцева, В. А. Богословский и др. Сборники документов и материалов по тибетскому вопросу в нашей стране отдельно не издавались. В советской многолетней публикации «Международные отношения в эпоху империализма» опубликованы 24 документа, касающиеся Тибета и его отношений с Китаем, Россией и Великобританией.

Немалое внимание тибетской проблеме уделили историки КНР. В 50-х годах они считали, что основным внешним противником, стремившимся захватить Тибет, являлась Великобритания. В отношении же тибетской политики России они избегали таких терми-

нов, как «агрессия». В 60—80-х годах, когда советско-китайские отношения резко ухудшились, китайские историки оценивали политику царской России в отношении Тибета только как агрессивную, а об английской экспансии в Тибете лишь упоминали. В 1988 г. в Пекине был опубликован на китайском языке «Сборник материалов по истории внешних сношений Китайской республики (1911—1919)». Эти материалы не являются архивными, они представляют собой выдержки из китайской прессы 1911—1919 гг. Среди этих материалов есть такой «документ», как «Секретное соглашение Англии и России о китайском Тибете», якобы подписанное представителями правительств Великобритании и России 16 февраля 1913 г. «Документ» взят из газеты «Чжэнфунбао» («Правительственный вестник») от 17 февраля 1913 г., № 281. Согласно этому «Соглашению», Россия будто бы получила право открыть свои «консульства» в пяти городах Тибета и вводить туда свои конвои (с. 131—132). Однако никаких других подтверждений факта подписания подобного документа пока не обнаружено, поэтому есть основания считать, что публикация в китайском «Правительственном вестнике» является фальшивкой.

По тибетскому вопросу имеется обширная англоязычная литература. В 1904, 1905 и 1910 гг. правительство Великобритании опубликовало документы британского Министерства иностранных дел и Министерства по делам Индии в специальных сборниках («Документы, относящиеся к Тибету» и «Дополнительные документы, относящиеся к Тибету»). В них содержится переписка между руководителями британского внешнеполитического ведомства в Лондоне и британскими колониальными властями Индии относительно общих направлений и конкретного осуществления политики Великобритании в Центральной

Азии и Тибете. Эти документы, а также донесения английских дипломатических представителей из Петербурга и Пекина дают представление о характере британской политики в отношении Тибета, о взаимодействии Великобритании и Китая по вопросам, связанным с Тибетом, а также об англо-русском соперничестве в Азии.

Из важных источников для изучения места Тибета в международных отношениях начала XX в. следует особо отметить мемуары и записки британских военных, политиков и путешественников, которые по разным причинам оказались вовлечены в тибетские события. Среди этих работ выделяются публикации непосредственных участников британской вооруженной экспедиции в Тибет 1903—1904 гг. Ф. Янгхазбенда — «Индия и Тибет» и А. Уодделя — «Лхаса и ее тайны»¹. Интересные наблюдения содержатся в работах британского политического резидента в Сиккиме Чарльза Белля («Тибет: прошлое и настоящее», «Народ Тибета» и др.⁸), принимавшего непосредственное участие в официальных и неофициальных переговорах между представителями Англии, Тибета и Китая относительно судьбы Тибета.

Для английской историографии характерна точка зрения, сводящаяся к признанию сюзеренитета Китая в Тибете, осуществление которого на практике зависело от могущества или слабости сюзерена — Китая. Именно это обстоятельство широко использовалось для оправдания политики британских колониальных властей в отношении Тибета, так как, по их мнению, слабость Китая как сюзерена Тибета открывала возможности для захвата его Россией, что, в свою очередь, создавало угрозу безопасности индийских границ. При оценке статей о Тибете в Конвенции между Россией и Великобританией по делам Персии,

Афганистана и Тибета от 18/31 августа 1907 г. британские авторы акцентируют внимание на отказе России от дальнейшего вмешательства в тибетские дела, благоприятном с точки зрения обеспечения безопасности Британской Индии.

Новая волна интереса западных авторов к тибетским делам приходится на начало 50-х годов, когда Тибет был присоединен к Китаю, и особенно после событий 1959 г., в результате которых Далай-лама и десятки тысяч тибетских беженцев оказались в эмиграции в Индии, гималайских государствах и на Западе. Рассматривая проблему исторического статуса Тибета и правомерность действий новых пекинских властей, авторы работ неизбежно возвращались к событиям начала XX в., в том числе и к контактам между Лхасой и Петербургом.

Среди этих работ следует выделить «Тибет и его история» Х. Ричардсона, «Со штыками на Лхасу» П. Флеминга и в особенности работы А. Лэмба «Англия и Китайская Центральная Азия», «Линия Макмагона: Исследование отношений между Индией, Китаем и Тибетом» и «Тибет, Китай и Индия. 1914—1950»¹⁰. Западная, главным образом английская, историография признает именно сюзеренные, а не суверенные права Китая в Тибете и при-

держивается точки зрения, что в течение длительных периодов в истории отношений между Тибетом и Китаем этот сюзеренитет носил номинальный характер и что после 1912 г. Тибет может рассматриваться как независимое государство. Такой вывод содержится в материалах Международной комиссии юристов, расследовавшей положение в Тибете после 1959 г.

Аналогичной точки зрения придерживается и большинство индийских ученых, занимающихся проблемами Тибета и Гималайского региона. В их исторических исследованиях, базирующихся главным образом на архивных материалах британского внешнеполитического ведомства, также уделяется внимание российско-тибетским отношениям и реакции британских колониальных властей во главе с лордом Керзоном на тибетскую политику России. Это относится к опубликованной в 1977 г. работе Сучиты Гхош «Тибет в китайско-индийских отношениях 1899—1914»¹¹ и труду Видья Нанда «Британская Индия и Тибет».

В последние годы, в особенности после кардинального изменения геополитической ситуации в Центральной Азии в результате распада Советского Союза, интерес к этому региону резко возрос. Это коснулось и Тибета. В 1993 г. Джон Снеллинг опубликовал исследование «Буддизм в России» с подзаголовком «История Агвана Доржиева, лхасского эмиссара к царю»¹³. Специальный раздел о Тибете имеется и в опубликованной в 1990 г. и получившей широкую известность монографии Питера Хопкирка «Большая игра: О деятельности секретных служб на вершинах Азии»¹⁴. Создается впечатление, что авторы указанных крупных исследований так и не пришли к определенному выводу о том, кем же был Агван Доржиев на самом деле, каков был характер его миссий к русскому царю и, наконец,

какую роль играл Тибет во внешней политике России.

Отечественные и зарубежные исследователи имеют различные точки зрения по тем или иным аспектам истории тибетского вопроса. Однако практически всем им присуща одна общая черта: они не отрицают англо-русского соперничества в начале XX в. в отношении Тибета.

* * *

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) хранятся уникальные документы, которые проливают свет на характер российской политики в Тибете. Часть этих документов использовалась историками, однако всё дело в их интерпретации, да и тщательная работа в Архиве всегда дает возможность найти что-то новое, какой-то документ, который может изменить уже, казалось бы, устоявшиеся представления.

Материалы российского архива приоткрывают завесу над деятельностью одной из таинственных фигур, способствовавшей российско-тибетским связям, — бурята Агвана Доржиева, который, начав с паломничества к тибетским святыням, добился высочайшего доверия тибетского Первосвященника, стал его личным посланником, возглавившим тибетские миссии в Россию в 1898, 1900 и 1901 гг. Эти поездки вызвали бурную реакцию вице-короля Индии, лорда Керзона, увидевшего в них непосредственную угрозу безопасности индийских владений британской короны. Ответом стала британская военная экспедиция в Тибет 1903—1904 гг., когда фактически безоружные тибетцы вынуждены были противостоять хорошо оснащенной британской армии.

Забегая вперед, хотелось бы напомнить, что в процессе англо-русских переговоров о

разделе сфер влияния в Азии именно тибетский вопрос стал тем «пробным камнем», который дал возможность выявить намерения и интересы обеих сторон и наметил пути к достижению договоренностей о Персии и Афганистане. Отказавшись на взаимной основе от вмешательства в тибетские дела и подписав Соглашение 1907 г., Англия и Россия открыли путь Китаю, который не замедлил воспользоваться благоприятной ситуацией и предпринял вооруженные действия для восстановления своего господства над Тибетом. Однако Синьхайская революция 1911 г. нарушила все планы маньчжурских властей. Правда, укрепить свои позиции в Тибете новым республиканским властям так и не удалось, и китайская армия бесславно покинула его пределы. Далай-лама провозгласил независимость своей страны, однако утвердить ее и добиться ее признания внешним миром он не смог. Не решила судьбу Тибета и специальная англо-тибето-китайская конференция в Симле в 1913—1914 гг., вокруг созыва которой развернулась активная дипломатическая борьба.

В данном сборнике представлены материалы Архива внешней политики Российской империи, отобранные из многих сотен писем, телеграмм, докладных записок, донесений официальных представителей и тайных агентов и др., хранящихся в следующих фондах: Китайский стол, дела 85, 1448, 1453, 1454, 1455, 1456, 1458, 1480 и 1481; Трактаты, 1907 г., дело 363/340; Миссия в Пекине, дела 341, 364, 402, 409, 410, 412; Среднеазиатский стол, дело 960; Справочники, 1907, дело 13.

Всего для включения в сборник было отобрано 122 документа, из них 115 публикуются впервые. Составители сборника сочли необходимым включить два документа (№ 120 и 121), которые были опубликованы в серии

«Международные отношения в эпоху империализма», а также текст «Соглашения, касающегося Тибета» (док. № 66), которое является составной частью Конвенции между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета от 18/31 августа 1907 г., с приложением к Соглашению еще трех документов (№ 67—69). Эти четыре важных документа о Тибете уже не раз публиковались в отечественных изданиях. В сборнике приводится и «Записка подполковника Генерального штаба Хитрово о Далай-ламе и его деятельности 1906 года» (док. № 65), представляющая большой интерес для исследователей истории России, Тибета, Монголии, Китая, Англии и Индии. Записка эта была опубликована в журнале «Восток» (1996, № 4).

Собранные документы можно было бы классифицировать по целому ряду признаков. Прежде всего, по их авторству и адресату, которому они были направлены. Здесь мы встречаем всеподданнейшие записки, которые направлялись Николаю II министрами иностранных дел России В. Н. Ламздорфом и А. П. Извольским, что само по себе говорит об интересе к тибетским делам на самом высоком уровне. Приводятся собственноручные послания Далай-ламы на имя русского царя с просьбами взять Тибет под свое покровительство, а также письма и докладные записки Агвана Доржиева — чрезвычайного посланника и доверенного лица Далай-ламы. В сборник вошли материалы переписки министров иностранных дел России, Англии и Китая, послов этих государств, российских консульских чиновников в Индии, Китае, Монголии и Англии с Министерством иностранных дел, докладные записки высокопоставленных российских чиновников о ситуации в Тибете и вокруг него.

Хронологические рамки сборника охватывают период с 1900 г., т. е. с момента при-

бытия в Россию тибетских миссий во главе с Агваном Доржиевым, и до 3 июля 1914 г., когда практически безуспешно закончилась Симлская конференция, а Европа стояла в буквальном смысле слова на пороге Первой мировой войны.

Документы касаются ключевых моментов этого периода: попыток активизации контактов между Россией и Тибетом; реакции на это вице-короля Индии лорда Керзона, ответившего вооруженным вторжением британской армии на территорию Тибета, захватом Лхасы и подписанием выгодной англичанам Лхасской конвенции 1904 г.; бегства Далай-ламы в Монголию и интриг вокруг возможного переезда его в пределы России в ответ на притеснения со стороны китайских властей. Важным этапом явилось начало англо-русских переговоров по европейским делам, которые непосредственно затронули и Тибет, в результате чего Россия и Англия обязались воздерживаться от вмешательства в тибетские дела, чем не замедлил воспользоваться Китай, вторгшись в Тибет и на короткое время восстановив там свое господство. Однако Синьхайская революция 1911 г. изменила обстановку, и, несмотря на то что новые власти объявили Тибет, Монголию и Восточный Туркестан частями Китая, к 1913 г. стало ясно, что китайцы не в состоянии справиться с тибетскими проблемами, а беспокойство за безопасность границ Индии привело к инициативе созыва трехсторонней — с участием Тибета — конференции в Симле для окончательного решения его судьбы. Последний документ сборника — сообщение из Пекина о заверении китайского правительства в том, что у него нет никаких агрессивных замыслов в отношении Тибета, датированное 3 июля 1914 г. Как известно, меньше чем через месяц после этого — 19 июля / 1 августа 1914 г. — Германия объявила войну России.

Началась Первая мировая война. Естественно, что для всех заинтересованных держав тибетские дела отошли на второй план.

Для того чтобы представить себе реальную ценность публикуемых документов, необходимо сделать хотя бы краткий обзор основных событий, связанных с политикой Китая, Великобритании и России в отношении Тибета к началу XX в.

Прямые, непосредственные отношения между тибетским самостоятельным государством и Китаем были установлены еще в VII в., а в период правления маньчжурской Цинской династии (1644—1911) контакты между правителями двух государств стали более тесными. Маньчжуры исходили из стратегически важного географического положения Тибета и его огромного религиозного влияния и авторитета, которые могли быть использованы в борьбе против их соперников — монголов. В дальнейшем, когда в Тибете началась междоусобная борьба и одна из враждующих группировок обратилась за помощью к соперникам Цинов — джунгарским вождям, китайские власти направили в Тибет две военные экспедиции (1718—1719 и 1720 гг.), в результате чего Лхаса была захвачена китайскими войсками, которые осуществили административные реформы и оставили там военный гарнизон численностью около трех тысяч солдат. Одновременно в Лхасу были направлены два высокопоставленных китайских чиновника в качестве политических резидентов — амбаней.

К середине XVIII в. власть китайских амбаней значительно укрепилась. К 1757 г. относится восстановление института регентов при малолетних далай-ламах, причем с самого начала регенты находились целиком под влия-

янием китайских амбаней. Как писал один из участников британской вооруженной миссии в Тибет 1903—1904 гг. А. Уоддель, амбани, «стоя за трон, держали все пружины, они были настоящей двигательной силой государственной машины, скрываясь за фигурой временного регента; амбани регулировали даже избрание новых далай-лам и вряд ли были далеки от старинной политики убийств, возродившейся с новой силой».

Продолжая политику полной изоляции Тибета от вмешательства извне, китайское правительство при Далай-ламе X (1816—1837) издало декрет, согласно которому тибетским властям запрещалось иметь какие бы то ни было сношения с иностранцами. В 1846 г. миссионеру Хуку было передано распоряжение китайского императора, в котором говорилось: «Ни один монгол, индостанец (индус), патанец или ференги (европеец) не должен быть допущен в Тибет».

Общий кризис маньчжурской империи во второй половине XIX в., подписание ряда англо-китайских конвенций, поражение Китая в японо-китайской войне 1894—1895 гг., восстание ихэтуаней 1899—1901 гг. и последовавшая за ним иностранная интервенция — всё это не могло не отразиться и на китайско-тибетских отношениях. Оставаясь формально сюзереном Тибета, Китай всё больше и больше утрачивал там свое влияние, так что власть постепенно забирали в свои руки Далай-лама и его приближенные.

В 1876 г. Далай-ламой XIII стал Тубдан Чжамцо. С раннего возраста его обучали грамоте, затем он получил высшее богословское образование. Для изучения тибетской философии к Далай-ламе обычно приглашали по одному ученому от каждой из семи академий трёх крупнейших монастырей Тибета — Сэра, Брайбун и Галдан. От монастыря Брайбун к

Далай-ламе XIII был назначен Хамбо Агван Доржиев, забайкальский бурят российского происхождения, одно из главных действующих лиц российско-тибетской эпопеи начала XX в.

Важное стратегическое положение Тибета — высочайшего в мире плоскогорья, расположенного в самом центре Азии, его влияние в качестве мирового центра буддизма усиливали интерес к Тибету со стороны таких держав, как Англия и Россия, а ослабление влияния Китая создавало для их проникновения в эту запретную страну благоприятные условия.

* * *

Как известно, британские владения в Индии были отделены от Китая Бутаном, Сиккимом, Непалом и Тибетом. Торговые и религиозные отношения между Тибетом и британскими колониями в Индии существовали еще с XVII в. — англичане были заинтересованы в развитии двусторонней торговли, а наличие в Британской Индии многочисленных буддистов побуждало английские колониальные власти к установлению прочных связей с Лхасой, что, в свою очередь, способствовало бы и укреплению авторитета и влияния англичан в самой Индии. В развитии контактов с Тибетом была заинтересована и Ост-Индская компания, рассчитывавшая не только на поставки золота и серебра из Тибета, но и на возможность использования его территории для проникновения во внутренние районы Китая. Англичане неоднократно предпринимали попытки проникновения в Лхасу, переодеваясь бутанскими или монгольскими паломниками и даже меняя цвет кожи и разрез глаз, однако китайские амбани и послушные им регенты неуклонно пресекали их поползновения.

С середины XIX в. действия англичан стали принимать всё более планомерный характер. Они постепенно присоединяли отдельные участки гималайских княжеств Сиккима и Бутана. По англо-бутанскому договору 1865 г. все вопросы внешних сношений Бутана были переданы в руки англичан. Заметим, что и Сикким, и Бутан традиционно находились в сфере влияния китайского и тибетского правительств и в этническом и религиозном отношении были тесно связаны с Тибетом.

Важным этапом в укреплении позиций англо-индийских властей в Гималаях стало подписание 17 марта 1890 г. конвенции между Англией и Китаем, согласно которой над Сиккимом был установлен британский протекторат и определялась граница между Сиккимом и Тибетом. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на переговоры 1890 г., казалось бы, непосредственно затрагивавшие интересы Тибета, ни один тибетский представитель приглашен не был. Текст конвенции подписали китайский амбань в Тибете и вице-король Индии. Впоследствии это обстоятельство наложило свой отпечаток на отношения между Англией, Тибетом и Китаем.

В 1893 г. в дополнение к конвенции 1890 г. были подписаны англо-китайские «Дарджилингские правила о торговле, связях и пастбищах», в которых оговаривались права и привилегии англичан на тибетских рынках, открытие британского торгового центра в Ятунге и др.

В последующие годы лондонский кабинет, заинтересованный в дальнейшем укреплении своих позиций в Гималаях, неоднократно запрашивал англо-индийские власти о ходе выполнения условий конвенции 1890 г. и Правил 1893 г. Однако осуществление их оказалось практически невозможным из-за отказа тибетцев считать их для себя обязательными на

том основании, что они не подписывали эти документы.

Это затронуло, в частности, и вопрос о демаркации сиккимо-тибетской границы, открытие британского рынка в Ятунге и др.

В 1898 г. вице-королем Индии становится лорд Керзон. Известно, что английское правительство лишь в самых общих чертах определяло политику Великобритании в Центральной Азии. Конкретное же ее осуществление находилось в руках вице-короля Индии. Нет ничего удивительного в том, что в конце XIX в. — начале XX в. азиатская политика Великобритании отражала политические воззрения наиболее активных экспансионистских кругов английского правящего истеблишмента, достойным представителем которого являлся лорд Керзон.

Основной задачей на посту вице-короля Индии Керзон считал дальнейшее расширение и укрепление британских владений в Индии.

Воспользовавшись проникновением России в Центральную Азию, именно Керзон выдвинул теорию, согласно которой главной целью России являлось завоевание Индии, а Центральная Азия — лишь плацдарм для нападения на эту британскую колонию.

Как известно, русские владения в Азии нигде непосредственно не соприкасаются с Индией — их разделяют Синьцзян и Тибет. Поэтому Керзон крайне настороженно относился к успехам русской политики в Синьцзяне, а затем и к стремлению распространить русское влияние в Тибете. С еще большей активностью он пытается вступить в прямые контакты с тибетскими властями, направляет письма Далай-ламе, которые возвращаются нераспечатанными. Такая недоброжелательная реакция тибетских властей лишь подливает масла в огонь, тем более в свете

сообщений британских агентов, а позднее и русской печати о том, что Далай-лама через специальные тибетские миссии направлял собственноручные письма русскому царю. Последней каплей, переполнившей чашу терпения лорда Керзона, стала небольшая заметка, опубликованная в октябре 1900 г. в русской правительственной газете «*Journal de Saint Petersburg*», в которой сообщалось, что император Николай II принял 30 сентября 1900 г. во дворце Ливадии Лхарамбо Агвана Доржиева, первого цанит-хамбо при особе тибетского Далай-ламы.

Таким образом, англичане, оправдывавшие расширение своей экспансии в Центральной Азии необходимостью обороны индийских границ, столкнулись с интересами России, которая также стремилась к укреплению своих центральноазиатских владений. В результате отношения англо-индийских колониальных властей с пограничными сопредельными территориями вышли далеко за рамки локальных пограничных конфликтов и определялись условиями так называемой «большой игры» — англо-русского соперничества в Центральной Азии, которое непосредственно затронуло и европейские интересы обеих держав.

По версии англичан, Англия лишь обороняла свои индийские владения, а Россия, захватывая одну область Центральной Азии за другой, стремилась присоединить к своим владениям и «жемчужину британской короны» — Индию. Эта точка зрения по меньшей мере спорна. Похоже, что и Россия, и Англия вели наступательную политику из стратегических соображений, в интересах развития торговли, приобретения новых источников сырья и рынков сбыта и пр. И именно в Центральной Азии столкнулись два этих встречных потока экспансии.

* * *

Попытаемся разобраться в том, каковы были истинные причины интереса России к Тибету и его светскому и духовному правителю, Далай-ламе. Ведь уже сам приезд тибетской миссии в Россию и прием ее в сентябре 1900 г. Николаем II продемонстрировали заинтересованность русских придворных кругов в установлении контактов с Лхасой.

Само собой разумеется, что непосредственных стратегических интересов у России в Тибете быть не могло хотя бы потому, что ближайший пункт русской территории был расположен на расстоянии более полутора тысяч километров от Лхасы. Правда, еще при Екатерине II русские купцы небезуспешно пытались проникнуть на тибетские рынки, участвовали в ежегодных ярмарках в Гартоке.

В России проживало около 160 тыс. бурят и около 200 тыс. калмыков, исповедовавших ламаизм. Их религиозные общины поддерживали постоянные отношения с Лхасой, они совершали паломничества в Тибет. Еще в 1741 г. лама Дамба Доржи Заяев из Цогольского дацана Забайкалья отправился в Тибет, а возвратившись на родину, добился от императрицы Екатерины II утверждения «Положения о буддийском духовенстве Восточной Сибири». Впоследствии его дневники и записки калмыка База Монкочжуева, посетившего Тибет в 1891—1894 гг., были опубликованы с переводом и примечаниями проф. А. Позднеева.

Понятно, что в интересах укрепления своей власти в Сибири и Забайкалье, а также в целях усиления влияния в Монголии царскому правительству было выгодно демонстрировать свою «заботу» о буддистах, помогая им осуществлять связи с Тибетом. Многие молодые буряты проходили курс обучения в тибетских монастырях, что придавало им больший вес на родине. Тибетские власти относились к

ним как к иностранцам, поэтому буряты были вынуждены находиться на нелегальном положении, выдавая себя за сиккимских, монгольских или непальских паломников, что, безусловно, давало повод русским властям проявлять активность в отношении Тибета, объясняя это необходимостью защищать интересы своих подданных-буддистов.

Русские путешественники (а часто по совместительству и разведчики из Генерального штаба) сыграли важную роль в изучении Центральной Азии и Тибета. Достаточно назвать такие имена, как Н. М. Пржевальский, Г. Н. Потанин, братья Грум-Гржимайло, М. В. Певцов, В. А. Обручев, В. И. Роборовский и др. Особое место занимают член императорского Русского географического общества П. К. Козлов и выпускник Восточного факультета Петербургского университета, а затем профессор Восточного института во Владивостоке бурят по происхождению Г. Цыбиков. Оба оставили записки путешественников, содержащие уникальную информацию о Тибете, его жителях и о Далай-ламе.

Справедливости ради следует заметить, что отдельные в целом довольно редкие поездки паломников и путешественников из России в Тибет и торговые интересы едва ли могли явиться достаточно серьезным поводом для активизации русско-тибетских связей. Подлинные причины их установления следует искать, исследуя особенности и основные направления восточной политики русского царизма. Бурное экономическое развитие России со второй половины XIX в. требовало новых рынков сбыта и источников сырья, новых сфер приложения капитала. Русская буржуазия стремилась всё дальше и дальше на Восток. Во второй половине XIX в. различными путями Средняя Азия была присоединена к России, которая, таким образом, подошла

вплотную к границам Персии, Афганистана и Индии. На рубеже XIX—XX вв. в сферу российских военно-политических и экономических интересов постепенно вовлекались районы Сибири, Дальний Восток и Тихоокеанское побережье. К 1891—1893 гг. относится начало строительства Сибирской железнодорожной магистрали, которая должна была связать Европу с Тихоокеанским побережьем.

В 1892 г. министром финансов становится С. Ю. Витте, который стремился использовать всю мощь царизма для экономического освоения Дальнего Востока. По его инициативе в 1895 г. был создан Русско-китайский банк, который возглавил князь Э. Э. Ухтомский, один из активных проводников наступательной политики на Дальнем Востоке.

Нельзя не вспомнить и еще об одной личности, оказавшей особое влияние на формирование этой политики, — тибетском враче П. А. Бадмаеве, буряте по происхождению, выпускнике Восточного факультета Петербургского университета. Параллельно с изготовлением «чудодейственных» лечебных средств, пользовавшихся большим спросом при дворе, Бадмаев занимался крупными концессионными предприятиями. Как отмечает во вступительной статье к сборнику документов «За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева» В. П. Семенников, тибетский врач едва ли «принадлежал к числу людей, способных самостоятельно разбираться в сложных вопросах политики» — «весь ум Бадмаева, вся его энергия направлены были в сторону различных афер».

В связи со строительством Сибирской магистрали у Бадмаева возник план, конечной целью которого было присоединение к России Китая, Тибета и Монголии. По совету «свыше» он поставил вопрос о постройке ветки железной дороги к г. Ланьчжоу, который

являлся ключом к Тибету и Синьцзяну. Свой фантастический план Бадмаев основывал на предположении, что маньчжурская династия в скором времени падет, а Россия не должна упустить момент, чтобы опередить западные державы, — подготовить восстание против маньчжур, свергнуть их и захватить часть Китая, Тибет и Монголию. Хотя С. Ю. Витте имел репутацию сторонника «осторожной» политики, тем не менее правительство выдало Бадмаеву два миллиона рублей золотом для организации в Забайкалье, в Чите, торгового дома «П. А. Бадмаев и К^о», через который и предполагалось вести всю подготовительную работу. Бадмаев рассылал отряды вооруженных бурят и монголов в Монголию, Китай и Тибет. В докладе Николаю II от 3 мая 1896 г. Витте указывал, что «посланные Бадмаевым буряты, хотя открыто именовали себя русскими подданными, проникли в Лхасу и были там очень ласково приняты». В докладе далее говорится: «По своему географическому положению Тибет представляет, с точки зрения интересов России, весьма важное политическое значение. Значение это особенно усиливалось в последнее время — ввиду настоячивых стремлений англичан проникнуть в эту страну и подчинить ее своему политическому и экономическому влиянию. Россия, по моему глубокому убеждению, должна сделать всё от нее зависящее, чтобы противодействовать установлению в Тибете английского влияния»¹⁸. Из этого доклада видно, что Витте не ставил вопроса о присоединении Тибета к России (чего добивался Бадмаев), а лишь стремился противостоять усилению британских позиций в Лхасе.

После подписания в 1896 г. по инициативе С. Ю. Витте контракта на строительство КВЖД предприятие Бадмаева стало мешать планам министра финансов, так как могло обострить

русско-китайские отношения и создать конкуренцию КВЖД. Бадмаев был фактически отстранен от участия в дальневосточных предприятиях Витте.

В начале 1898 г. в российской правящей элите оформляется уже новая группировка — так называемая «безобразовская клика», по имени А. М. Безобразова, дослужившегося впоследствии до должности статс-секретаря Николая II. В неё входили великий князь Александр Михайлович, контр-адмирал Абаза и др. К этой группе примкнул и П. А. Бадмаев.

Безобразовцы с самого начала выступали ярыми противниками Витте и его политики, так как открыто стремились к самой широкой экспансии на Дальнем Востоке под шовинистическими лозунгами.

И те, и другие придавали первостепенное значение «русской миссии» на Дальнем Востоке и распространению влияния России по всей Центральной Азии, а также фактически стремились к разделу Китая, правда, Витте — к разделу сфер банковского капитала, а Безобразов — к прямому разделу его территории. Всё это неизбежно должно было повлечь за собой открытое столкновение с британскими интересами. «Англофобствующий и ярко германофильский» характер безобразовцев оказывал большое влияние на выработку внешнеполитических приоритетов России накануне русско-японской войны.

Если сам факт установления русско-тибетских отношений следует рассматривать как свидетельство активизации дальневосточной политики русского царизма, то его последствия вышли далеко за пределы Дальнего Востока. Географическое положение Тибета, его весьма протяженная общая граница с Британской Индией, активизация английской политики в Гималаях и Тибете на рубеже двух веков определили особое место Тибета

в международных отношениях в первое десятилетие XX в., непосредственно связанное с соперничеством России и Англии в Центральной и Средней Азии.

Международная обстановка, сложившаяся к началу XX в., способствовала активизации российской политики на Дальнем Востоке. 11 октября 1899 г. началась англо-бурская война, возбудившая «аппетиты» всех конкурентов Англии, и в 1899 г. в Китае началось ихэтуаньское восстание, повлекшее за собой иностранную военную интервенцию на территорию страны. Россия воспользовалась ситуацией и ввела свои войска в Маньчжурию, вызвав серьезное недовольство Англии, Японии и США. С. Ю. Витте и министр иностранных дел В. Н. Ламздорф были готовы за определенные уступки со стороны цинского правительства вывести войска, однако безобразовцы всячески этому препятствовали.

К 1900 г. относится второй приезд в Россию тибетской миссии во главе с Агваном Доржиевым. Составители сборника сочли необходимым включить в него текст хранящейся в фонде Китайский стол Архива внешней политики Российской империи автобиографии Агвана Доржиева, датированной 12 июня 1901 г. (док. № 2). Поэтому нет необходимости ее пересказывать. Хотелось бы обратить особое внимание на то, как А. Доржиев использует любую возможность, чтобы рассказывать тибетцам о России, убеждать в необходимости поддерживать с ней дружеские отношения, явно пытаясь настраивать своих собеседников, включая юного Далай-ламу, против Англии. Обладавший выдающимися способностями, Доржиев смог во всех тонкостях постичь духовные ценности ламаизма, овладеть тибетским языком и санскритом. Кроме того, он знал бурятский, монгольский, калмыцкий, маньчжурский и русский языки, изъяснялся на китайском.

Первый приезд А. Доржиева в Россию относится к 1898 г. Однако, как он пишет, первый прием, включая аудиенцию у Николая II, проходил в «сдержанной, недоверчивой» обстановке. Русская дипломатия еще не могла оценить, какую выгоду она сможет получить от близкого общения с Тибетом. Только в кругах, близких к Витте и Ухтомскому, Доржиев и его идея русско-тибетского сближения были встречены благожелательно в расчете на то, что Тибет можно будет использовать как средство для усиления влияния на Дальнем Востоке.

И хотя, судя по автобиографии, Доржиев пытался создать впечатление, что осуществление плана русско-тибетского сближения зависело лишь от желания или нежелания тибетских властей, в действительности же его первая поездка не принесла желаемого результата скорее из-за осторожности русского правительства. В тот период оно опасалось оказаться втянутым в дальневосточные предприятия, грозившие обострением отношений России как с Японией, так и с Англией. Кроме того, в России еще не были уверены в эффективности посредничества Доржиева в деле укрепления русско-тибетских связей. Хотелось бы обратить внимание читателей еще на один документ — письмо Агвана Доржиева министру иностранных дел России В. Н. Ламздорфу от 26 ноября 1901 г., написанное позже, уже после завершения третьей его поездки в Россию. А. Доржиев предстает человеком, готовым верой и правдой служить идее развития связей Тибета с Россией и «ее дальнейшему возвеличению». Он готов и впредь действовать в соответствии с «преднамерениями» российского правительства в деле «установления правильных и близких сношений с Тибетом» (док. № 3).

Итак, начало англо-бурской войны и «боксерского» восстания в Китае создали благо-

приятные условия для активизации тибетской политики России, и в 1900 г. Доржиев вновь отправляется в Петербург, где 30 сентября удостоивается аудиенции у самого Николая II, которому передает собственноручное послание тибетского Первосвященника. Именно сообщение об этом событии в петербургской прессе и вызвало столь бурную реакцию вице-короля Индии. Тем не менее, хотя на этот раз определенный интерес к визиту тибетских гостей и был продемонстрирован, русское правительство, в ответ на прямую просьбу Доржиева, не захотело давать каких-либо письменных обязательств и ограничилось устными заверениями в дружбе и передачей подарков Далай-ламе.

Весной 1901 г. Доржиев вновь отправляется в Россию в составе целой миссии, имея при себе специальные документы — полномочия послам, письма царю, подарки и др. После многочисленных встреч и бесед с видными государственными чиновниками 23 июня 1901 г. тибетские гости были торжественно представлены императору и императрице. В послании Далай-ламы, в частности, говорилось, что «тибетскому государству наносили войну и приносили много вреда иноземцы англичане», поэтому, «сохраняя верноподданнические отношения к Богдыхану и не имея симпатий и поклонностей к враждебным англичанам», он направил специальных послов, «с тем чтобы надлежащим образом установить стезю, по которой русские и тибетцы, соединившись в мире, пришли бы в доброе согласие».

В ответном послании Николай II выразил надежду, что «при дружественном и вполне благосклонном расположении России никакая опасность не будет угрожать Тибету в дальнейшей судьбе его».

Совершенно очевидно, что тибетское посольство имело политический характер и что

Тибет искал защиты у России против англичан, демонстрируя в то же время нежелание ссориться с китайцами. Ясно также и то, что Россия не хотела брать на себя никаких конкретных обязательств и предпринимать антианглийские действия в защиту Тибета, учитывая, по-видимому, усиление русско-японского антагонизма и начало англо-японского сближения.

После завершения переговоров Доржиев пишет цитированное ранее письмо В. Н. Ламздорфу.

Возникает вопрос: кем был Доржиев в действительности — русским агентом или бурятским националистом, для которого проповедь буддийских ценностей и защита интересов ламаистов являлись главной целью жизни? А может быть, столь длительное и плодотворное пребывание в Тибете рядом с Первосвященником пробудило в нём чувство тибетского национализма? Похоже, что на эти вопросы нет однозначного ответа. Миссии Доржиева в Россию явились поводом, которым воспользовался лорд Керзон для организации вооруженной экспедиции в Тибет, оказавшей заметное влияние на его дальнейшую судьбу.

Масла в огонь подливали активно распространявшиеся с начала 1902 г. слухи о существовании тайных договоров России с Китаем и Тибетом относительно будущего этой страны. Приводились даже различные варианты текстов этих договоров, согласно которым, например, Китай уступает все свои интересы в Тибете России и готов к совместным с ней действиям для превращения Тибета в подлинно независимое государство и т. д.

Изучение материалов АВПРИ не дает однозначного документального подтверждения существования договоров, однако приводимые версии отдельных их статей отражают проблемы, действительно бывшие предметом пе-

переговоров между Россией, Китаем и Тибетом. Например, налицо связь между сообщениями английских дипломатических представителей из Петербурга и Пекина о посылке русского чиновника в Тибет и о поездке русских через Пекин в Лхасу и материалами Архива об учреждении русского консульства в Дацзяньлу (см. док. № 15—16). В пунктах о предоставлении России прав на разработку полезных ископаемых, участии в строительстве дорог и др. прослеживаются отголоски деятельности Русско-китайского банка и его филиала в Монголии или попытки руководителя русских горных разработок в Монголии инженера де Грота в ноябре 1902 г. получить у Китая концессию на продолжение Сибирской магистрали до Тибета, в чем китайские власти ему отказали. Однако кажется совершенно невероятным, чтобы Китай мог согласиться на провозглашение независимости Тибета, когда основной целью его сотрудничества с Россией были попытки сохранения целостности Китайской империи.

Что касается англо-индийских властей, то им было выгодно верить в существование договоров. Обстановка вокруг Тибета продолжала накаляться. Британские дипломаты в Петербурге и Пекине пытаются выяснить, что же на самом деле происходит в российско-тибетских отношениях и насколько они могут угрожать интересам британской короны в Индии. Сам Керзон вначале отнесся к сообщениям о Доржиеве скептически и полагал, что для установления русского протектората над Тибетом понадобится не менее десяти лет, поэтому у англичан есть время, чтобы удалить Россию из Тибета. Для этого, по его мнению, необходимо любыми путями — от переписки до применения силы — установить прямые отношения с Далай-ламой. Однако Керзон понимал, что в тот момент ни о каких военных действиях речи быть не могло. В июне 1901 г.

он писал министру по делам Индии Гамильтону: «Для нас было бы безумием перейти Гималаи и оккупировать его (Тибет. — *Авторы*). Но важно, чтобы никто другой его не захватил; и необходимо превратить его в своего рода буфер между Индийской и Российской империями»²¹. Из переписки лорда Керзона с министром по делам Индии по вопросу взаимоотношений с Тибетом видно, что между англо-индийским правительством и лондонским кабинетом существовали серьезные разногласия, которые проявлялись каждый раз, когда какой-либо вопрос внешней политики касался Индии. Так случилось и в вопросе о Тибете. То, чего Керзон не мог добиться путем переговоров, он был готов достичь силой, в то время как лондонское правительство было более осторожным и подходило к международным проблемам с учетом интересов Британской империи в целом. Министр иностранных дел Р. А. Т. Солсбери писал, что Керзон хочет, чтобы он, Солсбери, вел переговоры с Россией так, как будто за его спиной «стоит пятьсот тысяч солдат», а у него их нет.

Тем временем британская дипломатия настойчиво пытается выяснить в Петербурге и Пекине, каковы истинные намерения России в отношении Тибета. Российские чиновники всячески опровергают информацию о том, что «тибетские гости прибыли с какой-то дипломатической миссией». Доржиев, по заявлению Ламздорфа, прибыл, мол, с целью сбора средств для своей религиозной общины у многочисленных буддистов русского происхождения, а Николай II принял его в Ялте лишь с целью узнать некоторые детали о жизни Тибета.

Русский министр подтверждает, что миссия имеет отношение лишь к «религиозным вопросам и не имеет политической или дипломатической цели или характера».

Однако лорд Керзон постепенно меняет свою точку зрения и открыто выражает сомнение в том, что «тибетская миссия в Россию представляет лишь монастыри». В ультимативной форме он требует подписания в Лхасе договора, который гарантировал бы Англии постоянные отношения с Тибетом. Уже упоминавшиеся сообщения о договорах лишь усугубляли худшие подозрения вице-короля Индии и настраивали его на более решительные меры. Правда, представители военного ведомства Великобритании вносили некую трезвую струю в обсуждение русских интриг в Тибете. Так, подполковник В. Р. Робертсон в «Памятной записке о предполагаемом соглашении между Россией и Китаем относительно Тибета» в 1903 г. пишет, что «Россия никогда не перебросит через тибетскую границу столько солдат, сколько она может перебросить через афганскую». Поэтому, как полагал В. Р. Робертсон, угроза Тибету со стороны России — это не намерение захватить там прочные стратегические позиции, а стремление отвлечь внимание Англии от тех районов, где она действительно сосредоточивает свои основные усилия, а именно в Афганистане и Персии.

Хотя лондонский кабинет и военные достаточно трезво оценивали сложившуюся обстановку и понимали, что реальной угрозы со стороны России в Тибете англо-индийские власти могут не опасаться, идея русского проникновения в Тибет, по-видимому, оправдывала планы воинственно настроенных представителей британских колониальных кругов, которые использовали ее как повод для вооруженного вторжения на территорию Тибета. Так, Керзон всё еще хотел «сорвать мелкую игру» России и заявлял: «Без малейшего промедления я пошлю английскую армию в Лхасу»²³.

Это и произошло, несмотря на неоднократные встречи российских и британских дипломатов и протесты России, несмотря на сомнения лондонского кабинета, до последнего момента не уверенного в целесообразности подобных действий, и даже несмотря на то, что уже с начала 1903 г. в Лондоне начались регулярные консультации между русским послом А. К. Бенкендорфом и министром иностранных дел Англии Г. Ленсдоуном относительно возможности подписания соглашения о разделе сфер влияния в Азии.

20 марта 1903 г. министр иностранных дел России в письме послу в Лондоне Бенкендорфу формулирует принципы политики России в отношении Тибета. Он, в частности, пишет: «Императорское Правительство считает безусловно необходимым сохранение статус-кво в Тибете и что потому, если бы нынешние действия англичан в чём бы то ни было нарушили таковое, — Россия не преминет озаботиться ограждением своих интересов, конечно же, не принятием каких-либо непосредственных мер в самом Тибете (отдаленном от нас Англо-Индийскими владениями), а по всем вероятностям в других соответствующих частях Азиатского материка».

И тем не менее англичане продолжали военные приготовления на границе, мотивируя свои действия нежеланием китайских и тибетских властей приступить к обсуждению спорных вопросов, касающихся линии прохождения границы, торговых рынков, использования пастбищ и т. д. Ситуация в пограничном районе продолжала обостряться, а в конце октября — начале ноября 1903 г. планы британского вторжения в Тибет начали непосредственно осуществляться. 6 ноября войскам был дан приказ начать широкое вторжение на тибетскую территорию.

Британской вооруженной миссии в Тибет посвящено не одно серьезное научное исследование как британских и индийских, так и отечественных авторов, поэтому в данной статье нет смысла ее специально рассматривать. Составители сборника включили несколько связанных с этими событиями документов, относящихся к 1903—1904 гг. Это сообщения российских дипломатических представителей в Индии и Китае, переписка российского министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа с послом России в Лондоне, сообщения Агвана Доржиева о жестокостях англичан в Тибете и др. Приводится и секретная телеграмма заместителя на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева посланнику в Пекине П. М. Лессару от 11 декабря 1903 г. с предложением остановить захват Тибета Англией путем воздействия на нее в одном из важных пунктов ее среднеазиатских владений. При этом Алексеев отмечает свое несогласие с высказываемой точкой зрения о том, что вторжение в Тибет «является отголоском занятия нами Маньчжурии» (док. № 13).

В ответ на это послание Лессар пишет Алексееву 17 декабря 1903 г.: «Во время продолжительной службы в Средней Азии я ознакомился с ходом русско-английского соперничества в ней. Это дело многих десятков годов, и, конечно, я не мог желать выразить мнение, что действия Англии в Тибете являются отголоском занятия нами Маньчжурии. Но успехи каждой стороны в этом соперничестве зависят от политической обстановки. Местность к югу от Гималаев была в сфере влияния Англии, и быстрота действий там зависела исключительно от соображений, так сказать, внутреннего характера. Напротив, на Тибет имели притязания как Россия, так и Англия, и для утверждения в нём влияния той или другой необходимо благоприятное стечение об-

стоятельств. Судя по её действиям, Англия, очевидно, считает таковым настоящее положение дел; наши силы отвлечены на Дальний Восток, и общность действий с Китаем для нас невозможна, и, таким образом, предпринятое нами занятие Маньчжурии может иметь решающее влияние на судьбу Тибета и в большей или меньшей степени отозваться на относительном положении обеих держав в Персидском заливе, Сейстане и т. д.»²⁵.

Несмотря на заверения британского министра иностранных дел российскому послу в Лондоне, англо-индийские власти считали, что, укрепившись в Тибете и создав там себе базу, связанную с Индией хорошими путями сообщения, можно будет наладить тесные связи с мусульманами Кашгарии и буддистами Монголии и Сибири, а через Кашгарию можно будет оказывать влияние на мусульман Русского Туркестана.

Таким образом, создается впечатление, что активность Англии в Тибете и России в Маньчжурии зависела от взаимного политического и военного положения: зная о затруднениях Англии в Южной Африке, Россия проводила активную политику на Дальнем Востоке; воспользовавшись неизбежностью русско-японской войны, англичане предприняли экспедицию в Тибет. Разумеется, указанные причины не были единственными, а действия сторон не столь прямолинейны, однако рассматривать связь между событиями в Маньчжурии и Тибете можно лишь в этом плане. Было бы неправомерным считать, что действия одной державы послужили причиной действий другой. И Россия, и Англия ждали лишь повода для осуществления своих давних планов. Ясно также, что все эти события стали свидетельством слабости и симптомом окончательного падения маньчжурской династии в Китае.

Напомним, что в конце 1903 г. — начале 1904 г. в результате подписания антирусского союза с Японией и мира с бурами внешнеполитические позиции Великобритании укрепились, и перед лицом такого противника, как Германия, Лондон ищет возможности примирения и сотрудничества с Россией и Францией.

В ноябре 1903 г. британский король Эдуард в беседе с новым русским послом А. К. Бенкендорфом выражает пожелание об установлении «лучшего взаимопонимания» между британским и русским правительствами по имеющимся спорным вопросам: речь шла о возможности переговоров по вопросам об Афганистане, который, как считал Ленсдоун, России надобно признать находящимся в сфере британского влияния; Тибет также должен был оставаться сферой влияния Англии, и России не следовало посылать туда своих представителей.

Предметом обсуждения должно было также стать положение в Маньчжурии и Персии. Однако начавшаяся в ночь с 8 на 9 февраля 1904 г. русско-японская война прервала переговоры между Англией и Россией, а поражения русской армии как на суше, так и на море дали возможность англичанам впредь смотреть на тибетский вопрос как на связанный лишь с интересами безопасности индийских границ, без учета русского фактора. Английское вторжение в Тибет продолжалось.

Некоторые новые нюансы появились в тибетских делах в связи с подписанием в 1904 г. англо-французского соглашения, отдельные статьи которого требовали поддержки России. Российская дипломатия не отказала себе в удовольствии заявить, что поддержит их лишь в случае получения от Англии гарантии на поддержание статус-кво в Тибете. Русское правительство опасалось, что Россия «даром окажет им (англичанам) услугу, не выговоривши

себе чего-либо существенного». Французский посол в Петербурге Бомпар в беседе со своим британским коллегой Спринг-Райсом выразил мнение, что русское правительство придает важное значение вопросу о Тибете, и если обе стороны действительно хотят налаживания отношений, то тибетский вопрос может стать для этого исходным пунктом. Он отметил также, что беспокойство России в отношении Тибета совершенно естественно, так как Лхаса является религиозным центром монгол, бурят и калмыков и захватившая Тибет иностранная держава сможет оказывать влияние на все буддийское население России. Поэтому, по мнению Бомпара, ни Англия, ни Россия не должны занимать преобладающее положение в Лхасе, и этот «неблагоприятный вопрос», являющийся препятствием для достижения лучшего взаимопонимания между странами, должен быть немедленно разрешен.

В результате длительных переговоров и консультаций между Ленсдоуном, Бенкендорфом и Спринг-Райсом стороны достигли компромисса: Россия не возражает против отдельных статей англо-французского документа, а правительство Великобритании «заявляет самым категорическим образом, что до тех пор, пока какая-либо другая держава не вздумает вмешаться в дела Тибета, оно не сделает даже попытки аннексировать Тибет или установить над ним свой протекторат или взять под контроль его внутреннее управление».

Переговоры и переписка между представителями Англии и России по проблемам, затрагивавшим интересы обеих сторон, еще раз продемонстрировали, что тибетский вопрос нельзя рассматривать в отрыве от всего комплекса англо-русских отношений.

4 августа 1904 г. английские войска вступили в столицу Тибета Лхасу. Однако Далай-ла-

му они там уже не застали, так как перед вторжением английских войск, 26 июля 1904 г., не надеясь на помощь своего сюзерена — Китая и рассчитывая на поддержку «белого царя», вместе с Агваном Доржиевым, двумя приближенными, врачом и восемью слугами он бежал из Тибета в сторону Монголии. 7 сентября 1904 г. в Лхасе было подписано англо-тибетское соглашение, или Лхаская конвенция 1904 г. Ее текст неоднократно публиковался, поэтому нет необходимости его пересказывать. Русское правительство отнеслось к нему как к «нарушению принятых на себя Англией обязательств не оккупировать тибетской территории и не вмешиваться во внутреннее управление страной».

Советник российского посла в Лондоне С. Д. Сазонов (будущий министр иностранных дел) имел по этому поводу беседу с Г. Ленсдоуном, который утверждал, что у русского правительства нет никаких оснований для беспокойства, так как речь идет лишь о временном занятии территории, находящейся далеко от центра Тибета (долина Чумби), и просил заверить русское правительство в том, что Англия «не намерена изыскивать поводы к уклонению от принятых на себя обязательств» и что в новых договорных отношениях касательно Тибета Англия «останется верной духу данных России обещаний». Эту же проблему затрагивает и секретная телеграмма министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа от 25 июля 1905 г. послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу с указанием ему объяснить с Г. Ленсдоуном по поводу дальнейшего продвижения англичан вглубь Тибета, что противоречит их заявлению о том, что Англия не ищет здесь для себя никаких привилегий (док. № 22).

Как бы Россия ни была обеспокоена происходившими событиями, она ничем не могла помочь ни Тибету, ни Китаю: она сама нахо-

дилась в крайне тяжелом положении, так как наряду с поражением в войне с Японией назревали революционные события 1905 г.

Период пребывания Далай-ламы в Монголии — особая страница в истории русско-тибетских отношений. Русская дипломатия была поставлена перед необходимостью адекватно реагировать на то обстоятельство, что тибетский Первосвященник оказался в непосредственной близости к границам Российской империи. 6 ноября русский посланник в Пекине П. М. Лессар самым подробным образом характеризует сложившуюся обстановку и высказывает свои соображения по поводу того, как должна вести себя русская дипломатия в данной ситуации. В сборнике приводится текст этого документа. Смысл его сводится к необходимости занять выжидательную позицию, относясь к Далай-ламе со всем уважением, которого заслуживает глава буддийской религии. Изменение же к нему отношения может последовать лишь с переменами на русско-японском фронте. Таким образом, русская дипломатия не хотела проявлять активности, но сохраняла за собой возможность в будущем, в случае необходимости, воспользоваться услугами тибетского Первосвященника.

Помочь же ему Россия была готова только при самых крайних обстоятельствах — если его жизни будет угрожать опасность, которая могла исходить со стороны Пекина. Цинское правительство крайне негативно отнеслось к бегству Далай-ламы из Тибета. На первых порах оно даже хотело лишить его сана Первосвященника всех ламаистов и навсегда запретить ему возвращение в Тибет. Однако, видя, что Далай-лама находится в Монголии под опекой царской дипломатии и разведки, цинский двор меняет тактику поведения по отношению к тибетскому иерарху. К нему в Монголию едут высокопоставленные цинские

чиновники, которые привозят ему деньги от императора Гуансюя и вдовствующей императрицы

Цыси и уговаривают его покинуть Ургу и выехать на временное жительство в г. Синин (ныне административный центр провинции Цинхай). Цины приказывают амбаню Синина Янь Чжи выехать в Ургу и попытаться вывезти оттуда Далай-ламу. Последний категорически отказывается ехать в Синин. Цинское правительство не теряет надежды, что Янь Чжи уговорит ламаистского Первосвященника переехать в Синин, поэтому он назначает Янь Чжи амбанем в Урге. П. М. Лессар считал, что переезд Далай-ламы в Синин «будет заточением» тибетского иерарха (док. № 25). Он вел переговоры с китайским Вайубу (министерством иностранных дел) и добился его согласия на то, чтобы по крайней мере до весны Далай-лама оставался в Монголии.

Бурятское духовенство и некоторые крупные чиновники вынашивали планы переселения Далай-ламы на территорию России, в Забайкалье, и создания там нового буддийского центра во главе с тибетским Первосвященником. Царский наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев выступил за переселение Далай-ламы в Россию. 30 января 1905 г. он писал В. Н. Ламздорфу «о нежелательности удаления Далай-ламы в Синин, так как это было бы равносильно окончательному отказу нашему от пользования его услугами и признанием торжества китайских происков. Во избежание такого исхода казалось бы предпочтительным содействовать переселению Далай-ламы в русские пределы» (док. № 29).

В январе 1905 г. в Ургу прибыла делегация лам и чиновников из Тибета. Они предложили Далай-ламе вернуться на родину, а также высказали следующую идею: в том случае, если Россия не сможет оказать помощь Тибету в

борьбе с агрессией англичан, искать ее следует у Франции и Германии. Лессар в связи с этим доносит Ламздорфу, что поскольку Франция и Германия находятся в дружественных отношениях с Россией, то пусть Далай-лама обращается за помощью к этим странам. Если Франция и Германия откажут в помощи Тибету, то «Далай-лама еще более убедится в том, что вся надежда для него на Россию». В то же время посланник изложил главе внешнеполитического ведомства России свое мнение о том, что Далай-ламе надо возвратиться в Лхасу и «для спасения Тибета» нормализовать свои отношения с Пекином (док. № 28).

Далай-лама не хотел возвращаться в Лхасу. Он просил российского консула в Урге В. Ф. Любу передать в Петербург его просьбу прислать к нему специального русского чиновника, который постоянно находился бы при нём. Царская дипломатия была против этого, так как назначение русского чиновника к Далай-ламе вызвало бы сильное раздражение в Пекине и Лондоне.

14 февраля 1905 г. В. Н. Ламздорф направил царю всеподданнейшую записку с предложением содействовать возвращению Далай-ламы в Тибет (док. № 32). Далай-лама же высказывает через Доржиева консулу Любе свое желание поехать в Россию и «отдать себя с полным доверием под покровительство» русского царя, причем он хочет знать, «примет ли Россия открыто пред всеми государствами под защиту от Англии и китайцев Тибет». Лессар сообщил свое мнение по этому поводу Ламздорфу: Россия не может открыто взять на себя защиту Тибета (док. № 38).

В начале июня 1905 г. новый посланник в Пекине Покотилов, посетивший Ургу по дороге в Пекин, встречался с Доржиевым, а затем и с Далай-ламой, которому он привез подарки от Николая II. «По словам Доржиева, — писал

Покотилов в донесении в МИД, — главной и почти исключительной целью прибытия Далай-ламы в Ургу было намерение искать покровительства России при постигших Тибет невзгодах... Он присовокупил, что Далай-лама вполне понимает то затруднительное положение, в котором ныне находится Россия, но все-таки рассчитывает, что государь император не оставит Тибет и его лично своим милостивым покровительством».

В ответ Покотилов отметил, что русское правительство «ни на минуту не ослабляло внимания своего по отношению к делам Тибета, пользуясь всяким удобным случаем, чтобы ограждать эту страну от чужеземных посягательств»²⁸.

Эта беседа вновь показала, что дальше обещаний помощи на словах русское правительство не шло, да и не могло идти ввиду собственных внутренних и внешних трудностей.

Далай-лама в Урге чувствовал себя неудобно. Он выражал неудовольствие тем, что В. Ф. Люба не встречается с ним, а поэтому все переговоры ведутся через А. Доржиева или секретаря российского консульства М. Кузьминского. Глава монгольской ламаистской церкви Джебдзун-дамба-хутухта холодно отнесся к приезду Далай-ламы в Ургу, он так ни разу с ним и не встретился, видимо, опасаясь того, что приезд более высокого ламаистского иерарха подорвет его авторитет среди монголов.

Летом 1905 г. Далай-лама переехал из Урги в Ван-хурэ — ставку влиятельного и образованного халхасского князя Ханда-Доржи (Хандвана)²⁹. Здесь Далай-лама развернул активную политическую деятельность, вёл беседы с монгольскими князьями и высшими ламами об отделении Монголии от Китая (подробности см. в док. № 65). Его антикитайская агитация сыграла большую роль в подготовке

монгольского национально-освободительного движения, вспыхнувшего в 1911 г.

Из Ван-хурэ Далай-лама посылает А. Доржиева в Петербург. В. Ф. Люба пытался помешать этой поездке. Он даже просил военного губернатора Забайкальской области генерал-лейтенанта Холщевникова задержать Доржиева в Чите, и губернатор на время задерживает здесь посланника Далай-ламы.

Судя по переписке В. Ф. Любы с МИДом России, консул пытался воспрепятствовать поездке Доржиева в российскую столицу, так как был уверен в том, что посланец Далай-ламы поставит перед царским правительством вопрос о водворении тибетского Первосвященника в пределах России и будет настаивать на том, чтобы Петербург дал обещание оказать помощь Тибету, против которого осуществляет агрессию Великобритания. Но поскольку царское правительство из-за международных и внутренних трудностей окончательного решения по этим вопросам еще не приняло, консул Люба, по-видимому, полагал, что А. Доржиеву в Петербурге делать нечего.

Тем не менее упорный и целеустремленный Агван Доржиев, преодолевая все преграды, прибывает в Петербург. 7 марта 1906 г. он был принят русским императором. Некоторые документы, связанные с этим, включены в сборник. Однако стоит процитировать слова Николая II, сказанные Доржиеву: «Мне всегда дороги интересы миллионов моих подданных — паствы Его святейшества, — равносильно и Тибет. Пусть мне верят, что я и со мною Россия всегда готовы помочь Тибету настолько, насколько располагаем средствами и силами, и я надеюсь, через некоторое время мы окажем Его святейшеству еще более сильную и желательную для Тибета помощь»³⁰. Но эти неопределенные обещания царя не со-

проводились упоминанием каких-либо конкретных мер для их выполнения.

В российском МИДе Доржиев вёл переговоры в соответствии с теми инструкциями, которые дал ему Далай-лама. Доржиев акцентировал внимание на жестокой вооруженной агрессии англичан в Тибете в 1904 г., когда Китай не оказал последнему никакой помощи, Тибет же не в состоянии своими силами дать отпор англичанам, которые в 1906 г. всё еще не вывели свои войска с его территории.

К этому времени царское правительство пришло к выводу, что Далай-лама должен вернуться в Тибет. А. Доржиев заверил Николая II, что тибетский Первосвященник вскоре отправится в Лхасу «согласно совету Русского правительства». От имени Далай-ламы Доржиев просил царя послать в Тибет российскую научную экспедицию. Он также довел до сведения Николая II мнение Далай-ламы о том, что трудности, с которыми столкнулась Россия, помешали ей проявить участие «к делам Тибета в той степени, в какой она этого желала» (док. № 51). Цинское правительство, не сумев «заточить» Далай-ламу в Синине, приказало (через ургинского амбана Янь Чжи) тибетскому Первосвященнику ехать в Лхасу. Лондон и власти Британской Индии не хотели возвращения прорусски настроенного Далай-ламы в Тибет.

И хотя Далай-лама по указанию из Пекина и по совету царской дипломатии на словах согласился выехать из Ван-хурэ в Тибет в марте 1906 г., тем не менее он тянул время, ему не хотелось покидать территорию Монголии и уезжать на свою родину, где всё еще находились англичане — его политические противники. Перед русской дипломатией он ставил вопрос о том, чтобы до его отъезда царское правительство взяло на себя «посредничество к выяснению степени влияния англичан

на дела Тибета и к ограничению исключительных их привилегий в стране» (док. № 52).

В июне 1906 г. между российским правительством и правительством Великобритании начались переговоры по тибетскому вопросу (несколько интересных документов о ходе этих переговоров содержатся в сборнике). И именно в это время царская дипломатия изменила свою точку зрения на местопребывание Далай-ламы. Она осознала, что последний имеет большое влияние в Монголии, где Россия после окончания войны с Японией стремилась укрепить свои позиции. Поэтому после длительных и основательных обсуждений (см., например, док. № 58) МИД России пришел к выводу, что Далай-ламу следует поселить в Кукуноре, в монастыре Гумбум, откуда он мог оказывать влияние и на Монголию, и на Тибет. 26 августа 1906 г. Далай-лама направляется в Гумбум, расположенный на главной азиатской магистрали, где сходятся пути, соединяющие Кашгар, Ургу, Пекин и Лхасу.

Основные соображения российского МИДа были изложены в приводимых в сборнике двух посланиях министра иностранных дел А. П. Извольского: одно из них — посланнику в Пекине Д. Д. Покотилову от 28 сентября 1906 г., второе — послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу от 16 октября 1906 г. Смысл их сводится к тому, что, хотя Россия и должна была бы прекратить официальные отношения с Далай-ламой в связи с ходом англо-русских переговоров по тибетскому вопросу, тем не менее царское правительство заинтересовано во влиянии Далай-ламы на монголов и поэтому не будет содействовать стремлению китайского правительства вернуть его в Тибет. Однако пекинское правительство в конце 1908 г. отправило Далай-ламу в Лхасу.

Начавшийся в 1898 г. важный этап в русско-тибетских отношениях к концу 1906 г.

фактически завершился. Эти отношения развивались в соответствии с целями и задачами, которые ставила перед собой российская дипломатия в каждый определенный период. Осознавая тесную взаимосвязь между разрешением англо-русских противоречий в Средней Азии и на Среднем Востоке и тибетским вопросом, Россия была готова на переговоры относительно Тибета, лишь бы не обострять отношений с Англией и добиться ее уступок в более важных для России вопросах. Обмен посланиями министра иностранных дел А. П. Извольского, посла в Лондоне А. К. Бенкендорфа, посланника в Пекине Д. Д. Покотилова, английского посла в Петербурге А. Никольсона, Всеподданнейшие записки и другие документы, вошедшие в данное издание, дают возможность разобраться в тонкостях и хитросплетениях российской дипломатии, которая не хотела нарушать ход переговоров с Англией, однако не решалась окончательно отказаться от общения с Далай-ламой, опасаясь за его личную безопасность и имея в виду российские интересы в Монголии.

31 августа 1907 г. Россия и Англия подписали в Петербурге Англо-русское соглашение о разграничении сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете (текст соглашения, касающегося Тибета, читатель сможет найти в данном сборнике). В 1908 г. Англия и Китай подписали «Правила торговли в Тибете», которые обеспечили английским торговцам определенные преимущественные права и привилегии, еще раз признали китайский сюзеренитет над Тибетом. Таким образом, Англо-русская конвенция 1907 г. и англо-китайские «Правила» 1908 г. предоставили Китаю в Тибете исключительные возможности для укрепления своего преобладающего влияния, чем китайские власти не замедлили воспользоваться. Благодаря военному превосходству, а также

обязательству России и Англии не вмешиваться в тибетские дела маньчжурские власти значительно укрепили свои позиции в Тибете, по существу поставив его на одну доску с остальными провинциями Китая, о чём свидетельствуют и представленные в сборнике документы из АВПРИ.

На рубеже 1909—1910 гг. Тибет был оккупирован китайскими войсками, Далай-лама бежал на территорию Индии, а в Пекине был обнародован императорский указ о низложении Далай-ламы. Правительства Англии и России запрашивали Пекин о причинах принятия столь крайних мер и высказывали серьезную озабоченность в связи с непосредственной угрозой безопасности и жизни тибетского Первосвященника. При этом российский министр иностранных дел А. П. Извольский писал, что «нисколько не желая вмешиваться во внутренние дела Китая, мы не можем быть равнодушны к судьбе Далай-ламы, духовного главы многочисленных русских подданных-буддистов» (док. № 83). О характере переговоров и содержании переписки по этому поводу А. П. Извольского, посланника в Пекине И. Я. Коростовца и сановников из китайского МИДа можно узнать из публикуемых в сборнике документов.

И уже находясь в Индии, Далай-лама вновь пытается обратиться за помощью к России, о чём свидетельствуют его послание Николаю II, датированное 1910 г. и привезенное в марте 1911 г. из Дарджилинга в Петербург профессором Ф. И. Щербатским (док. № 97), и письмо Агвану Доржиеву о нежелании Англии помочь Тибету в борьбе с Китаем и надеждой на помощь России (док. № 98). Сам Доржиев вновь по просьбе Далай-ламы пытается заручиться поддержкой России, и русский царь направляет 23 ноября 1911 г. Далай-ламе письмо с выражением сочувствия к трудному положе-

нию тибетского Первосвященника и советом ему проводить политику доброго согласия с английским правительством по тибетским делам (док. № 101). Тем не менее в ответ на запрос Доржиева российское правительство официально ответило, что оно «ввиду отдаленности Тибета не признает наличности там сколько-нибудь крупных политических и экономических интересов России. Существующие интересы чисто религиозного характера касаются лишь русских подданных-буддистов. Интересы же Англии в Тибете по преимуществу политические и экономические. Исходя из этих положений, внешняя политика Тибета должна покоиться на началах дружелюбия и мира с Англией... Прежнее благожелательное отношение России к Тибету сохраняется. В религиозных делах Тибет найдет в России живейшую поддержку»³¹.

Вскоре Николай II вновь направил Далай-ламе послание, которое в начале февраля 1912 г. было передано в Дарджилинге представителем русского консульства Л. Х. Ревелиоти. Далай-лама был «бесконечно тронут высочайшим вниманием» российского императора, который сочувственно отнесся «к печальной доле» тибетского иерарха, находившегося по существу в заточении у англичан.

На этом описание российско-тибетской «эпопеи» можно было бы и завершить, так как в последующие годы роль России сводилась в основном к реакции на взаимоотношения в треугольнике Тибет — Китай — Великобритания, а также на тибето-монгольские связи. После Синьхайской революции в Китае Далай-лама был восстановлен во всех его титулах. Был обнародован декрет временного президента Китая Юань Шикая о том, что Тибет, Монголия и Восточный Туркестан являются территорией Китая и будут управляться так же, как и провинции Внутреннего Китая.

В противовес этому 11 января 1913 г. был подписан монголо-тибетский договор, в преамбуле которого указывалось, что Монголия и Тибет, освободившись от маньчжурской династии и отделившись от Китая, образовали свои самостоятельные государства³². Русская дипломатия отнеслась к этому договору скептически, и Коростовец писал, что монголо-тибетский договор, ввиду неправоподобности сторон, «не представляет политического значения и не заслуживает названия международного акта», но всё же он «не лишен некоторой симптоматичности, являясь протестом против навязываемого как Тибету, так и Монголии китайского суверенитета»³³. Читатель имеет возможность ознакомиться и с посланиями Доржиева и самого Далай-ламы, в которых сообщается о провозглашении независимости Тибета. К середине 1913 г. российские власти ограничивали интересы России в Тибете лишь желанием облегчить русским подданным-ламаистам контакты с их религиозным главой, да и то с оговоркой, что это не должно привести к усилению среди них сепаратистских настроений.

В то же время Россия признала политические и экономические интересы Англии, активность которой также была ограничена

рамками конвенции 1907 г. Однако по сравнению с 1907 г. ситуация изменилась. После изгнания китайских войск сюзеренная власть Пекина фактически была сведена на нет.

В этих условиях Россия могла бы заявить о готовности не только отказаться от участия в делах Тибета, но и пересмотреть условия англо-русского соглашения 1907 г. в пользу предоставления Англии особых прав в Тибете — но не бескорыстно, а при условии получения компенсации, например, в Афганистане, где интересы России были гораздо более серьезными.

Последняя группа представленных в сборнике документов затрагивает реакцию России на подготовку и проведение тройственной англо-тибето-китайской конференции по тибетскому вопросу в Симле, которая, впрочем, проходила в обстановке секретности. В ответ на специальный меморандум британского правительства России с сообщением о планах проведения этой конференции министр иностранных дел России выразил надежду, что «предпринимаемые по почину Великобритании переговоры устранят неопределенность и внесут желательное для всех сторон успокоение. Русское правительство с интересом будет ожидать обещанных сообщений о ходе переговоров в уверенности, что участие в них Англии обеспечивает от возможного принятия без ведома императорского правительства каких-либо решений, затрагивающих основы соглашения 1907 г.»³⁴.

Как известно, в конечном итоге Симльская конференция окончилась безрезультатно, так как в последний момент, уже после того, как некоторые ее документы были 27 апреля 1914 г. парафированы всеми тремя ее участниками, китайская сторона заявила о незаконности участия в конференции равноправной тибетской делегации, так как Тибет является

частью Китая. Однако термин «линия Мак-Магона» для определения границы между Индией и Китаем еще и сегодня используется в дипломатическом лексиконе, хотя обе стороны трактуют ее по-разному.

Идеям России о возможности получить взамен Тибета «компенсации» в более важных для неё районах, например на афганской границе, так и не суждено было осуществиться. Практически через три месяца после окончания работы конференции в Симле на Европейском континенте разразилась Первая мировая война, краткосрочные и долгосрочные последствия которой изменили всю мировую систему.

Документы данного сборника составляют лишь небольшую часть материалов по тибетскому вопросу, хранящихся в АВПРИ, Российском государственном историческом архиве, Российском государственном военно-историческом архиве. Таким образом, настоящий сборник может положить начало публикациям архивных документов и материалов по истории российско-тибетских отношений.

Документы сборника расположены в хронологическом порядке, снабжены примечаниями, терминологическим словарем, указателями имен и географических названий. Датировка документов дается по старому стилю. Текст документов частично выправлен в соответствии с правилами современной орфографии. Стилистика подлинников сохранена. Дополнения переводчиков документов приводятся в круглых скобках. Пояснения составителей даются в угловых скобках. В квадратные скобки заключены слова, а также многоточия, вставленные составителями. Имеющееся в документах различное написание имён и географических названий в публикуемом тексте сохраняется. Правильное их написание дается в заголовках документов и примечаниях.

Предисловие, примечания, археографическая обработка текста, составление указателей и терминологического словаря принадлежат Е. А. Белову и Т. Л. Шаумян. Составители сборника выражают благодарность за помощь в выявлении документов сотрудникам АВПРИ.

К сожалению, составителю и одному из авторов предисловия — главному научному сотруднику Отдела истории Востока Института востоковедения доктору исторических наук Евгению Александровичу Белову не суждено разделить радость выхода в свет этой работы: 17 апреля 2004 г. он скоропостижно скончался за рабочим столом. Е. А. Белов был автором более 150 трудов по новой и новейшей истории Китая, Тибета и Монголии. Его исследования переведены на китайский, монгольский и английский языки. Выход в свет сборника документов по российско-тибетским отношениям, в подготовку которого он вложил много сил, труда и души, будет лучшей памятью о нашем друге и коллеге.

¹ *Суви́ров Н. И.* Тибет. Описание страны и отношение к ней Китая и Англии до последнего времени. СПб., 1905; *Снесарев А. Е.* Англо-русское соглашение 1907 года. СПб., 1908.

² См.: *Берлин Л.* Англия и Тибет. — Новый Восток. 1926, № 2; он же. Хамбо Агван Доржиев (К борьбе Тибета за независимость). — Новый Восток. 1923, № 3; *Попов А.* Россия и Тибет. — Новый Восток. 1927, № 18; 1928, № 20—21; *Леонтьев В. П.* Иностранная экспансия в Тибете. 1888—1919. М., 1956; *Остриков П. И.* Империалистическая политика Англии в Тибете в 1900—1914 гг. М., 1978; *Остальцева А. Ф.* Англо-русская конвенция 1907 г. Саратов, 1978; *Богословский В. А., Москалев А. А.* Национальный вопрос в Китае (1911—1949). М., 1984; *Кулешов Я. С.* Россия и Тибет в начале XX века. М., 1992; *Белов Е. А.* Тибетская политика России (1900—1914 гг.). — Восток. 1994, № 3; он же. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911—1915 гг. Глава IX. М., 1997; *Shaumian T.* Tibet: the Great Game and Tsarist Russia. Oxford University Press — New Delhi, 2000.

³ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. Сер. 2, т. 18, ч. 1—2; т. 19, ч. 1—2; т. 20, ч. 1—2; сер. 3, т. 1—10. М.—Л., 1931—1934, 1939—1940 (во 2-й серии помещены документы мая 1911 г. — октября 1912 г., в 3-й серии — документы января 1914 г. — апреля 1916 г.).

⁴ Очерк агрессии английского и американского империализма в Тибете. [Б. м.], 1950 (на кит. яз.); *Шэ Су.* История агрессии в Тибете в период правления династии Цин. Пекин, 1954 (на кит. яз.); *Хуан Фэньшэн.* Очерк истории тибетского народа. Пекин, 1985 (на кит. яз.). Книга Хуан Фэньшэна была написана в 50-х годах, издана посмертно. Её автор, по нашему мнению, правильно освещает тибетскую политику России. Он пишет, что Англия стремилась «единолично» захватить Тибет, но Россия, оставаясь «великой империалистической державой» несмотря на свое поражение в войне с Японией, не желала видеть Тибет под господством англичан. Англо-русское соглашение 1907 г. о Тибете Хуан Фэньшэн рассматривает как «результат давления царской России на английский империализм» (с. 304).

⁵ *Ли Шаомин.* Не скрыть преступления прежних царей, совершивших агрессию против нашего Тибета. — Лиши яньцзю. 1977, № 1 (на кит. яз.); *Фу Суньмин и др.* Очерки агрессии царской России против Китая. Чанчунь, 1982 (на кит. яз.); История агрессии царской России в Китае. Шанхай, 1986 (на кит. яз.) и др.

⁶ Great Britain. Foreign Office. Papers Relating to Tibet, Cd 1920, 1904; Further Papers Relating to Tibet, Cd 2054; Cd 2370, 1905; Cd 5210, 1910.

⁷ *Younghusband F.* India and Tibet. L., 1910; *Уоддель А.* Лхаса и её тайны. Пб., 1906.

⁸ *Bell Ch.* Tibet: Past and Present. Oxf., 1924; *Bell Ch.* The People of Tibet. Oxf., 1928.

⁹ *Richardson H.* Tibet and Its History. L., 1962; *Fleming P.* Bayonets to Lhasa. N.Y., 1961.

¹⁰ *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia. L., 1960; он же. The McMahon Line. A Study in the Relations between India, China and Tibet, 1904—1914. 2 Vols. London—Toronto, 1966; он же. Tibet, China & India. 1914—1950. Roxford Books, 1989.

¹¹ *Suchita Ghosh.* Tibet in Sino-Indian Relations. 1899—1914. New Delhi, 1977.

¹² *Bidya Nand.* British India and Tibet. Oxf., 1975.

¹³ *Snelling J.* Buddhism in Russia. The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Brisbane, 1993.

¹⁴ *Hopkirk P.* The Great Game: On Secret Service in High Asia. Frome and London, 1990.

¹⁵ Единственным историком, который отрицает какое-либо англо-русское соперничество в Центральной Азии вообще и вокруг Тибета в частности, является Н. С. Кулешов, автор опубликованной в 1992 г. книги «Россия и Тибет в начале XX века». Суть его концепции сводится к тому, что «Россия не имела ни политических, ни военных, ни экономических интересов в Тибете, продемонстрировав свою полную непричастность к решению его проблем». По его мнению, «не существовало ни объективных обстоятельств, ни субъективных причин, которые давали бы основание предполагать наличие у русского правительства стимулов для проведения или планирования какой-либо тибетской политики» (см.: *Кулешов Н. С.* Россия и тибетский кризис начала XX века. — Вопросы истории. 1990; *он же.* Россия и Тибет в начале XX века). Архивные документы, в том числе и документы настоящего сборника, опровергают концепцию Н. С. Кулешова.

¹⁶ *Уоддель А.* Лхасса и её тайны. Петербург, 1906, с. 34.

¹⁷ За кулисами царизма: Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925, с. III—IV.

¹⁸ Там же, с. XXIII—XXIV.

¹⁹ АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 1448, л. 99.

²⁰ Там же, л. 100.

²¹ *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia, с. 260.

²² National Archives of India. Feb. 1903, Nos 1—88.

²³ *Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia, с. 276.

²⁴ АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, д. 414, л. 7.

²⁵ АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 1450, л. 135—136.

²⁶ Цит. по: *Полов А.* Россия и Тибет. — Новый Восток. 1927, т. 18, с. 118—119.

²⁷ В телеграмме В. Н. Ламздорфу от 26 декабря 1904 г. Лессар высказывает мысль, что пребывание Далай-ламы в Монголии может быть полезным в том случае, если Россия после окончания войны с Японией прибегнет «к активной политике в Монголии» (док. № 25).

²⁸ АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 1456, л. 108.

²⁹ Ханда-Доржи в 1911—1915 гг. являлся министром иностранных дел Ургинского правительства, когда Внешняя Монголия была фактически независимым государством.

³⁰ АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 1456, л. 108.

³¹ Там же, д. 1458, л. 290.

³² Там же, ф. Миссия в Пекине, д. 320, л. 1.

³³ Там же, д. 319, л. 2.

³⁴ Там же, ф. Китайский стол, д. 1481, л. 11.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

1900 г. — Письмо XIII Далай-ламы¹ царю Николаю II с предложением установить контакты между Россией и Тибетом

Императору Николаю, благополучно правящему многочисленными подданными величайшего государства.

Когда мой цантаб ханбо (цанит хамбо) Лубсан Агван (Агван Доржиев)² отправился, проникшись прекрасною мыслью о том, чтобы показать, каким образом упрочиться вере обитателей северных стран и всем одушевленным существам достигнуть благоденствия в той и будущей жизни, он написал, что Ваше Императорское Величество Всемиловитейше удостоили его ласковых слов, а также благополучно управляете многочисленными подданными сообразно желанной для них вере, а в особенности выказываете заботливость о калмыках и бурятах. Прочитав это и прослышав о том, что Ваше Величество, управляя исповедующими и нашу веру, устраиваете счастье всех, я весьма радовался. Ваше Величество так же точно не отвергаете от себя и принадлежащих к многочисленным религиям, а равно весьма опытни в распространении благоденствия на гораздо большее пространство, чем распространяет дерево цзандан свое благоухание. При таких условиях как здоровье Вашего Величества?

Упомянутому цантаб ханбо я сказал: «Если Его Величество проникнется в своей чистой душе стремлением к тому, чтобы сообразно с местом и временем, в особенности наша вера процветала более, чем доньше при благоприятных обстоятельствах в той или будущей

жизни, а кроме того, будет опираться постоянно на высокое тело (Будду?), являющееся залогом благоденствия и благоустройства, то от этого именно сами собою исполнятся высокие деяния по доставлению в совершенстве благоденствия всем, и Его Величество победит сопротивных и непокорных врагов.

Поэтому я ради того, чтобы в совершенстве устроилось благоденствие этой и будущей жизни, постоянно возношу моления о том, чтобы проявилась истинная сила при глубоком размышлении о законах веры. Ввиду этого не соизволит ли Его Величество неотложно в своей мысли утвердить то, чтобы исполнились предначертания при содействии трех истинных драгоценностей и истинного (Будды), помогающего нашим единоверцам и всем (вообще)?»

Сказав так, я в знак радости приказал ему вручить при удобном случае в качестве подарков один шелковый хадак, изготовленный китайцами, в знак пожелания благоденствия; сделанное в прежние времена медное позолоченное изображение Будды, в качестве предмета почитания, с прекрасным одеянием; рилу*: ринчен рилу, весьма редкие могущественные рилу цасур и ганзур, уничтожающие яд и составленные из многих драгоценностей — по три; рилу: ринчен цзоду и дашиль — 10 штук; семь пачек самой лучшей драгоценности — золота (самородок?); жемчуга в зернах самого лучшего, старого, весом на 50 лан и старой хорошей тибетской бирюзы — 15 камешков (?) и отправил из летнего дворца из страны, где царит радость, доставляющая благоденствие всем.

М. П.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 4911, д. 1448, л. 150 и об. Копия. Перевод с монг. яз., современный подлиннику.

* Чудодейственная пилюля [примеч. переводчика].

¹ Полное имя XIII Далай-ламы (1876—1933) — Агван-лобсан-тубден-чжамцо.

² О жизни и деятельности Агвана Доржиева (1854—1938) см.: Пубаев Р. Е. Агван Доржиев. — Национально-освободительное движение бурятского народа. Тезисы и материалы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989; Заятуев Г. Н. Агван Доржиев — выдающийся буддийский деятель России. — 250-летие официального признания буддизма в России. Улан-Удэ, 1991; Андреев А. И. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992; Белов Е. А. На заре российско-тибетских отношений. — Азия и Африка сегодня. 1994, № 4; Раднаев В. Э. Штрихи к портрету Агвана Доржиева. — Восток. 1998, № 4.

№ 2

1901 г. июня 12. — Автобиография Агвана Доржиева

Предок мой подданный Русского Белого Царя, некто Ухин-Ахалдаев, родом из бурят Иркутской губернии Верхоленинского округа, желая найти веру и просвещение, в 1770-х годах перекочевал за Байкал, а в 1810 году перечислился в свой первоначальный Галзутский род Хоринских бурят Забайкальской области. От него на пятом поколении у некоего Дорджей рожден сын (я) по имени Агван. 18 лет от роду отправился в Тибет для усовершенствования буддийского образования. Более ста лет до этого не было ни одного случая поездки бурят в Тибет, и так как в этот промежуток времени в Тибете было издано строгое правило о недопущении в свои пределы европейцев, то я должен был скрыть свое происхождение, и под названием монгола удалось мне попасть вместе с халхасцами¹ в буддийский монастырь Брайбон, имеющий

около 10 т. лам. На 35 году от роду, успешно выдержав экзамен в среде 20 т[ыс] лам трех больших монастырей Лхасы, удостоился я получить ученую степень Лхарамбо. В то время требовалось назначение от означенных трех монастырей 7 ученых Лхарамб состоять при Далай-Ламе (тогда еще юном, в возрасте 12 лет) при изучении им цанита (буддийская философия) и литературы. Назначенный кандидатом от монастыря Гомун, я был принят в число 7 ученых и благодаря особому, преимущественно пред остальными коллегами, благоволению Далай-Ламы, я безбоязненно обнаружил пред ним истинное свое происхождение, а затем в частных с ним беседах рассказывал, как мои сородичи, состоя в подданстве Русского Царя, свободно, без всяких притеснений, исповедуют свою буддийскую религию и пользуются во всем защитой Правительства.

Далее, познакомившись с тибетским царем (временным правителем Тибета во время малолетства Далай-Ламы) и высшими сановниками, не покидал также своей первоначальной мысли — распространять между ними доброе понятие о своем отечестве и всячески располагать их ко всему русскому. Однако же нашлись вскоре недоброжелатели со стороны тибетан, которые, интригуя, что русский подданный не должен занимать такой важный пост, многократно домогались пред Тибетским царем и министрами об удалении меня от должности и выселении в отечество. Наконец последовало такого рода распоряжение, но благодаря усилиям Далай-Ламы и учителя его Гыгэна Ензон Жамба-Ринбучи оставили меня по-прежнему — нетронутым.

В 1888 году приехал в Тибет (не доехал до Лхасы 200 верст) французский принц Орлеанский² с намерением завязать с Тибетом сношения и словесно передал Тибетскому Пра-

вительству: «Мы, французы, можем спасти Тибет от поползновений англичан; Франция и Россия, заключив между собою союз³, достигли величайшего в мире могущества». Эти слова принца Орлеанского как бы подтвердили мои рассказы о могуществе России, и с того времени Тибетский царь и сановники стали с интересом обращаться ко мне за сведениями о России и Европе вообще. Принц, подарив Далай-Ламе и Тибетскому царю золотые часы, а калунам серебряные часы, сверх того по 1 ружью с 1000 слишком патронами, обещал на будущее время давать оружие, вещи, золото и серебро — словом всё, что понадобится, ориентируясь чрез Юннань⁴.

С того момента, как китайские чиновники, получив взятку с англичан, лишили Тибета земли, в высших сферах Тибета стали возникать тайные совещания о необходимости прибегнуть к покровительству какого-либо иностранного государства. Приглашенный на одно из таких совещаний, я должен был дать свое мнение, что в этом случае надо отдать предпочтение России, под покровительством которой находятся исповедующие буддизм буряты и калмыки, и что в начальных переговорах и сношениях они могут сослужить незаменимую службу, вследствие чего Тибет стал присматриваться к России. Приблизительно около того времени Его Императорское Величество, будучи Наследником Престола, во время своего великого путешествия на Восток⁵ изволил посетить между прочим родину бурят. Слухи о том, с каким благоговением встречал бурятский народ своего обоготворяемого Монарха и какие милости были дарованы после проезда Его Высочества, не преминули проникнуть в глубь дальнего Тибета, и в понятии каждого, начиная от Далай-Ламы и высших сановников и кончая простолюдином, русский престиж заметно возвысился, и

естественно должна была явиться мысль, что подобный царь Бодисатва может оказать великое благодеяние и в отношении Тибета.

Тем не менее вера в народе в непобедимость и превосходство Китая, ревниво поддерживаемая светскими властями, еще была сильна, прервать связи с Китаем не решились, с одной стороны, по той причине, что более 200 лет ежегодно отпускается из сумм государства (15) т[ыс] лан жалованья или приношения Далай-Ламе и трем монастырям чаю на 30 т[ыс] лан, а с другой стороны, тибетцы не могли еще забыть оказанную Китаем помощь деньгами и войском при войне их с племенами Балха, Горха и Сэнба. Убеждения мои, что Китай, благодаря своей косности, плохому правлению и продажности чиновников, готов к падению и что доказательства этого налицо — уступка земли и подданных иностранцам, — истолковывались по-прежнему на разный лад. В это время прибыл в Лхассу посланный доктором Бадмаевым бурят Очир Жигмытов. А так как в случае обнаружения цели приезда Очирова буряты могли быть приравнены к европейцам и тогда двери в Тибет угрожали быть закрытыми для них, то поэтому я счел за лучшее представить его обыкновенным богомольцем, и после совершения им поклонений наравне с монголами вернулся он обратно.

Однако замечающий положение Китая круг командировал меня в 1898 г. ознакомиться лично со строем жизни Китая, России и Франции, и я, несмотря на незнание языка названных стран, отправился чрез Индию и Китай сначала в Забайкал (на свою родину), где имел счастье разыскать и получить Высочайший подарок, дорогие золотые часы. Получив там сведения от князя Ухтомского⁶ быть представленным Государю Императору, я отправился в С.-Петербург, где в декабре 1898 г. и имел счастье представиться Его Величеству.

Тогда желанная цель князя Ухтомского состояла в том, чтобы немедленно отправить в Тибет посла России. Все мои объяснения о бесплодности и рискованности такой поездки, ввиду особенных условий Тибета, совершенно игнорировались, хотя я объяснял, что только при умелом и осторожном ведении дела, после двух поездок, на третьей разवेяется возможность склонить Тибет на сторону России.

Воодушевляемый мыслью [о том], чтобы слава Русского Государя воссияла и распространилась повсюду до высот небес, чтобы верноподданные Его буряты и калмыки пребывали навсегда в благоденствии и чтобы вновь обращающийся Тибет нашел в будущем истинный источник своего блага, я, не покидая своего первоначального намерения, отправил Далай-Ламе с калмыцким зайсаном Убаши Норзуновым письмо и подарки, описав подробно величие Государя Императора и вообще русского народа, критическое положение Китая, с присовокуплением, что сближение с Россией обещает для Тибета огромную будущность, а сам отправился в Западную Европу. В 1899 году в С.-Петербурге я получил отправленный обратно с тем же Норзуновым ответ от Далай-Ламы, в котором он благодарил меня за письмо и подарки и,

сообщая, что народное мнение разбилось на три партии, просил поскорее приехать и переговорить лично. Вследствие сего я поспешил выехать из Петербурга познакомиться с обстоятельствами дела князя Ухтомского для доклада Государю Императору. Путь свой держал через Пекин, Калькутту и Доржилин. Далай-Ламой был принят радушно, с доверием и милостью несравненно большими прежнего и возведен в 3-й чин и звание старшего хамбы с правом голоса во всех делах политики и веры. Из разговоров выяснилось, что когда письмо мое Первосвященником было предъявлено министрам, то одни сочли неудобным искать союза в другом месте, оставив Францию, которая раньше всех сама выразила желание завести сношения; другие полагали, что было бы политичнее подружиться с англичанами, так как, оставаясь врагами в соседстве, они могут причинять каждый раз беспокойство; третьи же — именно господствующая часть — осталась при мнении, что лучше обратиться к России, где беспрепятственно процветает буддизм. Таковы три партии, о которых писал мне Далай-Лама в письме, доставленном Норзуновым.

Поставив условием для всех — от высшего до низшего — соблюдать, под страхом смертной казни, прежнюю замкнутость Тибета и возобновлять это обязательство периодически чрез каждый промежуток времени, — решили вновь командировать меня с письмом и подарками к Русскому Императору, чтобы, познакомив русский народ с такими особенными условиями страны, испросить Его Императорского Величества соизволения. Несмотря на распространившиеся слухи [о том], что в деле сближения Тибета с Россией фигурирует какой-то бурят, я вынужден был избрать рискованный путь чрез Калькутту и дорогой, в Доржилине, разыскал посланного калмыка —

Норзунова, который находился под надзором английских властей. Приближаясь к Тяньцзиню и осведомившись об осложнениях в Китае⁷, должен был повернуть в Японию, откуда, проехав через Сибирь, в сентябре месяце 1900 г. в Ялте имел счастье представиться Его Величеству, поднести письмо и подарки от Далай-Ламы и доложить о тибетских делах.

Г.г. министры: граф Ламздорф⁸, статс-секретарь Витте⁹ и генерал Куропаткин¹⁰, с которыми я имел честь беседовать на этот счет, были такого мнения, что покровительство Тибету может быть обещано только при условии учреждения русского консульства внутри страны, но, когда я объяснил, что, впустив однажды русских в свои пределы, Тибет не в состоянии будет противостоять наплыву остальных европейцев и тогда они могут завоевать влияние в ущерб русским, мнение мое в принципе было одобрено, и более ближайшим к Тибету местом учреждения консульства казался Туркестан, но, за отсутствием посредников населения и хороших путей сообщения, выбор этот был найден снова неудачным, и потому общий выбор пал на предложенный мною пункт Да-Цзянь-лу, находящийся между Тибетом и Китаем и на самой Пекинской почтовой дороге.

Получив необходимые указания и инструкции, я должен был поспешить обратно в Тибет, но на этот раз, из опасения англичан, несмотря на позднюю осень, рискуя перенести все трудности и лишения (обыкновенно в это время караванный путь прекращается), отправился сухим путем и на 3[й] месяце непрерывной днем и ночью езды достиг благополучно Лхассы. Далай-Лама и министры встретили меня с необыкновенною радостью, остались очень довольны результатами моей поездки, узнав от меня подробно благорасположение России; прежние недоумения отно-

сительно выбора протектората рассеялись, и укрепилось мнение, что Тибет в конце концов нашел покровителя более прочного и более надежного, чем Китай. Таким образом, почва для того, чтобы Тибет обнаружил свои связи, была уже готова, но, к несчастью, вследствие последних событий в Китае, внутри Тибета, в особенности среди простолюдинов, распространились разные нелепые слухи, что причиной раздора были европейцы и европейские миссионеры. Поэтому, не решаясь пока, впредь до успокоения умов, принимать открыто русских при всём к тому желании, сочли необходимым командировать меня вновь с верительным письмом для доклада о таких обстоятельствах и заключения договора на более прочных началах.

Было известно, что английские газеты, осведомившись из русских источников о приёме меня в 1900 г. в Ялте, стали печатать статьи, что раньше, чем Россия возьмет Тибет чрез посредство бурят, возьмет его Англия чрез посредство Непала. Чрез королей Непала, Сиккима и наместника Ладака¹¹ были присланы Далай-Ламе три английских письма с приглашением заключить союзный договор, якобы для блага обоих соседей, причем обещалось выдавать всё что понадобится. Непальский король, подарив Далай-Ламе лошадь, стоящую 15 000 рупий, и великолепный экипаж, обещал в августе 1901 года прислать слона, украшенного золотом и серебром, и вообще непальцы с недавних времен стали всячески угождать, делая приношения и пр. В целях удостовериться в искренности подобного образа действий непальцев я выехал 2 марта 1901 года в Непал*.

Отсюда далее в Индию не пропускают без билета от короля. Монголам и тибетцам выдают билет не иначе как за поручительством хозяина квартиры, что они вернутся обратно, вследствие сего, чтобы получить билет, нам

пришлось оставить в своей квартире вещи и одежду в трех сундуках. В билете были мы названы паломниками и выражалось требование пропускать нас без задержания; тщательно проверять бумаги, которые будут при нас. Ввиду такого требования страху нашему быть задержанными в таможенных с письмами не было границ, и бумаги свои провезли зашитыми в чулках и старых одеждах. Иначе не было никакой надежды встретить законного обращения, кроме полного произвола. С каждых 100 рупий заплатили по 5 рупий пошлин. Пройдя пешком около 8 суток, сели мы в Рагапуре на железную дорогу, и в пути (через Бомбей в Коломбо) городские в каждом месте следили за нами с видимым подозрением, расспрашивали откуда, зачем и куда едем, записывали наши имена, но получая ответ, что непальские богомольцы, успокаивались. Есть наверное места, где монголов и тибетцев не пропустили бы. Затем, пробыв 5 дней в карантине на юге Индии (Тютикорин), оттуда прибыв в Коломбо, благодаря благосклонному содействию русского консула и купеческого доверенного Малыгина сели на добровольный флот и прибыли 12 июня 1901 года в Одессу.

* Путь через Гималаи очень затруднителен, выючных животных нет, а также не употребляются животные для езды и в Непале. Страна изобилует высокими горами, в долинах население очень густое; народ живет крайне бедно; 1 человек может пропитаться на 1 чок серебра (весом 1 зол. 3 дол.) 6 суток. Резиденция короля Ямбо — небольшое местечко с населением около 10 000. Из древних замечательностей там находятся два субургана (храмы): один вышиною около 50 сажень, возведенный, по преданию, 7 или 8 тысяч лет тому назад, при бурхане Гашиб (до Будды), а другой — около 30 саж. вышиною, тоже относится к древности — несколько десятков тысяч лет. Туземцы благоговейно пред ними, но в общем — монастырей и хавараков встречается немного. Король

убит своим министром, который занял его место в январе 1901 года, и я был очевидцем, когда он делал смотр войскам и присутствовал на играх вместе с английским чиновником, привезшим из Лондона поздравительное письмо. Король происходит из племени горка (ранее это племя обитало около Гасмира) (по-индийски — Гасмира, а по-тибетски — Каче), по вероисповеданию брахманист, непальцы же — буддисты. В Лхассе живет много непальских торговцев и консул с небольшим отрядом войска. Ранее было несколько случаев сражений между непальцами и тибетцами, и теперь временами возникают столкновения. Много непальцев служит в рядах английских войск, и мне приходилось видеть непальцев с медалями и знаками воинского отличия.

Предание гласит, что тибетский народ происходит от смешения обезьяны-самки с браке-рином-самцом в горах Гонборе, отстоящих к югу от Лхассы на расстоянии 200 верст, и до сих пор местность эта носит название по-тибетски «Цзэ-тан» (в переводе — «место игр»). Отсюда, размножившись и разветвившись впоследствии на 16 отдельных родов, племя это обитало в снежных странах в диком состоянии без царя и правления до тех пор, пока не явился один человек из Индии, происходящий из рода индийского царя Мангур. На любопытство тибетцев, кто он такой и откуда явился — по незнанию языка, указал он на небо и вследствие сего, пред[по]ложив, что незнакомец есть явившийся с неба, а потому достоин почитания, тибетцы, посадив его на шею, взяли к себе и сделали своим царем. Отсюда царь этот прозван Хузун сандалито (т. е. имеющий седины на шее). Царем этим впервые возведены здания (байчин), и до сих пор в Тибете постройки носят название Юмбу-лакан. Через двадцать поколений у Хана Торенянсаль неизвестно откуда появился на дворце стеклянный субурган со священными книгами. Хан, веруя и поклоняясь этому субургану, достиг более 100 лет, и все остальные, следуя его примеру, достигли желанного, а поэтому царь этот считается первым воспринявшим Буддизм¹². После него, на 25 поколений, назад тому приблизительно 1100 лет, тибетский царь Сренцзан Гамбо¹³, женатый на дочерях китайского императора и непальского короля, основал Лхассу и много способствовал распространению буддизма. От него через пять поколений царь Тисрун децзан также много

способствовал распространению в Тибете Буддизма, снарядив учеников в Индию, где процветал тогда Буддизм, достал оттуда много ученых Бандид, священных книг, и перевел их. Приблизительно назад тому 800 лет Тибет разбился на много мелких самостоятельных княжеств, лет 300 тому назад, при пятом Далай-Ламе Агван-Лобсан-Джамсо¹⁴, происходящий из [монгольского] племени Хошигот Гыген Гучи Данзан-чой жал, завоевав влияние среди тибетан от Кам до Ария, объединил их под властью Далай-Ламы, который, будучи троекратно приглашен Императором Маньчжурской династии Шуньчжи¹⁵, приехал в Пекин, где ему устроили замечательную встречу и поднесли много ценных приношений. С тех пор завязываются близкие сношения между Тибетом и Китаем (примеч. автора).

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1448, л. 162—167 и об. Копия.

¹ Халхасцы — северные монголы. Отсюда название Халха (Северная Монголия).

² Орлеанский, Филипп (1869—1926) — правнук французского короля Луи Филиппа.

³ Франко-русский союз как противовес возглавляемому Германией Тройственному союзу был заключен в 1891 г.

⁴ Юннань (Юньнань) — провинция на юго-западе Китая, граничащая с Тибетом.

⁵ Николай Александрович Романов, будучи наследником престола, посетил Индию, Цейлон, Вьетнам, Китай, Японию в 1891 г.

⁶ Князь Э. Э. Ухтомский — один из приближенных к царю Николаю II, тяготел к буддизму.

⁷ В 1900 г. в Северном Китае происходило восстание ихэтуаней («боксерское» восстание).

⁸ В. Н. Ламздорф (1844—1907) — в 1882—1896 гг. директор канцелярии МИДа, с 1897 г. — товарищ (заместитель) министра, в 1900—1906 гг. — министр иностранных дел России.

⁹ С. Ю. Витте (1849—1915) — с 1889 г. — директор департамента железных дорог Министерства финансов, с февраля 1892 г. — министр путей сообщения, а с августа 1892 г. до августа 1903 г. — министр финансов. Витте оказывал значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику царского правительства. В 1905—1906 гг. возглавлял Совет министров России.

¹⁰ А. Н. Куропаткин (1848—1925) — русский военачальник, генерал-адъютант. В 1883—1890 гг. служил в Главном штабе, в 1890—1897 гг. — начальник

Закаспийской области, в 1898—1904 гг. — военный министр, с 13 октября до 7 февраля 1904 г. — главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке. Во время Первой мировой войны командовал соответственно корпусом, армией, Северным фронтом. С июля 1916 г. по февраль 1917 г. — генерал-губернатор Туркестана.

¹¹ Ладак — территория на северо-востоке Индии, граничит с Тибетом и Синьцзяном, население исповедует буддизм.

¹² Буддизм проник в Тибет из Индии в VII в., к концу VIII в. он стал государственной религией тибетцев.

¹³ Сренцзан Гамбо (Сонгцэн-гампо, 617—649) — создатель первого тибетского государства. Ему приписывается основание Лхасы.

¹⁴ Пятый Далай-лама Агван Лобсан Джамсо (1617—1682) — распространил власть секты Гэлугба («желтошапочников») над всем Тибетом, став его духовным и светским правителем. С этого времени в Тибете установилась теократическая форма правления.

¹⁵ Шунь-чжи — император из династии Цин, правил в Китае с 1644 г. по 1661 г.

№ 3

1901 г. ноября 26. — Письмо Агвана Доржиева министру иностранных дел России В. Н. Ламздорфу с заверением способствовать делу установления отношений между Россией и Тибетом

Ваше Сиятельство,

Глубокоуважаемый граф Владимир Николаевич!

Поставив целью моей жизни служение людям одной со мной религии, я, по мере сил моих, старался осуществить задачу наибольшего сближения между Русским Правительством, высокою защитою которого тяготеют эти народы, и хотя я сознаю вполне, что страна Тибета и правительство Далай-Ламы и по настоящее время являются еще не подготовленными настолько, чтобы завязать правильные и непосредственные сношения с правительством России, но всё же отдельные

попытки, сделанные в этом направлении, сопровождались таким успехом, что заслужили внимание самой царственной власти, благодаря просвещенному содействию Вашего Сиятельства, призванного руководить внешнею политикою России, и даже лично я трижды удостоился высокого счастья быть представленным Его Императорскому Величеству, изволившему благосклонно отнестись к моей троекратной поездке из Тибета в Россию, совершенной мною на свой собственный страх и сопряженной, смею сказать, с известными жертвами и даже опасностью для жизни, не допускающими сомнения в искренности высказанных здесь моих стремлений, осуществленных мной без всякой поддержки с чьей-либо стороны.

Счастливым сознанием, что моя слабая работа приносит хотя некоторую долю пользы, получив соизволение Его Императорского Величества принять меня в ноябре месяце через Ваше Сиятельство в бытность мою здесь летом, я приехал из Забайкалья и, готовясь воспользоваться данным мне вновь разрешением лично предстать пред Его Императорским Величеством, я не могу отказать себе в желании засвидетельствовать перед Вашим Сиятельством мою полную преданность делу установления правильных и близких сношений с Тибетом и готовность всегда и по первому требованию служить России в этом направлении наравне с прочими подданными ее, к которым от рождения имею счастье и честь принадлежать и я, не считаясь ни с какими соображениями, кроме единственного блага народа, составляющего часть Великой Российской Державы, и готового всегда по мере сил своих способствовать ее дальнейшему возвеличению.

Представляя себе дальнейшее развитие интересующего меня дела, которому предсто-

ит несомненно широкое будущее и которому я буду и впредь отдавать свои лучшие силы и стремления, и первым моим долгом считаю почтительнейше просить Ваше Сиятельство не отказать мне в ценных для меня указаниях, которыми я мог бы руководствоваться в дальнейшем, дабы тем правильнее направить свою работу в полном соответствии с предначертаниями Русского правительства, столь опытным и просвещенным представителем которого являетесь Вы, Ваше Сиятельство.

Позвольте почтительнейше просить Вас принять мои искренние уверения во всегдашней глубокой моей преданности.

Старший хамбо при Далай-Ламе А. Доржиев.

С.-Петербург, ноября 26 дня 1901 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, в. 1448, л. 185 и об., 186. Подлинник.

№ 4

1902 г. сентября 4. — Телеграмма министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа посланнику в Пекине П. М. Лессару о том, что российское правительство не замышляет никаких агрессивных действий в отношении Тибета

Можете дать Китайскому Правительству самые положительные заверения, что, помимо приема в прошлом году почетной делегации от тибетцев, прибывшей в Петербург для приветствования Государя Императора от имени Далай-Ламы, никаких сношений между Россией и Тибетом не устанавливалось.

Таким образом, сообщение англичан об агрессивных замыслах российского правительства по отношению к названной области представляет чистый вымысел. Клемму¹ поручено проверить полученные Вами сведения.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 6. Подлинник.

¹ В. О. Клемм — российский консул в Бомбее с 1900 по 1906 гг.

№ 5

1903 г. апреля 18. — *Секретное донесение российского консула в Бомбее В. О. Клемма директору Первого департамента Министерства иностранных дел Н. Гартвигу о том, что правительство Британской Индии пока не замышляет решительных действий по отношению к Тибету*

Мой калькуттский корреспондент сообщает, что последнее время там упорно держится слух, что Индийское Правительство замышляет решительные действия по отношению к Тибету в противовес захвату Россией Маньчжурии¹ и что с этой целью войска двигаются в Сикким. Полагаю, что это ложная тревога и что войска, именно саперы, посланы лишь для исправления колесной дороги от Дарджилинга к тибетской границе за недостатком рабочих, о чем имеются официальные сведения.

Следует, однако, отметить, что индийское правительство строжайше воспретило вывоз в Тибет железа, стали и всяких металлов, пригодных для выделки оружия и патронов, и что иностранцам доступ в Сикким воспрещен.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 27. Копия.

¹ Россия ввела войска в Маньчжурию в 1900 г., в разгар Ихэтуаньского восстания; вывела их в 1905 г.

№ 6

1903 г. июля 3. — *Секретная телеграмма министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа посланнику в Пекине П. М. Лессару с опровержением слухов о появлении русских в Тибете (Шифром)*

Ни на чём не основанные слухи о появлении русских в Тибете периодически повторялись и несомненно исходят из английских источников. Вам следовало бы раз навсегда категорически объясниться с Князем Цинем¹ по этому вопросу и указать ему, что к этой уловке прибегают, с тем чтобы отвлечь вни-

мание китайцев от их собственных затаенных планов в Тибете, о которых мы имеем достоверные сведения из Бомбея.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 30. Подлинник.

¹ Князь Цин (И Куан) — главноуправляющий Вайубу (Министерства иностранных дел Китая).

№ 7

1903 г. октября 17. — *Секретная телеграмма консула в Бомбее В. О. Клемма в Министерство иностранных дел России о подготовке англичан к военным действиям против Тибета*

Английская комиссия по переговорам с Тибетом, не добившаяся, по-видимому, до сих пор никакого решения, вызвана в Симлу для доклада и новых инструкций. Индийское правительство намерено, по-видимому, действовать решительнее. К тибетской границе спешно свозится провиант и военные припасы. От конечной станции Бенгал-Дуарской железной дороги, Багра, ныне начата и спешно сооружается железная дорога в Падон, в Сиккиме, в обход ненадежной колесной дороги по долине Тиста. О передвижении войск к границе, кроме имеющихся уже там, пока не слышно.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 35а. Копия.

№ 8

1903 г. октября 20. — *Секретное донесение консула в Бомбее В. О. Клемма директору Первого департамента Министерства иностранных дел Н. Гартвигу о замыслах правительства Британской Индии направить военный отряд в Тибет*

Судя по имеющимся у меня сведениям, английская комиссия, командированная в июне сего года на тибетскую границу для переговоров с китайским и тибетским уполномочен-

ными об установлении правильных торговых сношений между Индией и Тибетом и для решения некоторых вопросов, до сих пор еще не могла приступить к выполнению возложенных на нее задач вследствие бесконечных проволок со стороны тибетских властей. Комиссия не теряла, однако, времени совершенно напрасно, а произвела за эти несколько месяцев подробные съемки пограничного района и, насколько это возможно было, также смежной тибетской территории. В то же время колесная дорога к тибетской границе по долине реки Тиста спешно разрабатывалась войсками, хотя и не совсем удачно, так как ливни то и дело смывали части этой дороги, иногда на значительном протяжении.

По последним сведениям, стоящий во главе Комиссии майор Иенгхезбенд (Янгхазбенд) вызван из Камба-Джонга в Симлу для доклада Вице-Королю о положении дела и для получения новых инструкций. Если верить тому, что мне недавно пришлось слышать частным образом, то эти новые инструкции будут весьма решительного свойства. Говорят, что Иенгхезбенду будет приказано занять, если нужно силою, все спорные пункты на границе и затем в сопровождении достаточно сильного отряда двинуться в глубь Тибета по направлению Лхассы, пока он не встретит тщетно ожидаемых представителей Далай-Ламы.

Я усомнился бы в достоверности этих сведений, если бы почти одновременно не появилось в газетах два важных известия, а именно что интендантство спешно отправляет по долине Тиста на тибетскую границу провиант и боевые припасы и что начата и также спешно ведется постройка железной дороги от конечной станции Бенгало-Дуарской железной дороги, Багракот, в местность Падонг в Сиккиме, в обход вышеупомянутой ненадежной колесной дороги.

Бенгало-Дуарская железная дорога идет почти параллельно Дарджилинской дороге, на востоке от последней (прилагается карта¹). Что же касается местности Падонг, то я не мог найти ее ни на одной из имеющихся у меня под рукой карт, даже на специальной карте Непала, Сиккима и Бутана. Это не может быть Понтонг, ибо последний находится на одном из западных притоков Тиста, а дорога, очевидно, пойдет на восток от этой реки. Скорее возможно, что это местечко Ятонг в северном Сиккиме. К выяснению этого вопроса, равно как и общего направления новой линии, мною уже приняты зависящие меры.

Как бы то ни было, постройка железной дороги, при всей спешности, займет немало времени, и дороге этой суждено играть известную роль лишь в будущем. К тому же для небольшой экспедиции в Тибет не понадобится передвигать большие массы войск, провианта и т. п. Но эта постройка означает, что индийское правительство, невзирая на трудности, окончательно остановилось на сиккимском направлении в вопросе о соединении Индии с Тибетом большою военно-торговою дорогой. Действительно, у меня имеются также сведения, что ассамское направление (из Седии по р. Брамапутра) признано неподходящим по многим причинам и что там со временем будет приступлено лишь к устройству караванной дороги из Седии в Батанг в восточном Тибете по долине притока Брамахунд через м[естечко] Рима.

Донося о вышеизложенном Вашему Превосходительству в дополнение секретной моей телеграммы от 17 сего октября, считаю долгом присовокупить, что до сих пор нет никаких сведений о передвижении войск к тибетской границе. Впрочем, может быть, это уже делается секретным образом и во всяком случае на это не потребуется много времени, так

как в дополнение к имеющимся уже в конвое английской комиссии пехотным частям придется, вероятно, двинуть только отряд кавалерии и, может быть, одну горную батарею.

С глубоким почтением и проч.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 35 и об., 36. Копия.

¹ Карта составителями не обнаружена.

№ 9

1903 г. октября 24. — *Секретное донесение консула в Бомбее В. О. Клемма директору Первого департамента Министерства иностранных дел Н. Гартвигу о решении правительства Британской Индии предпринять военный поход в Тибет*

Monsieur Directeur!

Слух о предстоящем походе в Тибет, о котором я имел честь упомянуть в секретном донесении от 20 октября № 38, отправленном с последней французской почтой, не замедлил оправдаться. Телеграмма из Симлы от 3 ноября нов. ст. возвестила в весьма определенных выражениях, что Индийское Правительство решило предпринять экспедицию в Тибет, если только на это последует согласие Лондонского Кабинета. В числе воинских частей, которые имеют быть двинуты в Тибет, называют 23-й и 32-й пионерные полки и роту саперов, закончивших недавно разработку колесной дороги по долине Тист чрез Сикким и даже частную по тибетской территории до местечка Камбаджонга, где английская комиссия до сих пор тщетно ожидала прибытия китайского и тибетских делегатов. Позднее было добавлено, что в состав отряда войдут еще одна горная батарея и полевой госпиталь, который спешно мобилизуется, и, может быть, еще один пехотный полк. Начальство над всем отрядом поручается полковнику Макдональду, и для удобства сношений с Комиссией проведен телеграф до Камбаджонга.

В статьях, комментирующих означенную телеграмму, необходимость похода мотивируется упорством тибетских властей, а равно опасностью, которую представило бы распространение на Тибет влияния России, давно-де заигрывающей с правительством Далай-Ламы.

О конечной цели экспедиции определенно не говорится, но, по-видимому, индийское правительство собирается навязать Тибету постоянного британского резидента в Лхасе. Решение индийского правительства принять трудный зимний поход указывает на спешность дела, к которому ранее полного окончания дороги по Тисте не решались, вероятно, приступить. В сегодняшней телеграмме из Симлы подтверждается, что ожидается еще согласие великобританского правительства. Там же значится, что комиссар Иенгхезбенд находится еще в Симле и выедет на границу не ранее будущей недели. О вышеизложенном имею честь донести в дополнение к секретной моей телеграмме от 23-го октября.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Directeur, avec le plus profond respect, de Votre Excellence le très humble serviteur (signé) W. Klemm.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 37 и об. Копия.

№ 10

1903 г. ноября 14. — *Секретное донесение консула в Бомбее В. О. Клемма директору Первого департамента Министерства иностранных дел Н. Гартвигу о намерении вице-короля Британской Индии Дж. Керзона занять англо-индийским отрядом долину Чумби, потом двинуть его на Гьянцзе и Лхасу*

Последние сведения с тибетской границы указывают, по-видимому, на то, что воинственные намерения Лорда Керзона по отношению к Тибету не встретили особенного

сочувствия в Лондоне. Теперь поговаривают, что вступление англо-индийского отряда в Тибет отложено до конца декабря, что пока будет занята лишь долина Чамби (Чумби) и что дальнейшее движение на Гиантсе (Гьянцзе) и, если понадобится, оттуда на Лассу (Лхасу) начнется никак не ранее весны.

Есть также сведение, что полковник Макдональд, на которого возложено командование экспедиционным отрядом, находится еще в Дарджилинге. Возможно, впрочем, что тибетцы, под давлением из Пекина и ввиду отказа в помощи со стороны Непала, уже завязали переговоры с английским комиссаром и склоняются на уступки.

Официальные требования, предъявляемые англо-индийским правительством Тибету, сводятся по-прежнему к выполнению последним договора 1890 года об открытии границы для правильных торговых сношений, но, по некоторым указаниям, можно с уверенностью сказать, что на самом деле требования эти идут значительно дальше.

По-видимому, в принципе решено учредить в Тибете постоянную английскую миссию если не в самой Лхассе, то в большом торговом пункте Гиантсе, в 144 милях от столицы. Для охраны при миссии будет, конечно, состоять сильный конвой. За сим, ввиду опасности, которой миссия подвергалась бы в зимнее время, когда горные перевалы из Сиккима в Тибет иногда бывают совершенно закрыты, предполагается поставить достаточно сильный отряд в пограничном местечке Чамби (Чумби) в долине того же имени, в 20 милях от форта Гнатонг в Сиккиме, по дороге через перевал Джелеп (14 390 ф[утов]). От Чамби до Гиантсе считается всего 110 миль через форт Пакри (или Пари-Джонг) и перевал Танг, который, несмотря на высоту в 15 700 фут[ов], не представляет, как говорят, больших затрудне-

ний. По ту сторону этого перевала, вплоть до Гиантсе, дорога более или менее ровная. Что же касается местечка Камбаджонг, где ныне находится английская комиссия, то оно хотя и ближе к Гиантсе, чем Чамби, но обращенные в его сторону перевалы Донкия (18 100 ф[утов]), Кангра-Ямо (16 000), Наку (около 20 000 ф[утов]) и другие рано закрываются и представляют вообще много неудобств, почему расположенный там отряд не имел бы достаточно обеспеченной связи с базой в Сиккиме. Если означенные предположения осуществятся, то будет, конечно, тотчас приступлено к разработке дороги и, вероятно, также к установлению почтового сообщения с Гиантсе через Чамби.

Относительно железной дороги, которая строится от конечного пункта Бенгало-Дуарской дороги, Багракта, по направлению к Сиккиму и о которой упомянуто было в секретном моем донесении от 20 минувшего октября, за № 38, я еще более подробных сведений не получил. На прилагаемой при сем карте (масштаб 8 миль в одном дюйме) северной Бенгалии и Сиккима значится близ самой границы последнего пункт по имени Педонг, и легко возможно, что только до него и доведена будет пока новая дорога. От этого местечка Педонг имеется действительно удобная дорога на Гнатонг и далее на перевал Джелеп, в обход ненадежной дороги по долине Тиста.

Теперь, кроме того, идет речь о постройке еще одной железной дороги по направлению к Сиккиму, а именно от станции Силлигури Восточно-Бенгальской железной дороги (откуда начинается горная дорога на Дарджилинг) до ущелья Сивок на реке Тиста.

Правительство только колеблется еще в выборе типа этой дороги, т. е. строить ли ради поспешности военную узкоколейную или же общепринятой широкой колеи, с тем чтобы со

временем продолжить ее в Сикким и, может быть, далее в Тибет.

При всей незначительности протяжения этих обеих железных дорог (если последнее предположение мое относительно Падонга, или Педонга, правильно) здешняя пресса считает, что они все-таки облегчат и ускорят перевозку войск и доставку в Тибет припасов для отряда, который отнюдь не может рассчитывать найти что-либо в этой бедной и малонаселенной стране.

С глубоким почтением и проч.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 37а—37б. Копия.

№ 11

1903 г. ноября 29. — Телеграмма китайского посланника в Лондоне Чжан Дэси в Вайубу (Министерство иностранных дел) о заявлении английского правительства, что якобы Россия возводит военные укрепления в важнейших пунктах Тибета

Английское правительство только что сделало мне заявление: Россия в настоящее время возводит укрепления в важнейших пунктах Тибета с намерением противодействовать проникновению Англии в эту страну. Вследствие неопределенности этих сведений запрошен английский представитель в Пекине. Если последнее подтвердится, необходимо просить китайское Министерство иностранных дел переговорить с российским посланником на основании справедливости, чтобы не происходили самовольные действия.

О вышеизложенном довожу до сведения Министерства.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 43. Копия.

№ 12

1903 г. декабря 7. — Секретная телеграмма консула в Бомбее В. О. Клемма в

Министерство иностранных дел России о вторжении англо-индийского военного отряда в пределы Тибета

Англо-Индийский отряд вступил 13 декабря в пределы Тибета, без сопротивления. Местные власти ограничились протестом.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 52а. Копия.

№ 13

1903 г. декабря 11. — Секретная телеграмма наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева¹ посланнику в Пекине П. М. Лессару с предложением остановить захват Тибета Англией путем воздействия на нее в одном из важных пунктов ее среднеазиатских владений

(Шифром)

Не могу согласиться с приведенным в телеграмме 2 декабря взглядом, что деятельность Англии является отголоском занятия нами Маньчжурии. Попытки Англии включить Тибет в сферу своего политического влияния начались задолго до возникновения маньчжурского вопроса и составляют продолжение той наступательной политики правительства Индии, благодаря которой последовательно подчинились английскому господству Непал, Бутан, Бирма, Сикким и среднеазиатские владения. По Сиккимскому соглашению с Китаем от 17 марта 1890 года Англия выговорила себе право условиться о непосредственных сношениях, официальных и торговых, между Индией и Тибетом. Дальнейшими ее шагами в этом направлении, вполне естественном и неминуемом, если мы тому не воспротивимся, будет подчинение ее владычеству Тибета, как подчинены [были] остальные владения, без всякой связи с маньчжурским вопросом. Не подлежит сомнению, что и Китай отнесся бы к захвату Тибета так же пассивно, как теперь

в случае, [если] бы мы не занимали Маньчжурии, и что мы и тогда не встретили бы с его стороны этого содействия к восстановлению Status quo в Тибете, о котором Вы упоминаете в телеграмме. Остановить захват Тибета, от которого зависит в духовном отношении все буддийское население Сибири и метрополии, можно лишь непосредственно воздействовав на Англию в одном из более чувствительных пунктов среднеазиатских владений².

Копия настоящей телеграммы сообщается в Петербург.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 54—55. Подлинник.

¹ Е. И. Алексеев (1843—1918) — генерал-адъютант (1901 г.), адмирал (1903 г.). С 1892 г. — помощник начальника Главного морского штаба, с 1899 г. — главный начальник и командующий войсками Квантунской области и морскими силами на Тихом океане. Участвовал в подавлении Ихэтуаньского восстания в Китае (1900 г.). С 1903 г. — наместник Николая II на Дальнем Востоке. После начала русско-японской войны Е. И. Алексеев с февраля по октябрь 1904 г. был главнокомандующим сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке. С упразднением в июне 1905 г. наместничества назначен членом Государственного совета Российской империи.

² По-видимому, имелись в виду Афганистан и Персия. Афганистан находился под контролем Великобритании, а южная часть Персии являлась ее сферой влияния.

№ 14

1904 г. января 29. — Телеграмма Вайубу китайскому амбаню в Тибете Ю Тай'ю с указанием начать переговоры с англичанами, вторгшимися в пределы Тибета

Пререкания между Россией и Англией по вопросу о Тибете должны быть разрешены мирным образом. Это всё Вы узнаете от сановника Юй (бывшего резидента).

Ныне мы временно задержали англичан от намерения ввести военный отряд.

Просим Вас выбрать вначале осведомленного с делами тибетского старшину и с ним отправиться к англичанам для точного соглашения.

Благоволите разъяснить тибетцам всю важность воздержания от необдуманных попыток начинать раздор.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 69. Копия.

№ 15

1904 г. февраля 1. — Секретная телеграмма российского консула в Ханькоу А. Н. Островерхова посланнику в Пекине П. М. Лессару о том, что тибетцы готовятся к войне с англичанами

(Ш[ифром])

Рабданов сообщает, что переводчик Лубсан умер в Данцзянлу. От Доржиева из Лхассы не имеет никаких известий. Тибетцы относятся враждебно ко всем иностранцам, симпатизируя лишь России, не притесняющей своих буддистских подданных. По слухам из Тибета, там готовятся к войне, закупают лошадей, провиант; Далай-Лама сместил четырех высших сановников за тайные сношения с англичанами. Китайцы летом казнили [в] Литане трех выдающихся лам, чем возбудили против себя тибетцев. [В] Дацзянлу китайских войск мало, посланный Рабданова встретил отряд триста человек, шедший [в] Дацзянлу¹.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 70. Подлинник.

¹ После третьей поездки А. Доржиева в Петербург (1901 г.) в Министерстве иностранных дел России обсуждался вопрос об установлении постоянной связи с Далай-ламой. Царское правительство хотело открыть свое представительство в Лхасе, но это вызвало бы неминуемый протест Китая и Великобритании. Поэтому в МИД остановились на таком варианте: послать тайно, под видом паломника, в г. Дацзяньлу (на границе Тибета и провинции Сычуань) бурята Б. Рабданова, который через других лиц поддерживал бы оттуда, опять же тай-

но, связь с Далай-ламой и добывал бы сведения о действиях англичан в Тибете. Рабданов несколько лет находился в Дацзянлу. Связь с российским посланником в Пекине он поддерживал через консула в Ханькоу А. Н. Островерхова.

№ 16

1904 г. марта 8. — Секретная телеграмма консула в Ханькоу А. Н. Островерхова посланнику в Пекине П. М. Лессару с сообщением о том, что в Дацзянлу сосредотачиваются китайские войска для похода в Тибет (Ш[ифром])

Письмом третьего января Рабданов сообщает: 2 декабря прибыло [в] Дацзянлу 200 человек китайских войск, 1 января — 300, и ожидается еще несколько тысяч из Сычуаня и Юньаня, которые идут в Тибет. Говорят про происки англичан, старающихся всеми силами снять раздор между Китаем и Тибетом в целях получения концессии на золотые прииски в Тибете. Тибетцы готовятся противодействовать силою. Из Лхассы известий нет.

Сообщено Петербургу.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 71. Подлинник.

№ 17

1904 г. марта 11. — Телеграмма китайского амбана в Тибете Ю Тай'я в Вайубу с сообщением, что Россия привлекла на свою сторону Далай-ламу

Спор между Россией и Англией из-за Тибета продолжается уже долгое время.

По последним сведениям, Россия привлекла тайно на свою сторону Далай-Ламу, и последний готов оказать оппозицию англичанам.

В настоящее время вспыхнула война между Россией и Японией, и России вряд ли есть время обращать внимание на Тибет и начинать какие-либо напряженные действия. Мне

кажется необходимостью принять меры к удалению зла, пока таковое еще не возникло, и посему я прошу Почтенное Министерство снагнать немедленно с надлежащим посланником в Пекине и обсудить настоящий вопрос, дабы устранить будущие вредные последствия.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 72. Копия.

№ 18

1904 г. марта 16. — Телеграмма Вайубу китайскому посланнику в Петербурге с указанием опровергать слухи об агрессивности Англии по отношению к Тибету

Сообщаем Вам, что Ваша телеграмма получена и просмотрена. Россия и Англия — дружественные к Китаю государства, и мы не можем быть пристрастны. Так как дело о Тибете имеет большое значение, то необходимо вести дело по справедливости. Мы полагаем, что в русском чиновном мире циркулируют только слухи, и у нас нет точных сведений. При всех обращениях к Вам — опровергать эти слухи. При том сообщите России, что дружба Китая и России очень крепка и что Китай не будет слушать подстрекательств других государств. Это очень важно.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 73. Копия.

№ 19

1904 г. марта 29. — Секретная телеграмма министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу с осуждением вооруженной интервенции Британской Индии в Тибете

В согласии с высказанными в означенном письме заключениями Вы могли бы воспользоваться первым же свиданием с Лордом Лэнсдоуном, чтобы выразить ему сожаление Императорского правительства

по поводу происшедшего в Тибете кровопролития, которое, без сомнения, может иметь опасные последствия. При таком положении вещей отношение наше к вопросу более чем когда-либо будет зависеть от конечных результатов предпринятой Англией экспедиции, особенно ввиду тех заверений, которые были даны Вам Лондонским кабинетом, определенно заявившим, как это явствует из телеграмм Ваших от 31 октября и 5 ноября 1903 года, что Великобританское правительство вовсе не стремится к занятию или присоединению какой бы то ни было части тибетской территории, а желает лишь восстановить нарушенное право. Само собою разумеется, что Вам необходимо обратить при этом самое серьезное внимание Министра иностранных дел [Лэнсдоуна] на несоответствие недавно произведенной Лордом Кэрзоном¹ речи с означенными выше заверениями.

Дальнейшие указания будут Вам даны в зависимости от хода событий.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 76. Копия.

¹ Дж. Н. Керзон (1859—1925) — государственный деятель Великобритании. В 1899—1905 гг. — вице-король Индии, в 1919—1924 гг. — министр иностранных дел Великобритании.

№ 20

1904 г. апреля 28. — Письмо Агвана Доржиева бурятскому чиновнику Р. Бимбаеву о жестокостях англичан в Тибете

Лхаса, 24 числа 3-й луны года Дракона (28 апреля 1904 года).

Положение здесь совершенно изменилось. Причины неизвестны. При тщательном наблюдении оказывается, что посольство (Тибетская миссия 1901 года в С.-Петербург) сообщило подробно, как оно первоначально

было хорошо принято русским правительством и с каким трудом вернулось обратно. С Рабдановым, к сожалению, не было возможности иметь подробную переписку. Ныне западные пилины (англичане), перешедши границу, уже доходят до середины территории. Обращаются весьма жестко, как грабители. Первоначально они заявляли: «Вы через посылку Дорчжиева заключили с Россией союз, но в настоящее время об этом ничего не слыхать». В начале 3-й Луны (апреля) англичане, выступив из Пагри, обманном образом предложили, якобы для мирных переговоров, встретиться в местности Дунэ, имея по 500 человек войска как со стороны англичан, так и со стороны тибетцев, где вероломно убили 2 генералов, 2 полковников, несколько офицеров и все 500 человек войска. В настоящее время они, прибыв в местность Чжин-цзы, предались ужасному грабежу: отнимают и уводят жен чиновников и богатых жителей и насилюют их, грабят и увозят сотни тысяч пудовок (мера зерна) хлеба, рассыпают для корма лошадям и т. д. Всех жителей и семейства записывают в подданство Англии, [предписывая] не платить никому податей в течение трех лет, после чего платить подати понемногу. Никого не пропускают ни в ту, ни в другую сторону. Я желал бы поскорее возвратиться, но не могу получить отпуска. Не зная о последствиях войны, описываю подробно о невыносимых насилиях и надеюсь, что об этом будет немедленно доведено до сведения высшего начальства, и в особенности желательно было бы довести до сведения господина Министра иностранных дел.

С почтением... Агван Дорчжиев.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 143 и об. Копия. Перевод с бурятского, современный подлиннику.

№ 21

1904 г. июля 5. — Письмо директора Первого департамента Министерства иностранных дел Н. Гартвига посланнику в Пекине П. М. Лессару с сообщением, что английское правительство дало письменное заверение российскому послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу в том, что в политике Англии нет агрессивных замыслов в отношении Тибета

Милостивый Государь Павел Михайлович, из предыдущей переписки Вашему Превосходительству уже известно о происходивших за последнее время между Россией и Англией переговорах по Тибетскому вопросу, сущность коих заключалась в том, что Императорское правительство, взамен изъявления своего согласия на издание Хедивиального декрета¹, требовало от Великобритании выдачи письменного документа, коим оно официально признавало бы отсутствие в ее политике каких-либо агрессивных замыслов на Тибет.

Ныне граф Бенкендорф доставил в Министерство копию с помянутого письма маркиза Лансдоуна, в коем он, от имени своего правительства, дает требуемые нами заверения.

Передавая о вышеизложенном и препровождая у сего к Вашему Превосходительству, для сведения, копии с помянутого письма маркиза Лансдоуна и дипломатической переписки за истекшие четыре недели, пользуюсь настоящим случаем, чтобы возобновить Вам, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

(подп.) Н. Гартвиг.

На листе имеется знак, свидетельствующий о том, что документ читал царь Николай II.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 96 и об. Подлинник.

¹ Хедивальный (Хедивиальный) декрет — часть англо-французского соглашения о разделе сфер

влияния в Египте и Марокко. Признавал особые права Великобритании в Египте, но без установления формального британского протектората. Опубликован 1 января 1905 г.

№ 22

1904 г. июля 25. — Секретная телеграмма министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу с сообщением о продвижении английских войск в глубь Тибета и указанием объяснить с министром иностранных дел Великобритании Ленсдоуном по этому поводу, напомнив ему о его прежних заверениях, что Англия не ищет для себя привилегий в Тибете

С.-Петербург

По полученным нами сведениям, англичане заняли гарнизонами три пункта южнее Лхассы: Чжанцзай, Чунби (Чумби) и Пари; провели железную дорогу, телеграф и телефон долиной Чунби, соединив Чжанцзай с Дарчжалином, возводят здесь постоянные постройки, устраивают склады продовольствия, обучают туземных солдат военному искусству и расселили на всем указанном пространстве своих подданных.

Всё это не вполне отвечает данным англичанами обязательствам и производит сильное смущение в Тибете.

Благоволите при случае откровенно объяснить по сему предмету с Лансдоуном, напомнив ему заявления, которые он Вам сделал в сентябре минувшего года о том, что Англия не ищет никаких для себя привилегий, считая, что «Тибет должен принадлежать тибетцам».

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 163. Копия.

№ 23

1904 г. октября 24. — Секретная телеграмма посланника в Пекине П. М. Лесса-

ра министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу о вероятных последствиях приезда Далай-ламы в Монголию

Получил телеграмму от 21 октября.

За неимением сведений о нынешнем положении тибетского вопроса здесь невозможно ничего сказать о значении пребывания Далай-Ламы в Урге по отношению к ранее управляемой им области и прибытии его в Монголию. Не касаясь вопроса о русско-подданных буддистах, приходится рассматривать с точки зрения дел этого края, конечно, главным образом в связи с нынешним военно-политическим положением на Дальнем Востоке и значением самого духовного главы. Насколько известно, набожность буддистов более всего выражается в поклонении святыням монастырей и для них самая личность Далай-Ламы далеко не имеет того значения, как, например, для католиков личность Папы. Несмотря на уверения наших газет, последние события в Лхассе не произвели заметного впечатления ни в Монголии, ни в наших пределах, и чтобы таковое проявилось, необходим толчок извне, который мы могли бы энергично дать в том или другом направлении в зависимости от обстоятельств. Что касается до наших задач в Монголии, то способ осуществления их зависит от хода военных действий¹, и тут надо различать два фазиса: теперешний и тот, который наступит, когда выяснится превосходство наших сил над японскими и придет время расчетов с Китаем за его нынешнее вероломное поведение². В теперешнем фазисе нам безусловно необходимо полное спокойствие в Монголии, и потому необходимо воздерживаться от всего, что могло бы повести к волнениям. Во втором периоде, при известных обстоятельствах, напротив, быть может, нам понадобилось бы создать в Монголии свою партию, и тогда Далай-Лама мог бы, конеч-

но, быть полезным орудием. Первый период мог бы быть посвящен только подготовке действия второго. Прежде всего необходимо изучить действительное положение дела. Будет ли Далай-Лама принят как духовный глава, или же местное высшее духовенство встретит его враждебно. Прибытие его привлечет много паломников и, следовательно, много денег в Ургу³; но, с другой стороны, оно привлечет и много лам из Тибета, вызовет постройку новых монастырей, которые будут конкурировать с существующими, и во всяком случае положение Ургинского Хутукты⁴ умалится. Очень важно также знать, насколько большое значение он придает воплощению и верен ли распускаемый слух, что существует поверие, что нынешний Далай-Лама, представляющий тринадцатое воплощение Будды, будет последним. По прибытии его в Ургу, вероятно, явится еще целый ряд вопросов, не изучив которые мы можем впасть в трудно поправимые ошибки и обмануться в расчетах. Изучая положение дел, необходимо принять во внимание, что в настоящем фазисе подготовка будущих действий не должна иметь ничего вызывающего. Какая бы то ни была мера, раз она возбудит подозрение Китая, не принесет пользы, а только затруднит выполнение наших задач. Официальный характер, приданный поездке полковника Богданова, не говоря о ее трагическом конце, имел последствием целый ряд мер со стороны пекинского правительства для затруднений нашей деятельности в Монголии. Для самого же Далай-Ламы обнаружение китайцами нашего стремления воспользоваться его услугами будет прямо губительным, как указывает история Тибета за последнее столетие.

Продолжение следует.

Перед началом текста телеграммы стоит знак, свидетельствующий о том, что

документ читал царь Николай II. Некоторые места текста им подчеркнуты.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1454, л. 18—19 и об. Подлинник.

¹ Речь идет о русско-японской войне 1904—1905 гг.

² П. М. Лессар видел «вероломное поведение» Китая в том, что он не пытался дать отпор вооруженной агрессии англичан в Тибете.

³ Урга (ныне Улан-Батор) — тогдашний религиозный и административный центр Халхи.

⁴ Ургинский хутукта (хутухта) — глава монгольской ламаистской церкви Джебцун-Дамба-хутухта VIII (1870—1924). О нём см.: Белов Е. А. Последний живой бог [монголов]. — Азия и Африка сегодня. 1996, № 3.

№ 24

1904 г. октября 24. — Продолжение документа № 23

Если бы по причине какой-либо неосторожности с нашей стороны или же благодаря своему упрямству и строптивости Далай-Лама всё же навлек на себя неудовольствие Китая и можно бы ожидать для него какой либо опасности, то спасти его можно бы, предложив ему гостеприимство в России. Если бы при этом была уверенность, что Далай-Лама будет признан духовным главою всеми монголами, а также буддистами Китая, Тибета и Индии, то образование в наших пределах общего центра могущественной религии было бы очень желательно, несмотря на сопряженные с этим значительные, особенно в первое время, затраты. Буддизм не воинствующая религия и опасности для нас не мог бы представить ни в каком случае. Но пока нет данных утверждать, что на такой оборот можно надеяться. Как выше указано, событие в Лхассе не произвело впечатления в Монголии и, как сообщает наш консул в Урге, о нём не были осведомлены даже высшие ламы. Поэтому приглашение Далай-Ламы могло бы иметь прямо противо-

положное действие, то есть вызвать соперничество наших новых монастырей с Ургой и образовать раскол, который вооружил бы против население Монголии, чего в настоящее время надо во что бы то ни стало избежать. Ввиду этого, казалось бы, было бы желательно ничего не предпринимать для привлечения Далай-Ламы к нам, пока не выяснятся результаты его прибытия в Ургу или ему не станет угрожать опасность. Тогда уже вполне сознательно мы можем решить вопрос, может ли он быть полезен как духовный глава или же предпочтительнее дать ему убежище как изгнаннику в несчастье.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1454, л. 23 и об., 24. Подлинник.

№ 25

1904 г. декабря 13. — Секретная телеграмма посланника в Пекине П. М. Лессара министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу с предположением, что пребывание Далай-ламы в Монголии может быть полезным, если там Россия прибегнет к активной политике

Телеграмму 10 декабря получил.

Высказанные Шишмаревым¹ соображения по поводу необходимости относительно Далай-Ламы избежать всего, что могло бы возбудить подозрения китайцев, вполне основательны, как подробно изложено в моих телеграммах № 1203 и 1204. Люба² снабжен в этом вопросе самыми определенными инструкциями. Было бы очень желательно, если бы Шишмарев мог то же внушить Доржиеву, который продолжает действовать так же беспокойно, как и в Тибете, и еще до приезда в Ургу просил о вывозе Рабданова³ и Иролтуева⁴, по-видимому именно для установления тесных сношений с Далаем. На допущение его в наши пределы можно смотреть, как из-

ложено было в моей телеграмме 1205, лишь как на очень нежелательную крайность, если бы его жизни грозила опасность. Уклониться от этого трудно, ибо благодаря Доржиеву англичане имели возможность объяснить, что бежал Далай-Лама из Лхассы как побежденный союзник России. Удалить его из Урги в глубь Китая, конечно, можно только по распоряжению пекинского правительства, но это не представит затруднений, так как здесь считают, что Далай-Лама находится вблизи нашей границы и, следовательно, действительно под нашим влиянием может быть опасен. Ввиду нашего спокойного образа действий, пекинский правитель, по крайней мере, со временным пребыванием Далай-Ламы в Урге примирился. В недалеком будущем выяснится значение его для нас в настоящем кризисе и может ли он быть для нас полезен, если бы нам понадобилось прибегнуть к активной политике в Монголии. Искренне примирение Далай-Ламы с китайским правительством никогда не будет, но влияние его, по крайней мере на значительную часть населения страны, всегда будет существовать. Задача Доржиева и его близких — вовлечь нас в тибетское дело и получить наши субсидии. Если теперь последует переселение куда-либо по соседству с Тибетом, то начнутся интриги, которые обострят отношения страны к Англии именно в такое время, когда мы ничего не в состоянии делать. Выдача субсидий, даже в небольших размерах, едва ли будет производительной затратой. Влияние же Далай-Ламы на отдаленные монгольские районы едва ли выразится чем-либо для нас полезным, и едва ли оно осуществимо, так как выдачу ему нами субсидии скрыть невозможно и совместно с пребыванием при нём Доржиева, роль коего хорошо известна, это возбудит подозрения гораздо более, чем просто его пребыва-

ние в Урге. Удаление в Синин⁵ будет заточением. Какое бы то ни было сношение наше с Китаем по поводу устройства тибетских дел при посредстве Далай-Ламы совершенно неосуществимо при таких обстоятельствах, не говоря о том, что объяснениями Далай-Ламы китайское правительство очень недоволено; он смещен, и нельзя надеяться, чтобы внутри страны, где он будет совершенно в руках китайцев, ему было предоставлено достаточно свободы, чтобы играть какую-либо роль.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1454, л. 85—86 и об. Подлинник.

¹ Я. П. Шишмарев — российский генеральный консул в Урге в 1900—1904 гг.

² В. Ф. Люба — российский консул в Урге в 1904—1906 гг.

³ Речь идет об отзыве Б. Рабданова из Дачзяньлу.

⁴ Иролтуев — глава забайкальских буддистов России.

⁵ Синин — административный центр провинции Цинхай (Кукунора).

№ 26

1904 г. декабря 13. — Продолжение документа № 25

С другой стороны, обстоятельства не требуют принятия поспешного решения. На пребывание Далай-Ламы в Урге до весны китайское правительство согласилось, и на отношения наши к нему это не может вредно повлиять, если только Доржиев и Иролтуев не испортят дела. Этот последний сюда писал, что имеет от русских властей секретные поручения к Далаю и он на сообщенное ему согласился. Далай сам выражает желание остаться в Урге еще некоторое время. Но при этом, как сообщает Люба, обнаруживаются и некоторые неудобства этого пребывания: необходимо некоторое время, чтобы выяснить, кажушиеся ли это неудобства или они имеют действительное значение. Ввиду вышеизложенного каза-

лось бы желательным отложить окончательное решение на некоторое непродолжительное время, тем более что тогда обстоятельства, вероятно, дадут нам возможность самое удаление Далай внутрь Китая обставить более соответственно нашей задаче, нежели мы можем это сделать теперь.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1453, л. 87 и об. Подлинник.

№ 27

1905 г. января 7. — Секретная телеграмма военного губернатора Забайкальской области генерал-лейтенанта И. П. Надарова царскому наместнику на Дальнем Востоке адмиралу Е. И. Алексееву с сообщением селенгинского уездного начальника Балкашина, встречавшегося в Урге с Далай-ламой, о желании Первосвященника иметь при себе особого русского чиновника

Наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке Е. Алексеев 11 января 1905 г. направляет В. Н. Ламздорфу:

Селенгинский уездный начальник Балкашин, возвратившись из поездки, доложил: виделся в Урге с Далай-Ламой, который намеревался ехать в Россию согласно старым отношениям с ней и надеялся на встречу. Ныне просит русское правительство дать ему указания и советы о переговорах с Англией. Далай-Лама обижен тем, что его в Урге не встретил консул, а только секретарь консульства и на дальнейшие сношения консула через секретаря. Просит, не найдет ли правительство возможным назначить к нему, Далай-Ламе, особого русского чиновника, через которого он мог бы вести переговоры. Далай-Лама спрашивает, не разделена ли сфера влияния, причем Тибет и юг Монголии отданы англичанам, а север Монголии — России. Эти пожелания передал мне и бурят Галсанов, который

ранее бывал в Тибете, а теперь представляется Далай-Ламе вместе с нашим Хамбо-Ламой¹. Китайское правительство употребляет все средства удержать в Китае Далай-Ламу, прислало опытного чиновника, сининского амбана Яньжи, с приказом императора ехать в Синин. Далай-Лама отказался. Амбань телеграфировал в Пекин и получил приказание быть при Далай-Ламе облеченным властью Ургинского губернатора. Император² через губернатора поднес Далай-Ламе восемь тысяч лан серебра, а императрица³ — подарок в две тысячи. Буддисты отовсюду стекаются на поклонение Далай-Ламе. Значение Ургинского хутухты пало. Положение Агвана Доржиева, единственной нашей связи, опасное.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 37—38. Копия.

¹ Хамбо-лама — имеется в виду Агван Доржиев.

² Китайский император Цзай Тянь (1871—1908). В исторической литературе больше известен как Гуансюй (по девизу правления в 1875—1908 гг.). В 1898 г. за попытку проведения реформ в стране фактически был отстранен от власти своей теткой — императрицей Цыси.

³ Императрица Цыси (1865—1908) — регентша с 1861 по 1873 гг. и с 1875 по 1889 гг. В 1898 г. произвела дворцовый переворот, отстранив от власти императора Цзай Тяня (Гуансюя) и став фактической правительницей Китая.

№ 28

1905 г. января 15. — Секретная телеграмма посланника в Пекине П. М. Лессара министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу с мнением о том, что Далай-ламе лучше вернуться в Тибет

На подлинной собственною Е. И. В. рукою начертано: «Необходимо обсудить». Царское Село.

Люба сообщает, что прибывшие тибетцы, приглашая Далай-Ламу вернуться, передали решение искать помощи Франции и Германии,

если Россия откажет. Если Ваше Сиятельство одобрите, Люба мог бы дать совет, что, ввиду дружбы нашей к этим державам, обращение к ним во всяком случае могло бы принести только пользу, если бы Далай-Лама действительно желал вернуться в Тибет. Казалось бы, что такой оборот будет для нас выгоден. Если Франция и Германия откажутся вмешаться, что вполне вероятно, то Далай-Лама еще более убедится, что вся надежда для него на Россию. Если вмешательство состоится, то это будет по нашему совету и затруднит очень положение Англии. Прибытие тибетцев дает мне возможность еще раз переговорить здесь. Я укажу, что мы желаем лишь спокойствия в Монголии, а переезд в Синин будет считаться как заточение главы религии и вызовет брожение даже в Сибири. С другой стороны, без Далай-Ламы будет очень трудно справиться в Лхассе, а он, наученный несчастьем, по возвращении в Тибет милостью Богдохана уже не будет прежним строптивым правителем, а поймет, что для спасения Тибета от Англии ему нужно быть вассалом Китая. Успех этой комбинации избавит нас от весьма сложного и трудного оказания гостеприимства Далай-Ламе в России, что в крайности могло бы потребоваться.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 34. Копия.

№ 29

1905 г. января 17. — Письмо царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу с предложением поселить Далай-ламу в России

В ответ на письмо от сего 17 января, за № 115 имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что я присоединяюсь к мнению т[айного] с[оветника] Лессара о нежелательности уда-

ления Далай-Ламы в Синин, так как это было бы равносильно окончательному отказу нашему от пользования его услугами и признанием торжества китайских происков. Во избежание такого исхода казалось бы предпочтительным содействовать переселению Далай-Ламы в русские пределы, если по соображению с общим политическим положением Ваше Сиятельство признаете, что такая мера не вызовет осложнений с Китаем и Англией, и если окажется возможным придать делу характер свободного решения самого Далай-Ламы.

Приведение такой задачи в исполнение, во избежание огласки, казалось бы желательным возложить на местного консула коллежского [советника] Люба, который независимо от личных качеств, до некоторой степени известных мне по прежней его службе в Маньчжурии, имеет по самому своему положению местного агента русского правительства все данные, чтобы обставить дело наилучшим образом, согласно обстоятельствам и без огласки. Командирование же в Ургу с этой целью такого лица, как т[айный] с[оветник] Шишмарев, встревожило бы китайское правительство и придало бы всему делу особое, нежелательное для нас значение.

Что касается возбужденного в записке Шишмарева вопроса о посылке его в Монголию для изучения положения дел в малоизвестных частях этой страны, то хотя в принципе, как уже было мною ранее высказано, я признавал бы такую поездку полезною, но полагаю, что окончательное решение этого вопроса должно быть поставлено в связь с положением нашим на театре войны и во всяком случае отложено до того времени, когда обстоятельства примут более благоприятный для нас оборот.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 43. Копия.

№ 30

1905 г. января 18. — Секретная телеграмма российского консула в Урге В. Ф. Любы в Министерство иностранных дел с сообщением, что прибывшие в Ургу представители тибетцев просят Далай-ламу возвратиться на родину

Из Тибета прибыли сюда представители духовенства, монастырей и народа просить Далай-Ламу возвратиться, передали решение искать помощи Германии или Франции, если Россия откажет. Далай-Лама ответил, что поедет, когда получит ответ из Пекина на посланный ныне Ян-Чжи доклад о положении Тибета, будет ждать помощи только от России.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 18. Подлинник.

№ 31

1905 г. января 19. — Секретная телеграмма российского посланника в Пекине П. М. Лессара в Министерство иностранных дел с сообщением, что назначение русского чиновника к Далай-ламе вызовет еще большую неприязнь к нему пекинского правительства

Далай-Лама объяснил, что сдержанность с нашей стороны вызывается намерением, до наступления удобного времени, оградить его от неприятностей со стороны Китая. Далай-Лама, очевидно, понимает основательность такого образа действий и сносится с консулом через Доржиева. Назначение русского чиновника к Далай-Ламе имело бы для него самые серьезные последствия со стороны пекинского правительства.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 41. Подлинник.

№ 32

1906 г. февраля 10. — Всеподданнейшая записка министра иностранных дел В. Н.

Ламздорфа о желании А. Доржиева вручить Николаю II подарки Далай-ламы

Пребывающий здесь посланец Далай-Ламы — Хамбо Агван Доржиев обратился ко мне с просьбою об исходатайствовании ему Высочайшей аудиенции для поднесения Вашему Императорскому Величеству собственноручного письма тибетского Первосвященника¹, приветственного ходака и буддийского образа.

Представляя при сем письменное обращение ко мне Агван Доржиева, приемлю смелость испрашивать Высочайших указаний о том, благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству назначить прием названному посланцу или поручить мне принять от него полученные поднесения для представления таковых на Всемилоушнейшее благовоззрение².

Что касается высказываемой Далай-Ламой мысли об обращении к иностранным державам для установления совместного покровительства их над Тибетом, то предложение это как не имеющее никакой практической почвы, казалось бы, не заслуживает внимания и подлежит поэтому отклонению, равно как и проект посылки ныне русской экспедиции в Тибет.

В случае если бы соображения эти удостоились Высочайшего одобрения, мною могли бы быть даны Агвану Доржиеву соответственные разъяснения.

Граф Ламздорф.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 85 и об. Копия.

¹ Данное письмо Далай-ламы составителями не обнаружено.

² Николай II решил лично принять Агвана Доржиева с подарками от Далай-ламы.

№ 33

1905 г. февраля 1. — Всеподданнейшая записка министра иностранных дел В. Н. Ламз-

дорфа с предложением вернуть Далай-ламу в Тибет

При рассмотрении вопроса о дальнейшей судьбе Далай-Ламы необходимо остановиться на следующих предположениях.

1. Оставление Далай-Ламы в Урге.
2. Отправление его в Синин по требованию Китая.
3. Переезд в пределы России.
4. Возвращение в Тибет.

По первому пункту следует заметить, что оставление Далай-Ламы в Урге встречает такое противодействие со стороны Китая, что практическое осуществление его едва ли возможно без риска испортить отношения с соседней империей, если на подобной комбинации будет настаивать Россия. К тому же оставление в Урге не входит и в планы самого Далай-Ламы и не представит остаточной выгоды для наших интересов в смысле возможности пользоваться влиянием главы буддистов, авторитет коего едва ли не пострадает при таком разрешении вопроса. Относительно отправления в Синин необходимо высказать, что подобный выход будет равносителен заточению и совершенной утрате всякого обаяния Далай-Ламы, а следовательно, безусловно нежелателен. Наоборот, поселение Далай-Ламы в наших пределах представляло бы существенные выгоды и при благоприятных обстоятельствах могло бы способствовать образованию у нас буддийского центра, влияние коего могло бы, вероятно, послужить нам службу в будущем. Но, с другой стороны, конечно, нельзя не заметить, что такое разрешение дела представляет и весьма существенные неудобства как с точки зрения престижной, ввиду необходимости придать переезду характер бегства, так и потому, что оторванный от почвы Тибета, вдали от священных монастырей (...) Далай-Лама легко

может утратить путем этим его положение в буддийском мире, которое составляет его силу.

Таким образом, наиболее соответствующим во всех отношениях выходом было бы возвращение Далай-Ламы в Тибет, к чему он сам стремится, чего желает и местное духовенство; и, конечно, в таких условиях, кои наиболее наглядно убедили бы его в том, что такому разрешению дел он главным образом обязан заботливому участию России. По-видимому, китайцы не настаивают более на переезде Далай-Ламы в Синин и готовы допустить возвращение его в Лхасу. Вопрос только в том, чтобы переезд этот состоялся на определенных основаниях, могущих обеспечить Далай-Ламе как личную безопасность, так и дальнейшее пребывание в Тибете в условиях, отвечающих положению его как главы буддийского мира. На достижение этой цели, казалось бы, и должны быть направлены все наши старания, и в этом именно смысле могли бы быть даны указания посланнику в Пекине и ген. консулу в Урге для объяснений с Далай-Ламой.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 38—39. Подлинник.

№ 34

1905 г. февраля 26. — Секретная телеграмма русского консула в Урге В. Ф. Любы в Министерство иностранных дел с сообщением, что пекинское правительство приказало Далай-ламе возвращаться в Тибет

Весьма немилостивым указом подтверждено Далай-Ламе ввиду успокоения страны возвращаться с амбаном Ян Чжи через Синин в Тибет. Ян Чжи настаивает на скором выезде, не разрешает посылки нового доклада¹, объясняя немилость тяготением Далай-Ламы к России.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л.

77. Подлинник.

¹ Далай-ламы не имели права непосредственно посылать доклады китайскому императору. В данном случае XIII Далай-лама мог послать письмо на имя императора Цзай Тяня только через ургинского амбана Янь Чжи.

№ 35

1905 г. февраля 28. — Секретная телеграмма русского посланника в Пекине П. М. Лессара в Министерство иностранных дел с сообщением, что маньчжурский амбань в Урге определил 7 марта как последний срок выезда Далай-ламы в Тибет

Люба телеграфирует: Янчжи назначил последним сроком выезда седьмое марта. Совещание¹, от участия в котором Доржиев уклонился, высказывало мнение просить помощи России, Германии и Франции, но к определенному решению не пришло. Далай-Лама при невыяснении англо-тибетского вопроса ехать не хочет, просит совета нашего правительства, как ему поступить ввиду категорического приказа Пекина. Спрашивает, между прочим, был ли бы он принят в России, если бы обстоятельства вынудили его к этой поездке.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 78. Подлинник.

¹ Совещание тибетских лам и чиновников, бежавших с Далай-ламой в Монголию.

№ 36

1905 г. марта 2. — Выписка из секретного донесения русского консула в Урге В. Ф. Любы в Министерство иностранных дел о совещании у Далай-ламы по вопросу о том, как защитить Тибет от притязаний Англии

...По поводу указа¹ у Далай-Ламы состоялось особое совещание, на котором присутствовали главнейшие его советники и умышленно отсутствовал самый близкий к нему человек Хамбо Дорджиев. На совеща-

нии этом большинство тибетцев, не ожидая более помощи от России, высказали такие наивные предположения, как обращение к союзу европейских государств в защиту Тибета от притязаний Англии. Сам Далай-Лама своего мнения не высказывал, он и ранее не скрывал, что возвращаться в Тибет при настоящих условиях не находит возможным и ждет помощи только от России, — а прислал на другой день Доржиева в Консульство просить совета, как ему быть. Консул предупредил Доржиева, что наши военные затруднения мало благоприятствуют желательному для Далай-Ламы разрешению тибетского вопроса. В разговоре этом Доржиев высказал опасение возвращаться вместе с Далай-Ламой ввиду крайне недоброжелательного к нему отношения со стороны китайских властей и громадного большинства тибетцев. Ст[атский] сов[етник] Люба уже имел случай доносить, что Доржиев держится единственно расположением к нему Далай-Ламы, который вырос на его глазах и питает к нему неограниченное доверие.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 120—121. Подлинник.

¹ Речь идет об указе цинского императора с приказанием Далай-ламе ехать в Тибет.

№ 37

1905 г. марта 6. — Секретная телеграмма русского посланника в Пекине П. М. Лессара в Министерство иностранных дел с сообщением, что Далай-лама предпочитает ехать в Россию, а не в Тибет

Люба телеграфирует: Далай-Лама желает послать в Пекин новый доклад. В случае подтверждения прежнего повеления предпочитает ехать в Россию.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 89. Подлинник.

№ 38

1905 г. апреля 2. — Секретная телеграмма посланника в Пекине П. М. Лессара министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу о желании Далай-ламы поселиться в России и просьбой, чтобы Россия взяла под защиту Тибет от Англии и Китая

Люба телеграфирует: «От приезжих бурят здесь распространился слух о вызове Иролтуева в Читу для устройства поездки Далай-Ламы в Россию и через монголов дошел до амбаней¹, которые будто бы донесли в Пекин. Встревоженный этим Далай-Лама просит Ваше Превосходительство в случае обращения Вай-ву-бу успокоить китайцев, но вместе с тем мысли о поездке в Россию не оставляет, т. к. просит передать следующее: отдавая себя с полным доверием под покровительство Государя Императора, Далай-Лама желал бы знать, примет ли Россия открыто пред всеми государствами под защиту от Англии и китайцев Тибет».

Отвечаю Любе: «В случае запроса китайцев относительно принимаемых будто бы в России мерах приема Далай-Ламы, я их успокою. С другой стороны, совершенно невозможно дать просимые Далай-Ламой уверения, что Россия открыто пред всеми державами примет Тибет под защиту от Англии и китайцев».

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1455, л. 102. Подлинник.

¹ В Урге было два амбана: один — из маньчжуров, другой — из монголов. Последний имел мало власти и фактически подчинялся первому.

№ 39

1905 г. апреля 14. — Секретная телеграмма российского консула в Урге В. Ф. Любы в Министерство иностранных дел о просьбе Далай-ламы к нему выяснить, может ли царское правительство дать заверение в том,

что Россия будет открыто защищать Тибет от агрессии Англии и Китая

Дорджиев выехал спешно, сообщив мне о своем отъезде с дороги. Интимная подкладка такова: выезд Далай-Ламы из Тибета состоялся под несомненным влиянием Дорджиева против большинства советников. Точно так же и на совещаниях по поводу поездки Далай-Ламы в Россию ясно сказались два противоположных течения: Далай-Лама лично верит только в Россию и в пользу поездки, большинство окружающих его лиц, в том числе влиятельный старик Хамбо¹, против, считая что Россия при настоящих условиях действительной помощи Тибету оказать не может. Партия эта обсуждала даже серьезно вопрос передачи англо-тибетского вопроса европейским державам или Гаагскому трибуналу. Особое положение занимал в этом обсуждении Дорджиев, усматривающий в поездке Далай-Ламы в Россию сохранение своего первенствующего значения и выход из критических обстоятельств. Здесь ему приходилось бороться с сильной тибетской партией, приписывающей его советам и влиянию все неудачи, явным нерасположением монголов, нескрываемой враждебностью китайцев, возвращаясь же в Тибет с Далай-Ламой, он рисковал бы жизнью. В то же время он поддерживал постоянные сношения с Иролтуевым, многими влиятельными бурятами и калмыками, мечтавшими в своих интересах водворить Далай-Ламу в России. Чтобы смягчить сильную тибетскую партию, Далай-Лама просит меня выяснить, может ли наше правительство дать заверения в том, что Россия открыто перед всеми державами примет Тибет под защиту от Англии и Китая. Получив отрицательный ответ покойного посланника² и желая затормозить поездку Далай-Ламы, партия начинает добиваться разрешения послать предварительно в

Россию уполномоченного для выяснения вопроса о форме покровительства. Дорджиев, передавая мне это новое ходатайство, объяснил его желанием Далай-Ламы доказать тибетцам, что, отдаваясь под покровительство России, он спасает не только себя лично, но и Тибет. Получив известие о передаче этого вопроса в Петербург, Далай-Лама решает использовать изменившееся в нашу пользу настроение тибетцев и велит Дорджию немедленно выезжать в Забайкалье, где и ждать решения вопроса поездки в Россию. Между тем колебания были настолько сильны, что через час после отъезда Дорджиева посылается нарочным требование возвратиться, на что Дорджиев ответил, что проедет в Кяхту, где будет ждать приказаний. В случае повторения требования возвратиться уедет на родину. Уступив желанию партии, Далай-Лама посылает Дорджию приказание продолжать поездку, если последует разрешение из Петербурга. Отклонение Министерством ходатайства в посылке уполномоченного передано мной ныне Далай-Ламе, который и послал ввиду того Дорджию новое приказание вернуться в Ургу.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 5 и об. Подлинник.

¹ Старик Хамбо — имеется в виду один из высших тибетских лам, который сопровождал Далай-ламу при бегстве последнего в Монголию.

² Покойный посланник — это П. М. Лессар. Новым российским посланником в Пекине был назначен Д. Д. Покотилов.

№ 40

1905 г. апреля 22. — Секретная телеграмма военного губернатора Забайкальской области генерал-лейтенанта Холщевникова начальнику дипломатической канцелярии царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева о пребывании

А. Дорджиева в Чите, который просит разрешения на поездку в Петербург

В Читу прибыл Дорджиев, которому я объявил, что отъезд его признается излишним и вредным. 21 апреля мною получена переданная Кяхтинским комиссаром телеграмма консула Любы: «Немедленно телеграфируйте Дорджию: министр иностранных дел просит Вас возвратиться в Ургу для передачи Далай-Ламе соображений русского правительства». Частным путем мне известно, что в Урге получено известие: русское правительство не может обязаться чем-либо перед Далай-Ламой, но если он прибудет в Россию, то ему будет оказан почет. Дорджиев лично доложил мне, что если он в настоящее время возвратится в Ургу, не исполнив миссии Далай-Ламы, то это произведет удручающее впечатление на Далай-Ламу и что последний более никогда не будет обращаться за содействием к России. Сам же Дорджиев при такой неопределенности положения Далай-Ламы намеревается в скором времени возвратиться на постоянное местожительство в Забайкалье. Дорджиев убедительно просит разрешить ему приезд в Петербург. Изложенное прошу доложить наместнику и испросить указаний относительно поездки Дорджиева. Ожидаю срочного ответа для сообщения Дорджию.

С подлинным верно.

За секретаря (подпись).

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 11. Копия.

№ 41

1905 г. апреля 25. — Доклад А. Дорджиева военному губернатору Забайкальской области генерал-лейтенанту Холщевникову с объяснением, почему ему необходима поездка в Петербург

На предложение Вашего Превосходительства, основанное на телеграмме Императорского российского консула в Урге о возвращении моем на Ургу, имею честь доложить, что ввиду личного поручения Далай-Ламы, а затем недавно подтвержденного экстренным его письмом немедленно ехать в Петербург, я не считаю себя вправе возвратиться в Ургу без его разрешения.

Наш консул в Урге с самого начала обещал со стороны России полное покровительство особе Далай-Ламы, а затем, как только уладятся дела на Дальнем Востоке, немедленно заняться делами Тибета. Насколько мне известно, Далай-Лама имел полную надежду на содействие России в проведении тибетского вопроса в желательном для народа духе и поэтому, не заботясь о личных его интересах, предпринял путешествие из отдаленного Тибета в Ургу — в сферу русского влияния, но вследствие неопределенности отношения России к заинтересованному тибетскому вопросу Далай-Лама поручил мне ехать в Петербург для полного выяснения дела, а потому если я извещу его о распоряжении вернуться мне обратно, то это, ввиду неблагоприятно сложившихся обстоятельств, произведет на Далай-Ламу весьма неприятное впечатление, и я в таком случае слагаю с себя всякое посредничество и ответственность в деле сближения Тибета с Россией.

В заключение вышесказанного осмеливаюсь доложить Вашему Превосходительству мое откровенное мнение, что если по настоянию или влиянию нашего правительства на Китай обеспечить пребывание в Урге Далай-Ламы на несколько месяцев, под предлогом для благословления наших бурят-буддистов, то это послужило бы доказательством Далай-Ламе и в глазах тибетцев о заботах нашего правительства по тибетскому вопросу,

и в промежуток этого времени обстоятельства дела могли бы принять более благоприятный оборот. Весьма желательно было бы согласно ходатайству бурят официально пригласить Далай-Ламу в пределы Забайкалья, но это лишь может усилить подозрение китайского правительства, и в результате возможно ожидать ухудшения положения Тибета.

С подлинным верно.

Секретарь: Н. Эльтеков.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 15—16 и об. Копия.

№ 42

1905 г. июня 21. — *Письмо Далай-ламы правительству России с просьбой оказать давление на правительство Великобритании, чтобы оно не посягало на Тибет*

Тибет. Причина отправления послом от правительства — Цанита Хамбо Лобсанг Агвана — приближенного Верховного главы тибетского народа Далай-Ламы — хранителя Всесовершенной религии — такова.

Дело, подлежащее докладу Его Императорскому Величеству Мудрому Государю Великой России и Его Сановникам-Министрам, заключается в следующем:

В течение 20 лет индийско-великобританское правительство, в лице своих сановников, выказывало всевозможные притеснения и разные ухищрения; особенно же в 1904 году англичане, перешедши границу, убивая людей, грабя имущество, преступно проложили себе путь и прибыли с войском в Лхассу. Вследствие этого, вопреки прежнему договору с китайским императором, не дождавшись от него помощи, Первосвященник принужден был отправиться в Ургу и начать переговоры, основываясь на прежних договорах, относительно договора, заключенного между Англией и Тибетом¹. Китайскому

Императору через амбана два раза был сделан доклад, но, не достигнув никаких результатов, вновь были отправлены в Пекин два человека², которые прождали здесь несколько месяцев и не получили даже приблизительного ответа. Ввиду изложенного просим разобрать и отделить черное от белого в договоре между Тибетом и Англией, просим Ваше Императорское Величество — «Поборника за благоденствие для всех живущих на земле» — дабы впоследствии религия и государство тибетское навсегда были неприкосновенны; дабы никто не оказывал притеснений существующему порядку в Тибете и дабы великобританское правительство не посягало на Тибет, но чтобы все великие державы пользовались здесь равными правами. Тибетское государство до сего времени вело свои дела самостоятельно, и впоследствии никто не должен вмешиваться во внутренние дела государства.

Желая вступить совместно в круг цивилизованных великих народов, уполномочиваемы вышеупомянутого Цанит Хамбо, чтобы, на основании изложенного, мог он достигнуть всяких соглашений со всеми государствами; и таким образом всякое содействие, оказанное в пользу Тибета, будет тибетским народом неукоснительно исполнено.

Год деревянной змеи (1905), 21-й день 6-го месяца.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 57—58 и об. Копия перевода, современного подлиннику.

¹ Речь идет о Лхасской конвенции, заключенной Тибетом и Великобританией 7 сентября 1904 г. По этой конвенции Тибет попадал в сильнейшую зависимость от Великобритании. Конвенция утратила свое значение после подписания Англо-русского соглашения 1907 г. о Тибете.

² Составители не располагают фамилиями этих двух человек.

№ 43

1905 г. июля 21. — Секретная телеграмма российского консула в Урге В. Ф. Любы министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу с сообщением, что Далай-лама предполагает выехать в Лхасу, оставив в России своим уполномоченным А. Доржиева

Троицкосавск.

Получил телеграммы 29 июня, 3, 4, 9 июля.

Доношу:

Далай-Лама принял с чувством полного удовлетворения сделанные ему мною сообщения и высказал радость по поводу приступа к мирным переговорам¹, усматривая в восстановлении дружественных отношений между Россией и Японией пользу для всех народов Востока. Вместе с тем Далай-Лама просит Ваше Сиятельство довести до сведения Государя Императора, что чувства его к России остаются неизменными и что, предлагая войти в сношения с Японией, он имел в виду лишь оказать своим религиозным влиянием содействие делу мира. Озабочиваясь поддержанием постоянных сношений с нашим правительством и после своего возвращения в Лхасу, куда он предполагает выехать в августе, Первосвященник мечтает связать Тибет с Россией телеграфом, пока же желает оставить в России своим уполномоченным Дорджиева и иметь в качестве постоянных агентов четырех интеллигентных бурят в Лхасе, Дарсандо, Пекине и Урге, через которых мог бы доводить до сведения русских правительственных органов о положении дел в Тибете и нуждах страны и получать сообщения нашего правительства. Содержание этих агентов он предлагает разделить поровну, первое же время принять полностью на средства Тибета. На осуществление этих предложений он испрашивает согласия Вашего Сиятельства. Отказываясь от сопровождения его официальным конво-

ем, Далай-Лама приносит глубокую благодарность за разрешение бурятам-добровольцам сопровождать его в Тибет под видом паломников.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 16—17. Подлинник.

¹ Речь идет о русско-японских переговорах, которые начались в августе 1905 г. в городе Портсмут (США) с целью выработки мирного договора между этими воюющими странами.

№ 44

1905 г. сентября 16. — Письмо Агвана Доржиева в Министерство иностранных дел России о трудном положении Тибета в связи с вооруженным вторжением туда англичан

Настоящее положение Тибета представляется безвыходным, так как страна, с одной стороны, страдает от чужеземного вторжения и вместе с тем лишена законного правительства в лице Далай-Ламы. Без возвращения Далай-Ламы положение не может измениться к лучшему, а вместе с тем в силу существующих условий Далай-Лама не может вернуться. Чтобы разъяснить суть этого положения и одновременно указать возможный способ устранить существующее затруднение, приводятся следующие пункты:

I. Столь печальное положение Тибета, в коем таковой очутился в настоящее время, вызвано насильственным вторжением в глубь страны вооруженных иноземцев (англичан). Хотя неспособность Тибета противостоять столь сильному врагу, как Англия, известна всему цивилизованному миру. Насильственные и преступные действия Англии по отношению к тибетцам во время похода скрыты ими от всех, но следы насилий и грабежа еще не остыли, о чём будет сообщено в особой, более подробной записке. Войска Англии остаются в настоящее время в Тибете, и не только не делаются приготовления к отозва-

нию их, но усиленно строятся казарменные помещения, проводятся телеграфные линии и так далее.

II. По мнению тибетцев всякое сближение с Англией нежелательно и весьма вредно для интересов Тибета, так как образ действий Англии в Индии и других азиатских странах не внушает доверия и уважения к ней.

III. Хотя Тибет с глубокой древности составлял самостоятельную страну, но иногда казался как бы зависимым от Китая, а иногда совершенно независимым ни от кого. При заключении последнего договора¹ Англия хотя и признала сюзеренитет Китая над Тибетом, но договор заключился с представителями тибетского правительства, не оспаривая в данном случае самостоятельности Тибета. Столь неопределенное положение страны и побуждает верховного его правителя Далай-Ламу раз и навсегда избавиться от всех тех случайностей, которые испытаны событиями последних лет.

IV. В силу изложенного тибетцы стремятся единственно к защите России и других великих держав, желая добиться окончательного признания за ними самостоятельности и независимости и изъявляя свою готовность не препятствовать всем державам, могущим быть заинтересованной страной, иметь при Далай-Ламе в Лхассе своих представителей, облегчая этим желательное сношение Тибета с державами по торговым и иным делам.

V. Возвращение Далай-Ламы в Лхассу не может быть осуществлено до тех пор, пока не будет отозван из Лхассы китайский амбань, снабженный ныне Богдоханом весьма широкою властью в Тибете, которая незаконно стесняет права остальных в Лхассе регентов. Представляются две записки о правах амбаней в Лхассе и о прокламации Тирембучи².

VI. Равным образом Далай-Лама не может возвратиться в Лхассу, пока будет в силе последний договор Англии с Тибетом и пока не будет заключен другой, новый договор с согласия и ведома Далай-Ламы как верховного правителя страны, так как прежний договор, кроме раздора и осложнений, не может вызывать ничего другого.

VII. Хотя Китай обещал охрану Далай-Ламе при возвращении в Лхассу, но, не доверяя китайцам, Далай-Лама желал бы, в случае обратного путешествия, получить конвой при содействии русского правительства.

16 сентября 1905 г., С.-Петербург.

Хамбо Доржиев.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 7611, д. 402, л. 166 и об., 167. Копия.

¹ Речь идет о Лхасской конвенции, заключенной Тибетом и Великобританией 7 сентября 1904 г.

² Тирембучи (Ти Римпоче) — временный правитель Тибета, подписавший 7 сентября 1904 г. Лхасскую конвенцию.

№ 45

1905 г. сентября 25. — Записка, составленная в Министерстве иностранных дел России, о переговорах с А. Доржиевым по вопросу возвращения Далай-ламы в Тибет

При объяснениях, происходивших в Министерстве иностранных дел с Хамбо Доржиевым по поводу настоящего положения Далай-Ламы, разъяснено было, что основною целью Первосвященника должно быть в настоящее время возвращение в Лхассу. В самом деле продолжительное отсутствие его из столицы лишь содействует усилению власти китайцев, с одной стороны, и с другой — облегчает возможность всяких происков англичан, в то время как личный престиж и авторитет Далай-Ламы лишь ослабевают от дальнейшего пребывания в Монголии. Доржиев, по существу вполне согласившийся с этой точкой

зрения, выразил лишь опасение, что по имеющимся у него сведениям следует предвидеть крайнюю личную необеспеченность и полную утрату самостоятельности духовного главы тибетского народа ввиду деятельности как англичан, так и китайцев. В ответ посланцу были высказаны следующие соображения: окончательное соглашение между Англией и Китаем, вероятно, еще не состоялось, между тем имеются налицо положительные заверения относительно Тибета и лично Далай-Ламы как со стороны Англии, так и со стороны Китая, сделанные в силу дружеских представлений Императорского правительства.

На предложение г. Доржиева возобновить наши представления в пользу Тибета и назначить официального русского представителя, который прибыл бы в Лхассу вместе с Далай-Ламой, было отмечено, что всякое явное покровительство или посредничество России было бы лишь на деле вредно самому Далай-Ламе, давши повод видеть в нём ставленника России. Ежели же некоторые дополнительные гарантии со стороны Англии представляются необходимыми предварительными условиями возвращения его в Лхассу, то таковые целесообразнее всего могли бы быть достигнуты путем непосредственных объяснений с английскими властями, тем путем, который кажется для тибетцев наиболее удобным.

Признав в принципе правильность этих соображений и обещав представить их на решение Далай-Ламы, г. Доржиев просил лишь о том, чтобы в письменной форме были точно повторены полученные Россией от Великобритании и Китая обещания, по содержанию коих он уже был в общих чертах поставлен в известность. Казалось бы, что если этим способом могло бы быть достигнуто успокоение Далай-Ламы, а равно возвращение его в

Лхассу, то к вышеупомянутому письменному сообщению не должно бы представиться препятствий.

Возбужденный Доржиевым вопрос о назначении консулов в Лхассу был оставлен открытым до выяснения соответствующих обязательств, которых Англия могла бы добиться от Китая в этом отношении. Ввиду дипломатического характера возможного дальнейшего направления этого дела г. Доржиеву не были сообщены соображения Министерства иностранных дел по сему поводу.

В. и Д.¹

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 58—59 и об. Подлинник.

¹ В. и Д. — видимо, это шифр фамилий сотрудников Министерства иностранных дел, которые составляли справку о переговорах с А. Доржиевым.

№ 46

1906 г. января 4. — Секретная телеграмма консула в Бомбее В. О. Клемма в Министерство иностранных дел России о пребывании тибетского Панчен-ламы в Британской Индии

Таши-Лама Тибетский¹ в последних числах декабря выехал из Калькутты в Лхассу. При посещении им вице-короля Индии соблюдался церемониал, установленный для туземных вассальных князей третьего разряда, которым полагается салют в 17 выстрелов. На следующий день лорд Минто² отдал этому сановнику визит. Здесь недавно распространился слух, что англичане собираются провозгласить Таши-ламу Далай-Ламой и признать его верховным правителем Тибета. Не думаю, однако, чтобы это было возможно, так как англичанам, без сомнения, известно, что Далай-Ламой надо родиться, а нельзя стать. Только в светском отношении они могли бы возвести Таши-ламу на степень независимого правителя, игнорируя совершенно китайских властей

в этой стране. Легко возможно, что они так и поступят.

Судя по сведениям Лондона, китайское правительство упорно отказывается утвердить англо-тибетский договор³ и даже собирается будто бы послать в Тибет, на правах генерал-губернатора, какого-то татарского генерала во главе сильного отряда.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 402, л. 188. Копия.

¹ Таши-лама Тибетский — Панчен-лама.

² Лорд Минто — вице-король Британской Индии в 1905—1910 гг.

³ Англо-тибетский договор — Лхасская конвенция 1904 г.

№ 47

1906 г. февраля 1. — Письмо министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа Далай-ламе с изложением тибетской политики Англии и заверением, что будет обеспечена безопасность Первосвященника при его возвращении в Тибет

Проект письма Далай-Ламе,

Верховному главе тибетского народа.

Далай-Ламе, Хранителю Всесовершенной Религии

Приветствие

Вследствие выраженного желания посланцем Вашего Преосвященства Агваном Доржи-

евым ознакомиться с точным содержанием обязательства великобританского правительства, данного России относительно Тибета, Императорское Министерство иностранных дел имеет честь уведомить Вас, что в письме английского Министра иностранных дел на имя российского посла в Лондоне от 20 мая 1904 года обязательство это изложено в следующей форме:

«Ваше Превосходительство спрашивали меня в недавней беседе, изменило ли сопротивление, оказанное английской экспедиции в Тибете, политику Великобритании относительно этой страны сравнительно с тем, как она изложена в телеграмме индийского правительства от 6 ноября 1903 года.

Правительство Его Величества заявило в означенной телеграмме, что, соглашаясь на движение экспедиции полковника Юнгхесбанда (Янгхасбенда) в Гиантце (Гьянцзе), оно придерживается вполне определенно того мнения, что шаг этот не должен повести к занятию Тибета или постоянному вмешательству в тибетские дела.

Оно заявило, что движение предпринимается ради единственной цели получения удовлетворения и что по получении такового экспедиция удалится. Оно прибавило, что не намерено учредить постоянное представительство в Тибете и что вопрос о получении торговых преимуществ в этой стране будет рассмотрен в смысле решения изложенного в телеграмме.

Я ныне могу заявить, что правительство Его Величества продолжает держаться названной политики, хотя очевидно их образ действия будет в известной степени зависеть от поведения самих тибетцев и что правительство Его Величества не может поручиться, что оно ни в каком случае не отступит от политики, ныне принятой. Оно желает,

однако, подтвердить самым решительным образом, что, пока никакая другая держава не будет стремиться вмешаться в дела Тибета, великобританское правительство не сделает попыток ни к присоединению этой страны, ни к установлению над нею протектората, ни к вмешательству в его внутреннее управление»¹.

Из содержания сказанного документа Вы можете убедиться в том, что уверения, данные великобританским правительством, имеют вполне положительный и определенный характер, служа в известной степени гарантией сохранения Тибетом политической независимости.

Что касается выраженного Вами беспокойства относительно предстоящего путешествия, то, как Вам известно, российскому посланнику в Пекине было поручено объясниться с китайским правительством с целью добиться гарантий Вашей безопасности в пути. В ответном письме, адресованном действительному [с[татскому] с[оветнику] Покотилу, князем Цином прямо заявлено, что китайское правительство, желающее скорее Вашего возвращения в Тибет, признает за собою обязанность командировать возможно сильный военный отряд для Вашей охраны и сопровождения и что Вашему Преосвященству не должно беспокоиться и сомневаться о своей судьбе.

Такое заявление китайского правительства российскому представителю налагает на него нравственное обязательство соблюдать данное обещание и служить, по мнению Министерства иностранных дел, достаточным обеспечением Вашей безопасности.

Николай II утвердил проект письма, начертав собственной рукой: «Согласен». Царское Село, 1 февраля 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 22—24. Подлинник.

¹ Однако правительство Великобритании не выполнило этих заверений и грубо вмешалось во внутренние дела Тибета, совершив вооруженное вторжение и захватив в начале августа 1904 г. Лхасу. В результате этой вооруженной агрессии Тибету была навязана Лхасская конвенция, по которой он по существу превращался в протекторат Великобритании.

№ 48

1906 г. февраля 8. — Проект секретной телеграммы министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа посланнику в Пекине Д. Д. Покотилкову об отказе Далай-ламы ехать в Пекин

(Шифром)

Согласно полученной хамбо Доржиевым телеграмме, собравшиеся в Пекине монгольские князья вынесли неблагоприятное впечатление от отказа Далай-Ламы посетить столицу Китая¹, приписывая отказ этот Вашим советам и обвиняя Первосвященника в чрезмерном подчинении влиянию России.

Между тем, как явствует из сообщения Доржиева, плохое в настоящее время состояние здоровья Далай-Ламы служит вполне достаточным основанием для отказа от поездки в Пекин, тем более что, согласно Вашей телеграмме от 31 января, на переданное князю Цину монгольскими князьями положение о такой поездке князь отвечал отрицательно.

Представлялось бы желательным, чтобы Вы тем путем, который признаете наиболее соответственным, выяснили монгольским князьям действительную обстановку дела.

Сбоку текста стоит знак, свидетельствующий, что этот документ читал царь Николай II: «Согласен». Царское Село, 8 февраля 1906 г.

АВ ПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 27 и об. Подлинник.

¹ Некоторые монгольские князья постоянно жили в Пекине, некоторые бывали там наездами по делам, а то и просто приезжали покутить в столице Китая. Видимо, эти князья и собирались в Пекине, чтобы выразить недовольство Далай-ламой, который не хотел ехать в Пекин. XIII Далай-лама никогда не питал симпатий к правительствам в Пекине, будь они монархические или республиканские.

№ 49

1906 г. февраля 10. — Письмо Далай-ламы Николаю II, приложенное к Всеподданнейшей записке В. Н. Ламздорфа

Великий и могущественнейший государь Император Николай Александрович,

я, Далай-Лама, в ознаменование велико-радостного дня Нового года приношу Вашему Величеству сердечное мое поздравление и умоляю верить моей сердечной любви и преданности и милостиво принять мое скромное подношение: приветственный хадак, образ Будды, священные книги, тибетское золото в 5 узелочках по 5 ланг и разных шелковых материй 15 кусков.

Великий Государь, как не оставлял ранее Своим милосердием и покровительством, так впредь не оставляй покорного Тибета.

Печать Далай-ламы.

Халха, 27-го числа 10-й луны Года деревянной змеи.

Сбоку текста стоит знак, свидетельствующий, что этот документ читал царь Николай II.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 36. Подлинник. Перевод с тибетского языка, современный подлиннику.

№ 50

1906 г. февраля 21. — Доверительное письмо временно управляющего делами Министрства Императорского двора князя

Н. Д. Оболенского министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу с сообщением времени тайной аудиенции Николаем II Агвана Доржиева

Срочное

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

вследствие письма от 15 сего февраля за № 223 имею честь сообщить Вашему Сиятельству, что Государю Императору благоугодно принять в среду, 22 сего февраля, в 2 ч. 30 мин. дня, посланца тибетского Далай-Ламы — члена Императорского Географического общества хамбо Агвана Доржиева в частной аудиенции, ввиду чего, дабы избежать нежелательной огласки, все распоряжения по приему возложены на гофмаршальскую часть, причем отдельных приглашений г-ну Доржиеву послано не будет, почему покорнейше прошу Ваше Сиятельство не отказать сообщить ему, что экстренный для него поезд отойдет в 1 ч. 45 м. дня от Императорского павильона Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности.

Готовый к услугам

Ваш кн. Оболенский.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1466, л. 38. Подлинник.

№ 51

1906 г. февраля 22. — Письмо Агвана Доржиева Николаю II о предложении Далай-ламы послать в Тибет российскую научную экспедицию

Ваше Императорское Величество,

Его святейшество Далай-Лама поручил мне передать Вашему Императорскому Величеству выражение его неизменной преданности и благодарности за постоянное благосклонное внимание к делам Далай-Ламы и Тибета.

Его святейшество надеется, что и впредь Ваше Величество примете близко к сердцу интересы Тибета, страны, связанной религиозными узами с многими из подданных Вашего Величества. Вместе с тем Его Святейшество, имея в виду вскоре отправиться в Тибет согласно совету русского правительства, на которое он вполне полагается, поручил мне уверить Ваше Величество, что он принял и будет принимать всегда меры к тому, чтобы отныне русские исследователи и путешественники встречали в Тибете самый радушный прием. Быть может, теперь же Ваше Величество найдет желательным отправить русских ученых в Тибет — такие ученые встретят наилучший прием в Тибете. Тем охотнее этому будет способствовать Далай-Лама, что, покидая Лхасу, он был уверен в благосклонном к нему участии Вашего Величества.

Его Святейшество хорошо понимает, что только заботы о многих других делах помешали пока проявлению участия России к делам Тибета в той степени, в какой она этого желала¹. Его Святейшество поручил мне выразить еще раз преданность Его Вашему Величеству.

Старший Цанит Ханбо Агван Дорджиев.

С.-Петербург.

Сбоку у начала текста стоит знак, свидетельствующий, что документ читал царь Николай II.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 35 и об. Подлинник.

¹ Действительно, Россия не могла в полной мере оказать помощь Тибету из-за войны с Японией и ее поражения в этой войне. Царское правительство на военную агрессию англичан в Тибете в 1904 г. могло реагировать только дипломатическими акциями.

№ 52

1906 г. февраля 23. — Секретная телеграмма консула в Урге В. Ф. Любы министру

иностранных дел В. Н. Ламздорфу о соглашении Далай-ламы вернуться в Тибет

Ознакомившись с последними известиями, полученными из Петербурга и Пекина, Далай-Лама соглашается вернуться в Лхасу и выезжает из Ванкурень¹ в начале марта. При этом он желал бы знать до своего отъезда, примет ли наше правительство на себя посредничество к выяснению степени влияния англичан на дела Тибета и к ограничению исключительных их привилегий в стране и возможно ли без осложнений с Англией обещанное Доржиеву командирование при Первосвященнике в Лхассу русского дипломатического чиновника с охранным отрядом², находящимся уже в Ванкурене. Кроме того, есть сведения, что Янчжи вновь получил предписание сопровождать Далай-Ламу в Тибет.

Сбоку у начала текста стоит знак, свидетельствующий, что документ читал царь Николай II.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 37. Подлинник.

¹ Ванкурень (Ван-курень) — ставка монгольского князя Ханда-Доржи (Ханд-вана).

² Охранный отряд при Далай-ламе в Ванкурене состоял из российских бурят. Численность его составителям неизвестна.

№ 53

1906 г. марта 8. — Секретная телеграмма министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа посланнику в Пекине Д. Д. Покотилу с указанием поддерживать тяготение Далай-ламы к России

(Шифром)

Государю Императору благоугодно было назначить хамбо Агвану Доржиеву частную аудиенцию, дабы принять из рук посланца Далай-Ламы письмо Первосвященника и присланные подарки.

Его Величество милостиво изволил благодарить Доржиева за выраженные им от имени Далай-Ламы чувства и, изъявляя готовность оказывать по мере сил и средств помощь Тибету, обратил внимание на необходимость следовать Вашим советам и указаниям, как лица, облеченного особым Высочайшим доверием и во всех отношениях осведомленного о планах и намерениях Императорского правительства. Глубоким впечатлением, произведенным означенною аудиенцией, Вы, конечно, сумеете воспользоваться в сношениях Ваших с Далай-Ламой, закрепив тяготение его к России на пользу наших интересов.

На проекте телеграммы начертано рукой Николая II: «Согласен».

Царское Село, 8 марта 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 51 и об. Подлинник.

№ 54

1906 г. мая 30. — Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А. П. Извольского о предложениях по тибетскому вопросу, сделанных правительством Великобритании правительству России через английского посла в Петербурге А. Никольсона

Внимательное рассмотрение предложений, сделанных великобританским правительством по тибетскому вопросу, приводит к убеждению, что предложения эти заслуживают полного внимания.

В самом деле, в чём именно должна заключаться ближайшая цель наших стремлений в означенном вопросе? Цель эта, казалось бы, может быть только одна: ограждение в пределах возможности обособленности Тибета, дабы предотвратить поглощение его Англией.

Такая постановка вопроса вызывается следующими соображениями.

Англия уже давно обратила свои взоры на Тибет и, постепенно распространяя свое владычество к северу от Гималаев, естественным путем пришла к мысли о том, чтобы завязать сношения с этою страной прежде всего, конечно, на почве торговых дел. В этих видах еще в 1890 году она заключила с Китаем конвенцию, которую дополнила в 1893 г. особыми правилами для торговли. Наиболее существенным пунктом этих правил следует считать устройство в Ятунге торгового рынка с разрешением правительству Индии посылать в этот пункт своих офицеров для пребывания там и наблюдения за производством торговли. Затем, со свойственной ей последовательностью, Англия шла по намеченному пути, когда образ действий Тибета и китайских властей в стране в связи с участвовавшими сношениями нашими с Далай-Ламою явились препятствием к достижению поставленной цели, она не задумалась воспользоваться благоприятным политическим моментом и снарядила военную экспедицию в Хлассу (Лхасу), завершившуюся новым договором, который доставил ей и новые преимущества.

Последние определяются полковником Юнгхезбандом (Янгхазбеном), подписавшим от имени индийского правительства этот документ, следующим образом: «Заключенное нами соглашение точно определяет наши границы, ставит наши торговые сношения с Тибетом на вполне удовлетворительную почву и дает нам право, если бы мы того пожелали, исключить из страны всякое иностранное влияние».

Наконец, в самое последнее время Англия заключила с Китаем договор¹, первую статью коего утверждает конвенция Юнгхезбанда 7 сентября 1904 года.

Таковы факты. Они с наглядностью убеждают, что Англия имеет в Тибете такие права

и преимущества, с которыми нельзя не считаться, не говоря уже о том, что страна эта граничит с индийскими владениями. Обстоятельство это весьма наглядно сказалось во втором пункте предложений великобританского правительства, указывающем на преимущественные интересы Англии, обоснованные именно на географическом положении.

Эквивалента подобным данным Россия выставить не может. Единственным нашим аргументом являются религиозные интересы, а затем никаких средств воздействия на Тибет мы не имеем, и если в последнее время шла речь о возможности влияния нашего в означенной стране, то все планы наши в этом отношении были построены исключительно на тяготении к России нынешнего Далай-Ламы, который мечтает о том, чтобы при нашей поддержке добиться для Тибета полной самостоятельности, не принимая при этом во внимание всех происшедших за последнее время событий². Но на такой почве нельзя строить расчетов на будущее: зависимость политики от личности — слишком шаткое основание вообще, а в вопросе тибетском в особенности, если только принять в расчет, что буддийские первосвященники никогда не умирали естественной смертью и всегда быстро сходили со сцены, служа лишь игрушкой в руках правящего на деле страной высшего местного духовенства. Более чем вероятно, что нынешнего главу буддийского мира постигнет участь его предшественников, и тогда в Хлассе могут восторжествовать иные течения, нам совершенно противные. При таких условиях соглашение, связывающее свободу действий англичан, окажется весьма ценным и явится именно тем фундаментом, на котором может быть построено здание наших взаимных отношений с Англией в тибетском вопросе.

Затем, само собою разумеется, что предложенные Лондонским Кабинетом пункты соглашения могут быть подвергнуты изменениям и дополнениям, дабы не оставлять места сомнениям, столь нежелательным в таком серьезном деле.

С этой точки зрения нельзя прежде всего не обратить внимание на второй пункт английских предложений. Не ясно, о каких «внешних сношениях» в нём говорится и как понимать по отношению к последним слово «disturbed».

Если судить по некоторым признакам и данным, следует думать, что англичане в настоящем случае разумеют сношения Далай-Ламы с Россией. Сношения эти, начатые впервые в 1898 году чрез посредство хамбо Агвана Доржиева, с тех пор продолжались непрерывно, и как бы в ответ на приезд названного тибетского посланца в 1900 году с официальною миссией, Императорское правительство поспешило учредить консульство в Дацинлу (Дяцзяньлу), для управления коим был послан бурят Буда Рабданов, имевший [целью] поддерживать сношения с Далай-Ламой. Хотя возложенному на Рабданова поручению был придан вполне секретный характер и консульства он не открывал, живя в стране в качестве простого паломника, тем не менее поездка его не осталась тайною, и слух о ней

проник в английскую печать и успел возбудить против нас общественное мнение Англии.

Сношения наши с Далай-Ламой вполне естественно должны беспокоить великобританское правительство, и стремление последнего заключить их в известные рамки отвечает сущности предложенного соглашения, устанавливающего невмешательство заинтересованных сторон в дела Тибета.

В том же пункте говорится о преимущественных интересах Англии, основанных на географическом положении. Признание нами этих интересов представит, конечно, существенную важность для англичан, и мы могли бы, быть может, воспользоваться этим обстоятельством, чтобы, с своей стороны, добиться известных выгод, хотя бы и в иной сфере наших действий.

Во всяком случае, по пункту 2 необходимо будет войти в более подробные объяснения с здешним великобританским послом и побудить его определеннее высказаться о значении сделанных предложений.

Следует также обратить внимание на сделанное к пяти пунктам добавление о том, что никакие русские официальные лица не могут пребывать в Тибете. Едва ли такое одностороннее обязательство допустимо, особенно если принять в соображение, что на основании V статьи договора Юнгхезбанда англичанам предоставлено право иметь агентов в открытых для торговли рынках и что тому из них, который будет находиться в Гиантце, разрешается в известных случаях посещать Хлассу.

Предположенное ограничение, казалось бы, не должно относиться к ученым экспедициям, исследования коих служат высшим целям, одинаково всех интересующим и не касающимся дел политики.

Предварительно дальнейших переговоров с здешним великобританским послом пред-

ставляется соответственным запросить заключений нашего посланника в Пекине по существу сделанных сэром Артуром Никольсом предложений, освещение коих с местной точки зрения может дать полезный материал для окончательного суждения о предмете.

С тою же целью — найти прочные основы для наилучшего решения вопроса — желательно ознакомиться с соображениями наших ученых и знатоков тибетского вопроса, которых я полагал бы созвать на особое по этому предмету совещание.

При таких условиях мы могли бы приступить к делу во всеоружии знания, ясно и определенно осознав наши цели и стремления, что даст нам возможность вести переговоры без колебаний и, таким образом, обеспечить наилучший успех их.

Особенно знаменательным представляется тот факт, что великобританское правительство начало переговоры с нами об общем соглашении тибетского вопроса и сделало нам определенные предложения по существу, как сказано выше, вполне отвечающие нашим интересам. В этом факте нельзя не усмотреть действительного желания Англии прийти к известному практическому результату, и обстоятельством этим нам нельзя не воспользоваться.

Тибетский вопрос представляет именно ту почву, на которой легче всего сойтись с Англией, особенно ввиду уже ранее принятых ею на себя обязательств в ответ на нашу уступку в египетском деле³. Таким образом, начиная с этого вопроса, Лондонский Кабинет имеет очевидно в виду сразу дать переговорам благожелательную окраску, что представляет существенное значение для дальнейших объяснений по таким пунктам, где примирение обоюдных интересов связано с большими трудностями. С другой стороны, конечно, нельзя упускать из виду, что, давая в тибет-

ском деле такую схему для соглашения, которая широко ставит вопрос и идет навстречу нашим требованиям, Англия по существу мало что теряет, так как преимущественное положение ее в отношении к Тибету всегда будет давать ей возможность пользоваться таким влиянием, которое для нас окажется недостижимым. Наконец, следует заметить, что, в случае если бы по другим более сложным вопросам не могло состояться соглашения, у Лондонского Кабинета всегда окажется возможность предложить нам закрепить относительно Тибета то, что будет выговорено, и, таким образом, в случае нашего на то согласия, всё же будет достигнут известный результат.

Как бы то ни было, но не подлежит сомнению, что Англией сделан ныне такой шаг, который ясно и определенно свидетельствует о полной готовности ее идти на соглашение.

Нам следует с такою же прямою и откровенностью отнестись к делу и, оставив в стороне всякие мелкие политические расчеты, широко взглянуть на вопрос о сближении с Англией в сознании важности последнего для первостепенных государственных интересов.

С этой точки зрения тибетское дело явится тем пробным камнем, который даст возможность обнаружить искренность обоюдных намерений.

Необходимо поэтому, ясно наметив преследуемую цель, устранить всякие привходящие элементы, которые могут лишь вселить недоверие в Англии и, таким образом, в корне подорвать дело соглашения с нею.

С этой точки зрения нельзя не остановиться на вопросе о сношениях наших с Тибетом. Сношения эти за последнее время в значительной мере ускользали от прямого, непосредственного ведения Министерства иностранных дел, что, естественно, придает им

характер двойственности, могущей вселить недоверие к нашим намерениям⁴.

При настоящих условиях такая постановка вопроса должна быть безусловно осуждена и, раз принципы, положенные Англией в основу соглашения, будут нами приняты, необходимо будет их держаться твердо и неуклонно, свидетельствуя тем о полной нашей искренности как о необходимом условии всякого сближения.

Только при таком отношении к делу возможно рассчитывать на успех стараний наших к осуществлению стоящей пред нами крупнейшей политической задачи — соглашения с Англией на почве взаимных интересов.

Вышеизложенные соображения осмеливаясь повергнуть на Всемиловейшее благоволение Вашего Императорского Величества.

С.-Петербург, Извольский.

Николай II на Записке собственноручно начертал: «Разделяю высказанные Вами соображения и уполномочиваю Вас вступить в объяснения с английским послом». Петергоф, 30 мая 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 103—109 и об., 110. Подлинник.

¹ Речь идет о конвенции между Великобританией и Китаем относительно Тибета. Подписана в Пекине 27 апреля 1906 г. Конвенция носила противоречивый характер. С одной стороны, она признавала действительность Лхасской конвенции 1904 г., согласно которой Тибет подпадал под контроль Великобритании, а с другой — в ней утверждалось, что правительство Великобритании не будет «аннексировать территорию Тибета и не будет вмешиваться в управление Тибетом».

² «Происшедшие за последнее время события» в России — русско-японская война 1904—1905 гг. и революция 1905 г.

³ «Египетское дело» — см. примеч. 1 к док. 21.

⁴ Содержание этого абзаца документа дает основание сделать вывод о том, что русско-тибетскими отношениями до 1906 г. занималось главным образом Военное министерство, а не Министерство иностранных дел России.

№ 55

1906 г. мая 31. — Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А. П. Извольского о заявлении послу Великобритании в Петербурге А. Никольсону о том, что правительство России готово вести с ним переговоры по тибетскому вопросу

Вследствие полученного мною от Вашего Императорского Величества Всемиловейшего разрешения я заявил посетившему меня вчера великобританскому послу, что Императорское Правительство согласно вступить с ним в объяснения по вопросу о Тибете на основании сделанных им письменных предложений. «Мы вполне признаем, сказал я, широкий и примирительный характер этих предложений и готовы, с нашей стороны, отнестись к ним столь же широким и примирительным образом. Но прочное соглашение по выдвинутому вопросу возможно лишь при том условии, чтобы между сторонами не оставалось ничего не договоренного и не выясненного. Необходимо поэтому прежде всего разъяснить точный смысл 2-го пункта английских предложений, в котором сказано, что Англия, в силу своего географического положения, особенно заинтересована в том, чтобы никакая другая держава не нарушала (disturb) внешних сношений Тибета. О каких внешних сношениях Тибета здесь идет речь и какие именно действия другой державы — в данном случае, очевидно, России — могут их нарушить? Если у Англии имеются по отношению к Тибету специальные интересы, обусловленные географическим положением, то нельзя не признать и за Россией по отношению к той же стране соответствующих интересов, вытекающих из религиозной зависимости весьма значительного числа русских подданных буддистов от главы тибетского государства. Эта религиозная зависимость подает нам повод к

сношениям с Далай-Ламой, отнюдь не имеющим политического характера и не составляющим вмешательства во внутренние тибетские дела. Было бы справедливым изменить текст 2-го пункта предложений соответственно с вышесказанными соображениями. Точно так же требует разъяснения и приписка к предложенным пунктам, в силу коей в пределы Тибета не должны допускаться никакие русские должностные лица (officials). Всему свету известны заслуги экспедиций, снаряжаемых от времени до времени русским Географическим обществом для научного исследования Тибета; в экспедициях этих весьма часто принимают участие лица, состоящие на русской государственной службе. Необходимо оговорить, что сказанною припискою не имеется в виду препятствовать деятельности наших ученых экспедиций».

Сэр Артур Никольсон внимательно выслушал мои заявления и обещал мне довести их до сведения своего правительства.

О вышеизложенном приемлю смелость повергнуть на Всемиловейшее благовоззрение Вашего Императорского Величества.

Извольский.

С.-Петербург.

На листе 111 стоит знак, свидетельствующий, что царь Николай II читал этот документ.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 111—112 и об. Подлинник.

№ 56

1906 г. июня 2. — Секретная телеграмма министра иностранных дел А. П. Извольского посланнику в Пекине Д. Д. Покотилову с изложением предложений правительства Великобритании правительству России по тибетскому вопросу

(Шифром)

Вновь прибывший в С.-Петербург великобританский посол заявил мне, что ему поручено вступить с нами в переговоры об общем соглашении по вопросам, одинаково интересующим Россию и Англию.

Начав с тибетского вопроса, он передал мне текст Англо-Китайской конвенции от 27 апреля, сущность коей сообщается Вам телеграммой № 2, и записку с предлагаемыми нам Англией нижеследующими пятью пунктами:

1. Россия и Англия признают сюзеренитет Китая и обязуются не нарушать территориальной неприкосновенности Тибета и воздерживаться от вмешательства в его внутреннее управление.

2. Россия признает, что Великобритания, в силу своего географического положения, заинтересована в том, чтобы внешние сношения Тибета не нарушились никакою другою державой.

3. Оба правительства обязуются не посылать представителя в Лхассу.

4. Они соглашаются не добиваться ни для себя, ни для своих подданных концессий дорожных, телеграфных, горных или же иных прав в Тибете.

5. Они соглашаются, чтобы никакие доходы Тибета не отчуждались ни в их пользу, ни в пользу их подданных.

Прибавка к пунктам гласит, что русские должностные лица не могут пребывать в Тибете ни в каком качестве.

Вышеизложенные предложения несомненно имеют в общем широкий и примирительный характер, а потому я ответил, с Высочайшего соизволения, Никольсону, что мы готовы вступить с ним в объяснения на предложенных основаниях, но вместе с сим я высказал ему, что необходимо прежде всего разъяснить истинное значение 2-го пункта предложений. Если Англия вследствие свое-

го географического положения имеет по отношению к Тибету специальные интересы, то следует признать и за Россию соответствующие интересы, вытекающие из религиозной зависимости ее подданных-буддистов от главы тибетского государства. Эта зависимость подает нам повод к сношениям с Далай-Ламой, не имеющим никакого политического характера и не составляющим вмешательства во внутренние тибетские дела. Было бы справедливо поэтому соответственным образом изменить редакцию 2-го пункта. Кроме того, прибавка к пунктам не должна препятствовать снаряжению в Тибет русских ученых экспедиций.

Великобританский посол обещал довести мои соображения до сведения своего правительства. В ожидании его ответа и прежде чем дать дальнейший ход переговорам, я желал бы ознакомиться с Вашим взглядом как на Англо-китайскую конвенцию¹, так и на сделанные нам Англией предложения. Как Вы смотрите на общую постановку вопроса, сущность коей заключается в возвращении Тибета под китайский сюзеренитет и во взаимном обязательстве Англии и России не нарушать территориальной целостности Тибета и не вмешиваться в его внутреннее управление? Считаете ли Вы предлагаемые Англией гарантии достаточными и полагаете ли Вы, что мы можем принять 1, 3, 4 и 5-й пункты записки? Пункт 2 в настоящем его виде очевидно для нас не приемлем, и я просил бы Вас указать, в каком смысле его следовало бы изменить.

Николай II на проекте телеграммы написал: «Согласен». Петергоф,

2 июня 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 114 и об., 115. Подлинник.

¹ Англо-китайская конвенция — см. примеч. 1 к док. 54.

№ 57

1906 г. июня 3. — Секретное письмо министра иностранных дел А. П. Извольского послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу с сообщением о согласии правительства России вести переговоры с английским послом в Петербурге А. Никольсоном по тибетскому вопросу на основе предложений правительства Великобритании

Телеграммой от 26 мая с. г. я имел честь уведомить Ваше Сиятельство, что вновь прибывший сюда великобританский посол заявил мне, что ему поручено вступить с Императорским правительством в переговоры с целью прийти к формальному соглашению по ряду вопросов, одинаково интересующих Россию и Англию. При этом сэр Артур Никольсон предложил принять для этих переговоров ту же систему, которая в свое время привела к заключению Англо-Французского соглашения¹, а именно рассмотреть вышесказанные вопросы один за другим и постараться по каждому из них установить общую точку зрения, не приходя, однако, по ним в отдельности к окончательному решению. Затем, когда выяснится возможность полного единодушия, могло бы состояться общее соглашение по всем вопросам в их совокупности.

Я ответил послу, что лично не встречаю никаких затруднений приступить к делу на указанных им основаниях. Тогда сэр Артур Никольсон высказал готовность начать с обсуждения вопроса о Тибете и, изложив вкратце последний фазис отношений Англии к этой стране, вручил мне препровождаемый при сем текст заключенной недавно по этому вопросу конвенции с Китаем, присовокупив, что текст этот может оказаться дословно не вполне точным, так как подлинная конвенция в Лондоне еще не получена, а потому он предоставляет себе, в свое время, исправить и дополнить свое сообщение.

Вслед за сим сэръ Артур Никольсон приступил к изложению пунктов предполагаемого соглашения между Россией и Англией по тому же предмету, а на следующий день он доставил мне эти пункты письменно, в форме записки, которую считаю долгом приложить при сем в копии.

Последовавший вслед за сим довольно длинный разговор коснулся обратного путешествия Далай-Ламы в Тибет, а также отчасти положения дел в Монголии. При этом я всё время старался держаться в пределах объяснений, данных в минувшем апреле графом Ламздорфом великобританскому поверенному в делах и в полной мере подтвердил моему собеседнику успокоительные уверения моего предшественника насчет полного отсутствия у нас намерения вмешиваться во внутренние дела Тибета, присовокупив, что с нашей стороны приняты все меры к тому, чтобы добровольно вызвавшиеся сопровождать Далай-Ламу буряты ни в каком случае не переходили границы Тибета. Единственное наше желание, сказал я в заключение, — это чтобы в Тибете как можно скорее был восстановлен нормальный порядок, ибо этого требуют религиозные интересы многих тысяч наших подданных бурят.

Предложения великобританского правительства были мною самым тщательным образом рассмотрены и повергнуты на Высочайшее благоволение Государя Императора при всеподданнейшей записке, прилагаемой у сего в копии. На записке этой Государю Императору благоугодно было начертать: «Разделяю высказанные Вами соображения и уполномочиваю Вас вступить в объяснения с английским послом».

Вследствие такового Высочайшего разрешения я при следующем свидании заявил сэру А. Никольсону, что Императорское правитель-

ство согласно вступить с ним в переговоры по вопросу о Тибете на основании сделанных им письменных предложений. «Мы вполне признаем, сказал я, широкий и примирительный характер этих предложений и готовы с нашей стороны отнестись к ним столь же широким и примирительным образом. Но прочное соглашение по выдвинутому вопросу возможно лишь при том условии, чтобы между сторонами не оставалось ничего не договоренного и не выясненного. Необходимо поэтому прежде всего разъяснить точный смысл второго пункта английских предложений, в котором сказано, что Англия в силу своего географического положения особенно заинтересована в том, чтобы никакая другая держава не нарушала (disturb) внешних сношений Тибета. О каких внешних сношениях Тибета здесь идет речь и какие именно действия другой державы — в данном случае, очевидно, России — могут их нарушить? Если у Англии имеются по отношению к Тибету специальные интересы, обусловленные географическим положением, то нельзя не признать и за Россией, по отношению к той же стране, соответствующих интересов, вытекающих из религиозной связи весьма значительного числа русских подданных буддистов с главою тибетского государства. Эта связь подает нам повод к сношениям с Далай-Ламой, причем сношения эти отнюдь не имеют политического характера и не составляют вмешательства во внутренние дела Тибета. Было бы справедливым изменить текст второго пункта предложений соответственно с вышесказанными соображениями. Точно так же требует разъяснения и приписка к предложенным пунктам, в силу коей в пределы Тибета не должны допускаться никакие русские должностные лица (officials). Всему свету известны заслуги экспедиций, снаряжаемых от времени до времени Русским

Географическим обществом для научного исследования Тибета; в экспедициях этих весьма часто принимают участие лица, состоящие на государственной службе. Необходимо оговорить, что сказанною припискою не имеется в виду препятствовать деятельности наших ученых экспедиций».

Сэр Артур Никольсон внимательно выслушал мои заявления и обещал мне довести их до сведения своего правительства.

Ознакомясь со всем вышеизложенным, Ваше Сиятельство несомненно придете, вместе со мною, к заключению, что английское правительство действительно поставило вопрос о Тибете весьма широким и примирительным образом; сущность его плана заключается в том, чтобы возвратить Тибет под сюзеренитет Китая и установить до известной степени между Россией и Англией то, что называется «un protocole de desinteressement». Такую постановку вопроса мы можем принципиально признать для нас желательною и выгодною, и я считал бы пункты 1, 3, 4 и 5 предложений в общем приемлемыми; что же касается до пункта 2 и прибавки, то они должны быть или вовсе исключены, или подвергнуться изменению и разъяснению в соответствии с высказанными мною сэру Артуру Никольсону соображениями.

В тесной связи с настоящими переговорами стоит вопрос о возвращении Далай-Ламы в Тибет. Из весьма секретного источника мы осведомились, что великобританское правительство относится к этому возвращению совершенно отрицательно и, считая Далай-Ламу открыто себе враждебным, предвидит, в случае водворения его в Хлассу, возникновение недоразумений и возможность вследствие этого новой военной экспедиции в Тибет. Такой оборот дела очевидно сразу положит ко-

нец всякой попытке к общему соглашению с Англиею. Необходимо поэтому тщательно изъяснить, имеются ли достаточные основания для нашего стремления возвратить Далай-Ламу в Хлассу.

Мною уже приняты меры с целью выяснить, как относится Китай к возвращению Первосвященника в Тибет², в чём именно состоят собственные планы и желания Далай-Ламы и где он в настоящее время находится.

В заключение считаю долгом покорнейше просить Ваше Сиятельство сообщить мне Ваше мнение о сделанных нам Англиею предложениях и о том, какое направление было бы желательно, на Ваш взгляд, дать дальнейшим переговорам об этом предмете.

Николай II на проекте письма начертал: «Согласен». Петергоф, 3 июня 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 117—121 и об. Подлинник.

¹ Англо-французское соглашение 1904 г. положило начало созданию Антанты.

² Правительство в Пекине в это время выступало за возвращение Далай-ламы в Тибет.

№ 58

1906 г. июня 6. — Отчет о совещании у министра иностранных дел А. П. Извольского по вопросу о судьбе Далай-ламы — возвращаться ли ему в Тибет или временно поселиться в Кукуноре

ОТЧЕТ СОВЕЩАНИЯ ПО ТИБЕТСКИМ ДЕЛАМ

Присутствовали кроме чинов Министерства иностранных дел следующие лица:

Действительный тайный советник П. П. Семенов, вице-председатель Императорского Русского географического общества.

Тайный советник Я. П. Шишмарев, бывший российский генеральный консул в Урге.

Тайный советник А. М. Позднеев¹, член Совета Министерства народного просвещения.

Генерал-лейтенант Н. М. Чичагов, командир отдельного корпуса пограничной стражи Заамурского военного округа².

Генерал-лейтенант И. П. Надаров, бывший военный губернатор Забайкальской области и бывший начальник тыла армий.

Князь Э. Э. Ухтомский.

Действительный статский советник С. Ф. Ольденбург, непременный секретарь Императорской Академии наук.

Действительный статский советник В. В. Владимиров, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий, и капитан П. К. Козлов³, путешественник.

Совещание прежде всего приступило к определению положения Далай-Ламы в буддийском мире.

Из происшедшего обмена мнений выяснилось, что первоначально высшая власть в Тибете сосредоточивалась в руках одного Таши-ламы, но что затем последний оставил за собой лишь административную часть, а духовное руководство перешло к Далай-Ламе, который с тех пор и занимает первенствующее положение в духовной иерархии ламаитов. При этом, конечно, не следует упускать из виду, что Тибет является составной частью Китая, который осуществляет свое верховенство чрез посредство двух амбаней⁴, располагающих известным количеством войск, впрочем весьма ограниченным.

Что касается нынешнего, тринадцатого Перерожденца, то ввиду его исключительных личных качеств и аскетического образа жизни он пользуется особым почетом и уважением в глазах буддистов всего света, отовсюду стекающихся к нему на поклонение. С другой стороны, необходимо, однако, иметь в виду, что, оторванный от родной почвы, вдали от священных монастырей Тибета, Первосвященник легко может утратить свое настоящее влияние.

Перейдя к вопросу о том значении, которое Тибет представляет собою для России, члены Совещания высказались в том смысле, что в стране этой Россия не имеет непосредственных интересов. Поэтому тибетский вопрос является одним из тех, по которым легче всего сговориться с англичанами, и им следовало бы воспользоваться для того, чтобы в этой области сделать возможные уступки взамен выгод, которые мы могли бы получить от них в других делах, имеющих для нас более существенное значение. Мы заинтересованы Тибетом прежде всего в том отношении, что среди наших подданных имеется немало число буддистов, вследствие чего нам, конечно, выгодно пользоваться расположением их духовного главы, всеми ими признаваемого и почитаемого. Есть затем и другая сторона вопроса, специально затрагивающая Россию, а именно наше первенство в деле научных исследований Тибета. Заслуги наших путешественников и ученых в этой области признаются всеми, между прочим и англичанами, и нам во всяком случае следует по мере возможности отстоять для русской науки право свободно идти вперед по открытому ею пути.

Относительно нынешнего Далай-Ламы затем высказано, что, являясь другом России и ввиду условий, созданных на юге Тибета его политикой, он признается великобританским правительством за лицо, враждебное Англии, и потому не желателен ей в качестве владельца страны. По общему убеждению, можно даже предполагать, что в случае возвращения его в Лхассу англичане вновь вмешаются в дела страны. Хотя сам Далай-Лама и стремится вернуться в Тибет, сознавая насколько он утрачивает свое значение вне его пределов, но он отдает себе всё же полный отчет в том, насколько это было бы опасно для него в настоящий момент.

Что же касается до отношения Англии к Тибету, то само собою разумеется, что последний ввиду близкого соседства с Индией представляет для Англии гораздо большее значение, чем для нас; у англичан имеются в Тибете исторически сложившиеся торговые и политические интересы, жизненность которых вне сомнения; кроме того, англичане обладают вполне действительными средствами воздействия на Тибет, которых мы не имеем. Из этого следует, что Россия должна стараться обеспечить свои немногочисленные интересы путем дипломатического соглашения с великобританским правительством, так как иного способа действий нет и мы лишены возможности предпринять что бы то ни было наперекор Англии.

Вместе с тем нельзя забывать, что мы как бы то ни было связаны некоторыми нравственными обязательствами по отношению к Далай-Ламе и потому не можем не принять всех зависящих от нас мер к обеспечению его личной безопасности и, насколько это возможно, к сохранению нынешнего его положения и авторитета. Именно этим и определяется та задача, решение которой нам предстоит в настоящую минуту.

Совещанию было указано, что, согласно имеющимся в распоряжении Министерства иностранных дел данным, имеется основание рассчитывать на возможность путем дипломатических переговоров обезопасить Тибет от всяких посягательств со стороны англичан, т. е., иными словами, добиться такого рода соглашения, которое в дипломатической терминологии носит название «*im protocole de desinteressement*».

Путём обмена мнения выяснилось, что заключение подобного соглашения могло бы считаться приемлемым и даже выгодным для России.

Затем оставалось лишь решить вопрос о том, каким образом выполнить наши обязательства нравственного свойства по отношению к Далай-Ламе, т. е. обезопасить его жизнь и сохранить за ним его положение. По этому поводу было высказано, что всякое несчастье, которое постигло бы Далай-Ламу в ближайшем будущем, вне всякого сомнения, было бы истолковано буддистами как несоблюдение Россией своих обещаний, породило бы в них предположение о нашей слабости и, таким образом, подорвало бы в глазах огромного буддийского мира обаяние России и доверие к ее мощи и силе. Принимая во внимание вероятную невозможность согласиться с англичанами о нынешнем Далай-Ламе ввиду их враждебного к нему отношения и отсутствия у нас всяких средств к оказанию ему активной поддержки, единственным исходом из этого затруднительного положения являлось бы поселение его поблизости к центру Тибета в расчете, что он мог бы продолжать оказывать, и не возвращаясь в Лхассу, влияние не только на тибетцев, но и на жителей Монголии, не подвергаясь в то же время какой-либо опасности. По указаниям знатоков Тибета, наиболее удобным пунктом для этой цели являлся бы один из монастырей на плоскогорье Кукунора. Эта местность, находящаяся в сфере влияния Тибета, напоминает собой Монголию в том отношении, что она находится в руках полунезависимых князей. Плоскогорье это представляет собой то крупное удобство, что для России сношения с ним не особенно затруднительны, со стороны же Индии доступ туда хотя и возможен с юго-востока, но тем не менее очень нелегок. Во всяком случае пребывание Далай-Ламы в Кукуноре лишило бы Англию возможности следить за всеми действиями его с такой же легкостью, как в Лхассе, которая, конечно, гораздо более доступна английскому контролю.

Такого рода исход из положения был единоголосно признан наиболее отвечающим нашим интересам, тем более что, по словам г. Козлова, с таким разрешением вопроса, вероятно, согласится и сам Далай-Лама, лично говоривший г. Козлову, что хотя он и стремится вернуться в Тибет, но дальше Кукунора, должно быть, не пойдет, намереваясь выждать там дальнейшего развития событий.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 409, л. 288—290 и об., 291. Копия.

¹ А. М. Позднеев — русский монголовед. С 1884 г. — профессор Петербургского университета; в 1899—1903 гг. — профессор и директор Восточного института во Владивостоке; с 1903 до 1917 г. — член Совета при Министерстве народного просвещения. В 1876—1878 гг. и в 1892—1893 гг. путешествовал по Монголии. Написал ряд фундаментальных трудов по истории, этнографии и религии монголов.

² Заамурский военный округ охватывал территорию полосы отчуждения КВЖД в Маньчжурии.

³ П. К. Козлов (1863—1935) — российский и советский исследователь Центральной Азии. В 1899—1901 гг. руководил Монголо-Тибетской экспедицией в верховья рек Хуанхэ, Янцзы и Меконг, во время которой были собраны важные материалы о геологии, климате, растительности и животном мире Тибетского нагорья и о малоизвестных восточнотибетских племенах. В 1907—1909 гг. возглавил Монголо-Сычуаньскую экспедицию, открывшую в пустыне Гоби остатки древнего города Хара-Хото; в 1923—1926 гг. совершил Монголо-Тибетскую экспедицию, во время которой в горах Хэнтэй был открыт и исследован курганный могильник гуннской знати — Ноин-Ула.

⁴ Один (главный) амбань находился в Лхасе, второй амбань — в г. Шигацзе.

№ 59

1906 г. июня 11. — Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А. П. Извольского с мнением о том, чтобы Далай-лама временно поселился в пределах Китая поблизости от Тибета

В тесной связи с переговорами между нами и Англией о Тибете находится вопрос о возвращении Далай-Ламы в Хлассу.

Руководствуясь Высочайшею пометой Вашего Императорского Величества на телеграмме по сему предмету посланника в Пекине от 5 июня, я не преминул подвергнуть этот вопрос самому тщательному обсуждению и всесторонне взвесить все обстоятельства дела.

Осмеливаюсь ныне повергнуть на Всемилостивейшее благовоззрение нижеследующие соображения.

Озабочиваясь дальнейшею судьбою Далай-Ламы, следует прежде всего иметь в виду полную вероятность его гибели в случае возвращения в Хлассу, а потом естественно возникает вопрос, можем ли мы желать этого возвращения и тем более ему способствовать.

Нет сомнения, что если по прибытии в Тибет Первосвященника постигнет участь его предшественников, то это отразится весьма невыгодным образом на обаянии русского имени, так как Далай-Лама не переставал пользоваться нашею нравственной поддержкою и находился в постоянных с нами сношениях.

С другой стороны, необходимо принять во внимание отрицательное отношение великобританского правительства к Первосвященнику и возможность, в случае водворения последнего в Хлассе, новой военной экспедиции англичан в Тибет. Такой оборот дела свел бы на нет все усилия, направленные к соглашению с Англиею. Следует, конечно, принять все меры к тому, чтобы предупредить подобные последствия. С этою целью представляется желательным дать понять Далай-Ламе, как смотрят на него англичане и что ожидает поэтому Тибет в случае возвращения его в Хлассу. Подобный шаг оправ-

дывался бы неизменным участием нашим к судьбе Первосвященника и проявленным с его стороны тяготением в сторону России. Если бы он затем решился вернуться, то с нас, конечно, будет снята всякая ответственность за дальнейшую его участь, тем более что с точки зрения ожиданий Далай-Ламы на нашу помощь мы можем считать себя свободными от упреков, ввиду обязательств, коими мы связали англичан относительно Тибета еще задолго до того, как выяснилось их неприязненное отношение к нынешнему духовному главе буддистов.

Но существенно важным представляется обставить вопрос о возвращении Первосвященника в Хлассу и в отношении к великобританскому правительству.

В этих видах желательно вызвать англичан на объяснения по сему предмету, и если при этом, как следует ожидать, выяснится отрицательное отношение их к личности Далай-Ламы, мы могли бы заявить, что нисколько не настаиваем на его возвращении: что в данном случае приходится считаться не с нами, а с китайцами и что мы готовы были бы даже, не ручаясь, конечно, за успехи, сделать попытку воздействовать на Первосвященника в желательном направлении.

Если бы этот план удался и Далай-Лама остался где-либо поблизости [от] Тибета или на его границах, то такой выход из положения представлялся бы наиболее отвечающим нашим интересам как вполне обеспечивающий возможность прочного соглашения с Англией по тибетскому вопросу.

С.-Петербург, Извольский.

11 июня 1906 года.

Николай II на записке начертал: «Одобряю». Петергоф, 12 июня 1906 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 129—131. Подлинник.

№ 60

1906 г. июня 12. — Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А. П. Извольского с предложениями, на основе которых должны вестись его переговоры с английским послом в Петербурге А. Никольсоном по тибетскому вопросу

Заключения, высказанные посланником в Пекине, относительно предложенных англичанами пунктов соглашения по тибетскому вопросу, в связи с соображениями бывшего у меня 6 сего июня совещания, дают возможность сделать ныне окончательные выводы.

С общей точки зрения необходимо иметь в виду, что в настоящем деле едва ли можно говорить об уступках с нашей стороны в той мере, как это делает посланник в Пекине. Конечно, можно признать характер известной уступки в том, что мы готовы взять на себя те самые обязательства, которые Англия дала Китаю, и факт этот необходимо будет использовать; но следует, во всяком случае, согласиться с тем, что Лондонский Кабинет проявил несомненную готовность отказаться от всяких исключительных притязаний и что если нам удастся провести во все статьи соглашения принцип равноправности сторон, то интересы наши будут обеспечены.

Применяя эти общие положения к делу, можно признать, что пункты 1, 3, 4 и 5 предложенного англичанами соглашения могут быть безусловно приняты, но пункт 2 должен быть изменен. Редакция его, сообщенная действительным с[татским] с[оветником] Покотиловым, представляется, однако, не совсем подходящей. Казалось бы более соответственным изложить этот пункт следующим образом:

«Руководствуясь принципом сюзеренитета Китая над Тибетом, Россия и Англия обязуются вести сношения по тибетским делам не иначе как через посредство китайского

правительства. Обязательство это не касается сношения торговых агентов Англии с местными тибетскими властями по силе договора 1904 года между Великобританиею и Тибетом. Само собою разумеется, что за буддистами — русскими и великобританскими подданными — остается право сношений непосредственно с Далай-Ламой и другими представителями буддийской церкви в Тибете на почве их религиозных потребностей».

Что же касается прибавки к предложенным пунктам, то следует стремиться вовсе ее исключить как совершенно для нас неудобную или придать ей характер двухстороннего обязательства.

Наконец, необходимо будет обеспечить за нами право научных экспедиций, о чём я уже говорил с великобританским послом, но никакого ответа от него еще не получил.

Представляется потому затруднительным ныне же определить, как лучше обставить это дело, и придется отложить разрешение вопроса до дальнейших объяснений с сэром Артуром Никольсоном. Доводя о сем до Высочайшего сведения Вашего Императорского Величества, приемлю смелость испрашивать Всемилостивейшего разрешения продолжать переговоры с великобританским послом на приведенных выше основаниях.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 409, л. 298 и об., 299. Копия.

№ 61

1906 г. сентября 28. — Секретное письмо министра иностранных дел А. П. Извольского посланнику в Пекине Д. Д. Покотилову относительно прекращения официальных отношений с Далай-ламой в связи с прогрессом на англо-русских переговорах по тибетскому вопросу

Секретно

Милостивый государь Дмитрий Дмитриевич,

ход событий за последнее время в Монголии побудил Ваше Превосходительство посвятить целый ряд донесений стремлениям как китайцев, так и японцев упрочить свое влияние в этой области, а равно и тому своеобразному, в известной мере национальному движению, которое пробудилось в местном населении отчасти в связи с пребыванием Далай-Ламы среди монголов. Соображения Ваши о необходимости принять соответствующие меры для поддержания влияния России в Монголии, между прочим и на экономической почве, встретили полное сочувствие Императорского правительства, причем последнее, отпустив в Ваше распоряжение нужные средства, возложило на Вас общее руководство по осуществлению вышесказанных мероприятий.

К проектировавшимся и предпринятым Вами в этой области частным шагам, как, напр[имер], организация агентуры г. Хитрово¹, командировка г. Браунса и т. д., Министерство иностранных дел равным образом относилось вполне сочувственно; мы можем, конечно, лишь в том же духе отнестись и к соображениям общего свойства, изложенным в телеграмме Вашей от 26 и 27 августа по поводу ходатайства князя Удая², причем вопрос о ссуде названному лицу, хотя и не обещающий, как усматривается из переписки, особых политических выгод, мог бы быть, по справедливому замечанию Вашему, разрешен сообразно положительному свидетельству Военного ведомства об услугах, оказанных ему князем Удаем, в каком смысле будут сделаны сношения с министром финансов и начальником Генерального штаба, с которым по вопросу о ссуде князю Удаю происходила в свое время переписка.

Придерживаясь изложенной выше точки зрения, Министерство исходило из сознания важности наших интересов в Монголии и необходимости обеспечить таковые всеми доступными нам средствами; то же сознание побуждает меня несколько подробнее остановиться на телеграмме Вашей, за № 743, касательно прекращения сношений с Далай-Ламой. Из телеграфных инструкций моих Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что при том положении, в которое вступили переговоры между Россией и Англией по тибетским делам, непосредственные официальные сношения с Далай-Ламой или даже сношения через лиц, состоящих на русской государственной службе, так сказать под русским флагом, являлись очевидно несоответственными, особенно с прибытием Первосвященника в Гумбум, после чего сношения его с Лхассой, вероятно, значительно оживятся. Такой образ действий представлялся, конечно, единственно целесообразным и в отношении к китайцам, ввиду стремления богдоханского правительства ближе подчинить Далай-Ламу своему влиянию и ускорить его возвращение в Лхассу. Изложенные обстоятельства, безусловно, должны были повести к заявлению от имени Императорского правительства тем лицам, которые служили официальными или официозными посредниками между русскими представителями и тибетским Первосвященником, что в этой роли мы их не будем более признавать и не будем пользоваться их услугами в означенном направлении. Факт этот не может, однако, почитаться равносильным запрещению всяких сношений русскоподданных с Далай-Ламой, тем более что таковое едва ли и стало бы соблюдаться, а равно не исключает и права Первосвященника делать нам каким-либо случайным путем то или иное вызываемое необходимостью сообщение.

Полное отречение от всяких сношений с Далай-Ламой, особенно пока он не вернулся еще в Лхассу и находится в таком месте, откуда не исключено прямое влияние его на ход событий в Монголии, казалось бы, не вызывается необходимостью.

Отношения наши к Первосвященнику лишь фактически суживаются, и мы должны стремиться сосредоточить таковые в сфере монгольских дел, дабы этим путем использовать означенные отношения для непосредственных наших интересов. Принимая во внимание, что общее руководство деятельностью нашей в этой сфере ближайшим образом возложено на Вас, считаю долгом покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать сообщить Ваши соображения по содержанию настоящего письма.

К сему считаю долгом присовокупить покорнейшую просьбу о том, чтобы Вы изыскали какой-либо способ сделать заявление в указанном в настоящем письме смысле непосредственно г.г. Бимбаеву, Галсанову и Дабданову³, так как участие в этом деле начальника Забайкальской области представлялось бы, на мой взгляд, неудобным.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Извольский.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 409, л. 371—372 и об., 373. Подлинник.

³ А. Д. Хитрово (1860—1921) — с 1906 г. Кяхтинский пограничный комиссар, подполковник Генерального штаба, непосредственный организатор царской разведки в Монголии. До 1906 г. служил в разведотделе штаба Заамурского военного округа, находившегося в Харбине. А. Д. Хитрово расстрелян в 1921 г. в Урге по приказу барона Унгерна, вторгшегося со своей Конно-Азиатской дивизией осенью 1920 г. во Внешнюю Монголию и проводившего оттуда в 1921 г. военные рейды в пограничные районы Советской России. Расстрелян за критику Унгерна.

² Удай — владетельный князь хошуна Чжасакту Чжеримского сейма Внутренней Монголии; установил довольно тесные контакты с командованием царских войск, когда те в 1900—1905 гг. находились в Маньчжурии, а после — с русскими военными чинами в Харбине, управлявшими и охранявшими КВЖД. В августе 1912 г. поднял антикитайское восстание во Внутренней Монголии, которое было подавлено китайскими войсками в сентябре того же года. В 1902 г. Удай обратился к царскому наместнику на Дальнем Востоке адмиралу Е. И. Алексееву с просьбой выдать ему ссуду в сумме 200 тыс. рублей на выкуп у китайцев колонизируемых ими земель в его хошуне. Поскольку Удай в период русско-японской войны помогал русским войскам (не допускал в свой хошун японцев, на территории хошуна базировалась военная разведка во главе с А. Д. Хитрово), царское правительство в 1904 г. приказало Русско-китайскому банку выдать ему просимую сумму. В 1906 г. Удай снова обратился к управляющему КВЖД генерал-майору Д. Л. Хорвату выдать ему еще одну ссуду в размере 320 тыс. руб. 26 июня 1907 г. Особое совещание Совета министров под председательством П. А. Столыпина решило простить Удаю прежнюю задолженность в 200 тыс. рублей и выдать ему новую ссуду в 85 тыс. рублей.

³ Бимбаев, Галсанов, Дабданов — буряты, царские разведчики, находившиеся в Ванкурене во время пребывания там Далай-ламы.

№ 62

1906 г. октября 16. — Секретное письмо министра иностранных дел А. П. Извольского¹ послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу о том, что царское правительство заинтересовано во влиянии Далай-ламы на монголов и не будет содействовать стремлениям китайского правительства вернуть его в Тибет

Развитие переговоров с Англией по тибетским делам побудило меня снабдить посланника в Пекине надлежащими инструкциями касательно отношений наших к Далай-Ламе. Исходя из накопившегося практического опыта, вопрос подлежал рассмотрению с двух различных точек зрения: помимо чисто тибет-

ских интересов, стоявших, в сущности, для нас на заднем плане, долговременное пребывание Первосвященника в Монголии, где он сумел приобрести широкое влияние, выдвинуло вперед соображения о непосредственных русских интересах в этой области Китая.

Обстоятельства, предшествовавшие отъезду Далай-Ламы в Гумбум, подробно изложены в прилагаемом у сего в копии донесении т[итулярного] с[оветника] Кузьминского² и явились последним актом наших сношений с Первосвященником по чисто политической стороне тибетского вопроса; затем д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Покотилову было поручено принять меры к прекращению в будущем подобных сношений в официальной или официозной форме. Принимая, однако, во внимание как весь последний ход событий в Монголии, так и то обстоятельство, что пребывание в Гумбуме вовсе не исключает прямого влияния Далай-Ламы на монгольских князей, я признал нужным в письме от 28 сентября с. г. к посланнику в Пекине, которое также прилагается у сего в копии, подробнее остановиться на этой стороне дела.

Намеченная в означенном письме задача сводится к тому, чтобы на деле ограничить в будущем тибетские дела от монгольских и в сфере последних если не добиваться прямо, то, по крайней мере, не отказываться от тех услуг, которые может нам оказать Далай-Лама благодаря своему обаянию среди монголов и бурят. Такое направление дела представляется целесообразным уже в силу того, что весьма активная политика, коей китайское правительство начинает придерживаться в Монголии, и деятельность японцев, проникающих всё глубже в сопредельные с Россией области застенного Китая, поневоле побуждают нас обратить самое серьезное внимание на такое положение вещей, скрывающее в

себе непосредственную для нас опасность, и не упускать никаких средств к защите наших интересов.

Если китайцы в видах политических — с целью сделать из Далай-Ламы противовес английскому влиянию в Тибете — стараются всячески понудить его вернуться в Лхассу, то мы впредь можем лишь строго воздерживаться от всякого участия в этом деле. С другой стороны, пока Первосвященник будет находиться в Гумбуме, деятельность его окажется в значительной мере направленной в сторону Монголии, откуда целиком извлекается необходимая ему материальная поддержка; учесть это обстоятельство Императорское правительство имеет тем большие основания, что, находясь за пределами Тибета, Далай-Лама фактически не пользуется никакими прерогативами власти чисто в тибетских делах, составляющих предмет близких к окончанию переговоров между Россией и Англией.

Передавая Вашему Сиятельству вышеизложенные соображения и материалы, я считал бы желательным, во избежание неправильных толкований и недоразумений, чтобы Вы, не вызывая специально великобританского министра иностранных дел на объяснения, воспользовались каким-либо удобным случаем в беседах с ним, чтобы дать понять С. Джемскому Кабинету, что, пока Первосвященник, находясь вне пределов Тибета, поддерживает ближайшие связи с монгольскими князьями, мы затрудняемся оставить без всякого контроля деятельность Далай-Ламы в Монголии, а равно его сношения с нашими подданными-буддистами на почве их духовных интересов. В частности, надлежит иметь в виду, что в области чисто монгольских дел мы едва ли будем в состоянии не принимать сообщений, исходящих от Далай-Ламы, который отлично сознает интерес, внушаемый

нам Монголией и значением нашего соседства с ней. Вы могли бы, наконец, откровенно заверить, что ни о каком содействии с нашей стороны стремлениям китайцев вернуть Первосвященника в Лхассу и вообще ни о каком вмешательстве нашем прямом или косвенном в тибетские дела нет и не может быть речи.

Николай II на письме начертал: «Совершенно верно». Царское село, 5 декабря 1906 г. АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 166—167 и об. Подлинник.

¹ А. П. Извольский в это время находился с визитом в Берлине.

² Кузьминский (М. Н. Кузминский) — в 1904—1905 гг. секретарь русского консульства в Урге, в 1906 г. — секретарь консульства в Улясутае.

№ 63

1906 г. ноября 17. — Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А. П. Извольского о получении от Агвана Доржиева благодарственного письма Далай-ламы Николаю II и подарков от него

Прибывший в С.-Петербург из Забайкалья посланец Далай-Ламы, хамбо Агван Доржиев, представил в Министерство иностранных дел благодарственное письмо на Высочайшее Имя и подношения Первосвященника Вашему Императорскому Величеству, Государыне Императрице Александре Федоровне и Государю Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу, перечисленные в прилагаемом у сего списке.

Доводя о вышеизложенном до Высочайшего сведения, приемлю смелость представить у сего Вашему Императорскому Величеству упомянутое письмо и вышесказанные предметы.

Извольский.

С.-Петербург.

17 ноября 1906 года.

На листе стоит знак, свидетельствующий, что документ читал царь Николай II.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 163. Подлинник.

№ 64

Список подарков от Далай-ламы царю Николаю II, царице Александре Федоровне и наследнику Алексею

Для Его Императорского Величества Государя Императора:

- 1) Благодарственное письмо, написанное на шелковом полотне.
- 2) Золоченое бронзовое изображение Будды, с ходаком.
- 3) 10 стенных изображений из жизни Богдо-Цзонхавы¹, создателя желтой религии.
- 4) 3 узелка тибетского золота, весом 15 лан.
- 5) 4 куска курительных тибетских свечей.

Для Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны:

- 1) Ходак, 5 кусков шелковых материй и 3 дордуна.

Для Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Алексея Николаевича:

Бурхан «Аюши», дарующий долголетие, ходак и серебряное корло — эмблема величия и могущественного царствования.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 85, л. 164 и об. Подлинник.

¹ Богдо-Цзонхава — Цзонкаба (1357—1419), основатель буддийской секты Гэлугпа («желтошапочников») в Тибете, оформившей превращение ламаизма в особое направление в буддизме. В 1409 г. основал ламаистский монастырь Галдан, в котором установил сложную систему церковной иерархии. Цзонкаба канонизирован и входит в ламаистский пантеон.

№ 65

1906 г. — Записка кяхтинского пограничного комиссара А. Д. Хитрово о пребывании в Монголии в 1904—1906 гг. Далай-ламы

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ХИТРОВО О ДАЛАЙ-ЛАМЕ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 1906 ГОДА

Нижеизложенные сведения собраны преимущественно из монгольских источников, от приближенных к Далай-Ламе и самого Владыки ламайтов.

Как известно, Далай-Лама прибыл в Ургу в ноябре 1904 года. Побудительной причиной к выезду из Тибета в Монголию послужило самовольное вторжение в пределы английской экспедиции и вероломное ее поведение по отношению к тибетскому военному отряду, поголовно истребленному англичанами, при обстоятельствах, исключающих всякую возможность на оправдание этого варварского поступка. Отряды противников по предварительному соглашению сошлись для взаимных мирных переговоров. У тибетцев, вооруженных фитильными ружьями, были зажжены фитили. Начальник английской экспедиции указал, что боевая готовность тибетцев не согласуется с обычаями мирных совещаний и что фитили должны быть потушены. Пристыженные тибетцы отнеслись с полным доверием к сделанному заявлению и погасили фитили, но после этого тогда же были окружены англичанами, поголовно истреблены, причем начальник тибетского отряда первый пал под ударами и подвергся поруганию. (У него были вырваны вместе с частью ушей драгоценные большие серьги¹.)

Пекинское правительство, несмотря на протест Далай-Ламы, оставалось к этим печальным событиям совершенно равнодушным. Судя по началу и подозревая со стороны англичан и живущих на службе в Тибете китайцев возможность вероломного покушения на свою особу, Далай-Лама решил временно оставить Тибет и удалиться в пределы Монголии, приграничной к России, именно в Ургу,

где, находясь в совершенной безопасности, предполагал через сношения с Богдыханом выяснить свое дальнейшее положение и восстановить свои погранные англичанами права, надеясь при этом встретить негласную или гласную поддержку русских в лице местного консула².

Дальнейший ход событий показал, что в расчеты пекинского правительства не входило оставление Далай-Ламой своей резиденции в Тибете, что на самых первых порах и было выражено предписанием из Пекина, данным ургинскому хутухте, чтобы он не оказывал прибывающему Далай-Ламе присвоенных ему высоких почестей. Со стороны русского консульства Далай-Лама встретил любезное, но чрезвычайно сдержанное отношение, сложившее как у Далай-Ламы, так и его приближенных убеждение, что консул в Урге тяготеет сношениями и под всякими предложениями отстраняется от них и избегает свидания с Первосвященником и его доверенными.

Отрадной страницей в сношениях с русскими был проезд через Ургу посланника Покоилова, посетившего Далай-Ламу, вручившего ему подарок Государя Императора (перстень с портретом Монарха, усыпанный бриллиантами) и давшего общие обещания о возможной поддержке³.

Опуская мелкие подробности, можно свидетельствовать, что за время пребывания Далай-Ламы в Урге между ним, его двором и хутухтой с двором последнего шли непрерывные недоразумения, с русским же консульством — натянутые скрытые отношения и окончательная потеря к нему всякого доверия. Обе эти причины равносильно вызвали решение Далай-Ламы перенести свою резиденцию в Ван-хурень (Ван-курень), отстоящий от Урги в 350 верстах на северо-запад и в таком же расстоянии от Кяхты на юго-восток.

Для непосредственных же сношений с русским правительством Далай-Лама отправил в Петербург своего поверенного Хамбо-Доржиева. Перед тем русский консул г. Люба 13 августа отбыл в продолжительное путешествие, из которого возвратился только в 20 числах ноября.

Прервав сношения с консульством, Далай-Лама для своих сношений с Петербургом избрал путь через Кяхтинское пограничное комиссарство, точнее сказать через переводчика комиссарства, русского чиновника бурята г[—на] Бимбаева, роль которого определилась, как совершенно частного человека, любезностью и услужливостью получать и отправлять корреспонденцию Далай-Ламы по назначению.

Переезд Далай-Ламы в Ван-хурень был истолкован китайским амбанем в Урге как признак слабости Далай-Ламы противостоять желаниям пекинского правительства, стремившегося возвратить Владыку в Тибет; что особенно и подтвердилось последовавшему в конце сентября резолюцией Богдыхана на докладе амбана, вменяющей в обязанность китайским местным властям и монгольским князьям немедленно возвратить Далай-Ламу в Тибет, воспрепятствовав ему самовольно оставаться в Монголии и угрожая за неисполнение указа строгою карою виновных и пр.

Далай-Лама, возмущенный такою дерзостью, тотчас же курьером отправил через Кяхту телеграмму в Петербург, ходатайствуя перед русским правительством поддержать его с приверженцами — монгольскими князьями и хутухтами-гегенами. Просьба имела успех. Русский посланник настоял на беспрепятственном зимовании Далай-Ламы в Ван-хурене. О вопросе же покровительства князьям и гегенам обещано сообщить дополнительно.

Ввиду категорического протеста Министерства иностранных дел на мою служебную по-

ездку проводить до Далай-Ламы монгольскую депутацию из Джеримского сейма⁴ я вынужден был оставаться в Кяхте, отправив с депутацией в виде ее охраны пять нижних чинов из своей экспедиции и одного из своих помощников, чиновника Кострицкого, как съемщика маршрутов и фотографа (все в бурятской одежде), вменив в обязанность не искать случая видеть Далай-Ламу, а, сохраняя инкогнито, выяснить способы, средства, силу и личный состав китайского надзора, учрежденного, как носились слухи, за Далай-Ламой, а равно разведывать, не имеются ли в районе Ван-хуреня японские агенты. (Кострицкий достаточно свободно владеет и понимает разговорный китайский язык.) Приезд Кострицкого не остался тайной для Далай-Ламы и он потребовал его к себе. Еще в мае месяце, зная от прибывавшей к нему из Джеримского сейма монгольской депутации о вверенной мне экспедиции и взаимных отношениях начальствующих в ней офицерских чинов, Далай-Лама, сожалея об остановке моей в Кяхте, в продолжительной аудиенции подробно сообщил Кострицкому, с просьбой передать мне для дальнейшего доклада, о его пребывании в Монголии, о затруднениях, какие ему приходится испытать и о намерениях и целях, какие он преследует.

Далай-Лама сообщил, что пекинское правительство попирает его права и права Монголии, что он консульству документально и исторически доказывал права своей светской власти над Тибетом, что Маньчжурский дом числится на бумаге, а его фактически нет и что китайская сильная партия под покровительством японцев намерена в ближайшем будущем свергнуть и эту существующую ныне номинальную маньчжурскую династию и восстановить вновь китайскую, выдвинув имеющих потомков Минов⁵. Ввиду тех причин, что как Тибет, так и Монголия никогда не были

под владычеством Китая, а Монголия сверх того сама владела Китаем⁶, то с упразднением маньчжурской династии, очевидно, [что] Монголия и Тибет должны быть столь же самостоятельными, как до Маньчжурского дома, к которому они добровольно подчинялись (как оплот маньчжуров против ненавистного Китая) на правах, подобных более союзникам, чем подвластным народам, добавив, что монголы это сознают и еще более ненавидят китайцев, ослабивших Маньчжурский дом и попирающих их родовые права на свою землю и самоуправление.

Всё, что им, Далай-Ламой, пройдено от Тибета до Урги со включением на север и запад до пределов России, все на его стороне как один человек. Внутренняя Монголия в представительстве многоядных Чжеримского и Ордосского сеймов горят желанием видеть его у себя и следовать за ним. Руководимый исключительно справедливостью и следуя навстречу нужд и естественных исторических желаний обширной паствы ламаитов, Далай-Лама с единомышленниками монгольскими князьями и влиятельными хутухтами-гегенами в принципе бесповоротно решили отделиться от Китая в самостоятельное союзное государство, совершив эту операцию под покровительством и поддержкою России, избежав при этом кровопролития.

Если же Россия откажется, то [Далай-Лама] не изменит решения отделения от Китая, совершит эту операцию под покровительством иной великой державы, в крайнем случае даже и Англии, предлагающей всякие свои услуги Далай-Ламе.

Далай-Лама с величайшей осторожностью и деликатностью высказал соболезнование по поводу отсутствия солидарности в действиях русских правительственных органов, консульства, посольства, военных властей и

министерств в Петербурге, чем он ставится в страшно затруднительное и неопределенное положение, не зная куда обратиться за советом или кому передать свои особенно доверительно секретные соображения и прочее к достижению намеченной выше главной цели. Некоторые партии тибетцев высказывают, что ввиду уклонения России следует избрать другую, если возможно — дружественную России державу, но Далай-Лама упорно настоял держаться до поры до времени исключительно одной России, зная, что последняя раздирается ныне внутренними неурядицами и смутами⁷, которые, по его мнению, должны утихнуть с наступлением весны, после чего он надеется на разрешение проследовать через русские пределы по железной дороге в Маньчжурию и оттуда в Чжеримский сейм и определить на месте степень готовности монгол этого сейма и двух ближайших — Джоудасского и Чжасотоусского⁸ следовать его политическим идеям и целям, после чего тем же маршрутом возвратиться обратно, остановившись в Гусиноозерском дацане в Забайкалье или где-либо в ближайшей к России Монголии.

Поддержка и покровительство России, в мнении Далай-Ламы, должны выразиться в том, чтобы Россия, признав справедливость требований Монголии и Тибета, приняла бы от Далай-Ламы его представления по этому вопросу и внесла их на обсуждение и решение всех великих европейских держав, которые, как уверен Далай-Лама, не могут не согласиться с законностью сих требований.

Не зная ни правил, ни обычаев международных политических сношений, никому из других держав и народностей не доверяя, монголы и тибетцы, естественно, обращаются к своему историческому могущественному соседу России, в подданстве которой имеются родные монгольские племена, считая при

этом, что всякие другие пути противны их национальной этике, и если эти иные пути и могут быть использованы, то не иначе как с разрешения той же России.

В заключение Далай-Лама поручил передать мне небольшой бурхан (Сакия Муни)⁹ и белый ходак для представления его Высокопревосходительству Главнокомандующему¹⁰ на предмет поднесения Его Величеству Государю Императору. При этом, по незнанию ли этикета, или вследствие отъезда на другой день монгольской депутации и приключившейся тогда легкой простуде Далай-Ламы, или даже просто по недоразумению, при названном подношении не было никакого письма. Не имея права не принять бурхана и ходак, а тем более возвратить их, я сообщил приближенному Далай-Ламы, некоему Дылыкову, о необходимости письма, которое, вероятнее всего, и будет доставлено дополнительно состоявшим во вверенной мне экспедиции драгоманом Цыдыповым, отправившимся после моего отъезда из Кяхты на поклонение к Далай-Ламе и, вероятно, задержавшимся теперь в пути вследствие забастовки железной дороги по перевозке штатских пассажиров.

Считаю необходимым осветить несколько личность Далай-Ламы.

По обширным располагаемым мною о нём сведениям, из самых различных источников, общее мнение, без всяких исключений, сводится к тому, что настоящий Далай-Лама представляет собой изумительно выдающуюся личность. Начиная с XIII столетия, т. е. со времени первого воплощения и перерождения Далай-Ламы, только один из всех первосвященников, царствовавший в начале XVII века (Нован Лобсан) отличался предприимчивостью и как выдающийся политический деятель, им перенесена резиденция Далай-Ламы в Лхассу и построены

знаменитые существующие поныне дворцы с золотой крышей. Все же прочие владыки и до и после Нована отличались безволием, были слепым орудием окружающих их воспитателей, наставников и китайских резидентов; редкие из них доживали до 18 лет, в большинстве же случаев умирали ранее. (У монгол[ов] существуют убеждения, что перерожденцы Далай-Ламы умирают насильственной смертью по проискам китайцев, не доживая до зрелого возраста.) Настоящий Далай-Лама имеет 32 года, по-своему считается высокообразованным, с прирожденным выдающимся умом, несокрушимой упорной энергией и закаленным здоровьем. Весь путь (четыре месяца) из Лхасы в Ургу он по своему желанию совершил верхом. Священные носилки, бывшие при нём, остались без употребления. Монголы в лице Далай-Ламы видят проявляющегося гения — подобно бесмертному Чингис-хану и знаменитому Хубилай-хану¹¹. Судя по повседневному образу его жизни, Далай-Лама поглощен исключительно упорной, настойчивой, чисто политической деятельностью. Пользуясь своею духовною силою в религии как средством для выполнения своих политических задач, он чрезвычайно интересуется европейской культурой, желая с ней ознакомиться, начав с железной дороги. Всякая мелочь, всякая безделушка, всякий европейский фабрикат приковывают его любознательное и серьезное внимание. Убедившись в превосходстве скорострельного оружия над фитильным, он, чуждый предрассудков, свойственных ревностным почитателям ламаизма, озабочивается приобрести для своего конвоя современное по системе оружие. Даже лично для себя Далай-Лама поручил Хамбо-Доржиеву приобрести в Петербурге самый лучший револьвер. Для своей зимовки Далай-Лама

строит в Ван-хурене небольшой, русского типа деревянный домик, для чего в Кяхте наняты русские и буряты — плотники, закуплен необходимый материал. Повседневные его занятия: утром, от одного до двух часов — беседы и поучения лам-мальчиков, затем вынос его на священных носилках для благословения паломников, ежедневно непрерывно прибывающих отовсюду целыми сотнями. Паломники предварительно выстраиваются шпалерами, коленопреклоненными; Далай-Лама, имея в руках длинный шелковый ходак с прикрепленными к его концам металлическими шарами, обносится по шпалерам, причем шары касаются голов паломников, и тем самым благословение владыки снисходит на молящихся.

В отдельной аудиенции Далай-Лама принимает только князей, их посланцев, представителей различных депутаций и пр. Эти отдельные примеры имеют характер чисто политических совещаний. Этим путем Далай-Лама подробно ознакомливается во всех мелочах с обширными отдаленными уголками Монголии. Вечером, от полутора до двух часов ежедневно у Далай-Ламы происходят совещания с своими приближенными и, если так можно выразиться, подводятся итоги дня, даются поручения некоторых из знатных паломников временно задержать, других пригласить на особые совещания совместно с своими приближенными. В промежутках — скромный обед. К этому следует добавить, что в течение недели не менее одного-двух раз прибывает почта из Тибета, равно и донесения от своих агентов из Пекина; всё это тщательно обсуждается, рассматривается, и постановляются известные решения. Так проходит время изо дня в день, со времени выезда из Тибета.

Далай-Лама особенно интересуется приграничными к Маньчжурии монголами, о кото-

рых среди халхасцев сложилось мнение, что названные монголы совершенно окитаены. С крайней осторожностью он отнесся к принятию их приглашения в Чжеримский сейм. В мае месяце он поставил в неперменное условие Чжеримской депутации доставить ему личное приглашение от каждого хошунного князя сейма за хошунною большою печатью. Хотя чжеримцы и выполнили требование владыки, но Далай-Лама, не ограничиваясь этим, поручил им (в последнюю со мной поездку) привлечь на свою сторону и соседние Чжоудасский и Чжасатусский сеймы, заручившись если не от всех, то хоть от некоторых князей письменными приглашениями за большою печатью. В действительности же Далай-Лама отложил свою поездку вследствие беспорядков в России и трудности получить разрешение на проезд железной дорогой, равно и вследствие бывших острых осложнений с пекинским правительством.

Насколько настойчив, последователен и самостоятелен Далай-Лама, можно судить по тому, как он относится к англичанам и китайскому правительству. Англичане неоднократно входили в переписку с Далай-Ламой, но Владыка до сего времени возвращает английскую корреспонденцию нераспечатанную. После того как амбань препроводил к Далай-Ламе копию с резолюции Богдохана об отправлении его в Тибет, Владыка сделал распоряжение впредь никаких бумаг от китайских амбаней или цзян-цзюней не принимать, оповестив их, что он будет признавать только ту переписку, которая последует за печатью самого Богдохана. Насколько влиятелен и популярен Далай-Лама как выдающийся деятель среди монгольских правителей, можно судить по тому, что, несмо-

тря на недоразумения, бывшие с ургинским хутухтой, природным духовным Владыкою всех монгол[ов], князья игнорируют хутухту и становятся на сторону Далай-Ламы.

Достаточно сказать, что за восемь веков исторической жизни монголов и тибетцев настоящий Далай-Лама является по счету третьим величайшим деятелем среди названной народности. В какой степени могут быть важны последующие в Монголии и Тибете события, при условии если Далай-Ламу не отравят и не убьют, очевидны для всякого. Может ли быть нам, русским, полезен этот Далай-Лама или нет, судить я не берусь, но знаю и твердо докладываю одно мне известное, что все монголы благодаря исключительно Далай-Ламе в период войны игнорировали распоряжения китайского правительства не продавать русским скота и лошадей, и странно, что только по окончании войны многие из князей из Чжоудасского сейма (Джарод¹²) стали воздерживаться от продажи скота, мотивируя это запрещением своего правительства.

В каком бы положении была наша армия, если бы Далай-Лама питал свои симпатии к единоверцам-буддистам — японцам, искавшим симпатий ламского духовенства, но не нашедшим сочувствия.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 409, л. 310—315а и об. Копия. Оpubл.: «Восток»: 1996, № 4, с. 136—141.

¹ Эту бойню англо-индийские войска устроили в узком месте долины Чумби у горячего ключа Гуру в апреле 1905 г. Около 500 тибетцев нашли здесь свою смерть.

² Российским консулом в Урге в это время был В. Ф. Люба.

³ Д. Д. Покотилов, назначенный посланником в Пекине, проезжал Ургу в начале июня 1905 г.

⁴ Джеримский (Чжеримский) сейм — одна из областей Внутренней Монголии.

⁵ Династия Мин правила в Китае в 1368—1644 гг.

⁶ Монголы завоевали Китай в XIII в. Монгольская династия Юань правила в Китае в 1271—1368 гг.

⁷ Речь идет о революции 1905 г. в России.

⁸ Джоудасский (Чжоудасский) и Чжасотоуский (Чжосотский) сеймы — области Внутренней Монголии.

⁹ Сакья Муни (Шакья-Муни) — имя основателя буддизма.

¹⁰ Главнокомандующий — главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке генерал Н. П. Линевиц.

¹¹ Хубилай-хан — монгольский великий хан, завоеватель Китая, основатель династии Юань, правил в Китае в 1271—1294 гг.

¹² Джарод (Чжарод) — один из хошунов Чжоудасского сейма.

№ 66

1907 г. августа 18. — Конвенция между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета¹

СОГЛАШЕНИЕ, КАСАЮЩЕЕСЯ ТИБЕТА

Правительства России и Великобритании, признавая суверенные права Китая над Тибетом и принимая во внимание, что вследствие своего географического положения Великобритания имеет специальный интерес в том, чтобы видеть существующий порядок внешних сношений Тибета сохраненным полностью, условились о нижеследующем соглашении:

Статья I

Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются уважать территориальную целостность Тибета и воздержаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление.

Статья II

Сообразуясь с признанным принципом суверенитета Китая над Тибетом, Россия и Великобритания обязуются сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства. Это обязательство не исключает, однако, непосредственных сношений английских коммерческих агентов с тибетскими властями,

предусмотренных ст. 5 Конвенции от 7 сентября 1904 года между Великобританией и Тибетом и подтвержденных Конвенцией 27 апреля 1906 года между Великобританией и Китаем; оно не изменяет также обязательств, принятых на себя Великобританией и Китаем в силу статьи 1 сказанной конвенции 1906 года.

Считается, конечно, условленным, что буддисты, как русские, так и британские подданные, могут входить в непосредственные сношения, на почве исключительно религиозной, с Далай-Ламой и другими представителями буддизма в Тибете; правительства России и Великобритании обязуются, насколько от них будет зависеть, не допускать, чтобы эти сношения могли нарушить постановления настоящего соглашения.

Статья III

Российское и великобританское правительства обязуются, каждое за себя, не посылать представителей в Лхассу.

Статья IV

Обе высокие стороны обязуются не помогать или приобретать, ни за свой собственный счет, ни в пользу своих подданных, никаких концессий железнодорожных, дорожных, телеграфных и горных, ни других прав в Тибете.

Статья V

Оба правительства согласны в том, что никакая часть доходов Тибета, ни в натуре, ни деньгами, не может быть заложена или представлена как России и Великобритании, так и их подданным².

АВ ПРИ, ф. Трактаты, оп. 3, д. 363, л. 6 и об. — 8. Подлинник.

Опубл.: Сборник договоров России с другими государствами (1856—1917). М., 1952, с. 391—392; Русско-китайские отношения 1689—1916. Официальные документы. М., 1958, с. 120.

¹ Эта Конвенция фактически оформила создание Антанты — военного блока Великобритании, Франции и России, противопоставленного германо-австро-итальянскому Тройственному союзу.

² Соглашение о Тибете 1907 г. явилось серьезной преградой на пути осуществления замыслов и действий Великобритании подчинить Тибет своему единоличному контролю. По Соглашению Великобритания и Россия должны были все вопросы, касающиеся Тибета, решать совместно.

№ 67

1907 г. августа 18. — Соглашение между Россией и Великобританией, касающееся Тибета

Великобритания вновь подтверждает декларацию, подписанную Ею Превосходительством вице-королем и генерал-губернатором Индии и приложенную к ратификации Конвенции 7 сентября 1904 года, постановляющую, что занятие долины Чумби британскими силами прекратится по уплате трех ежегодных взносов вознаграждения в 2 500 000 рупий, под условием, что рынки, упомянутые во II статье сказанной Конвенции, были действительно открыты в течение уже трех лет и чтобы тибетские власти за этот период строго сообразовывались во всех отношениях с постановлениями означенной Конвенции 1904 года. Считается, конечно, условленным, что, если занятие долины Чумби британскими силами не прекратится по какой бы то ни было причине ко времени, предусмотренному вышеприведенной декларацией, правительства российское и британское войдут в дружеский обмен взглядов по сему предмету.

Настоящая Конвенция будет ратификована, и ратификации ее будут обменены в С.-Петербурге, как только это будет возможно. В удостоверение чего соответственные уполномоченные подписали настоящую конвенцию и приложили к ней свои печати.

Учинено в С.-Петербурге, в двойном экземпляре, 18 (31) августа 1907 года.

Собств[енноручная] п[одпись] Извольский.

Собств[енноручная] п[одпись] Никольсон.

АВПРИ, ф. Тракаты, оп. 3, д. 363, л. 8 и об. Подлинник.

Опубл.: *Сборник договоров России с другими государствами (1856—1917)*. М., 1952, с. 392—393; *Русско-китайские отношения 1689—1916*. Официальные документы. М., 1958, с. 121.

№ 68

1907 г. августа 18. — Нота российского Министерства иностранных дел Великобритании, врученная британскому послу в Петербурге А. Никольсону

Господин посол,

в ответ на ноту Вашего Превосходительства от сего числа имею честь, в свою очередь, заявить, что Императорское российское правительство считает полезным, поскольку от него будет зависеть, не допускать, кроме как по предварительному соглашению с британским правительством, в течение трех лет со дня настоящего сообщения доступа в Тибет какой-либо научной экспедиции.

Так же как британское правительство, Императорское правительство предполагает обратиться к китайскому правительству с целью побудить последнее принять на себя подобное же обязательство на соответствующий срок.

Остается условленным, что по истечении трехлетнего срока оба правительства обсудят, по взаимному согласию, вопрос о желательности, если к тому представится надобность, принятия дальнейших мер в отношении научных экспедиций в Тибет.

Примите и проч. (подп.): Извольский.

АВПРИ, ф. Справочники, Инв. оп., д. 13, л. 11—12 и об. Копия.

Опубл.: *Сборник договоров России с другими государствами (1856—1917)*. М., 1952, с. 394; *Русско-китайские отношения 1689—1916*. Официальные документы. М., 1958, с. 122.

№ 69

1907 г. августа 18. — *Нота Великобритании российскому Министерству иностранных дел*

Господин министр,

ссылаясь на соглашение относительно Тибета, подписанное сегодня, имею честь сделать Вашему Превосходительству нижеследующее заявление.

Британское правительство считает полезным, поскольку от него будет зависеть не допускать, кроме как по предварительному соглашению с российским правительством, в течение трех лет со дня настоящего сообщения доступа в Тибет какой-либо научной экспедиции под условием, однако, чтобы подобное же заверение было дано со стороны российского Императорского правительства.

Британское правительство предполагает, кроме того, обратиться к китайскому правительству с целью побудить последнее принять на себя подобное же обязательство на соответствующий срок: само собой разумеется, что таковой же шаг будет предпринят российским правительством.

По истечении трехлетнего срока, приводимого выше, британское правительство обсудит, по взаимному согласию с российским правительством, вопрос о желательности, если к тому представится надобность, принятия дальнейших мер в отношении научных экспедиций в Тибет.

Примите, господин министр, уверения в моем отличном почтении.

А. Никольсон.

АВПРИ, ф. *Трактаты*, оп. 3, д. 363, л. 9 и об. Подлинник.

Опубл.: *Сборник договоров России с другими государствами (1856—1917)*. М., 1952, с. 393—394; *Русско-китайские отношения 1689—1916. Официальные документы*. М., 1958, с. 121—122.

№ 70

1907 г. ноября 20. — *Секретная записка Агвана Доржиева в Министерство иностранных дел России о более тесном сближении России с Монголией и Тибетом*

С.-Петербург.

Мир на окраинах будет обеспечен лишь в том случае, когда пограничные соседи на этих окраинах будут связаны с нами прочными узами дружбы и живого общения, в особенности — на почве торгово-промышленной и культурно-просветительной деятельности. Мы имеем в виду китайскую границу и поднимаем вопрос потому, что война с Японией, с одной стороны, реформационное движение в Китае¹ — с другой, и русско-английское соглашение относительно Тибета, Афганистана и Персии, с третьей стороны, создают новые и весьма серьезные условия для России. Дело идет о влиянии России на континенте Азии и теперь и в будущем. Над этим вопросом приходится думать тем более, что в данный момент по Монголии² повсюду разъезжают японцы, всячески роняя престиж России и возбуждая недоверие к России. Со своей стороны и Китай принимает ряд мер для колонизации окраин и окитаивания (Монголии)³. Не будет бездействовать, конечно, и Англия в Тибете, ибо она поставлена в лучшие условия, чем Россия. Все эти обстоятельства, взятые вместе, наводят меня на глубокие и тревожные мысли.

Необходимо, чтобы Россия устремила свое внимание на правильную постановку политики на континенте Азии, необходимо, чтобы сообразно с новыми соотношениями сил и требованиями жизни на местах были приняты соответствующие шаги для усиления влияния на Монголию и Тибет. Надо совершить культурно-экономическое мирное завоевание этих стран. Тогда только, когда эти обе стра-

ны будут чувствовать себя тесно спаянными общностью культурно-экономических интересов, будет достигнут мир на всё время и Россия будет играть ту роль, которую давно должна была сыграть в жизни Монголии и Тибета. Такое культурно-экономическое завоевание Россия может совершить без особого труда, ибо у нее имеются этнографически-бытовые, материально-экономические и религиозно-культурные посредствующие звенья на всём протяжении китайской границы — начиная с туркестанских инородцев и кончая бурятами и тунгусами.

Россия должна использовать эти звенья для своих политических целей. Меры, наиболее верные и спорые, какие Россия должна принять для мирного завоевания Монголии и Тибета, могут быть двух родов.

Одна — в смысле развития в Монголии и в Тибете русской и местной (национальной) торговли и промышленности.

Другая — в смысле насаждения здоровой культуры и просвещения среди монголов и тибетцев, не насилуя их национальных, религиозных и бытовых особенностей: Россия должна стать добрым и постоянным другом, учительницей, покровительницей монголов и тибетцев во всём и защитницей их от эксплуатации и угнетения со стороны Китая, Японии и Англии.

Практически деятельность России в Монголии и Тибете, по нашему мнению, должна приблизительно сводиться к следующему:

Правительство должно поощрять частную инициативу торговых и промышленных людей, образ деятельности которых согласуется с видами высшей политики. Поощрение может быть моральное и материальное.

Правительство должно содействовать образованию такого частного торгово-промышленного дома, деятельность которого охва-

тила бы неразрывной сетью всю Монголию и Тибет. Центральным пунктом такого торгового дома может служить Кяхта или Урга, а филиалы должны находиться в разных местах Монголии, Тибета, Китая и России.

На территории Монголии и Тибета филиалы должны быть разбросаны так, чтобы составила тесная сеть, неразрывно связанная между собою и объединенная по районам. В Халхе может быть открыто до 15 отделений, у суннитов, удземчинов, абаганаров, харчинов⁴ и пр. — до 10; в Алашане, Гумбуме, Лабране, Лхассе, Дашилхумбо, Накчу, а также в Цайдаме и Кукэ-норе — по одному отделению и т. д. В России отделы должны находиться в Москве, Варшаве и Иркутске. В Китае — в Пекине, Шанхае и Ханькоу.

В торговый дом пайщиками могут входить монголы, тибетцы, буряты, калмыки и их товарищества, монастыри, улусы, хошуны и пр[очие] юридические лица, как бы мал или велик ни был вложен пай. Причем каждый пайщик пользуется кредитом в размере вклада и прибылью пропорционально вкладу же.

Торговый дом должен объединить всех торговцев и промышленников, русских подданных, работающих в Монголии и Китае, если только они готовы идти по намеченному пути, а если же их поведение вредит интересам высшей политики, то вытеснять их путем конкуренции.

Не всякая торгово-промышленная деятельность может расположить тибетцев и монголов в сторону России. Чрезмерная эксплуатация населения, «выжимание соков» без внесения в страну чего-либо положительного только вооружают население. А потому надо принимать меры к поднятию хозяйственного быта и духовной культуры туземцев. Торговый дом (а через него — Россия) должен приносить материальную и духовную пользу мон-

голо-тибетской массе, в противоположность китайской, английской и японской политике, которая основана на бессердечном «выжимании соков» из туземцев.

Презрительное отношение к туземцам недопустимо, тем паче самовольство и обиды, какие, к сожалению, делались иногда русскими скупщиками монгольского скота и сырья. Не должно допускаться, чтобы в погоне за барышами торговый и промышленный люд пускал плохой товар и, пользуясь доверчивым характером туземцев, обманывал их; недопустимо, чтобы в тяжелые годы голода, эпидемии и пр. ссужали бедняков за баснословные проценты товарами и деньгами, как делают теперь китайцы в Монголии.

Правительство должно особенно поддерживать развитие промышленности среди самих туземцев и способствовать накоплению богатства в народе, напр., помогать открытию кожевенных и шерстяных заводов, горной промышленности и т. д. Правительство должно оказывать постоянную, планомерную помощь против бедности, голода, болезней и т. д., для каковой цели может открывать мелкий кредит, запасные хлебные и сенные склады; улучшать форму хозяйства как скотоводческого, так и земледельческого и кустарного. Усовершенствовать обработку масла, молока и пр.; открывать врачебно-фельдшерские пункты, организовывать разъездных оспопрививателей, врачей и ветеринаров.

Также правительство должно защищать местное население от разбоя, как, напр., в районе Кукэ-нора, для каковой цели в разбойничьих местах держать секреты из инородческих казаков.

Так, торгово-промышленные предприятия должны идти рука об руку с культурно-просветительными заботами.

Прежде всего должны быть открыты общеобразовательные учебные заведения (или приспособлены существующие), где бы могли обучаться монгольские и тибетские дети вместе с русскими и бурятами. Такие учебные заведения удобнее всего открывать где-нибудь около границы, напр., в Троицкосавске. Преподавание должно вестись на монгольском языке до тех пор, пока учащиеся не овладеют русским языком в совершенстве. В программу преподавания должны входить русский, монгольский, тибетский, китайский и английский языки, по выбору учащихся, история и литература народов, к которым принадлежат учащиеся, а также учение Будды. Общеобразовательная программа должна быть достаточно широка. Наряду с общеобразовательными школами должны быть открываемы и специальные учебные заведения, напр. горное, промышленное, педагогическое и т. п. Особенно важно, чтобы своевременно подготовлялся преподавательский персонал из русских подданных, которые могли бы вести школу в Монголии и Тибете. Для таковой цели можно будет приспособить учительские семинарии в Чите и Иркутске, расширив программу и облегчив доступ в семинарии иноверцам, т. е. бурятам, монголам и тибетцам. Могут быть открываемы и временные или постоянные курсы, как общеобразовательного так и педагогического характера, в Урге, Троицкосавске и пр.

Наряду с чисто школьным делом должно быть широко поставлено издательское дело на монгольском и тибетском языках. Издания должны быть доступны по цене и изложению и интересны по содержанию. В этом смысле японцы уже начали работу. Ими изданы арифметика, хрестоматия и пр. на монгольском языке.

Таковыми просветительно-культурными мерами можно со временем достигнуть того,

что монголы и тибетцы будут смотреть на Россию как на источник здоровой культуры и просвещения, как на свое идейное отечество.

Но для проведения в жизнь задуманной политики необходима планомерная и сознательная работа. Правительственные виды могут проводиться в жизнь как путем поощрения частной предприимчивости, так и путем инициативы самого правительства.

Успех проведения намеченных мер в действительность зависит, между прочим, от того, насколько хорошо и верно будут изучены местные условия существования, культурный уровень, общественный строй и т. д. Поэтому правительство должно поощрять и заботиться об изучении во всех подробностях Монголии и Тибета, особенно обращая внимание на экономическую, правовую и культурную стороны быта туземцев. Чтобы создать связь с местами и быть всегда в курсе дела, правительство в разных местах должно держать толковых и безусловно честных и преданных России агентов, обязав их присягой. Эти агенты должны объединиться вокруг лиц, указанных правительством, и вообще руководствоваться как общими, так и особыми инструкциями правительства⁵.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 364, л. 254—256 и об. Копия.

¹ Реформационное движение в Китае — политическое движение либералов (конституционалистов), начавшееся в Китае после русско-японской войны 1904—1905 гг., за созыв парламента и введение в стране конституционной монархии.

² Речь идет о Внутренней Монголии, которая по секретному договору 1907 г. между Россией и Японией являлась сферой влияния последней. Северная Монголия (Халха) была сферой влияния царской России.

³ В 1902—1910 гг. шла интенсивная колонизация китайцами (ханьцами) земель Внутренней Монголии. За этот период туда переселились сотни тысяч китайцев.

⁴ Удземчины (уцземчины), абаганары, харчины (харачины) — монгольские племена Внутренней Монголии.

⁵ Записка А. Доржиева вызвала большой интерес у царского правительства. Оно реализовало часть предложений А. Доржиева в отношении Северной Монголии (Халхи). Однако в отношении Тибета ни одно из его предложений не могло быть реализовано, ибо по Англо-русскому соглашению 1907 г. какие-либо акции в Тибете могли осуществляться только по обоюдному согласию России и Великобритании.

№ 71

1908 г. октября 15. — Секретная телеграмма товарища (заместителя) министра иностранных дел Н. В. Чарыкова посланнику в Пекине И. Я. Коростовцу с указанием дать совет Далай-ламе не обращаться за помощью к США

(Шифром)

Вопрос о привлечении Америки к участию в китайских, а тем более в тибетских делах представляется нам очень сложным. Нельзя поручиться за то, что, даже выступив в роли защитника Д[алай-]Ламы, Америка не принесет его в жертву своим отношениям к Китаю в тот момент, когда это скажется выгодным. Поэтому было бы осторожнее воздержаться от совета Д[алай-]Ламе обращаться за помощью к Америке.

Напротив, у нас существует специальное соглашение касательно Тибета с Англией¹.

Общий характер наших отношений к Лондонскому Кабинету таков, что дает нам полное основание рассчитывать на возможность совместного и дружественного действия с ней при последующих фазисах вопроса о положении Д[алай-]Ламы по отношению к Китаю. Мы уже вступили по этому вопросу в доверительные отношения с английским правительством и имеем в виду таковые продолжать. Поэтому необходимо избегать в Пекине

обострения с нашей стороны у Д[алай-]Ламы чувств недоверия и нерасположения по отношению к Англии.

В ожидании дальнейших указаний было бы желательно, чтобы Вы ограничивались ролью покровителя Д[алай-]Ламы как духовного главы русских буддистов, поддерживая с ним отношения в указанных границах, оказывая ему, смотря по обстоятельствам, возможное содействие, как сказано в преподанной Вам общей инструкции².

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 410, л. 197 и об. Подлинник.

¹ Далай-лама, видимо, не знал об Англо-русском соглашении 1907 г. Англичане для него по-прежнему были врагами. Китаю он никогда не доверял. Россия после Соглашения 1907 г. проводила очень осторожную политику в отношении Тибета, не могла открыто выступить в его защиту. В этих условиях Далай-лама и его окружение искали и другого союзника, кроме России, который защищал бы Тибет и от англичан, и от китайцев. Выбор пал на США. МИД России, как видно из телеграммы Н. В. Чарыкова, был против того, чтобы Далай-лама искал помощи у США.

² Данная инструкция составителями не обнаружена.

№ 72

1908 г. декабря 2. — Особый журнал Совета министров России о предоставлении денежной ссуды Далай-ламе

Доверительно

На подлинном Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Согласен», в Царском Селе, 22 декабря 1908 года.

Скрепил: Председатель Совета министров, Статс-Секретарь Столыпин.

Верно: Помощник Управляющего делами Совета министров.

Особый журнал Совета министров

О гарантии Императорского правительства по дополнительной ссуде Далай-Ламе из Русско-китайского банка.

Высочайше утвержденным 10 августа 1908 года положением Совета министров министру финансов предоставлено было гарантировать от имени русского правительства исправную уплату ссуды в 110 000 лан серебра, имевшей быть выданной Русско-китайским банком Далай-Ламе на расходы, связанные с поездкой его в Пекин. В настоящее время буддийский Первосвященник возбудил новое ходатайство о выдаче ему, под гарантию русского правительства, дополнительной ссуды из названного Банка в размере 140 000 лан или, в крайнем случае, хотя бы в количестве 40 000 лан. Признавая, со своей стороны, желательным удовлетворение этого последнего ходатайства Далай-Ламы, министр иностранных дел, по сношении с министром финансов, внес настоящее дело на рассмотрение Совета министров; при этом гофмейстер Извольский объяснил, что, получив ссуду в 110 000 лан, Далай-Лама прибыл в минувшем сентябре в Пекин и во время переговоров с китайским правительством постоянно следовал советам нашего посланника в Пекине, чем и доказал еще раз свои дружественные отношения к русскому правительству и упование на нравственную поддержку России в случае необходимости. Означенное обстоятельство, а равно и выраженное Далай-Ламой, согласно настояниям нашего представителя в Китае¹, намерение возвратиться в Тибет побуждают нас, по мнению министра иностранных дел, выдать ему просимую ссуду, необходимую для раздачи подарков перед отъездом из Пекина и на путешествие в Лхассу.

Обсудив изложенное представление и соглашаясь со своей стороны с вышеобъясненными соображениями министра иностранных дел по настоящему делу, Совет министров не встретил препятствий к предоставлению гарантий просимой Далай-Ламой ссуде из

Русско-китайского банка, с тем чтобы размер этой ссуды не превысил, однако, 40 000 лан серебра.

Ввиду сего Совет полагает:

Предоставить министру финансов выдать от имени русского правительства гарантию в исправной уплате дополнительной ссуды в 40 000 лан серебра, имеющей быть выданной Русско-китайским банком Далай-Ламе, с тем чтобы условия отпуска таковой ссуды были установлены по ближайшим указаниям Министра финансов.

Такое заключение свое Совет министров всеподданнейшим долгом почитает повергнуть на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение.

Подлинный журнал подписан г.г. Председателем и членами Совета министров и скреплен помощником управляющего делами Совета.

С подлинным верно: Начальник отделения Канцелярии Совета министров.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 410, л. 317—318. Копия.

¹ Российский представитель в Китае — посланник в Пекине И. Я. Коростовец.

№ 73

1908 г. декабря 10. — Секретное донесение посланника в Пекине И. Я. Коростовца министру иностранных дел А. П. Извольскому с сообщением об отъезде Далай-ламы из Пекина и просьбой оказать ему денежную помощь

Далай-Лама, заботясь о крайне для него важном сближении с новым пекинским правительством, предложил последнему совершить парадное заупокойное служение. Последнее состоялось в монастыре Юн-хэ-гун при участии всего ламаистского духовенства, проживающего в Пекине. В благодарность за это по указу Далай-Ламы были даны подарки,

состоящие из ходаков, шелковой материи и кошельков; приближенным его тибетским хамбо-ламам и послушникам выдано две тысячи лан серебра, а ламам-монголам, постоянно проживающим в столице, пожаловано трехмесячное содержание каждому.

Отъезд свой из Пекина Далай-Лама, по-видимому, начинал замедлять, ибо, как он собственноручно писал мне, он не мог выехать из-за отсутствия денег. Очень значительные суммы, собранные им в Монголии и в Гумбуме¹, отправлены в Тибет и в настоящее время находятся уже в Накче на близком расстоянии от Лхассы. Не желая обращаться ни к кому другому, хотя Япония будто бы и готова оказать ему денежную помощь, и опасаясь присылкою своего серебра в Пекин возбудить алчность окружающих его китайцев, негодующих на Первосвященника за его скупость, он усиленно хлопотал о новом займе, по поводу которого я и позволил себе утруждать Ваше Высокопревосходительство телеграммами своими от 15, 22 и 27 ноября. Руководствуясь совершенно своеобразными расчетами, Далай-Лама ходатайствовал о ссуде ему 250 000 лан, из которых хотел уплатить с процентами августовский заем в размере 110 000 лан, до сих пор еще не выплаченный, перевести 50 000 в С.-Петербург на постройку буддийской молельни и остальные 80—90 тыс. истратить на дорогу и прощальные подарки в Пекин. Заем этот, который я предложил произвести на чисто коммерческих основаниях в Русско-китайском банке, он хотел было гарантировать казенными доходами Тибета. Против этого я, однако, решительно воспротивился, усматривая в такой гарантии нарушение нашего соглашения с Англией 1907 года, а также принимая во внимание неоднократные просьбы Пекина не давать без ведома ссуд вассальным князьям Китая. Ввиду невоз-

возможности обеспечить заем поручительством забайкальских дацанов Далай-Лама представил мне собственноручное письменное обязательство, в котором он гарантировал настоящий заем своею личною собственностью и торжественно заявлял, что свое настоящее обещание исполнит неукоснительно.

Князь-регент², занятый жертвоприношениями и приготовлениями к перенесению праха Богдохана³ в особый для сего приспособленный храм, тем не менее под влиянием канцлеров Чжан-чжи-дуна⁴ и Ши-суйя⁵, подкупленных тибетцами, отозвался на доклад Далай-Ламы, препровожденный мною к Вашему Высокопревосходительству при донесении от 13 минувшего ноября за № 108. Министерству колоний поручено было выяснить прецеденты, на которые Далай-Лама ссылался, ходатайствуя о праве входить с всеподданнейшим докладом по тибетским делам, согласно старому порядку. Между тем сухой пекинский зимний воздух стал вредно отзываться на здоровье самого Далай-Ламы и его приближенных, и Первосвященник решил не откладывать более свой отъезд. Он не преминул испросить прощальную аудиенцию у императора и князя-регента, но в таковой, по случаю придворного траура, ему было отказано. Равным образом правительство не признало удобным устроить и прощальный банкет в честь уезжающего. Было, однако, предписано выдать Первосвященнику полагающиеся по уложению подарки и путевые издержки в размере 60 000 лан.

В начале декабря состоялось высочайшее повеление о командировании флигель-адъютанта монгольского князя Бодису⁶ сопровождать Далай-Ламу до г. Бао-дин-фу и дано было предписание всем генерал-губернаторам и командирам маньчжурских гарнизонов в провинциях, по которым предстояло про-

езжать Далай-Ламе, посылать гражданских и военных чинов высоких рангов для сопровождения и оказания содействия.

Не добившись сколько-нибудь серьезного результата в деле самостоятельно докладывать Трону, Далай-Лама получил, однако, разрешение иметь в Пекине своего постоянного представителя в лице хамбо-ламы и подтверждение права считать своею собственностью монастырь Хуан-сы со всеми принадлежащими к нему постройками. Право это принадлежит далай-ламам еще со времени посещения Пекина Пяым Далай-Ламой⁷, но в течение времени совершенно было позабыто.

При монастыре Далай-Лама намерен основать школу, в которую по возвращении своем в Лхассу пришлет 5 тибетских юношей для изучения китайского языка. В настоящее время оставлен 1 тибетец из числа чинов центрального правительства Тибета и при нём лама-монгол Лубосан-Бальчжур, тушету по происхождению⁸, пробывший долгое время в Тибете и основательно знающий китайский язык. Со временем из Лхассы будет прислан опытный и заслуженный хамбо-лама, который привезет с собою и упомянутых выше юношей. На представителя своего в Пекине Далай-Лама возлагает обязанность следить за всеми делами, касающимися Тибета, и старания установить некоторую связь с правительственным центром. Далай-Лама рассчитывал сначала отправить несколько тибетцев и в Россию, но в последнюю минуту оставил временно это намерение за неимением лишних денег.

В высокоторжественный день 6 декабря Далай-Лама командировал в Миссию двух хамбо-лам, которые, поднося хадаки, передали мне поздравления на имя Государа Императора, как я уже имел честь донести по телеграфу.

8 декабря в 8 часов утра состоялся отъезд из Пекина Далай-Ламы при торжественной обстановке. Станция Пекин-Ханькоуской железной дороги была украшена так же, как при приезде, и здесь собрались для проводов Далай-Ламы вице-президент Министерства колоний Да-шоу и советник Министерства иностранных дел Чжан-инь-тан, а также князь Бодису, сопровождавший его до Бао-дин-фу. Далай-Лама отправляется ныне прямо в монастырь Гумбум, где останется ожидать присылки ему золотой печати, которая изготавливается для него в Пекине и будет иметь добавочные титулы, пожалованные ему в последнее время. Приезд в Лхассу состоится, вероятно, лишь в мае будущего года, ибо передвижение громадной свиты потребует много времени. Здесь Далай-Лама имел до 200 человек, и в Гумбуме им оставлено почти такое же число приближенных.

Почти одновременно с Далай-Ламой отправляются в Тибет и чины лейб-гвардии, командированные для обнародования манифеста о восшествии на престол, распределения вкладов на совершение заупокойных богослужений и обряда «варения чая» и угощения им лам в главнейших монастырях в окрестностях Лхассы.

Состоящий при Его Святейшестве старший канит-хамбо Лхарамбо Агван Дорчжиев спешно выехал из Пекина в Россию в день выезда Далай-Ламы, ибо не без основания опасается преследования со стороны китайцев за свою преданность русским интересам и посредничество между нами и Далай-Ламой, которое, конечно, не ускользнуло от их внимания. Пребыванием Дорчжиева в Пекине были заинтересованы, между прочим, японцы, следившие за его каждым шагом и подробно описывавшие его посещения Российской миссии в токиоских газетах. Дорчжиев сообщил мне, что

Далай-Лама в общем остался недоволен пребыванием своим в Пекине, ибо рассчитывал на совершенно другое отношение и другой прием. Дорчжиев повез с собой для поднесения Государю Императору ценные подарки от Далай-Ламы. С Дорчжиевым отправился в Россию молодой тибетский лама-врач, который намерен заняться изучением медицины в С.-Петербурге.

Последняя ссуда в 40 000 лан, как я уже имел честь донести Вашему Высокопревосходительству, не была выдана Далай-Ламе за отсутствием до сих пор распоряжений Министерства финансов, и это произвело неприятное впечатление на Первосвященника, очень рассчитывавшего на нашу финансовую поддержку. Таким образом, за Далай-Ламой остался долг в 110 000 лан с процентами, каковую сумму он обещал уплатить в течение года частичными взносами, из числа поступающих подношений от монгольских князей и переводимыми через Калькутту.

Посещение Далай-Ламой Пекина и вообще всё пребывание его в Монголии, естественно, привлекло серьезное внимание Китая к Тибету, что уже успело проявиться в нескольких принятых там мерах. Так, Министерство колоний и военное приступили к серьезной картографической съемке Монголии, Тибета и Кукунора. Вопрос о железнодорожной линии и почтовом сообщении с Тибетом подвергнут самому серьезному обсуждению. По высочайшему повелению приступили к сформированию в Сычуаньской провинции 2 дивизий с переводом сильных гарнизонов в Батан и Литан⁹. Вопрос о назначении Чжан-инь-тана советником Министерства иностранных дел снова поднят, поговаривают об организации специального дипломатического Бюро при тибетском резиденте. О наступлении для Тибета новой эры китайского владычества свидетельствует, наконец, и тот

факт, что на пост младшего резидента назначен Вэнь-цзаун-яо (Ван Цзуняо), воспитанник Кантонской... <далее неразборчиво. — Ред.>. Он проследовал в Тибет в половине ноября через Калькутту и Дарджилин и приступил к открытию для английской торговли Цзян-цзы, лежащего в северной части долины Чумби в незначительном расстоянии от Шигацзе, резиденции Баньчэнь Эрдэни¹⁰.

Далай-Лама, несмотря на приобретенный известный жизненный опыт во время его четырехлетнего скитания, сохраняет еще свой некультурный характер, и борьба его с надвигающимися китайским и английским влияниями, при его беспомощности, будет ему, кажется, не под силу, недалекое будущее решит, вероятно, судьбу Тибета.

С глубочайшим почтением и проч.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 410, л. 299—301 и об. Копия.

¹ Из Гумбума в сентябре 1908 г. Далай-лама по указанию цинского правительства приехал в Пекин.

² Князь-регент — великий князь Чунь (Цзай Фэн). В ноябре 1908 г. почти одновременно умерли находившийся в опале Цзай Тянь (Гуансюй) и фактическая правительница Китая Цыси. На престол был возведен трехлетний сын Чуня — Пу И (девиз правления — Сюаньтун). Регентом при малолетнем императоре стал его отец, т. е. великий князь Чунь.

³ Прах богдохана — прах Цзай Тяня (Гуансюя).

⁴ Чжан-чжи-дун (Чжан Чжидун) (1837—1909) — государственный деятель Китая. В 1888—1889 гг. — наместник провинций Гуандун и Гуанси, в 1889—1907 гг. — наместник Хубэя и Хунани, с 1907 г. — член Цзюньцзичу (Военного совета — высшего правительственного органа в Пекине). Будучи наместником Хубэя и Хунани, проводил в этих провинциях умеренные буржуазные реформы.

⁵ Ши-суй (Ши Сюй) — член Военного совета (Цзюньцзичу).

⁶ Бодису — князь из Внутренней Монголии, постоянно проживавший в Пекине и занимавший там различные государственные должности.

⁷ V Далай-лама — Далай-лама Агьян Лубсан Чжанцо (1617—1682).

⁸ «Тушету по происхождению» — означает, что Лубсан(Лубсан)-Бальчжур происходил из Тушетуханского аймака Халхи.

⁹ Батан и Литан — города в восточной части Тибета.

¹⁰ Баньчэнь Эрдэни — Панчен-лама.

№ 74

1909 г. декабря 9. — Выдержка из секретного донесения царского консула в Бомбее С. В. Чиркина в Министерство иностранных дел России о том, что в правящих кругах Британской Индии считают, что Англо-русское соглашение 1907 г. сильно ослабило влияние Великобритании в Тибете и существенно укрепило там позиции Китая

(...) По отношению к Тибету здесь принято считать, что соглашение (1907) разрушило в конце результаты экспедиции полковника Янг-хазбенда и укрепило за Китаем страну, бывшую фактически независимой и завоеванную британским оружием, создав к тому же, хуже всего, крайне опасного и родственного соседа полунезависимым Сиккиму, Непалу и Бутану и многим Шанским государствам, где возрождающийся Китай не замедлит вступить с пропагандой свободы.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 24. Копия.

№ 75

1910 г. января 13. — Доверительная грамота, данная Далай-ламой Агвану Доржиеву¹ с полномочиями вести переговоры с правительствами России и Англии о восстановлении нарушенных Китаем прав Тибета

Хотя Тибет и Китай с давних времен имели мирное соседское отношение, но с 1904 г. Лхасский резидент совместно с китайскими военными властями Сычуана² систематически производили в Восточном Тибете гра-

бежи, массовые убийства монахов и мирян, разрушение монастырей и т[ому] п[одобные] бесчинства. Ныне эти несправедливости китайцев дошли до того, что бесчинствующие войска их подходят уже к нашей столице. Поэтому сей нашей грамотой мы уполномочиваем вести переговоры с правительствами России и Англии о том, чтобы Россия и Англия в силу своих прежних соглашений относительно нашей страны предприняли соответствующие шаги перед китайским правительством относительно восстановления нарушенных китайцами прав Тибета и в гарантировании неприкосновенности его на будущее время.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 27. Копия.

¹ Агван Доржиев в это время находился в России.

² Сычуан — провинция Сычуань, граничащая с Тибетом.

№ 76

1910 г. января 14. — Извлечение из письма Далай-ламы и трех тибетских министров Агвану Доржиеву о трудностях выехать им в Россию в связи с походом китайских войск на Лхасу

При приближении китайских войск к столице (Лхасе) мы обратились к местному амбану и послали навстречу воинским начальникам китайского отряда с настоянием, чтобы войска не вступили в Лхассу, а вернулись с дороги вследствие недостаточности съестных припасов в Тибете, что накопление стольких войск в Тибете может вызвать голод и, наконец, во избежание возможных столкновений, смут, осложнений.

До сих пор наши настояния оставлены без внимания и за всякое будущее, что может быть последствием вступления войск в столицу, нам не придется ручаться. По всей вероятности, нам придется покинуть столицу, чтобы

не отдать во власть китайцам самих себя.

По всем данным, китайцы в предупреждение возможности нашего выезда на север отправили отряд в несколько тысяч солдат по направлению в Нахчу (Накчу). Поэтому, очевидно, не будет возможности пробраться на север, остается одно — пробраться в Индию, полагаясь на нынешнее дружественное отношение России и Англии. В случае если судьба приведет нас на территорию Англии, то вы должны немедленно принести пред Его Величеством и правительством России уверение в неизменной глубокой нашей верности к России, подробно изложить настоящее положение вещей в нашей стране и истинные обстоятельства, которые могли бы помешать нам пробраться на север — по направлению к Великой России.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 26. Подлинник.

№ 77

1910 г. января 30. — Делеша посланника в Пекине И. Я. Коростовца министру иностранных дел А. П. Извольскому о намечаемых пекинским правительством реформах в Тибете с целью укрепления там китайской власти

После заключения в 1908 году¹ Англо-китайского соглашения о Тибете, пекинское правительство стало неуклонно стремиться к постепенному уничтожению существовавшей до того времени широкой самостоятельности Далай-Ламы и тибетского духовенства в вопросах внутреннего управления названной страной и изыскивать способы постепенного введения в ней общеимперского порядка администрации. Особенно энергично этим вопросом занялись китайцы после возвращения в минувшем году Далай-Ламы в Лхассу, когда от китайского резидента в Тибете и Сычуаньского генерал-губернатора был получен ряд

тревожных телеграмм, извещавших о тайных сношениях буддийского Первосвященника с иностранными державами, перед коими он будто бы ходатайствовал о помощи в случае попытки со стороны тибетцев объявить свою страну независимой от Китая. Одновременно с донесениями о современном опасном положении Тибета представители местной высшей китайской власти убедительно ходатайствовали перед центральным правительством о выработке в самом непродолжительном времени подробного плана энергичных мероприятий, долженствующих положить конец интригам тибетского духовенства и обеспечить сохранение китайского суверенитета над Тибетом.

Вследствие вышеизложенного в конце минувшего года состоялся ряд экстренных заседаний Государственного совета², посвященных тибетским делам, причем было окончательно принято решение распространить на Тибет по мере возможности общеимперский административный строй.

Понимая, однако, какими тяжелыми условиями будет обставлено осуществление этой задачи, китайское правительство нашло нужным действовать пока по отношению к Тибету с крайней осторожностью, по возможности скрывая свою окончательную цель до того момента, когда положение Китая в пограничных с Тибетом областях настолько упрочится, что даст ему возможность открыто и энергично приступить к крупным политическим и экономическим реформам в этой стране. В ближайшем же времени китайцы решили принять по отношению к Тибету только ряд подготовительных мер, которые сводятся прежде всего к установлению тщательного тайного надзора за деятельностью Далай-Ламы и к поддержанию авторитета Китая в глазах Первосвященника путем командирования в Тибет новых

отрядов китайских войск и организации там китайской полиции. В этих целях предполагалось вместо резидента учредить в Тибете должность главнокомандующего, снабженного генерал-губернаторскими полномочиями, прикомандировав к нему в звании советников, военного и дипломатического, комиссаров с возложением на первого из них непосредственного командования воинскими частями, назначавшимися к отправке в Тибет, а на второго — надзор за сношениями Далай-Ламы с иностранцами, в исполнении каковой задачи должны были содействовать специально командированные Сычуаньским генерал-губернатором в Лхассу опытные агенты.

Прошлой осенью, под предлогом очень возбужденного среди тибетцев настроения, было решено немедленно же командировать в Тибет первый эшелон китайских войск в составе 5000 отряда под командой полковника Чжун-Ина, который и двинулся в поход в конце года. Вслед за ним в Тибет, вероятно, предполагалось двинуть и другие воинские части, а затем, опираясь на значительную военную силу, Пекинское правительство рассчитывало, по-видимому, уже без дальнейших проволок лишить ламайское духовенство права какого-либо участия в деле администрации и в конце концов приняться за введение в Тибете школьной и финансовой реформ, устройство железных дорог, телеграфного и почтового сообщения и прочих усовершенствований, долженствующих содействовать быстрому развитию этой пока еще дикой страны и закреплению ее за Китаем.

Насколько, однако, можно судить по официальным докладом сановников, близко стоящих к тибетским делам, и по сообщениям, появляющимся в хорошо осведомленных органах здешней прессы, в проведении программы своей тибетской политики китайское

правительство, несмотря на все свои старания, уже теперь встречает большие трудности. Самым серьезным препятствием в этом отношении для китайцев является крайняя удаленность Тибета от центра и полное отсутствие путей сообщения с названной страной. Это обстоятельство помешало, между прочим, отправленному в Тибет пятитысячному отряду войск достичь места своего назначения, так как в зимнее время поход оказался совершенно невозможным, и по ходатайству Сычуаньского генерал-губернатора посланная в Тибет воинская часть, под предлогом наступления там успокоения, была возвращена обратно.

Ввиду этого в самое последнее время в правительственных кругах решено, по-видимому, стремиться всеми силами к скорейшему осуществлению проекта железной дороги от Ханькоу на Сычуань и далее на Тибет, до окончания каковой линии для пекинского правительства будет весьма трудно держать в Тибете значительные воинские части, а без поддержки вооруженной силы оно едва ли может решиться на крупные политические преобразования, довольствуясь, вероятно, в ближайшем будущем более скромными задачами, направленными к усилению китайского влияния в Тибете. К числу подобных мероприятий, которые были выполнены в минувшем году китайским правительством по отношению к Тибету по инициативе представителей высшей китайской администрации на месте, следует отметить распространение в Тибете мелкой медной монеты китайской чеканки, вытесняющей с успехом бывшие до сих пор здесь в обращении индийские денежные знаки, и учреждение во вновь открытых для международной торговли городах, Ядуне, Гартоке и Цзянцзы, китайской таможенной администрации, которая должна противодействовать проявля-

емому английскими агентами в названных пунктах стремлению играть господствующую роль в делах городского управления.

С глубочайшим почтением и пр.

Коростовец.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 28—29 и об. Подлинник.

¹ В 1908 г. в развитие англо-китайской конвенции 1906 г. Китай и Великобритания подписали соглашение о «Правилах торговли с Тибетом», которые предусматривали, что Китай обязуется организовать эффективную полицейскую службу на открытых для торговли рынках и на путях к ним.

² Государственный совет — Цзюньцзичу (Военный совет).

№ 78

1910 г. февраля 11. — Делеша посланника в Пекине И. Я. Коростовца министру иностранных дел А. П. Извольскому о том, что китайский резидент в Лхасе Лянь Юй захватил в свои руки управление Тибетом, игнорируя ламское правительство коренного населения

На днях меня посетил прибывший из Лхассы через Даржилин и Калькутту посланец Далай-Ламы тибетец Дун-чжу-ван-цзя, который передал письмо от Первосвященника на мое имя и почетный хадак.

Названный посланец сообщил, что в конце октября прошлого года он был вызван в монастырь Жа-чжэнь (в трех днях пути от Лхассы), где тогда находился Далай-Лама, и получил приказание отправиться в Пекин и передать мне пожелания Первосвященника.

Последний, по свидетельству посланца, очень озабочен положением дел в Тибете и мерами, принимаемыми китайским резидентом Лян Юйем, который захватил в свои руки все дела управления, совершенно игнорируя тибетский ламский совет.

Из дальнейших слов Дун-чжу-ван-цзя явствует, что китайцы начинают обращать са-

мое серьезное внимание на Тибет, как я уже имел честь донести депешей от 30 минувшего января № 13. Так, в Лхассе открыты училища китайского и тибетского языков и увеличен китайский гарнизон, состоящий под личным начальством резидента. Последний требует перемены тибетского платья на китайское и заставляет лам выходить из духовного звания и выбирать какую-нибудь профессию. Тибетцы безуспешно протестуют против таких нововведений и в целях предотвратить вмешательство китайцев в их внутренний строй сами начинают предпринимать разные реформы во внутренней администрации, финансах и т. п., следуя, однако, китайским образцам. Довольно большое влияние оказал в этом отношении бывший комиссар Чжан Инь-тан, нынешний посланник Китая в Вашингтоне, который умел ладить с тибетцами, не прибегая к резким мерам.

Посланец Далай-Ламы подтвердил полученное здесь еще ранее известие о самоуправстве китайцев в Батане и Литане, проявившемся в сожжении и разграблении кумирен и убийстве нескольких перерожденцев¹. Местные инородческие старшины заменены китайскими чиновниками. Со времени отъезда Дун-чжу-ван-цзя положение дел, по-видимому, еще ухудшилось, ибо здесь получены известия о вооруженных столкновениях китайских войск с тибетским духовенством, причем последнее до сих пор одерживало верх.

О деятельности англичан посланец не сообщил почти ничего.

По его словам, Далай-Лама вступил будто бы в сношения с английскими агентами и получил довольно значительную ссуду. При сем имею честь препроводить для сведения Вашего Высокопревосходительства перевод адресованного ко мне письма Далай-Ламы от 30 октября минувшего года, написанного в монастыре Жа-Чжэнь, недалеко от Лхассы.

С глубочайшим почтением и проч.

(...) Коростовец.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 33—34. Подлинник.

¹ По ламаистской религии, высшие ламы считались бессмертными, т. е. якобы не умирали, а перерождались: после смерти особо почитаемого ламы его душа «переселялась» в младенца, который специально отыскивался для этой цели, воспитывался как «святой» и наследовал вместе с душой покойника его имя.

№ 79

Письмо Далай-ламы, написанное в октябре 1909 г. посланнику в Пекине И. Я. Коростовцу, с просьбой к России заступиться за Тибет, в котором китайские сановники Лян Юй и Чжао Эрфын творят зло

Перевод письма Далай-Ламы на имя русского посланника в Китае действительного с[татского] с[оветника] Коростовца.

Шлем Вам искренний привет и возносим сердечные моления о благоденствии и процветании Великого Российского государства.

Расставшись с Вами в Пекине, мы после долгого, но спокойного пути вступили наконец в пределы Тибета.

У нас теперь китайские сановники Чжао-Эр-фын и Лян Юй начинают совместно вводить легкомысленно всякие новшества, почему вся страна объята страхом и трепетом.

Действия обоих сановников безрассудны; нет у нас защиты, и мы не знаем, как положить конец их злым замыслам.

Оба названных сановника облечены полным доверием великого китайского императора, но являются недостойными исполнителями его благих повелений. Как нам и стране нашей выйти из такого положения, просим вас дать добрые советы и преподать их нашим представителям, оставленным в Пекине, коим вы можете верить, как бы нам самим.

В свое время Тибет и Китай жили в добрых отношениях, и сие происходило благодаря Великому Российскому Государю и вам, которые в должное время поддерживали нас и замолвляли за нас веские слова. Теперь мы снова просим заступиться за Тибетскую страну и отклонить Китай от безрассудного введения новшеств, указав на зло, чинимое нам теми китайскими сановниками, которые пользуются властью и значением.

Россия и Англия заключили в свое время соглашение о Тибете в видах его охранения, и желательно, чтобы этого соглашения придерживались и другие и границы страны охранялись хотя [бы] в течение двадцати лет, в какое время тибетская страна окрепнет и разовьется своими собственными средствами.

Мы крайне желаем, чтобы Вы постоянно снабжали нас вашими советами и не оставляли защитой и покровительством своим Агвана Доржиева и Тубдена Цучима¹.

Если узнаете о чем-либо грозящем Тибету, то дайте нам весть.

Желаем Вам здоровья и благоденствия и шлем Вам ходак и два лана золотого песку.

Написано IX луны 30 дня (10 октября 1909 г.) в монастыре Жа-Чжэнь.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 34 и об. Перевод с тибетского, современный подлиннику.

¹ Тубден Цучиме — тибетец, доверенное лицо Далай-ламы в Пекине.

№ 80

1910 г. февраля 12. — Телеграмма посланника в Пекине И. Я. Коростовца министру иностранных дел А. П. Извольскому о том, что указом богдыхана Далай-лама лишен своего духовного сана

Сегодняшним императорским указом Далай-Лама лишен сана и китайским резидентам в Лхассе приказано приступить к избранию преемника из числа тибетских детей. Причиной низложения выставляется противодействие Первосвященника китайским властям и игнорирование их распоряжений, возбуждение населения к восстанию против Китая, оставление Далай-Ламой своего поста в 1904 году, когда он был низложен и затем прощен, и, наконец, вторичное бегство тридцатого минувшего января из Лхассы тотчас после вступления в город китайских войск. Указ, составленный в резкой форме, объясняет, что войска введены в Тибет для водворения спокойствия и защиты (открытых) пунктов и что население не должно их опасаться.

Коростовец.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 42. Подлинник.

№ 81

1910 г. февраля 12. — Указ цинского богдыхана о низложении Далай-ламы

Императорский указ от 12 (25) февраля 1910 года

Тибетский Далай-Лама А-ван Ло-бу-цзан Ду-бу-дань Цзяо-цзо Цзи-чжай-ван-цзюй-цзюэ-лэ-лань-цзэ пользовался со стороны покойного Императора чрезвычайными и богатыми милостями. Названный Далай-Лама, если только он обладал совестью, должен был бы благоговейно отдаваться изучению священ-

ных книг и почтительно исполнять прежде изданные законоположения, в целях возможно широкого распространения желтой веры. Между тем, приняв в свои руки заведование делами Тибетского казначейства, он стал вести себя крайне надменно и сурово и тратить много денег, чего никто из предшественников его не делал; кроме того, он нарушал распоряжения китайского правительства и побуждал население Тибета к восстанию. В мае 1904 года он, воспользовавшись возникшими беспорядками, бежал из Тибета. Так как ознанченный Далай-Лама запятнал таким поступком свою репутацию, то китайский резидент в Тибете представил против него обвинительный доклад, на который воспоследовала высочайшая резолюция о временном сложении с него почетного звания Далай-Ламы. Когда Далай-Лама прибыл в Ургу и оттуда вернулся в Синин¹, правительство китайское, приняв во внимание дальность его поездки и надеясь на его раскаяние и исправление, отдало местным властям предписание о своевременном доставлении ему необходимого. Полтора года тому назад он прибыл в Пекин, причем был неоднократно принят на аудиенции и награжден пожалованием почетного титула; кроме того, при отъезде его из Пекина обратно в Тибет были командированы чиновники, которые должны были сопровождать его. Хотя во время пути Далай-Лама долгое время медлил и беспокоил различными просьбами, тем не менее во внимание к его прошлым заслугам и для поощрения в будущем всё это ему великодушно прощалось.

В настоящее время отряды из Сычуаньской провинции вступили в Тибет исключительно в целях водворения спокойствия и охраны открытых для торговли пунктов², так что население Тибета отнюдь не должно иметь каких-либо сомнений и беспокойства. Неожиданно Далай-Лама по возвращении в Тибет

стал распускать разные слухи с целью побудить население к сопротивлению и обвинять ложно сановников в том, что они перестали выдавать ему содержание, причем на неоднократные увещания не обращал решительно никакого внимания.

Несколько времени тому назад Лянь Юй и другие по телеграфу доложили, что, как только сычуаньские войска вступили в Лхассу, Далай-Лама без всякого предупреждения 30 января ночью тайно бежал из города неизвестно куда. Тотчас же было предписано означенным сановникам принять меры к его возвращению и водворению в крае спокойствия, но до сих пор никаких положительных результатов в этом отношении не достигнуто. Как можно допустить, чтобы лицо, заведующее делами религии, позволяло себе неоднократно оставлять свой пост. Кроме того, Далай-Лама своим коварным образом действий показал себя неблагодарным по отношению к Императору за милости последнего и неспособным оправдать возлагаемые на него населением надежды, а потому и является не заслуживающим занимать высшее, по сравнению с прочими святейшими, положение. Повелеваю в наказание лишить А-ван Ло-бу-цзан Ду-бу-дань Цзяо-цзо Цзи-чжай-ван-цзюй-цзюэ-лэ-лан-цзэ звания Далай-Ламы. Впоследствии, независимо от того, куда он бежал и вернется ли он в Тибет, он будет считаться обыкновенным простолюдином. Вместе с сим повелеваю резидентам в Тибете как можно скорее отыскать несколько обладающих чудодейственными признаками мальчиков, написать их имена, опустить их по обычаю в золотую урну и, вынув из нее имя того, кто явится затем истинным хубилганом (перерожденцем) далай-лам прежних поколений, представить затем доклад с ходатайством о милостивом разрешении ему распространять

учение по всему миру. Правительство, различая доброе и более за злое, поступает в высшей степени справедливо и беспристрастно; для него все население Тибета — духовное, равно как и светское, — является детьми. Со времени издания настоящего указа все должны неукоснительно соблюдать законы и постановления и содействовать охранению общего спокойствия, дабы не нарушать моих высоких стремлений успокоить окраину и поддержать желтую веру. Быть по сему.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 52—53. Перевод с китайского, современный подлиннику.

¹ Синин — в данном случае имеется в виду область Синин, которая в исторической литературе имела и другое название — Кукунор.

² Пункты Тибета, открытые для иностранной торговли, главным образом с Британской Индией.

№ 82

1910 г. февраля 13. — Секретная телеграмма посланника в Пекине И. Я. Коростовца министру иностранных дел А. П. Извольскому с запросом, следует ли ему обратиться к китайскому правительству за разъяснениями по поводу разжалования Далай-ламы

Английский посланник обратился к здешнему правительству за разъяснением событий в Тибете, указав, что таковые могут отразиться на спокойствии приграничных областей Индии и повлиять на тамошних буддистов. Китайцы ответили, что разжалование Далай-Ламы, вызванное кознями последнего, не изменит политики китайского правительства, которое не намерено нарушать внутреннего строя Тибета.

Не надлежит ли мне обратиться с таким же запросом, мотивировав таковой заботой о наших буддистах и паломниках?

На подл. царской рукой [начертано]: «Следует». Царское Село. 14 февраля 1910 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 41. Копия.

№ 83

1910 г. февраля 15. — Выдержка из секретной телеграммы министра иностранных дел А. П. Извольского посланнику в Пекине И. Я. Коростовцу с указанием предостеречь китайское правительство по поводу низложения Далай-ламы

<...> Нисколько не желая вмешиваться во внутренние дела Китая, мы не можем быть равнодушны к судьбе Далай-Ламы, духовного главы многочисленных русских подданных-буддистов.

Благоволите указать на это китайскому правительству и запросить его о тех обстоятельствах, которые повели к бегству Далай-Ламы из Тибета и к принятию такой чрезвычайной меры, как издание указа о его смещении и выборе ему преемника, что может вызвать религиозное брожение среди наших буддистов. Мы считаем поэтому необходимым предостеречь китайское правительство от принятия поспешных решений по настоящему делу.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 44. Копия.

№ 84

1910 г. февраль 18. — Секретная телеграмма посланника в Пекине И. Я. Коростовца министру иностранных дел А. П. Извольскому о беседе с сановником Вайубу Лян Фаном по поводу низложения Далай-ламы

За отсутствием министра виделся с Лянфаном, которого ознакомил с взглядом Императорского правительства на смещение Далай-Ламы, указав на неблагоприятное впечатление, которое такая мера может произвести среди наших буддистов. Лянфан ответил, что низложение Далай-Ламы вызвано его интригами и постоянным противодействием реформам, которые должны быть введены согласно

принятым по договору обязательствам. Поступив таким образом, китайское правительство лишь осуществило свое право покарать непокорного подданного, нарушившего свои вассальные отношения, не признававшего китайской власти и вмешивавшегося в дело управления, вместо того чтобы преследовать духовные цели. Покинув самовольно и тайно Тибет, Далай-Лама показал свое пренебрежение к Китаю, который оказал ему уже снисхождение при первом его удалении из Лхассы, и тем дал повод к настоящей решительной мере. Сведения о вводе в Тибет большого отряда неверны, в Лхассу вступило не более 2000 солдат для поддержания порядка. По частным сведениям, обнаружено существование какого-то соглашения между китайским резидентом в Тибете и английскими властями, встревожившее будто бы китайское правительство. Получив более точные сведения о действительных причинах происшедшего, обращаюсь вновь к китайцам по этому вопросу.

АВПРИ, ф. *Китайский стол*, оп. 491, д. 1458, л. 48. Подлинник.

№ 85

1910 г. февраля 18. — Делеша посланника в Пекине И. Я. Коростовца министру иностранных дел А. П. Извольскому о политике цинского правительства в Тибете в связи с низложением Далай-ламы

В дополнение к секретной телеграмме моей от 12 февраля (№ 112) имею честь препроводить у сего к Вашему Высокопревосходительству перевод Императорского указа о смещении центральным правительством Далай-Ламы и об избрании ему преемника.

Указ этот носит характер обвинительного акта против поведения Первосвященника за всё время, начиная с бегства его из Лхассы при занятии ее английскими войсками, его

отношения к центральному правительству во время пребывания в Пекине и кончая противодействием с его стороны всем последним мероприятиям китайского правительства в Тибете и вторичным бегством из Лхассы при приближении китайских войск.

Этот шаг китайского правительства является, по-видимому, заранее обдуманном, причем справедливость требует отметить, что Далай-Лама своим вызывающим образом действия поддерживал постоянное раздражение китайских властей и дал много поводов к принятию столь решительных мер. В общем же смещение Далай-Ламы является последствием политики Китая к Тибету в смысле самого широкого использования того положения, которое создалось в результате как Англо-русского соглашения о Тибете, установившего невмешательство России и Англии во внутренние дела страны, так и англо-китайского торгового договора¹, подтвердившего сюзеренные права Китая в Тибете.

В донесении от 11 февраля за № 18 я имел честь докладывать о предпринимаемых Китаем мероприятиях в Тибете, в смысле усиления власти китайских резидентов, ввода китайского отряда и об отношении ко всем этим мероприятиям самого Далай-Ламы, выразившемся, в частности, в препровожденном, в переводе, письме Первосвященника и другим здешним посланникам. Кроме перечисленных мер, по частным сведениям, в планы центрального правительства входила также колонизация монастырских земель китайскими элементами, что, по слухам, послужило одной из главных причин недоразумений между Далай-Ламой и китайскими властями, так как часть этих земель составляет удел самого Далай-Ламы. Настояния китайцев, подкрепленные вводом войск, побудили Первосвященника покинуть Лхассу.

Весьма возможно, что к этому крайнему решению его побудило опасение подвергнуться судьбе предшественников, которые все погибали насильственной смертью ранее достижения ими тридцатилетнего возраста. На обстоятельство это в разговоре со мной намекнул сановник Лян-фан, заметивший, что Далай-Лама — сумасбродный и легкомысленный человек, не умевший использовать знаков расположения к нему китайского правительства и бесцельно скомпрометировавший свое положение. Что касается вступления в тибетские пределы китайских войск, то таковые введены не для посягательства на Тибет, а для несения полицейской службы в открытых для торговли пунктах. Судя по тому, что китайские войска преследовали Далай-Ламу, очевидно, в планы китайцев входило захватить Первосвященника, так как несомненно пребывание его на свободе в связи с заявлением Англии об оказании Далай-Ламе гостеприимства и почета² не может не тревожить китайское правительство.

Вообще же китайским правительством в отношении его к смещению Далай-Ламы проводится та мысль, что светская власть в Тибете издавна находилась в руках китайского резидента, на Далай-Ламе же лежит обязанность проповедовать буддизм, не касаясь дел гражданского управления. То же отношение проявляется и в китайской прессе, причем одна газета старается даже провести параллель между мероприятиями Китая и отделением светской власти от духовной в католицизме. При этом пекинские газеты всячески оправдывают принятую меру, указывая, что за последние годы Далай-Лама служил источником всяких смут, в подтверждение чего газетами делаются намеки на интриги России против Китая, орудием коих служил Далай-Лама. Газета, между прочим, передает, что китайский резидент в

Лхассе заключил с англичанами соглашение о Тибете, не предупредив здешнее правительство и не имея надлежащих полномочий. По другим сведениям, соглашение заключено Далай-Ламой и китайским резидентом, но не признано в Пекине.

Обращаясь к историческим справкам, следует отметить, что принятая Китаем мера имеет свои прецеденты; так, например, Шестой Далай-Лама (1683—1706) был низложен за предосудительный образ жизни монгольским ханом Билингиром³; седьмой Далай-Лама Галсан (Лобсан) был временно низложен (1728 г.) китайским правительством за участие в убийстве Билингера-Хана, и, наконец, настоящий Далай-Лама был уже раз низложен 13 сентября 1904 года за бегство из Лхассы. Таким образом, китайское правительство и раньше старалось проявлять свою власть над Далай-Ламой, но до настоящего времени эти меры носили случайный характер и не были частью определенного плана подчинения управления Тибетом центральному правительству, что, несомненно, имеет место теперь.

Что же касается до отношения иностранных держав к данному шагу китайского правительства, то в секретной телеграмме моей от 13 февраля (№ 116) я имел честь доносить Вашему Высокопревосходительству о том, что здешняя английская миссия затребовала объяснений Вай-у-бу по поводу низложения Далай-Ламы. В ответ на этот запрос китайское правительство дало заверение, что оно отнюдь не имеет намерения изменять внутренний строй Тибета. Во всяком случае, судя по некоторым намекам, Англия, по-видимому, не намерена относиться пассивно к совершающимся в Тибете событиям. Остальные мои коллеги⁴ отнеслись к случившемуся довольно индифферентно, высказав лишь мнение,

что сделанный Китаем шаг свидетельствует о намерении правительства усилить свои сюзеренные права над Тибетом.

С глубочайшим почтением и проч. (...)

АВПРИ, ф. *Китайский стол*, оп. 491, д. 1458, л. 50—51 и об. Подлинник.

¹ Англо-китайский торговый договор — «Правила торговли в Тибете», подписанные представителями Китая и Великобритании в Калькутте 20 апреля 1908 г.

² Гостеприимство со стороны англичан по отношению к бежавшему в Индию Далай-ламе было чисто внешним. На самом деле они его там держали в условиях, близких к домашнему аресту.

³ Хан Билингир — монгольский хан, правивший в Кукуноре. Помогал Цинской династии укрепиться в Тибете. Он временно находился в Лхасе со своим войском.

⁴ Коллеги — иностранные посланники в Пекине.

№ 86

1910 г. февраля 18. — Секретная телеграмма министра иностранных дел А. П. Извольского посланнику в Пекине И. Я. Коростовцу с запросом, следует ли царскому правительству добиваться отмены указа цинского богдыхана от 12 (25) февраля 1910 г. о низложении Далай-ламы

Английское правительство, ссылаясь на существование у нас и Англии общих интересов в Тибете, сообщило нам о тех представлениях, которые оно поручило своему посланнику в Пекине сделать китайскому правительству по поводу его образа действий в этой стране, а ныне ознакомило нас и с ответом китайских министров на эти представления.

По этому поводу мы поручили нашему послу в Лондоне, сообщая английскому министру иностранных дел содержание Ваших инструкций, изложенных в телеграмме № 259, прибавить, что мы также признаем наличность общих русских и английских интересов в Тибете и готовы поддержать шаги, которые Англия сочтет нужным сделать перед китайским пра-

вительством для ограждения этих интересов; мы выразили также готовность обменяться с английским правительством взглядами на то положение, которое следовало бы занять для этой последней цели.

При этом мы имели в виду, что англо-китайские недоразумения на тибетской почве были бы выгодны для нас, так как отвлекали бы до некоторой степени внимание Китая от Маньчжурии и что, с другой стороны, поддерживая англичан в тибетском вопросе, мы могли бы надеяться на их поддержку в наших маньчжурских делах¹.

Нельзя, однако, упускать из виду, что последние события в Тибете могут иметь последствия, не исчерпывающиеся вышеизложенными соображениями. Было бы желательно знать Ваш взгляд на то, каким образом эти события могут отразиться среди русских и китайских буддистов, как они могут повлиять на отношения монголов к китайскому правительству и, в связи с этими вопросами, следует ли нам добиваться отмены указа о низложении Далай-Ламы и его возвращения в Лхассу.

Благоволите телеграфировать Ваши подробные соображения по этим вопросам и, если признаете нужным, предписать Шишмареву и Хитрову представить таковые же по почте.

АВПРИ, ф. *Китайский стол*, оп. 491, д. 1458, л. 54. Подлинник.

¹ В 1910 г. царское правительство решило активизировать свою политику в Маньчжурии, предлагая Японии оккупировать Южную Маньчжурию, а Северную Маньчжурию присоединить к России. Подробнее см.: Белое Е. А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911—1915 гг. М., 1997, с. 56—60.

№ 87

1910 г. февраля 21. — Секретная телеграмма министра иностранных дел А. П. Извольского послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу

о содержании беседы российского посланника в Пекине И. Я. Коростовца с сановником Вайубу Лян Фаном по вопросу низложения Далай-ламы цинским правительством

Ввиду сообщенного нам Никольсоном ответа Китая на английский меморандум касательно Далай-Ламы, благоволите уведомить великобританское правительство, что Коростовец сделал предписанные ему этой телеграммой шаги. За отсутствием министра Лян-Фань ответил, что низложение Далай-Ламы вызвано его интригами и постоянным противодействием реформам, подлежащим введению по договору.

Таким образом, Китай лишь осуществил свое право покарать непокорного подданного, нарушившего свои вассальные отношения, не признававшего китайских властей и вмешивавшегося в дела управления, вместо того чтобы преследовать свои духовные цели. Самовольное и тайное бегство из Тибета показало его пренебрежение к Китаю, оказавшему ему уже раз снисхождение при первом его удалении из Лхассы, и тем самым дало повод к настоящей решительной мере.

Для Вашего сведения сообщаю, что до Коростовца дошли частные слухи об обнаружении существования какого-то соглашения между китайским резидентом в Тибете и английскими властями, встревожившие будто бы китайское правительство.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 57. Подлинник.

№ 88

1910 г. февраля 26. — Письменное сообщение в Вайубу российского посланника в Пекине И. Я. Коростовца о том, чтобы цинское правительство воздержалось от поспешных шагов по отношению к Далай-ламе

Согласно инструкциям от Императорского

российского правительства я посетил 16 сего февраля почтенное Министерство и устно сообщил, что, нисколько не желая вмешиваться во внутренние дела Китая, Россия не может быть равнодушна к судьбе Далай-Ламы, духовного главы многочисленных русских буддистов, и к таким нарушениям основ ламайской религии, которые могли бы вызвать брожение среди наших буддистов. Уведомив меня в ответе на это сообщение о причинах, вызвавших смещение Далай-Ламы, почтенные сановники заявили мне, что Китай не намерен вносить изменений во внутренний строй Тибета и принимать какие-либо стеснительные меры по отношению к ламаизму.

Это заявление я не преминул передать российскому правительству, которое, приняв его к сведению, поручило мне заявить почтенному правительству, что оно надеется, что Китай воздержится от слишком поспешных мер по отношению к Далай-Ламе и к буддизму, предупредив таким образом какие-либо неблагоприятные толкования среди наших многочисленных последователей желтой религии.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 72 и об. Копия.

№ 89

1910 г. марта 1. — Письменное сообщение управляющего Вайубу князя Цина российскому посланнику в Пекине И. Я. Коростовцу на его сообщение от 26 февраля 1910 г.

В сообщении своем от 26 февраля с. г. Ваше превосходительство изволили писать нам, что ввиду того, что Далай-Лама является духовным главой многочисленных русских подданных буддистов, российское правительство надеется, что Китай воздержится от слишком поспешных мер по отношению к Далай-Ламе и к буддизму, предупредив таким образом какие-либо неблагоприятные толко-

вания среди русских последователей желтой религии.

По поводу вышеизложенного мы считаем своим долгом заявить, что китайское правительство, принимая во внимание неоднократное нарушение Далай-Ламой религиозных заветов, его повторное удаление из пределов Тибета и несостоятельность его исполнить возложенные на него обязанности по управлению желтой верой, было вынуждено, по примеру прошлых царствований, разжаловать его и избрать нового перерожденца, усмотрев в этом способ охранения и поддержания желтой веры. По низложению названного Далай-Ламы во всех пунктах Китая, где исповедуется желтая религия, по-прежнему господствует мир и спокойствие, и лишение сана Далай-Ламы, как факт, касающийся лишь его лично, не имеет никакого отношения к буддизму и русским подданным буддистам; нет никаких оснований предаваться неблагоприятным толкованиям.

Имеем честь просить Ваше превосходительство о вышеприведенном довести до сведения российского правительства.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 73. Копия. Перевод сообщения князя Цина, современный подлиннику, на имя российского посланника в Пекине от 1 марта 1910 года.

№ 90

1910 г. марта 18. — Выдержка из депеши генерального консула в Калькутте Б. К. Арсеньева в Министерство иностранных дел России о прибытии Далай-ламы в Британскую Индию

<...> 16 минувшего февраля Далай-Лама в сопровождении свиты из 23 приближенных к нему лиц и 60 слуг, восторженно приветствуемый толпою собравшихся из соседних селений буддистов, въехал верхом в лежащее у самой границы Сиккима дачное место

Даржилинг, где он остановился в заранее приготовленном для него местными властями помещении. На другой же день он принял политического агента индийского правительства в Сиккиме г-на Белля. Пожаловавшись ему на образ действия китайского резидента в Лхассе Лиена (Лянь Юй'я), Далай-Лама выразил надежду, что английское правительство, вняв его просьбе, потребует от правительства Богдохана, чтобы оно заменило Лиена другим чиновником, а также вывело свои войска из Лхассы, восстановило похищенные священные предметы и дозволило ему, Далай-Ламе, вернуться в Тибет со всеми почестями, подобающими духовному главе буддизма, Первосвященнику Азии. Мне в точности не известно, что ответил Его Святейшеству английский резидент. По всем вероятностям, он, руководствуясь инструкциями из Калькутты, поспешил с самого начала предупредить Далай-Ламу, что индийское правительство, будучи готово принять его соответственно с высоким и священным его саном, при всём своем сочувствии к нему не может, однако, ввиду существующих трактатов, вмешиваться во внутренние дела Китая, верховные права коего относительно Тибета несомненны.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 80 и об. Копия.

№ 91

1910 г. апреля 11. — Депеша генерального консула в Калькутте Б. К. Арсеньева в Министерство иностранных дел России о мерах, предпринимаемых правительством Британской Индии в связи с вводом китайских войск в Тибет

Когда в конце минувшего года, по возвращении Далай-Ламы в Лхассу, до индийского правительства впервые стали доходить слухи о готовящемся нашествии китайцев на Тибет, грозящем этому вассальному государству превращением его в обыкновенную имперскую провинцию, оно поспешило заблаговременно принять меры к предупреждению дальнейшей агрессивной политики Китая в направлении к граничащим с Тибетом независимым гималайским странам, по отношению к которым правительство Богдохана неоднократно уже пыталось предъявлять суверенные права.

Обратив прежде всего внимание на Бутан как на то из двух самостоятельных гималайских государств, которое посему скоро могло бы стать предметом китайских воцелений, здешнее правительство вступило в переговоры с бутанским владетельным князем-магараджею сэром Угиеном Вангчук, результатом коих явилось подписание 26 декабря 1909 г. правительствами Индии и Бутана договора (обнародованного здесь 19 минувшего марта), в главных своих чертах сводящегося к нижеследующему:

во-первых, ежегодное пособие в 50 000 рупий, выдаваемое, на основании англо-бутанского трактата 1865 г., названному магарадже Англией, увеличивается до 100 000 рупий;

во-вторых, великобританское правительство обязуется не вмешиваться во внутреннее управление Бутана;

в-третьих, бутанское правительство, в свою очередь, соглашается следовать советам Англии в сношениях своих с иностранными державами.

Таким образом, ценою очень незначительной денежной жертвы индийское правительство выговорило себе весьма при нынешних обстоятельствах важный для него контроль над внешней политикой Бутанского княжества, которое отныне не может сношаться с Китаем иначе как через посредство Англии. Захочет ли к такому посредничеству прибегать также и Китай, откажется ли он от своих притязаний на верховное обладание Бутаном — это покажет ближайшее будущее. Во всяком случае, нельзя не признать, что вышеприведенный договор является несомненным успехом выказавшей большую предусмотрительность английской политики, которой удалось хотя бы на время предотвратить возможность появления Китая в роли непосредственного соседа Индийской империи.

Судя по всем данным, такое соседство для здешнего правительства нежелательно. Одним из признаков его тревоги, вызванной распространением китайского не фиктивного только, а реального владычества по направлению от центра Небесной империи к рубежу Индии, служат некоторые меры военного характера, которые индийское правительство решило принять в связи с последними событиями в Тибете. Так, например, в видах обороны тибетского фронта Индии предположено безотлагательно усилить состоявший доселе из одного только полка гарнизон расположенного на севере Бенгальской провинции, на прямом пути из Лхассы в Калькутту, города Даржилина. Одновременно главнокоманду-

ющим индийской армией разрабатывается план оборудования в этом городе или в ближайших его окрестностях укрепленного пункта. Для изучения сего вопроса на месте сэр О'Мур Криг недавно выезжал в Даржилин, где под его руководством произведены были необходимые изыскания.

Забота здешнего военного ведомства об укреплении северо-восточной индийской границы порождена, по слухам, отчасти тем обстоятельством, что путь между Лхассою и Даржилином, до сих пор считавшийся очень труднопроходимым и требующим весьма продолжительного времени, был вопреки всем ожиданиям совершен Далай-Ламой и сопровождавшим его отрядом легко и с чрезвычайною быстротою — всего в 12 дней.

Принимая меры к обороне индо-тибетских путей сообщения здешнее правительство вместе с тем старается обеспечить себе, несмотря на китайское водворение в Тибете, сохранение известной доли влияния в этой стране. В сих видах оно — вероятно, взамен согласия своего признать низложение Далай-Ламы совершившимся фактом — в минувшем месяце добилось, как удалось узнать из секретного источника здешнему французскому генеральному консулу, заключения с Китаем соглашения, на основании коего Англии на развитие последних англо-китайских соглашений по тибетским делам предоставляется право установить правильное почтовое сообщение: во-первых, от расположенного на границе Сиккима м[естечка] Ренок до Гиантсе (Гьянцзе) и Лхассы (521 км) и, во-вторых, от пограничного места Поо (Пенджабской провинции) до тибетского города Гартока (223 км). По словам г. Ронссона¹, ручающегося за достоверность своих сведений, в упомянутом соглашении перечислен целый ряд находящихся на тибетской территории вдоль озна-

ченных двух путей пунктов, в коих Англии разрешается содержать почтовые станции.

Если выяснится, что сообщение моего французского сотоварища действительно вполне соответствует истине, будет несомненно, что англо-индийское правительство отступило в данном случае от точного выполнения статьи 4 англо-русского соглашения по делам Тибета², в коей обе договаривающиеся стороны обязались не искать и не приобретать ни для себя, ни для своих подданных никаких железнодорожных, телеграфных и иных концессий в Тибете.

Резюмируя всё вышеизложенное, считаю долгом подчеркнуть одно благоприятное для нас последствие недавних событий в Тибете, могущее только способствовать дальнейшему развитию англо-русского сближения: напряженное внимание здешнего военного ведомства, досель устремлявшееся главным образом в сторону северо-западной индийской границы, отныне отчасти отклонилось на восток, к тибетским пределам, откуда Англии стала угрожать на этот раз уже не воображаемая, а действительная — хотя, быть может, очень еще отдаленная — опасность.

На первый взгляд, может показаться странным, каким образом успешные действия в Тибете небольшого, далеко не первостепенного отряда китайской армии, еще находящейся в первоначальной стадии своего развития, могли вызвать тревогу в индийском правительстве, располагающем, не считая туземных частей, отличным семидесятитысячным чисто английским войском. Однако, присматриваясь ближе к условиям английского владычества в Индии, нельзя не прийти к заключению, что для такой тревоги есть довольно причин. В самом деле, как бы ни была совершенна здешняя английская армия, несомненно, что для обеспечения порядка и спокойствия внутри

громадной 300-миллионной империи, где повсеместно зреет глухое, порою, однако, ярко вспыхивающее недовольство, она является силою далеко недостаточною, тем более что на неё же выпадает и охрана всей огромной сухопутной границы Индии. Значение этого факта еще усугубляется тем обстоятельством, что, судя по историческим примерам и по нынешнему настроению индийского населения, не может быть никакой уверенности в непоколебимой лояльности туземных войск, хотя бы и обученных английскими офицерами. Всё это вполне сознается и даже изредка прямо высказывается представителями здешних военных и политических кругов, отдающих себе ясный отчет в том, что всякое серьезное осложнение на том или другом конце северной границы Индии, сопряженное с необходимостью двинуть туда крупные вооруженные силы и тем ослабить охрану внутренних провинций, немедленно вызвало бы взрыв горючих элементов, покамест таящихся под спудом. А что первое же серьезное народное восстание, которое, конечно, не замедлит использовать мечтающий о троне Великих моголов³ афганский эмир⁴, будет означать собою если не конец, то во всяком случае начало конца английского владычества в Индии, в этом здесь мало кто сомневается. Торжество Китая в Тибете, укрепление его власти близ рубежа Индии для Англии сами по себе, конечно, не страшны. Ей страшна возможность таких действий Китая, на которые она вынуждена будет ответить передвижением воинских частей из центральных революционно настроенных областей Индийской империи на пустынные северные её окраины.

С глубоким почтением и проч. <...>

Б. Арсеньев.

На листе 36 стоит знак, свидетельствующий, что документ читал царь Николай II.

На документе имеется помета С. Д. Сафонова: «При письме допросить М. С. Щекина и гр. Бенкендорфа, действительно ли есть соглашение о почте?»

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, д. 960, л. 36—42. Подлинник.

¹ Ронссон — генеральный консул Франции в Калькутте.

² Англо-русское соглашение 1907 г.

³ Великие Моголы — династия правителей Могольской империи в Индии в 1526—1858 гг.

⁴ Афганский эмир — Хабибулла, правил в 1901—1919 гг.

№ 92

1910 г. мая 8. — Делеша генерального консула в Калькутте Б. К. Арсеньева в Министерство иностранных дел России о повышенном интересе в Британской Индии к китайской политике в Тибете в связи с бегством оттуда Далай-ламы

Проезд через Индию в Тибет бывшего начальника китайской императорской гвардии Тсиен-Ши-Пао, только что назначенного на вновь учрежденный пост советника китайского резидента в Лхассе, опять пробудил здесь интерес к тибетским делам, загложнувший было после возвращения Далай-Ламы к мирной жизни в Даржилинге. Особое внимание обращается на тот факт, что при замещении в Лхассе новой видной административной должности китайское правительство остановило свой выбор на лице, занимавшем выдающееся положение в военной иерархии Срединной империи и принимавшем деятельное участие в реорганизации китайской армии¹. Отсюда выводится заключение, что китайцы, по-видимому, намерены самым серьезным образом приняться отныне за преобразование вассального Тибета в имперскую провинцию с твердым китайским управлением, в один из аванпостов китайского владычества и китайской военной силы.

Предметом оживленных толков послужило здесь также заявление, сделанное Тсиен-Ши-Пао в Калькутте представителю одной из местных газет, в беседе с коим названный китайский сановник категорически высказал, что тибетский Первосвященник, после бегства своего и низложения, является в глазах правительства Богдохана не более как простым ламой, навсегда безвозвратно утратившим свой характер не только светского правителя Тибета, но и духовного главы ламаистов.

Не подвергая сомнению суверенного права Китая распоряжаться в Тибете, в области внутреннего его управления, по своему усмотрению, англо-индийская печать задается академическим вопросом, не переступило ли китайское правительство границ своей компетенции, лишив Далай-Ламу его духовных прерогатив, и как к такому шагу китайской власти отнесутся миллионы буддистов, видящих в Его Святейшестве живое воплощение Будды на земле. Попутно здешнюю прессу занимает также и более животрепещущий вопрос о том, является ли пребывание Далай-Ламы в индийских пределах, где он находится в полной зависимости от Англии, козырем в её руках, который она могла бы так или иначе при тех или иных условиях использовать или же оказываемое ныне Его Святейшеству индийским правительством гостеприимство есть не более как долг элементарной вежливости по отношению к низложенному государю, безнадёжно лишившемуся всякой власти и влияния.

Последние вопросы, на которые пока трудно дать определенный ответ, представляют, мне кажется, некоторый интерес и для России. В самом деле, каково значение для нас совершившегося факта низложения Далай-Ламы, этого верного, нелицемерно преданного друга России, столь явно и упорно, несмотря на все превратности нашей судьбы², тяготевшего в

нашу сторону? Навсегда ли в его лице сошел с политической сцены светский и духовный правитель, к голосу которого благоговейно прислушивалась вся сопредельная с нами Монголия? Здесь в этом не уверены. Здесь допускают возможность если не возвращения Далай-Ламы к светской власти, то, по крайней мере, сохранения им в прежней полноте влияния на духовную его многомиллионную паству. Пока отношение этой паствы к его низложению еще не выяснилось, индийское правительство, по-видимому, решило придерживаться в данном случае выжидательного образа действия. Как я уже имел честь донести Вашему Превосходительству, оно приняло Его Святейшество со всеми подобающими его сану почестями; оно предоставило ему помещение в Даржилинге, где он проживает на счет английской казны в полном спокойствии, пользуясь вниманием местных властей и всеми возможными удобствами; но до поры до времени оно уклоняется от всяких переговоров с ним по политическим вопросам, приберегая его как орудие, которое в настоящий момент пустить в дело нельзя, но которое со временем, быть может, еще пригодится.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 105—106. Подлинник.

¹ Речь идет о формировании в Китае после русско-японской войны 1904—1905 гг. новых войск, вооруженных и обученных по образцу Германии и Японии.

² «Превратности нашей судьбы» — видимо, имеются в виду поражение России в войне с Японией и революция 1905 г.

№ 93

1910 г. июля 5. — Депеша поверенного в делах в Китае М. С. Щекина министру иностранных дел А. П. Извольскому о том, что посланец Далай-ламы привез представляющим Первосвященника в Пекине ламам письмо с просьбой передать содержание письма

в Российскую миссию. Посланец устно сообщил М. С. Щекину, что Далай-лама, находясь в Британской Индии, питает недоверие к англичанам и просит царское правительство прислать к нему доверенное лицо

Несколько дней тому назад в Пекин прибыл посланный из Дарчжилина от Далай-Ламы с письмом к проживающим здесь его представителям хамбо-ламам Цзян-цаню и Лосану, которым было поручено передать содержание письма в Российскую миссию. Кроме того, посланному было приказано сообщить устно, что Далай-Лама проживает в помещении, предоставленном ему англичанами, и подчинен очень строгому с их стороны надзору, исключаящему почти всякое сношение с внешним миром. В то же время англичане относятся к нему крайне предупредительно и предлагают свое содействие в сношениях с Китаем, если бы он захотел вступить в таковые. К предложениям англичан Далай-Лама питает недоверие и желал бы получить совет от России, причем на случай каких-либо указаний от Императорского правительства он просит прислать доверенное лицо в Дарчжилин. От какого-либо ответа я воздержался, тем более что таковой не вызывался с моей стороны ни формой, ни по существу приведенного сообщения.

Перевод полученного миссией изложения письма Далай-Ламы на китайском языке считаю долгом представить при сем на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства. Документ этот содержит в себе перечень событий, предшествовавших бегству Первосвященника, и в настоящее время представляет лишь ретроспективный интерес. Трудно, конечно, проверить, насколько обвинения, возводимые на китайских должностных лиц и войска, оперировавшие в Тибете, соответствуют действительности. Во всяком случае, события свидетельствуют, что начатая на этой

окраине по инициативе даровитого сычуаньского вице-короля Чжао-эр-сюня энергичная политика проводится более или менее последовательно в зависимости от денежных средств, коими располагают китайцы, причем наибольшего внимания заслуживает всё то, что делается на месте непосредственным распоряжением названного сановника.

За последнее время в Пекине распространились сведения о разных реформах в Тибете, проектируемых будто бы правительством, по проверке, однако, оказывалось, что никаких решений не принято или что мера откладывается за отсутствием источника на покрытие вызываемых ею расходов. Гораздо серьезнее звучит появившееся на днях известие о распоряжении военного министерства преобразовать 33-ю сводную бригаду в Чэн-ду-фу¹ в дивизию реформированных войск (лу-цзюнь)², так как из другого источника можно было установить, что Чжао-эр-сюнь из остатков сборов с соли и чая собрал необходимые на этот предмет средства.

Что касается расположения китайских войск в самом Тибете, то, по последним сведениям, ни в численности их (около 3000 человек), ни в расположении (линия Чиамо — Лхасса) изменений не произошло.

С глубочайшим почтением и проч.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 109 и об. Подлинник.

¹ Чэн-ду-фу — г. Чэнду, в то время административный центр провинции Сычуань.

² Лу-цзюнь — букв. «сухопутная армия». Так назывались вновь сформированные войска Китая по иностранному образцу.

№ 94

Изложение письма Далай-ламы, приложенное к депеше М. С. Щекина от 5 июля 1910 г.

1. Лянь Юй и другие вошли в минувшем году с докладом по вопросу о проведении

новых реформ в Тибете, причем им было ассигновано свыше миллиона лань серебра на устройство китайско-тибетской школы, учреждение газетной редакции, оборудование госпиталя и типографии; из этой суммы ими по настоящее время израсходовано не более 200 тысяч лань. Что касается сооружения солдатских казарм, то все необходимые материалы, рабочих и проч. предписано было доставить населению, которому по казенной оценке уплачено было всего 10 тыс. лань. Кроме того, на население налагаемы были в крупном размере штрафы, взысканы были акцизные сборы с вина, соли и проч., все эти суммы сановник Лянь полностью положил в свой карман.

2. Из провинции Сычуань посланы были войска, в количестве 2000 человек, для несения полицейской службы в открытых для иностранной торговли пунктах Тибета. Чиновники и прочее население, опасаясь вздорожания риса и прочих зерновых продуктов и связанных с этим затруднений для беднейшей части населения, предвидя возможность столкновений из-за взаимного непонимания языка и считая поэтому более целесообразным иметь полицию из тибетцев, неоднократно обращались к сановнику Ляню с просьбой о замене китайской полиции туземной, но названный сановник, не ограничившись неудовлетворением возбужденного ходатайства, силой отобрал из казначейства хранившееся там оружие и стал решать все касающиеся местных нужд дела самолично, без участия китайских и тибетских чиновников. Кроме того, им были в несколько раз увеличены натуральные дорожные повинности в виде поставки лошадей, конюхов и т. п. Благодаря таким мерам положение населения сделалось столь невыходным, что, по имеющимся слухам, оно начало разбегаться.

3. Войска Сычуаньской провинции, при вступлении своем в Тибет, в м[естечке] Кан-ба убивали встречавшееся по пути население и сжигали жилища частных лиц и кумирни. По прибытии в Тибет они без всякой причины убили несколько человек из числа тибетских полицейских. Конвойные сановники Ляня также без всякой причины схватили князя Пын-кан-тай-цзы и подвергли его ужасным истязаниям, а также убили его слуг; они же убили казначея Чу-ань-гуань-цзя-му-ян, его слуг и лошадей, также силою заняли дом Ка-луна (члена верховного совета) и уничтожили всю находившуюся в нем обстановку. В это время население было столь раздражено всем происходящим, что положение сделалось прямо-таки невыносимым, причем, если бы Далай-Лама не принял со своей стороны меры к подавлению народного гнева, возникновение беспорядков представлялось бы неизбежным. Далай-Лама же обратился к тибетскому населению с такого рода увещанием: «Тибет издавна считался буддийским государством, в котором во всех делах выше всего ставились милосердие и сострадание, поэтому воздержитесь от беспорядков». Население неоднократно подавало Лянь Юю коллективные петиции, но на них он не обращал ни малейшего внимания.

4. Подобный насильственный образ действия Лянь Юя и связанное с этим опасение возникновения беспорядков побудили Далай-Ламу передать заведование делами казначейства Га-лэ-дань-чи-ба, сам же он решил морским путем выехать в Пекин и на аудиенции у Императора представить доклад о положении дела в Тибете. 10-го числа первой луны (т. е. 6 февраля 1910 года) он прибыл в м[естечко] Па-кэ-ли. Командир отряда в Цзин-си и комиссар уговаривали его остаться временно в Цзин-си, пока тибетцы и китайцы не придут к какому-либо соглашению, а затем

вернуться в Тибет; кроме того, они прибавили, что дальность расстояния делает поездку в Пекин излишней. Далай-Лама на это согласился и временно остался на жительство в Цзин-си. Между тем сановник Лянь Юй послал вдогонку за ним солдат, которые по пути убивали народ и сжигали кумирни. Услышав об этом, Далай-Лама вернулся к своему прежнему намерению отправиться в Пекин, но, доехав до английской границы, узнал, что Лянь Юй представил против него лживый обвинительный доклад, в силу которого он был лишен сана и сравнен с обыкновенными смертными. Тогда он отправил в Вай-у-бу подряд семь телеграмм, на которые, однако, не получил никакого ответа, и, не считая более удобным ехать в Пекин, поселился в Дарджилине.

5. После отъезда Далай-Ламы сановник Лянь Юй с войсками явился в Лош-бу-лин-ган¹ и казначейство и, произведя проверку всего в них находившегося, опечатал их. Кроме того, он послал солдат в количестве 50 человек в Накчу, где они пересчитали и опечатали хранимые Далай-Ламой предметы, при этом конфисковали 10 ружей и 8 сабель.

6. Сановник Чжао-эр-фын и начальник отряда Чжун [Ин] в м[естечке] Кан-ба грабили имущество, убивали население, жгли кумирни, подвергали смерти духовных лиц; они же перелили медные изображения будд в медную монету и боевые снаряды, а также бросили в грязь и навоз священные книги буддистов. От Да-цзянь-лу до Тибета они сожгли свыше тысячи кумирень и частных зданий, убили духовных и светских лиц свыше 1100 человек, ограбили наличными деньгами на сумму 142 200 лань серебра, унесли с собою 3500 даней ячменя. Пострадавшее население вопиет к небу повсюду, и положение его представляется во всех отношениях печальным и заслуживающим сострадания.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 110—111 и об. Перевод с китайского, современный подлиннику.

¹ Лош-бу-лин-ган — склад оружия и боеприпасов.

№ 95

1910 г. декабря 22. — Секретная телеграмма генерального консула в Калькутте Б. К. Арсеньева в Министерство иностранных дел России о желании Далай-ламы посетить Лондон и Петербург

Далай-Лама через доверенное лицо секретно просил меня сообщить ему возможно скорее, может ли он рассчитывать на поддержку Императорского правительства и как оно отнеслось бы к его прибытию в Россию из Лондона, куда он хочет вскоре ехать, или к командированию им в С.-Петербург своего министра. Он также интересуется положением вещей в Тибете и ходом англо-русско-китайских переговоров по тибетским делам¹, о коих ему ничего не известно. Прошу ответа по телеграфу.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 153. Подлинник.

¹ В это время тройственные англо-русско-китайские переговоры не велись.

№ 96

1910 г. декабря 23. — Делеша генерального консула в Калькутте Б. К. Арсеньева в Министерство иностранных дел о трудном положении Далай-ламы в Британской Индии и его желании жить в России

Третьего дня ко мне по поручению Далай-Ламы явился с соблюдением всей вызываемой необходимостью осторожности известный Императорскому министерству тибетца Намхай¹, сообщивший мне от имени Его Святейшества нижеследующее.

Проживающий в Дарджилинге тибетский Первосвященник не может пожаловаться на

дурное обращение с ним англичан. Они с ним предупредительны и вежливы, заботятся о его удобствах, оказывают ему должные знаки почтения. Тем не менее его удручает та почти тюремная обстановка, которой они его окружили. Без особого разрешения наблюдающего за ним политического агента в Сиккиме г. Белля к нему не допускается ни один иностранец. Сноситься с Тибетом ему не позволяют. Письма, ему адресованные или им отправленные, проходят через руки английских властей. Отрезанный ото всего мира, он пребывает в полном неведении относительно того, что делается в родной его стране и в каком фазисе находятся англо-китайские переговоры о его будущей судьбе. Такое почетное заключение начинает делаться для него невыносимым. Он пытался было испросить разрешение на поездку в Калькутту для свидания с вице-королем, от которого он рассчитывал узнать что-нибудь о своей дальнейшей участи. Ему ответили, что в течение этой зимы лорд Хардинг², обремененный занятиями, не будет иметь возможности принять его. Тогда он задумал отправиться в Лондон в надежде хоть там добиться каких-нибудь результатов. Но и тут ему пришлось встретиться с препятствиями. Не отказывая ему прямо в позволении выехать в Европу, г. Белль, ссылаясь на трудности и опасности, сопряженные с морским путешествием, настойчиво советует ему не предпринимать столь дальнего плавания.

Его Святейшество недоумевает, следует ли ему видеть в таковых советах приставленного к нему английского чиновника предуказание на то, что индийское правительство не выпустит его из Индии, или же он может рассчитывать, что англичане, как бы это ни было им неприятно, не осмелятся насильственно, в нарушение законов, задерживать на своей территории не узника и не преступника, а почетного своего

гостя. В ближайшем будущем он предполагает посетить некоторые ламаитские монастыри в Бутане, а также одно из священнейших для всех буддистов место в Индии — древний и знаменитый буддийский храм в Бенгальской провинции. Оттуда, если только это представится возможным, он желал бы отправиться в Англию. Дальнейшая его мечта — побывать в Петербурге. Не надеясь особенно на то, чтобы в Лондоне к горькой судьбе его отнеслись более сочувственно, чем в Калькутте, он все упования свои возлагает на заступничество неизменно до сих пор покровительствовавшего ему Императорского правительства.

В ожидании того момента, когда справедливость наконец восторжествует и ему возвращены будут законные духовные и светские права во всей их полноте, он желал бы жить не на английской территории, где ему всё чуждо, а в России, к коей он всегда испытывал не раз на деле доказанные им чувства искренней дружбы и глубокой привязанности и которая — твердо верит он — не откажет ему в своем гостеприимстве и помощи в настоящее трудное для него время.

В крайнем случае, если бы приезд его в Россию был признан по тем или другим соображениям неудобным, он предполагал бы командировать в С.-Петербург одного из своих приближенных сановников.

Что касается пребывания в Дарджилинге даотая³ То Чангчи, о коем я имел честь докладывать гофмейстеру Сазонову в донесении моем от 27 сентября сего года за № 24, то переговоры Далай-Ламы с сим китайским чиновником не привели, по словам упомянутого Намхая, ни к каким положительным результатам. Его Святейшество, опираясь на неизменную и своевременно не учтенную китайцами преданность ему проживающих в китайских пределах монголов и других ламаитов, ка-

тегорически обусловил свое возвращение в Лхассу восстановлением его во всех тех правах, коими он пользовался до своего бегства из этого города весною истекшего года, на что китайцы пока не считают возможным согласиться. Однако уже из самого того факта, что Дайцинское правительство, недавно еще всячески его поносившее, сочло нужным прислать к нему нарочито для примирительных переговоров особого чиновника, Далай-Лама выводит заключение, что в отношении к нему китайцев произошла какая-то серьезная перемена — вызванная, по его предположению, энергической защитой его интересов Россией. Он был бы крайне признателен Императорскому правительству за поставление его в известность, справедливы ли его догадки.

Равным образом он желал бы знать, насколько соответствуют истине доходящие до него слухи о неудачах китайской политики в Тибете — родной и близкой его сердцу страны, из которой он, несмотря на то что Дарджилинг находится в двух шагах от нее, лишен возможности получать какие бы то ни было достоверные известия.

Сделав все вышеприведенные сообщения, посланец Далай-Ламы по приказанию своего владыки обратился ко мне с просьбой о наипоспешнейшем доведении планов, пожеланий и надежд Его Святейшества до сведения Императорского правительства — вследствие чего мною сего числа была отправлена на имя Вашего Превосходительства секретная телеграмма соответственного содержания.

В ожидании указаний и проч.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 155 и об., 156. Подлинник.

¹ Намхай — доверенное лицо Далай-ламы, бежавшее вместе с ним в Индию.

² Лорд Хардинг — вице-король Британской Индии.

³ Даотай — крупный чиновник в Китае, начальник округа или начальник одного из управлений в администрации губернатора провинции.

№ 97

1910 г. — Письмо Далай-ламы Николаю II, привезенное в марте 1911 г. из Дарджилинга в Петербург профессором Ф. И. Щербатским¹, об отказе Лондона принять Первосвященника и с просьбой к русскому царю взять на себя заботу по решению тибетского вопроса

Ваше Императорское Величество великой, обширной страны мира и счастье дающий Великий Государь.

Из глубины души имею доложить: с момента установления дружественных сношений между Россией и Тибетом мы, точно помня Ваше наставление, до последнего времени держались самого мирного и лояльного поведения по отношению к китайцам — с покорностью и уважением. Однако — несмотря на это — китайцы отняли все права Тибета и довели до того, что мы, глава страны, вместе со своими приближенными лишены возможности оставаться в своей стране. О всех этих чрезвычайных обстоятельствах мне надлежало в то же время довести до сведения правительства Вашего Величества. Но в силу создавшихся условий я вынужден был вступить в пределы английских владений.

О всех бесчинствах, произведенных китайцами в моей стране, нами было подробно передано английскому правительству. Результатом этого было: Англия заявила протест Китаю о нарушении им договорных обязательств по отношению к ней, напомнив, что, согласно договору, Китай не должен держать свои войска вблизи Непала и Бутана. Затем последовал совместный протест России и Англии.

Вслед за этим, казалось, дела улучшились, китайский резидент в Лхассе вдруг стал предупредительным; приглашал нас вернуться в столицу нашу, обещая восстановление прежних порядков. Но это был с его стороны

лишь обман. К этому времени английское правительство решило отправить в Тибет отряд войска в 2000 человек для охраны интересов английских подданных — купцов в Гянцзы (Гьянцзе). Очевидно, это была демонстрация со стороны англичан с целью заставить китайцев вступить в выгодные для англичан переговоры. Возможно, что состоялись какие-либо переговоры, ибо англичане приостановили свое решение отправить отряд, а китайский амбань в Лхассе стал проявлять еще большую свободу действий.

При таком новом повороте дела мы обратились к Англии через индийское правительство с вопросом, как она отнеслась бы, если бы мы официально посетили Лондон в нынешнюю зиму и обратились бы за содействием Англии для улажения дела между Тибетом и Китаем. На это наше обращение последовал ответ английского правительства, что оно не может принять нас в нынешнюю зиму в Лондоне, а на последнее ответило категорически, что оно не может быть посредником между Китаем и Тибетом. Это подтверждено и индийским правительством. Не удовлетворившись этим, мы повторили свое обращение. Тогда нам ответили, что в силу существующих договоров между Англией и Россией, с одной стороны, Англией и Китаем — с другой, английское правительство затрудняется вмешиваться в тибетские дела. Возможно, что китайцам удалось убедить англичан, что искреннее желание тибетцев всегда будет тяготеть к России.

Из всего этого можно заключить, что Англия не может взять на себя разрешение тибетского вопроса. Ввиду этого мы предполагали бы в сопровождении немногих лиц отправиться в Петербург через Лондон. Но неизвестно, во-первых, как отнесутся к этому англичане; во-вторых, каковы будут результаты поездки для дела; в-третьих, здесь пребывают депута-

ции от тибетского правительства — в составе хамбы, князей и настоятелей трех главных монастырей (Сера, Брайбун и Гандан) — и от народа, настойчиво приглашающие вернуться в Тибет. Депутации единодушно умоляют не уезжать за море, не покидать народа без защиты и надежды и не подвергать свое здоровье и жизнь риску, они говорят, что тогда весь край погрузится во мрак — вера и отечество будут обречены на гибель. И в-четвертых, наконец, мы не знаем взглядов правительства Вашего Величества в данный момент на предполагаемую нами поездку через Лондон в Петербург.

Вот ввиду указанных обстоятельств мы находимся в положении совершенной неопределенности: с одной стороны, по указанным причинам не решаемся ехать в Петербург, а с другой — невозможно оставаться пассивными зрителями того, что изо дня в день делается китайцами в Тибете, как-то: возведение построек, проведение путей и телеграфа и проч. Если то, о чём подробно было изложено цанид хамбе, а потом — о последних событиях — сообщено г. Щербатскому, будет продолжаться и далее, то неминуемо будет сведено на нет как вера, так и отечество наше.

А посему просим Ваше Величество, разобравшись внимательно в обстоятельствах, соизволить: или, согласно договору между Россией и Англией, снести с английским правительством и войти с соответствующим представлением к китайскому правительству от имени обоих правительств, или от одного Вашего правительства единолично; или же найдете возможным передать вопрос на международное рассмотрение. Если из указанных путей ни один не выполним, то, быть может, найдете нужным указать на другое правительство, дружественное Вам, — и тогда мы, согласно Вашему указанию, об-

ратились бы к нему. Вообще, какие имеются возможные пути к благоприятному разрешению вопроса — об этом да соблаговолит Ваше Величество указывать свое отеческое наставление нам. Каковы бы ни были способы благоприятного разрешения нашего дела, пусть Ваше Величество соблаговолит дать свое истинное слово и ответ как можно скорее. Ваше Величество с самого начала является источником надежды, ожидания и опорой; благоволите поэтому непременно принять на Себя великую заботу дать мир и счастье всему нашему народу и защиту религии нашей.

Ваше Величество, соблаговолите точно указать, что именно мы должны сделать со своей стороны, чтобы отблагодарить и вечно помнить Ваше заступничество. Какова бы ни была воля Вашего Величества, мы все готовы исполнить в точности.

За благоденствие Вашего Величества на многие лета и за процветание государства Вашего в постоянной молитве пребываем. Письмо Ваше преподносим с хадаком.

22 дня 10 лишней луны /15 цикла года «железной собаки» (т. е. 1910).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПРИ ПИСЬМЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ОТ ДАЛАЙ-ЛАМЫ

Тибет с самого начала был самостоятельным, независимым государством. Сношение Тибета с Китаем начинается с того момента, когда тибетский царь Сронцзан Гампо (VII в.) взял себе в супруги китайскую царевну Танской династии. Позднее, при царе Ти Ралпачжане (XI в.), были войны между Тибетом и Китаем. При заключении мира государи обеих стран дали друг другу клятвенное обещание никогда не враждовать между собой. В ознаменование этого они, каждый в своей столице,

поставили по одному каменному памятнику с соответствующими надписями.

При V нашем перерождении (XVII в.) мы были приглашены в Пекин маньчжурским императором Шунь-чжи, который сделал нас государственным духовником, и в то время между императором, с одной стороны, и нами — с другой, были установлены на будущее время неизменная дружба и взаимная солидарность в действиях.

С этого времени отношение Тибета к Китаю стало отличаться особенной дружественностью и преданностью. Такое взаимоотношение в последующие времена постепенно переходит в вассальную зависимость Тибета от Китая.

При нынешнем нашем перерождении, когда наша страна подверглась нападению иноземцев², мы обратились за помощью к Китаю как к покровительствующей стране. На это Китай отказался помочь нам, тем не менее мы посетили Пекин, чтобы засвидетельствовать нашу лояльность перед Китаем. Мы были официально приняты вдовствующей Императрицей и Императором и изложили пред троном о создавшемся ненормальном положении между Китаем и Тибетом. Изложили о том, как были произведены китайскими войсками бесчинства в Каме — уничтожение множества монастырей, избиение монахов и мирян, поругание святынь и о том, как захватили Чамдо, Брагяб и другие уезды. В ответ на это мы получили от трона уверение в восстановлении прежних добрых отношений между обеими странами.

Несмотря на такое уверение, Китай отправил в Тибет войска якобы для защиты страны, а на самом деле по вступлении в нашу страну китайские войска на пути своем в Лхассу производили бесчинства, а в Лхассе застрелили нашего донира Жамьяна, ранили князя Пун-

кана и открыли ружейную пальбу по нашему дворцу Бодала (Потала). Эти обстоятельства и заставили нас покинуть столицу и вступить в пределы соседней Индии. Такой наш вынужденный шаг вызвал со стороны Китая опубликование указа, несправедливо обвинявшего нас в разных неправдах и лишившего нас далай-ламского достоинства, что никогда не имело и не будет иметь никакой силы [в] действительности. В Индии мы обратились через индийского вице-короля, оказавшего нам искреннее гостеприимство и почет, к английскому правительству, чтобы последнее приняло на себя роль посредника между нами и Китаем. Ныне английское правительство дало нам свой ответ в том смысле, что оно не может быть посредником между Тибетом и Китаем. Кроме того, китайский амбань сделал объявление в Лхассе, что светская наша власть в Тибете отнята и что будет она передана в руки китайского чиновника.

Китайцы ныне строят уже казармы для своих солдат, проводят телеграф и беспощадно обирают население на предмет продовольствия для войск, допуская при этом произвол и насилие. Подвергают жестоким преследованиям всех приверженцев отечества. Таким путем китайцы всячески разрушают священные устои нашей церкви. Однако мы видим, что как в Англии, так в особенности в России религия Будды пользуется свободой и покровительством. Зная, как Ваше Величество благосклонно относится к нашей религии, мы обращаемся к затупничеству Вашему, дабы наша страна избавилась от китайцев и стала свободной.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 222—224 и об., 225. Перевод с тибетского, современн. подлиннику.

¹ Ф. И. Щербатской (1866—1942) — российский (советский) индолог, тибетолог и буддолог. С 1900 г. — профессор Петербургского универ-

ситета, с 1918 г. — академик РАН (АН СССР). В 1897 г. вместе с С. Ф. Ольденбургом основал серию «Bibliotheca Buddhica», в которой многие крупнейшие востоковеды мира публиковали тексты, переводы и исследования письменных памятников Индии, Тибета, Монголии. В 1900 г. в Монголии изучал рукописи (на тибетском языке) в библиотеках буддийских монастырей. В 1910 г. он привез публикуемое письмо Далай-ламы. Письмо и приложение к нему перевел А. Доржиев и передал его в марте 1911 г. в Министерство иностранных дел России.

² Нападение иноземцев — т. е. англичан в 1904 г.

№ 98

1910 г. — Письмо Далай-ламы Агвану Доржиеву, привезенное из Дарджилинга в Петербург профессором Ф. И. Щербатским¹, о нежелании Англии помочь Тибету в борьбе с Китаем и с надеждой на помощь России

Нашему Старшему Цанид Хамбе милостивое послание.

О поступках со стороны китайцев, вызванных злыми намерениями и питаемых ложными мотивами, о поступках, которые не согласуются ни с законами, ни с обычаями, ни с началами справедливости.

Вы уже знаете из наших прежних посланий о том, как после случившихся несчастий мы имели намерение выехать в Россию, но ввиду громадности расстояния и наличности войска (китайского) в пути мы принуждены были отправиться в соседнюю Индию и как изложили о делах наших английскому правительству. Как было подробно изложено в письмах, отправленных с г[осподином] Щербатским и по почте, мы, руководясь указаниями, вытекающими из условий соглашения между Россией и Англией, поддерживаем дружественные отношения.

[В] 9 месяце Англия, действительно, оказала нам большой почет, а к нашему делу правительство отнеслось со вниманием и даже

запросило, какое количество войска нужно на помощь Тибету. Но потом под предлогом, что, по газетным сведениям, Россия не желает, чтобы Англия отправила войска в Тибет, английское правительство отказалось от своего предложения; быть может, и китайцы с своей стороны сделали что-нибудь, побудившее Англию на такой поворот. Китайцам удалось убедить англичан в том, что — какую бы помощь Англия ни оказала Тибету — всё же истинное желание тибетцев будет направлено к России. Поэтому-то мы получили через бель-сагиба² ответ английского правительства, что вмешиваться в дела между Тибетом и Китаем, согласно договору с Россией, оно не может, а что касается нашего пребывания здесь (в Индии), то со стороны Англии будет оказан нам соответствующий почет и внимание. Затем этот ответ был подтвержден еще телеграммой и письменно. Так как в это время происходили переговоры между Англией и Китаем по поводу недоразумений, возникших по делам Сиккима и Бутана³, то мы предположили, что, может быть, Англия отказала нам в помощи по дипломатическим соображениям, и вновь обратились к английскому правительству и получили такое же отрицательное письмо, какое было и раньше. Из этого мы заключили, что Англия нам помочь не может. Амбань объявил нашему Великому Собранию и китайским чиновникам, что в случае нашего возвращения в Тибет нам дана будет возможность жить на прежних правах. Такому заверению мы, конечно, верить не можем. К тому же калун Царун и некоторые другие чиновники, также оба настоятеля (старый и новый) дацана Лосойлин и сторонники Дему хутухты и проч. перешли на сторону китайцев; а приверженцев нашего тибетского правительства схватывают по доносам и подвергают жестоким карам. В случае возвращения в Тибет мы лично, быть

может, не будем подвергаться опасностям; но, нет сомнения, нам пришлось бы лишиться приближенных — их жизни и свободе грозила бы верная опасность, имущества их конфисковали бы и т. д. При таких обстоятельствах мы не можем вернуться в Тибет. Но в то же время в момент такого крайне тяжелого положения дел Церкви и Государства невозможно оставаться в покое (...). Если в такой исключительный момент для нашей Церкви и Государства не придет спасение и мир со стороны России, на которую столько времени смотрели и от которой столько ожидали и надеялись, то, во-первых, создается худое сказание, как наказываются те, которые прибегают к России и Англии; а во-вторых, и нам никому нельзя будет показаться и некуда идти.

Поэтому было поднесено Его Императорскому Величеству два письма (копии с которых Вам прилагаются при сем), согласно содержанию коих, существование нашей религии и страны находится на грани между гибелью и спасением, «словно птичка на пороге».

Если даже при всём желании русского правительства помочь нам, дела наши стали настолько труднопоправимы, как трудно остановить плотиной потоки вод, Вы во имя правды и добра должны положить в глубину сердца своего, что Вам надо приложить, как и раньше, всё свое усердие и ум направить на изыскание мудрых способов для разрешения нашего дела.

Новому министру⁴ передайте от нас Бурхан и приветственный хадак.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 228—229 и об. Перевод с тибетского, современный подлиннику.

¹ Письмо Далай-ламы Агвану Доржиеву поступило в Министерство иностранных дел в середине марта 1911 г.

² Бель-сагиб — британский представитель в Сиккиме Ч. Белль.

³ В 1910 г. Великобритания усилила свое давление на Бутан и Сикким с целью подчинения их своему контролю. Так, в 1910 г. руководство внешней политикой Бутана перешло к англичанам. В Пекине же считали Сикким и Бутан вассальными территориями Китая.

⁴ Новый министр — 6 сентября 1910 г. вместо А. П. Извольского министром иностранных дел России был назначен С. Д. Сазонов.

№ 99

1911 г. март. — Записка профессора Ф. И. Щербатского в Министерство иностранных дел о необходимости установления непосредственных сношений между русским правительством и Далай-ламой

Далай-Лама в настоящее время находится на английской территории в Дарджилинге, и трудно предвидеть, чтобы такое положение изменилось в скором времени, если со стороны заинтересованных держав не будет сделано никаких усилий для водворения его обратно в Тибет. Китайское правительство потерпело неудачу в попытке отделаться от него совсем, а также в попытке заменить его другим лицом. Вследствие этого оно теперь через своего представителя приглашает его вернуться обратно, обещая, что его положение ни в чем не будет изменено, т. е. что автономия Тибета будет уважаться. Далай-Лама ставит условием своего возвращения присутствие при нём представителей России и Англии, будут ли они называться консулами, агентами по религиозным делам, путешественниками, учеными или иначе. Он справедливо полагает, что одного присутствия при нем представителей России и Англии будет достаточно, чтобы китайцы отказались по отношению к нему от своих типических приемов управления, так что личная его безопасность будет более или менее обеспечена.

Не получая в течение долгого времени никакого положительного ответа от правительства Индии, Далай-Лама выразил желание проехать в Лондон, с намерением оттуда приехать и в С.-Петербург, чтобы лично просить о помощи. К сожалению, никаких прямых сношений с Далай-Ламой у нас нет, почтовая и телеграфная его корреспонденция находится под строгим контролем и никаких сношений с ним этим путем установить нельзя. Российский генеральный консул в Калькутте Б. К. Арсеньев, не имея никаких инструкций, опасается вступить в какие-либо сношения с Далай-Ламой, он не желает даже принять посланных к нему чиновников для переговоров впредь до получения инструкции. Между тем мне лично удалось в течение месяца, который я провел в Дарджилинге, сноситься с ним совершенно свободно; мой пример доказывает, что при настоящем положении англо-русских отношений никаких непреодолимых препятствий установлению правильных сношений между русским правительством и Далай-Ламой англичане не стали бы устраивать.

Действительно, такой авторитетный политик, как генерал Юнгхэзбанд, прямо требует совместной поддержки Далай-Ламы Англией и Россией, это мнение имеет много сторонников и среди правительства Британской Индии. Полная бездеятельность России в этом отношении нежелательна по многим причинам. Во-первых, англичане ссылаются на это обстоятельство в своих переговорах с Далай-Ламой и заявляют, что они не могут ничего сделать для него, так как этому будто бы противится Россия. При этом англичане ссылаются на тот пункт последнего англо-русского договора, в силу коего обе стороны взаимно обязались не посылать в Тибет никаких экспедиций. На это Далай-Лама отвечал, что ему этот пункт известен, но срок его действия истек в минувшем августе¹.

Во-вторых, события последних лет доказали, что Далай-Лама является очень важным фактором не только в Тибете, но и в Монголии, особенно в сопредельной с Забайкальем Халхе, и совершенное игнорирование его с нашей стороны или получение только случайных сведений от путешественников вряд ли допустимо.

В-третьих, события несомненно доказали, что Далай-Лама является нашим сторонником, равно и Восточная Монголия, т. е. та часть ее, где престиж Далай-Ламы стоит особенно высоко, до сих пор тяготеет к России, и тяготение это ничуть не ослаблено последними событиями, чего нельзя сказать про Западную и Юго-Западную Монголию.

Ввиду возможного и вероятного нашего столкновения с Китайской империей в будущем² чувства эти надлежало бы оберегать и лелеять как зеницу ока. Если бы действительно Далай-Лама приехал в С.-Петербург, то возвращение его в Тибет из России при нашей нравственной поддержке не преминуло бы укрепить наш престиж в этой местности.

Ввиду всего изложенного ясно, что как можно скорее должен быть положен конец той полной неизвестности, в которой мы пребываем относительно судьбы и стремлений Далай-Ламы.

В настоящее время с разных сторон организуются в Тибет научные экспедиции.

Организация русской научной экспедиции через Дарджилинг в полном согласии и при содействии английского правительства была бы также желательна; она могла бы положить начало установлению правильных сношений.

Щербатской.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 230 и об., 231. Подлинник.

¹ В данном случае Далай-лама ошибается, ибо ни для одного пункта Англо-русского соглашения 1907 г. о Тибете никаких временных рамок не уста-

навливалось. Изменить тот или иной пункт Соглашения или дополнить его новым пунктом можно было только по согласию обеих сторон — Великобритании и России.

² Накануне Синьхайской революции (1911—1913 гг.) в российских общественных и правительственных кругах имело место мнение, что Китай в результате проводимых в нём реформ (создание новых войск, интенсивное железнодорожное строительство и т. д.) усиливался и что со временем от него может исходить военная угроза России.

№ 100

1911 г. апреля 21. — *Весьма секретное письмо временно управляющего Министерством иностранных дел А. А. Нератова¹ бывшему министру иностранных дел, российскому послу в Париже А. П. Извольскому с просьбой прозондировать истинное отношение английского правительства к Далай-ламе, с тем чтобы подготовить почву к совместным действиям России и Великобритании в тибетском вопросе*

Милостивый Государь Александр Петрович,

вследствие письма от 12 (25) апреля с. г., при коем Ваше Превосходительство изволили препроводить полученное Вами от Далай-Ламы послание, заключающее обращенную к Вам просьбу о содействии к восстановлению его в правах, имею честь уведомить Вас, что Его Святейшество в последнее время усиленно ходатайствует о помощи Императорского правительства. В письме на имя Государя Императора и в разных сообщениях, пересланных через одного из русских путешественников в Индии, Далай-Лама выступает с различными предложениями, видимо не выработав себе определенного плана действий. Главные надежды он возлагает на путешествие в Европу — в Лондон и С.-Петербург, рассчитывая добиться посредничества России и Англии перед Китаем; однако великобританское пра-

вительство в мягкой форме, но вполне категорически отказывает в своем согласии на его отбытие в Европу. Большое значение буддийский Первосвященник придает созданию в Тибете русского и английского представительств, а также посылке русской научной экспедиции и, наконец, в случае неуспеха всех этих мер, предвидит необходимость передачи своего дела на обсуждение держав.

Само собою разумеется, что Императорское правительство лишено возможности единолично оказать какую бы ни было поддержку бежавшему из Лхассы и фактически состоящему под надзором англо-индийского правительства Далай-Ламе. Однако известное значение Тибета в цепи наших политических отношений и принадлежащая в нём до сих пор Далай-Ламе роль побуждают нас не относиться безразлично к судьбе последнего, в особенности имея в виду связи с Тибетом наших буддийских подданных, а также наши отношения к Первосвященнику в прежний период.

Полагая, что официальное объяснение с английским правительством по настоящему делу явилось бы несвоевременным, я пришел к мысли, что можно было бы воспользоваться обращением к Вам Далай-Ламы, чтобы зондировать отношение Лондонского кабинета к тибетским делам. Хотя в послании к Вам имеется ссылка на необходимость держать взаимные сношения в строгой тайне от Англии, однако трудно допустить, что самый факт переписки Далай-Ламы, если не содержание её, оставался неизвестным индийским властям, и сохранить её в тайне от английского правительства едва ли возможно и необходимо. Вы могли бы, мне кажется, поэтому* сообщить Вашему английскому коллеге об обращении к Вам Далай-Ламы и, не придавая своим объяснениям официального характера, всё же постараться узнать не личное мнение сэра

Ф. Берти², а взгляд руководителей английской политики на положение Далай-Ламы, на деятельность китайского правительства, направленную к поглощению Тибета и на возможность оказать какое-либо содействие Далай-Ламе к возвращению его в свою страну. Нет сомнения, что в Лондоне надлежащим образом оценят значение подобного шага со стороны инициатора русско-английского соглашения по тибетским делам и, может быть, воспользуются этим случаем, чтобы подготовить почву к большей общности деятельности двух держав в тибетском вопросе.

Для Вашего личного сведения считаю долгом присовокупить, что действительный с[татский] с[оветник] Коростовец в последнее время развивал соображения о возможности для нас найти в предоставлении Англии известных компенсаций в Тибете большую свободу для действий в тяготеющих к нашей сфере влияния областях Китая, в первую очередь в Монголии. Я был бы весьма благодарен Вашему Превосходительству за сообщение Ваших мыслей и по этому предмету.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

* Если Вы можете это сделать, не компрометируя того источника, [от] коего нам доставлено сказанное послание.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 180 и об., 181. Подлинник.

¹ Товарищ (заместитель) министра иностранных дел становился Управляющим на время отпуска, длительных командировок или болезни министра. Управляющим МИДом он назначался специальным распоряжением царя, которое публиковалось в газетах. В данном случае А. А. Нератов был назначен временно управляющим МИДом, поскольку А. П. Извольский уже был освобожден от поста министра иностранных дел. Эту обязанность он исполнял до сентября 1911 г., когда новым министром был назначен С. Д. Сазонов.

² Ф. Берти — английский посол в Париже.

№ 101

1911 г. ноября 10. — Письмо Николая II Далай-ламе с выражением сочувствия к трудному положению тибетского Первосвященника и советом ему проводить политику доброго согласия с английским правительством по тибетским делам

Ливадия

Ваше Святейшество,

получив послание Вашего Святейшества, помеченное 22[-м] днём вставной луны, уведомляю Вас, что заключающиеся в нём выражения добрых чувств ко Мне глубоко меня тронули, и я не могу не высказать Вам за них Моей искренней признательности, равно как за присланный в дар хадак.

С Своей стороны заверяю Ваше Святейшество в неизменности Моего к Вам благожелательства. С искренним участием следил я за теми испытаниями, которые в последнее время выпали на Вашу долю и о которых Вы сообщаете в Вашем послании, и твердо надеюсь, что они имеют временный характер и что судьба Ваша переменится к лучшему.

Прошу Вас верить, что я весьма озабочен теми затруднительными обстоятельствами, которые переживает Ваше Святейшество. Моё правительство с особым вниманием следит за развитием тибетского вопроса и вполне благожелательно относится к стремлению Тибета отстоять в пределах существующих договоров свои законные права. Одним из важных условий для сего я признаю следование политике доброго согласия с великобританским правительством по тибетским делам и полагаю, что если Ваше Святейшество в Ваших действиях не будете упускать из виду этого соображения, то тем самым будете способствовать скорейшему благоприятному разрешению нынешнего затруднительного положения.

Желая Вашему Святейшеству доброго здоровья и успеха в Ваших начинаниях, остаюсь доброжелательный к Вам

<подп.> НИКОЛАЙ.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 258 и об. Подлинник.

№ 102

1911 г. декабря 10. — Донесение вице-консула в Калькутте Л. Ревелиоти товарищу (заместителю) министра¹ иностранных дел А. А. Нератову с сообщением о беспорядках в Тибете, связанных с началом Синьхайской революции в Китае

В дополнение к секретной моей телеграмме, от 18 ноября с. г. за № 38, честь имею донести Вашему Превосходительству о том, что, по дошедшим сюда слухам, подтвержденным пока лишь прилагаемой у сего корреспонденцией калькуттской газеты «Statesman», в Тибете произошли серьезные беспорядки, вызванные возмущением китайского гарнизона в Лхассе.

Неаккуратная уплата жалованья, с одной стороны, и последние революционные события в Китае² — с другой, послужили причиной возникшего среди китайских войск в Лхассе открытого бунта, приведшего к свержению местного амбана и к ряду грабежей и бесчинств. Из Лхассы восстание быстро

распространилось в Чумби, Гиантзе и Ятунг. Население Лхассы, желая умиротворить бунтовщиков, предложило им выкуп в 110 000 талей, чем последние, однако, по-видимому, не удовлетворились и продолжали буйствовать, призывая тибетцев к походу в Китай и грабя правительственные учреждения. В Чумби и Ятунге также был произведен ряд грабежей и насилий, после чего чиновники-китайцы и солдаты пытались скрыться за пределами Тибета в Индии, чтобы оттуда направиться в Китай. По словам органа англо-индийской печати, некоторые тибетские власти бежали в Даржилинг и Сикким, а таможенный комиссар в Ятунге поспешил выехать в Калькутту, откуда и уплыл с первым пароходом в Гонконг.

Однако тибетцы собрались вскоре с силами и оказали энергичное сопротивление повстанцам. Главарь последних, некий Ко-лао-Чжуй, был схвачен и казнен, мобилизованные тибетские войска взяли на себя восстановление порядка, и страна была объявлена на военном положении. Бунтовщикам не оставалось ничего более как смириться и пойти на уступки, причем обеим сторонам удалось выработать примирительный компромисс под условием обоюдного разоружения. При заключении перемирия, заканчивает свою корреспонденцию автор, англо-индийские и непальские власти выступили в качестве поручителей, чем нарушили, если это известие не является вымыслом, обязательство Англии не вмешиваться в тибетские дела. Я не премину при случае выяснить частным образом, насколько последнее сообщение достоверно, и буду иметь честь доложить об этом Вашему Превосходительству дополнительно.

Что касается отношения Далай-Ламы к происшедшей, по-видимому, в Тибете расправе, то Его Святейшество, по имеющимся у меня

сведениям, следил за ней, поскольку ему это позволяла его затворническая жизнь, с нескрываемым интересом и выражал намерение возвратиться в Лхассу при первой возможности. Насколько я могу судить на основании предположений, англичане вряд ли оказали бы препятствие осуществлению планов Его Святейшества при условии, конечно, благоприятной для него конъюнктуры.

С водворением спокойствия в Тибете слухи о желании Далай-Ламы покинуть Даржилинг замолкли, и дальнейшие намерения тибетского Первосвященника пока остаются неизвестными.

С глубочайшим и пр.

Ревелиоти.

P.S. В момент отправления настоящего донесения с очередной вализой во вверенное моему управлению генеральное консульство явились двое просителей-бурят, направляющихся в Сибирь из Тибета. Я попытался расспросить их о происшедшем в Лхассе, но из едва понятных объяснений их на ломаном русском языке я мог вывести заключение лишь о том, что сообщение «Statesman» безусловно заслуживает доверия и что в Тибете действительно имели место серьезные беспорядки.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 286 и об., 287. Копия.

¹ Товарищ (заместитель) министра — далее заместитель министра.

² Революционные события в Китае — Синьхайская революция, начавшаяся Учанским восстанием 10 октября 1911 г.

№ 103

1911 г. декабря 10. — Записка Агвана Доржиева в Министерство иностранных дел России о его желании поехать в Тибет, положение которого, по его мнению, может серьезно измениться в связи с Синьхайской революцией

Настоящие события в Китае, несомненно, должны сильно отразиться на положении Тибета как автономной политической единицы вообще и в частности на его отношениях к России и Англии. Англия, имея непосредственное соприкосновение с Тибетом, хотя бы потому, что в её владениях теперь проживает Далай-Лама, безусловно, находится в более выгодном положении, чем Россия. Поэтому нет основания допускать, что она не использует всех выгод такого положения для упрочения в той или иной форме своего влияния в Тибете.

В какой мере подобный результат может быть признан отвечающим интересам России? Не мне, конечно, решать этот вопрос, но я всё же не могу не заметить, что, заключая в 1907 году соглашение относительно Тибета с Англией, Россия отнюдь не имела в виду признать за ней право на преобладающее положение в Тибете, помимо тех узкоспециальных льгот, которые обуславливаются чисто географическим положением этой страны.

Но, с другой стороны, я считаю себя обязанным обратить внимание на то, что тибетский народ с Далай-Ламой во главе будет стараться дать отпор возможным агрессивным или иным домогательствам англичан в отношении Тибета. По твердому убеждению тибетцев, дальнейшая судьба их родины будет зависеть от заступничества России, всегда выказывавшей к тибетскому народу и его главе справедливое и беспристрастное отношение. Многолетние сношения России с Тибетом с полной убедительностью свидетельствуют о том, что последний все свои упования возлагает на действие Белого Царя.

К сожалению, последнее соглашение 1907 г. создало условия, исключаящие возможность свободных сношений с Тибетом. Поэтому тибетский народ не знает о действительных на-

мерениях России и терпеливо ожидает ответа на свои просьбы о заступничестве.

Между тем ввиду назревающих крупных перемен во внутреннем строе Китайской империи Далай-Лама решил ныне, по полученным мною сведениям, вернуться к своему трону. В последних письмах он просит, чтобы я немедленно ехал в Тибет. Смею питать уверенность, что поездка моя была бы ныне вполне своевременна и небезрезультатна, и поэтому я решил ехать теперь же.

Если правительство разделяет мнение о желательности поддерживать чувства доверия и дружбы, которые питает тибетский народ к России, я просил бы указать мне, какого образа действий мне надлежало бы придерживаться в Тибете.

Для своей поездки я предполагаю избрать путь через Монголию, которым обыкновенно следуют на поклонение тибетским святыням буддийские пилигримы. Имея, однако, в виду, что этот путь, пролегающий по местам с разбойничьим населением, является при нынешних условиях особенно опасным, я позволяю себе ходатайствовать о предоставлении мне, по примеру других путешественников в Среднюю Азию, конвоя в количестве до 10 человек из казаков-буддистов, донских калмыков и бурят.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 277 и об. Копия.

№ 104

1911 г. декабря 20. — Докладная записка Агвана Доржиева министру иностранных дел С. Д. Сазонову с предложением установить совместное покровительство России и Англии над Тибетом

Его Высочайшему
господину Министру иностранных дел

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Я уже имел честь докладывать Вашему Высокопревосходительству о предстоящей моей поездке в Тибет по вызову Его Святейшества Далай-Ламы. Ввиду чего я испрашивал от Императорского правительства указаний, касательно внешней политики Тибета и также осведомлялся о взглядах Императорского правительства вообще на тибетский вопрос в целом.

Вашему Высокопревосходительству было угодно изложить точку зрения Императорского правительства в том и другом отношении. Императорское правительство ввиду отдаленности Тибета не признает наличности там сколько-нибудь крупных политических и экономических интересов России. Существующие интересы чисто религиозного характера касаются лишь русских подданных буддистов. Интересы же Англии в Тибете по преимуществу политические и экономические. Исходя из этих положений, внешняя политика Тибета должна покоиться на началах дружелюбия и мира к Англии. Тибет может входить с Англией в различные соглашения политического и экономического характера.

Прежнее благожелательное отношение России к Тибету сохраняется. В религиозных делах Тибет найдет в России живейшую поддержку. Соответствие точки зрения Императорского правительства реальным условиям современного политического быта Тибета ясно. И я, умудренный опытом долгого соприкосновения с тибетцами, знакомый с их взглядами и политическими стремлениями, смею лишь довести до внимания Вашего Высокопревосходительства некоторые дополнительные данные и соображения.

В тибетском народе с патриархальным бытом весьма сильны формы традиционно-го мышления. Раз укоренившиеся идейные

традиции и симпатии, а равно и антипатии и отчуждение, весьма трудно поддаются постороннему влиянию. Давнее, продолжительное доброжелательное отношение России к Тибету, не раз доказанное на деле и подтвержденное Высочайшими грамотами, вызвало у тибетцев без различия сословий веру в то, что охрана Тибета от алчных соседей придет со стороны России; эта вера глубоко вкоренилась во всем тибетском народе и окружена мистическим ореолом.

С другой стороны, бурская кампания¹, экспедиция полковника Ионгхезбенда (Янгхазбенда) и волнения в соседней Индии производили и производят сильное впечатление на умы образованных тибетцев и народных низов. Предубеждение к англичанам приняло историческую окраску, затвердело в сознании масс.

Моя задача в Тибете, по-видимому, сведется к совместному с Его Святейшеством Далай-Ламой аннулированию прямо противоположных стремлений и чувств тибетцев, в убеждении в необходимости относиться к англичанам лояльно, разрушать то, что было создано в предыдущем. Это весьма трудная задача. Весь колоссальный авторитет Его Святейшества не может совершенно нейтрализовать народные массы. Возможны отдельные конфликты, инциденты. Щепетильность англичан к их национальным достоинствам известна.

А между тем взоры Тибета всегда и всегда будут обращаться к северу. Но из предыдущего видно, что роль России в жизни Тибета будет второстепенная, пассивная.

Это может повести среди тибетцев к тому опасному предположению, что Россия будто бы предоставила Тибет на полный произвол Англии за те или иные уступки. Отсюда до постоянной резкой оппозиции к Англии или че-

го-либо более худшего один только шаг. Этим может воспользоваться возрожденный Китай, что, конечно, как и всякие осложнения в Тибете, вовсе не входит в расчеты прочих заинтересованных сторон.

По моему глубокому убеждению, указанные и весьма вероятные осложнения с успехом можно было бы парализовать установлением совместного покровительства Россией и Англией над Тибетом, основанного на том или ином договорном акте, с тем чтобы всякие более или менее крупные недоразумения разрешались совместно представителями заинтересованных сторон. Такая мера может вполне успокоить общественное мнение Тибета и дать желательные результаты.

Присутствие в Лхасе представителей России и Англии вселило бы в тибетцев убеждение, что им нечего бояться никаких насильственных мер и что под покровительством двух великих держав тибетцы могут наконец предаться мирному устройству своих внутренних дел и использованию естественных богатств страны.

Хамбо Агван Доржиев.

20 декабря 1911 г.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 290 и об., 291. Подлинник.

¹ Бурская кампания — Англо-бурская война 1899—1902 гг., война Великобритании против бурских республик Южной Африки — Оранжевого Свободного государства и Трансвааля.

№ 105

1912 г. февраля 14. — *Донесение вице-консула в Калькутте Л. Ревелиоти заместителю министра иностранных дел А. А. Нератову о посещении в Дарджилинге Далай-ламы и вручении ему письма Николая II от 10 ноября 1911 г.*

Милостивый Государь Анатолий Анатольевич, получив секретное предписание Импе-

раторского Министерства, от 23 января с. г., за № 142, отправиться в Дарджилинг и лично вручить Далай-Ламе Высочайшее письмо, я немедленно уведомил секретаря индийского правительства по иностранным делам сэра Генри Мак-Магона о моем намерении посетить Далай-Ламу и сообщить ему содержание присланного мне при письме Государя Императора на имя Его Святейшества *aide memoire*'а (памятной записки). Сэр Генри пообещал мне тотчас же осведомить о моем приезде в Дарджилинг политического агента Сиккима г-на Белля и, по-видимому, никакого возражения против свидания моего с Далай-Ламой не имел.

Однако за полчаса до моего отъезда в Дарджилинг я получил спешное письмо от Товарища секретаря по иностранным делам г. Вуда, просившего меня отложить мою поездку на несколько дней ввиду неизвестности, где находится Далай-Лама, а также вследствие отсутствия г-на Белля, уехавшего в Гангток, отстоящий от Дарджилинга на расстоянии трехдневного переезда на мулах.

Прекрасно зная, что Далай-Лама не покидал своей резиденции, я ответил г. Вуду, что предпочитаю ожидать возвращения г. Белля в Дарджилинге, воспользоваться таким образом этим прохладным горным местом для отдыха от зноя Калькутты.

Мои сведения о месте нахождения Далай-Ламы оказались верными. Прибыв в Дарджилинг, я узнал, что Далай-Лама оттуда еще не уехал, но что через три дня Его Святейшество намерено предпринять путешествие в Калимпонг¹, на границу Сиккима, о чём я уже имел честь донести Вашему Превосходительству секретной телеграммой, от минувшего 30 января, за № 8.

Таким образом, если бы я исполнил просьбу г. Вуда и отложил свой отъезд на несколько дней, мне навряд ли удалось бы выполнить данную мне инструкцию и передать Далай-Ламе собственноручно письмо Государя Императора, на что, по-видимому, местное правительство и рассчитывало.

Не считаю себя вправе не упомянуть также и о том, что за мною был учрежден самый бдительный надзор. Когда, желая проверить свое предположение об этом, я предпринял прогулку в 12 часов дня в сопровождении проводника гостиницы по направлению к дому Далай-Ламы, за мной неотступно следовал полицейский, а по пути я, как бы случайно, встретил ехавшего от Далай-Ламы помощника даржилингского комиссара. За полверсты до ворот резиденции Его Святейшества я был остановлен полицейским инспектором-буддистом, любезно представившимся мне и сообщившим, что политический агент Сиккима г. Белль, спешно выехавший из Гангтока, телеграфировал ему о своем прибытии в Даржилинг на следующее утро в 10 часов.

В тот же день я получил от заместителя политического агента г. Леденла уведомление о том, что свидание моё с Далай-Ламой назначено на субботу утром, то есть на следующий день, и что встреча моя с г-ном Беллем, который будет присутствовать при означенном свидании, произойдет у ворот резиденции Его Святейшества.

Не считая для себя удобным ожидать едущего на мулах и потому легко могущего запоздать к назначенному часу политического агента «на перепутье» у изгороди жилища Далай-Ламы, я отклонил в самой вежливой форме предложение г. Леденла и просил известить меня о времени прибытия г-на Белля к условленному месту, чтобы, в свою очередь, немедленно выехать туда же.

Как и всегда в подобных случаях в Индии, предложение «встречи у ворот» не замедлило оказаться недоразумением. В субботу рано утром г. Белль в сопровождении эскорта прибыл в гостиницу, где я остановился, и, извинившись в самых любезных выражениях, что не мог приехать в Даржилинг раньше, находясь в объезде своего округа, поставил себя в полное моё распоряжение. После такого приветливого вступления вопрос о встрече «у ворот», разумеется, отпал сам собою, и дальнейший наш разговор благодаря предупредительности моего собеседника совершенно рассеял моё первоначальное неприятное впечатление.

Мы тотчас же поехали верхами к Далай-Ламе. Встреченные министрами Его Святейшества, г. Белль и я, после обычных приветствий и обмена хадаков, были введены в покой Далай-Ламы. Я был поражен крайней убожеством отведенного индийским правительством тибетскому Первосвященнику помещения. Небольшой домик, скромная и даже бедная обстановка, полное отсутствие той роскоши, которая является необходимым условием внутреннего убранства восточных жилищ, указывали на незавидное существование привыкшего к величию Поталаского дворца Духовного Владыки тибетского народа.

Я полагал, что такая невзрачная картина окружающей Далай-Ламу обстановки объяснялась близким Его отъездом, но, по наведенным мною справкам, оказалось, что такое же убожество окружало тибетского Первосвященника с первого дня его жизни в Даржилинге.

Далай-Лама принял меня в высшей степени любезно и не мог скрыть овладевшего им волнения при известии о цели моего посещения. После обычного требуемого этикетом обмена нескончаемых приветствий и вопросов

я сообщил Его Святейшеству о том, что Государю Императору благоугодно было прислать ему собственноручное письмо и хадак.

Далай-Лама и все присутствовавшие тотчас же встали, и я вручил Его Святейшеству Высочайшее письмо. Так как тибетский Первосвященник не владеет никакими другими языками, кроме тибетского и китайского, разговор наш происходил при посредстве британского политического агента Сиккима, говорящего по-тибетски.

Далай-Лама обратился ко мне с просьбой перевести текст Высочайшего письма на английский язык, что я и исполнил. В самом начале чтения письма оказалось, что к нему приложен тибетский перевод. Несмотря на это обстоятельство, Далай-Лама пожелал, чтобы я продолжал переводить послание Государя Императора на английский язык, а г. Белль — на тибетский. Сам же он с напряженным вниманием следил за тибетским текстом. В конце чтения письма мой перевод разошелся с редакцией на тибетском языке, согласно которой между Россией и Англией ведутся будто бы в настоящее время переговоры по тибетским делам.

Я поспешил вторично и самым тщательным образом перевести дословно текст Высочайшего письма и объяснил причину неточности тибетского перевода Его Святейшеству и г. Беллю тем, что знающих тибетский язык в С.-Петербурге почти нет и что, очевидно, перевод этот, проверить который в Императорском Министерстве иностранных дел не представлялось возможным, был составлен кем-нибудь из священников буддийского храма, недостаточно знакомых с русским языком. Не знаю, убедил ли я Далай-Ламу в случайности этого недоразумения, но политический агент, по-видимому, поверил моему объяснению, и, таким образом, инцидент был исчерпан.

По окончании чтения письма Далай-Лама обратился с длинной речью к г. Беллю, который перевел её так: «Его Святейшество выражает почтительнейшие чувства благодарности и глубокой преданности своей и всего тибетского народа Государю Императору, каковые чувства он просит вас повергнуть к стопам Его Императорского Величества, бесконечно тронутый Высочайшим вниманием. Среди превратностей судьбы мысль о том, что русский царь сочувственно относится к его печальной доле, ему крайне отрадна, и он неизменно будет руководствоваться во всех своих действиях Высочайшей волей».

На мой вопрос о том, какие планы у Его Святейшества на ближайшее будущее, Далай-Лама ответил мне, что он решил покинуть Даржилинг и переселиться в Калимпонг, так как сырой даржилингский климат вредно отзывается как на его здоровье, так и на здоровье его министров. Двое из них не вынесли продолжительного пребывания в этой сырой части Гималаев и умерли. Климат Калимпонга значительно суше и отчасти напоминает климат Лхассы. «К тому же, — добавил Далай-Лама, — Калимпонг, находясь у входа в долину Чумби на пути в Тибет, приблизит меня к Лхассе».

Спросив у г. Белля, не имеет ли он каких-либо возражений против моих расспросов, и получив от него ответ, что, напротив, он рад услышать о планах Далай-Ламы, вообще редко о них говорящего, я обратился к тибетскому Первосвященнику с вопросом о том, как скоро может состояться возвращение Его Святейшества в Лхассу.

«Если бы это зависело от меня, — сказал Далай-Лама, — то, конечно, я не замедлил бы тотчас же выехать в мой город. Но к чему говорить об этом, если у моего народа пока нет возможности обеспечить мне неприкосно-

венность в Лхассе. Хотя в Тибете в настоящее время едва ли наберется и тысяча китайских солдат и владычество Китая над моей страной является лишь номинальным, тем не менее без посторонней помощи мне трудно будет возвратиться в Лхассу. Будь у моего народа оружие, ему не стоило бы больших усилий отстоять свою независимость при поддержке России и Англии».

Видя, что беседа моя с Далай-Ламой вступает в область вопросов политического характера, обсуждать которые я не был уполномочен Вашим Превосходительством, я попросил г. Белля передать Его Святейшеству, что посещение моё отнюдь не носит на себе характера политической миссии и состоит лишь в передаче ему Высочайшего письма и что поэтому мне было бы трудно сказать что-либо определенное относительно нашей совместной с Англией политики в Тибете.

Г[-н] Белль, по-видимому, был очень рад тому, что я подчеркнул отсутствие всякого политического характера данного мне поручения, так как хроническая боязнь индийского правительства, как бы иностранный консульский представитель не выступил в роли политического агента своего правительства, и была, смею думать, главной причиной первоначального нежелания местных властей устроить мое свидание с Далай-Ламой. В заключение нашей беседы Его Святейшество сказал мне, что он выразит Его Императорскому Величеству свою глубокую благодарность за участие к его судьбе в собственноручном письме и будет ходатайствовать перед русским правительством об оказании им, совместно с великобританским, давления на пекинское правительство, дабы последнее отказалось от своих притязаний на Тибет и разрешило Его Святейшеству возвратиться в Лхассу.

Откланявшись Далай-Ламе, я вступил, согласно обычаю и по предложению г-на Белля, выказывавшего мне всё большее доверие, в беседу с министрами Его Святейшества князьями Шарак и Шаган, с большим интересом осведомившимися о России. Не владея тибетским языком и не будучи поэтому в состоянии изменить тему разговора, если бы он принял нежелательное для меня направление, я поневоле выслушал длинное повествование моих собеседников о китайских несправедливостях и жестокостях в Тибете. По-видимому, г. Белль получил инструкцию дать министрам возможность высказаться, но я, во избежание противоречия между вышеприведенным моим заявлением Далай-Ламе об отсутствии у меня всякой политической миссии и моей дальнейшей тактикой, предоставил г-ну Беллю вести разговор и ограничился лишь обычными фразами, требуемыми вежливостью.

При прощании в ответ на расспросы министров о ходе англо-русских переговоров о Тибете я опять сказал, что мне об этом ничего не известно и что все переговоры ведутся обыкновенно непосредственно между Императорским и Королевским правительствами в С.-Петербурге и Лондоне.

Резюмируя вышесказанное, я не могу не прийти к выводу, что свидание моё с Далай-Ламой произвело как на Его Святейшество, так и на индийское правительство самое благоприятное впечатление. Если англо-индийские власти сначала отнеслись к моей поездке в Даржилинг с некоторым недоверием и даже были не прочь помешать ей под благовидным предлогом, то совершенно открытая прямая тактика, предписанная мне Императорским министерством, и то обстоятельство, что я подчеркнул отсутствие политического характера возложенного на меня поручения, окончательно рассеяли сомнения местного правительства относительно неуклонного соблюдения нами англо-русского соглашения касательно Тибета. Присутствие при моём свидании с Далай-Ламой британского политического агента в Сиккиме не только в качестве переводчика, но и равноправного участника в беседе моей с тибетским Первосвященником как нельзя более соответствовало идее политической задачи нашего Генерального консульства в Индии.

Как это ни странно, г. Белль, подобно многим англо-индийским чиновникам, не представлял себе, что в состав населения Российской империи входит несколько миллионов ламаистов и что поэтому религиозная связь окраинных племен России с Далай-Ламой является вполне естественной и понятной. Обедая у него накануне моего отъезда из Даржилинга, я подробно объяснил ему сущность наших отношений с тибетским Первосвященником и, смею думать, г. Белль, как и не более его осведомленный об этом вопросе Иностранная департамент Индии, отныне будут с меньшим недоверием относиться к нашим сношениям с Далай-Ламой.

Если посещение моё Даржилинга послужило, как я уже имел честь упомянуть, к упро-

чению наших добрых отношений с местным правительством, то впечатление, произведенное на Далай-Ламу фактом передачи Его Святейшеству письма Государя Императора через русского консульского представителя в Индии, а не через английского политического агента, было самое выгодное для нас.

За последнее время связь наша с Далай-Ламой, по-видимому, начинала ослабевать. Хотя никогда не симпатизировавший англичанам тибетский Первосвященник принужден был поневоле считаться с ними, будучи, с одной стороны, их субсидируемым гостем, чтобы не сказать пленником, с другой же — под влиянием обещаний оказать Ему поддержку, обещаний однако весьма неопределенных.

Письмо Государя Императора, явившееся для Его Святейшества лучом надежды, несомненно, ободрило его и придало ему мужества для дальнейшей борьбы с превратностями судьбы. Искренность нашей политики в Тибете хорошо известна тибетскому народу, тогда как намерение англичан рано или поздно присоединить Тибет к системе государств-буферов не составляет для него тайны. Сравнительно недавняя экспедиция полковника Юнгэсбенга в Лхассу, вызвавшая бегство Далай-Ламы оттуда, в достаточной степени открыла глаза тибетскому народу на тактику англичан по отношению к Тибету.

Если Его Святейшеству удастся в ближайшем будущем водвориться в Лхассе, опираясь на единодушную поддержку тибетцев, которым не так уж трудно будет скупить у деморализованных китайских войск оружие и изгнать китайцев из своей страны, то вопрос о дальнейшем международном положении Тибета может быть разрешен только лишь путем воздействия на китайское правительство.

Для нас, смею думать, было бы крайне полезным в предвидении будущего поддержи-

вать надежду далеко не чуждого нам народа на попечение о нём. Престиж наш в Тибете велик, тогда как близость Индии и возможность наглядно убедиться, какими ничтожными средствами располагает Англия для поддержания своего владычества в трехсот-миллионной империи, населенной робкими и беззащитными индийцами, конечно, не могут способствовать представлению об её величии среди тибетцев.

Сознание того, что русский царь не забывает о судьбе тибетского народа, для народа этого является гораздо большей нравственной поддержкой, чем тысяча рупий в месяц, даваемая индийским правительством низверженному Духовному Владыке Тибета.

В заключение позволю себе упомянуть, что во время моего пребывания в Даржилинге около гостиницы, где я остановился, толпились проживающие в этом городе тибетцы, желавшие увидеть русского консула и поднести ему традиционный хадак.

Не находя причины отказывать им в этой просьбе, я принимал всех их без исключения и в свою очередь вручал им ответные хадаки, что, по тибетским понятиям, считается большой честью.

Далай-Лама выехал в Калимпонг 29/11 января/февраля на рассвете, провожаемый ламами, эскортом и толпой народа, оказывавшего ему царские почести. Англо-индийская печать, ежедневно помещающая на своих столбцах самые мелкие подробности, относящиеся к жизни Далай-Ламы, обошла полным молчанием мое свидание с ним.

О пребывании Его Святейшества в Калимпонге и о дальнейших событиях в Тибете я буду иметь честь донести Вашему Превосходительству дополнительно.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый

Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Л. Ревелиоти.

Сбоку у начала текста стоит знак, свидетельствующий, что документ читал царь Николай II.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 299—306 и об. Подлинник.

¹ Калимпонг — индийский город на границе с Сиккимом.

№ 106

1912 г. апреля 8. — Декрет временного президента Китайской Республики Юань Шикая¹ о том, что Тибет, Монголия и Восточный Туркестан являются территориями Китая и будут управляться так же, как и провинции Внутреннего Китая

В настоящее время, когда пять народностей составляют единую республику, Монголия, Тибет и Туркестан должны составлять на общих основаниях территорию Китайской Республики, а населяющие их народности: монголы, тибетцы и мусульмане — считаться гражданами Китайской Республики, вследствие чего не должны более быть применяемы к ним такие наименования, употреблявшиеся при монархическом строе, как колониальные, вассальные и т[ому] под[обные] владения. Отныне впредь в отношении управления Монголией, Тибетом и Туркестаном должен быть выработан такой порядок, который содействовал бы объединению как внутреннего управления государством, так и всех населяющих его народностей. Республиканское правительство, не создавая особого министерства для заведования делами, касающимися управления колониями, имело этим в виду рассматривать Монголию, Тибет и Туркестан наравне с провинциями собственно Китая, а потому в будущем управление все-

ми названными местностями имеет входить в область внутреннего управления. Ныне коалиционное правительство² уже организовано, поэтому дела Министерства колоний имеют теперь отойти в ведение Министерства внутренних дел; что же касается вопросов, входящих в компетенцию других министерств, то таковые по-прежнему должны находиться в ведении подлежащего ведомства. Пока же общего положения касательно внутреннего управления еще не выработано, дела, касающиеся Монголии, Тибета и Туркестана, должны быть разрешаемы на основании прежних законоположений³.

Перевод верен. Н. Колесов (драгоман Российской миссии в Пекине).

АВПРИ, ф. Миссия в Китае, оп. 491, д. 341, л. 280—281. Перевод с китайского, современный подлиннику.

¹ Юань Шикай (1859—1916) — китайский военный и политический деятель, создатель бэйянской (северной) армии. В 1899—1901 гг. — губернатор провинции Шаньдун, в 1901—1908 гг. — наместник столичной провинции Чжили (Хэбэй). В 1909 г. уволен в отставку. После начала Синьхайской революции назначен цинским двором премьер-министром (2 ноября 1911 г.). Опираясь на бэйянскую армию и поддержку западных держав, после отречения Цинской династии от власти (12 февраля 1912 г.) добился отказа Сунь Ятсена от поста временного президента в свою пользу. В 1913 г. установил в Китае военную диктатуру. В декабре 1915 г. объявил о своем решении стать императором, чем вызвал в стране антимонархическое движение. В разгар этого движения Юань Шикай внезапно умер (есть сведения, что он принял яд).

² Коалиционное правительство — правительство Китайской Республики, сформированное в марте — апреле 1912 г. из представителей Юань Шикая и ряда сторонников Сунь Ятсена.

³ Прежние законоположения — законы периода правления Цинской династии (1644—1912 гг.), согласно которым Монголия, Тибет и Восточный Туркестан являлись вассальными владениями Китая.

№ 107

1912 г. июня 1. — Донесение вице-консула в Калькутте Л. Х. Ревелиоти заместителю министра иностранных дел А. А. Нератову о провозглашении независимости Тибета и решении Далай-ламы вернуться из Британской Индии в Лхасу

Милостивый государь, Анатолий Анатольевич,

доходящие сюда из Тибета известия продолжают быть противоречивыми и скудными, и трудно составить себе ясное понятие о том, как долго может еще продлиться борьба между тибетцами и китайскими войсками в Лхассе и её окрестностях. Последние сообщения местных корреспондентов дают, однако, основание полагать, что в непродолжительном времени наступит новый фазис в борьбе тибетцев за уже провозглашенную ими независимость. В Калимпонге делаются приготовления к выступлению Далай-Ламы, предположенному на 24 и 25 июня. По всей вероятности, путь из Калимпонга в Лхассу будет совершаться весьма медленно, с остановками в Гьянтце, Донгтце и Галаузу (Halavoosoo) — месте рождения Далай-Ламы; продолжительность пребывания на различных этапах этого пути будет зависеть от хода событий в Лхассе. Надо думать, что, когда известие о решении Первосвященника положить конец добровольному своему изгнанию дойдет до Лхассы и до тех пунктов, где теперь вооруженная борьба между тибетцами и китайцами как будто затихла, она возгорится с новой силой. Если верить источникам тибетским, представляется маловероятным, чтобы китайцам удалось одержать верх в борьбе, совпадающей с кризисом в самом Китае.

Настоящее «пробуждение» Тибета создало, однако, для Далай-Ламы необходимость незамедлительных и решительных действий.

Он вынужден даже, рискуя своей жизнью, принять руководство движением как духовный глава и признанный вождь. Быть может, только успех еще рискованного предприятия, на которое он теперь, по-видимому, решается, поднимет в глазах тибетцев его авторитет, несколько поколебленный бегством сначала в Китай, а потом в Индию, и объединить вокруг него не только полусознательных фанатиков, но и людей, могущих составить оплот и опору восстановленному его престижу.

Если Далай-Лама действительно двинется из Калимпонга 24-го, то и тогда невозможно будет сколько-нибудь определенно предсказать время его прибытия в Лхассу. Помимо переменчивых шансов в вооруженной борьбе в теперешнее время года самое путешествие связано с большими трудностями вследствие дождей, переходящих на тамошних высотах в снежные метели; переправа через Брамапутру, которую Далай-Ламе придется совершить, представляет настоящую опасность.

Хотя я не имею на то прямых указаний, но мне представляется очевидным, что агенты здешнего правительства будут зорко следить за тем, что предпримет Далай-Лама, и не слишком поощрять его движение из Гьянтце в те запретные монастыри Лхассы, где им значительно труднее будет осуществлять надзор за ним.

Одна из здешних газет, комментируя известие о выступлении Далай-Ламы из Калимпонга, указывает на то, что Лхасская Конвенция 1904 года в настоящее время потеряла всякое значение, как подписанная не Далай-Ламой, а китайским чиновником; единственный тибетец, её подписавший, тогдашний председатель Совета поплатился жизнью за свою подпись¹. Тибет ныне провозгласил свою независимость; Китай, очевидно, не в силах её победить. Цель Конвенции была — положить конец

русскому влиянию в Тибете и открыть его для торговли. В Конвенции выговорено право пребывания двух британских агентов — в Гартоке и в Гьянтце. «Мы признаем необходимость, — продолжает газета, — чтобы Далай-Лама от имени тибетского народа теперь подписал новую Конвенцию в том же смысле. Со стороны индийского правительства было бы большой ошибкой допустить повторение тех обстоятельств, которыми вызвана была последняя экспедиция в Тибет. Интриган (the mischief maker) Доржиев всё еще орудует. По последним слухам, он продолжает в Петербурге выдавать себя за агента Далай-Ламы, и русские дипломаты достаточно умны для того, чтобы воспользоваться ошибками тибетцев и вынудить у Великобритании уступки в другой области, даже если они не имеют прямых видов на Тибет».

Приведенная мною длинная цитата взята из газеты, отнюдь не выражающей, как видно из её содержания и тона, точки зрения здешнего правительства. Газета вполне, по-видимому, игнорирует наше соглашение 1907 года. Я указываю, однако, на её оценку настоящего положения вещей потому, что с этою оценкой правительству придется, быть может, серьезно считаться.

Мне представляется маловероятным, чтобы англичане предоставили событиям идти своей чередой и не использовали в своих интересах в Пекине явной слабости Китая в Тибете и восстановления светского и духовного авторитета Далай-Ламы в Лхассе, если таковое случится. В настоящее время грозит быть поднятым в очень резкой форме спор между Индией и Китаем по поводу неисполнения последним обязательств, вытекающих из соглашения 8 мая 1911 года о торговле опиумом. Вашему превосходительству известно, что действия китайцев на северо-восточной

границе Индии служат поводом к постоянному раздражению против Китая. Ввиду этого мне думается, что англичане имеют все основания, если возникнет вопрос о признании независимости Тибета, принять сторону последнего. Признание же Великобританией независимости Тибета от Китая, в свою очередь, должно изменить взаимные отношения между Россией и Англией в этом вопросе, поскольку эти отношения определяются соглашением 1907 года, не предусматривавшим того оборота, который приняли события в Тибете за последние несколько месяцев в связи с успехом китайской революции, тоже вряд ли кем-нибудь предугаданным.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Л. Ревелиоти.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 332—334. Подлинник.

¹ Речь идет о Ти Римпоче, подписавшем Лхасскую конвенцию 1904 г.

№ 108

1912 г. июня 4. — *Донесение вице-консула в Калькутте Л. Х. Ревелиоти заместителю министра иностранных дел А. А. Нератову об успешной борьбе тибетцев с китайскими войсками*

Милостивый государь, Анатолий Анатольевич,

в дополнение к моему донесению от 1/14 июня с. г. за № 20 имею честь представить Вашему Превосходительству не лишенный интереса рассказ о событиях в Тибете, появившийся в здешней печати со слов постороннего наблюдателя (impartial observer), надо полагать англичанина, проведенного в Лхассе и её окрестностях несколько месяцев с осени 1911 года до середины минувшего мая по но-

вому стилю и которого нет основания заподозрить в умышленном искажении фактов.

Гражданское управление в Лхассе находилось в руках амбаня Лень (Лянь Юй'я) и его помощника Вень (Ван-Цзуняо), относившегося к тибетцам благосклонно и весьма среди них популярного. В октябре 1911 года Лень, манчжур старого закала, отослал Вень в Китай и остался один. В первое время всё шло благополучно. Но когда в ноябре до Лхассы дошло известие о революции в Китае, гарнизон в Лхассе, числом около 800, взбунтовался. Поводом к бунту послужила задержка в уплате жалованья, но несомненно способствовал тот факт, что амбань-манчжур Лень был свергнут и в декабре амбанем был избран только что вернувшийся из неудачной экспедиции против кочевников [Побо] генерал Тунг-Танглинг¹, приобретший популярность своим сочувствием революционному движению.

Уже тогда ясна была слабость китайской власти. Из 800 солдат 60 человек не приняли участия в бунте и составили охрану Леня. Тунг-Танглинг оставил при себе сто человек стражи; остальные же солдаты находились в новых казармах, в двух верстах от города. Казармы эти рассчитаны были на полторы тысячи человек, а между тем в них осталось очень немного войск, ибо небольшие отряды вскоре размещены были по разным постам. Из тибетских сановников регент управлял делами под контролем амбаня; в качестве главы монастыря Тсомолинг он имел большое влияние на монахов и в Лхассе; президент Совета был верен китайцам, один же из членов Совета относился к ним враждебно; тибетский главнокомандующий не имел организованной армии. Среди тысяч монахов больших монастырских общин царил первоначально раскол; так, один из крупнейших монастырей —

Депунг, а с ним и небольшой — Тенгалинг были на стороне Китая.

В декабре среди китайских войск начались беспорядки. Солдаты рассчитывали, что избранный ими амбань² немедленно заплатит им жалованье; двести человек подошли к его дому с требованием уплаты. Получив отказ, вероятно потому, что денег не было, они ограбили арсенал, находившийся в доме одного из тибетских министров, забрав оружие, деньги и провиант. Насилий в городе совершенно не было, ибо солдаты в то время вполне ладили с населением. Успех этого первого мятежа, понятно, вызвал дальнейшее неповиновение.

Отправившись к регенту, войска потребовали от него уплаты, и он выдал им 28 000 рупий, собранных с непальских купцов в Лхассе. Несколько дней спустя они, однако, стали грозить всеобщим погромом и даже разорением священного монастыря Потала в случае неуплаты 250 000 рупий. Мотивировали они это требование тем, что республиканское правительство отзывает их в Пекин и что им нужны средства для передвижения в Сечуан (Сычуань). Совершено было несколько грабежей, и вскоре среди местных воинствующих тибетских монахов началось брожение; народу стали раздавать оружие.

Китайский гарнизон был усилен 900 человек, возвратившимися из похода в Помед. Вновь прибывшие войска, узнав о том, что их товарищам удалось урвать плату, потребовали свою долю. Будучи совершенно недисциплинированными, они сразу стали грабить дома и лавки; тибетцы оказали им сопротивление, и в городе начались уличные схватки. Тибетские монахи вооружились, окружили китайские войска, отрезав их от провианта. Тогда они, оставив лишь небольшой отряд в казармах, укрепились в отдельных домах. Один из их отрядов атаковал монастырь Сера, но

неудачно — монахи преградили им путь к отступлению, и весь отряд был перерезан. К 1 апреля в Лхассе оставалось примерно 1500 человек китайских солдат, вооруженных современными ружьями, при одной батарее в шесть орудий, из коих пять были приведены в негодность бунтовщиками еще в январе. Патронов сначала было вдоволь, но китайцы тратили их попусту, и вскоре стал ощущаться недостаток.

В мае китайский гарнизон сократился до 800 человек, которые держатся в восточной и юго-восточной части Лхассы. Тибетцы между тем имеют около 1000 дальнобойных ружей, и в их среде обнаруживаются бодрость и предприимчивость, внушающие уверенность в успехе. В Лхассе имеются две фабрики патронов, и число вооруженных монахов всё возрастает. В приближение китайских подкреплений никто не верит. Лхасса сильно пострадала, заплатились также непальские и ладакские купцы. Китайская власть вполне дискредитирована и фактически перестала существовать.

Вышеприведенный картинный рассказ «беспристрастного очевидца» заканчивается замечанием, что вскоре должна наступить развязка и что Далай-Лама, по всей вероятности, будет вновь призван в Лхассу. Будущность Тибета станет тогда в зависимость от успеха переговоров между Далай-Ламой и китайским правительством. Возможно, что первому, благодаря царящей в Китае смуте, удастся добиться уступок, которые обеспечат стране временное удовлетворение. «Но рано еще решать, что Китай согласится признать независимость Тибета».

Все здешние газеты печатают на первой странице известие о том, что китайская почта в Тибете совершенно дезорганизована и что Далай-Лама собирается вводить тибетские марки. Это, конечно, мелочь, но она, в связи

с общим тоном комментариев по поводу последних событий в Тибете, указывает, мне кажется, на тенденцию, имеющую целью подготовить общественное мнение к активному выступлению в пользу тибетцев в Пекине. Если эта тенденция мною правильно понята, то можно думать, что аргумент, которым воспользуются англичане, будет заключаться в следующем. «Ясно, что Китай не в силах «водворить порядок». Задача эта, стало быть, должна быть предоставлена самим тибетцам. «Ну, а затем... доля благотворного участия индийского правительства в осуществлении этого порядка будет зависеть от сговорчивости Пекина и его способности оказать противодействие «силе вещей».

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Л. Ревелиоти.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1458, л. 338—340. Подлинник.

¹ Тунг Танглинг — видимо, это генерал Чжун Ин.

² Восставший китайский гарнизон Лхасы избрал не амбана, а дуду (командующий войсками, военный губернатор). Им стал генерал Чжун Ин.

№ 109

1912 г. август. — Запрос группы депутатов временного парламента Китайской Республики пекинскому правительству о том, какие меры им принимаются для сохранения суверенитета Китая над Тибетом и Внешней Монголией

«Бэй-цзин жи-бао», 30 августа 1912 года.

По слухам, группу депутатов во главе с Цзинь Дин-сюнем внесен на рассмотрение Палаты представителей следующий запрос правительству: «С тех пор как начались беспорядки в Монголии и Тибете, государству стала грозить серьезная внешняя опасность со стороны нескольких иностранных держав,

и положение его вследствие этого сделалось критическим. Правительство, на котором лежит перед народом ответственность за безопасность государства, должно было бы, по нашему мнению, своевременно выработать и приводить теперь в исполнение определенный план действий в столь важных вопросах, как монгольский и тибетский, — вопросах, от того или иного решения коих зависит спасение или же гибель Китая, — дабы водворить порядок внутри страны, освободить её от внешних осложнений и вывести государство на путь процветания и благоденствия. Между тем внутри страны всё еще продолжают беспорядки, так как провозглашенная уже несколько месяцев тому назад в Монголии¹ и Тибете независимость всё еще не уничтожена, распоряжения центрального правительства не доходят в эти страны, благодаря чему мятеж с каждым днем распространяется и захватывает всё новые и новые обширные области. Нужно иметь в виду, что если в каком-либо одном отношении допустить нарушение временной конституции, то весь государственный строй должен рухнуть и что если государство потеряет свои окраинные владения, то его коренные земли очутятся в критическом положении. Хотя нам и известно, что из Манчжурии и Сы-чуани, а также ближайших к ним областей посылаются военные экспедиции для усмирения восставшего населения окраин, однако мы до сих пор не знаем, какого образа действий в конце концов решило держаться центральное правительство по отношению к мятежным окраинам и какие реальные меры приняты им для водворения там законного порядка, так как никаких приготовлений в этом направлении со стороны правительства мы не видели, а с другой стороны, не слышали от него изложения программы действий в монгольском и тибетском вопросах. Ввиду сего мы в данном слу-

чае и требуем от правительства соответствующих разъяснений. С другой стороны, мы находим нужным указать на то обстоятельство, что Англия и Россия тайно снабжают оружием население наших мятежных областей, в нарушение существующих договоров увеличивают число своих войск на территории Китая и, не считаясь с постановлениями международного права и принципом поддержания дружественных отношений, предъявляют Китаю ряд такого рода требований, которые ясно обнаруживают их стремление поступить с Китаем так, как поступила Япония с Кореей². Кроме того, с целью захвата Манчжурии и Монголии между Россией и Японией заключено особое соглашение, уничтожившее принцип охраны целостности китайской территории всеми иностранными державами³. При таких условиях нам трудно будет отстоять Манчжурию, а если последняя будет захвачена иностранцами, то нелегко будет предотвратить и гибель всего Китая.

Что касается волнений в Монголии и Тибете, то они должны быть отнесены к области внутренней государственной политики Китая. Если в эту область мы будем допускать вмешательство со стороны иностранных держав, то мы не будем в состоянии сохранить наших суверенных прав. Затем, Монголия и Тибет составляют часть территории Китая, поэтому если мы будем допускать требования иностранцев об уступке им этой части нашей территории, то мы не будем в состоянии сохранить за собою государственную территорию вообще. Имеет ли правительство какой-либо определенный план противодействия подобным стремлениям иностранных держав, нам неизвестно, но, судя по тому, что правительство ничего не предпринимает в целях противодействия незаконным домогательствам иностранцев, следует думать, что оно не имеет никакого определенного плана. Во всяком

случае, об этом должно быть известно народу, так как долее нельзя терпеть пассивного и безучастного отношения правительства к требованиям иностранцев, приведшего к возникновению в народе сильной тревоги и к повсеместным беспорядкам. Вот вторая причина, заставляющая нас обратиться к правительству с настоящим запросом.

К вышеизложенному мы считаем долгом присовокупить, что так как настоящий запрос касается мер военного характера и вопросов внешней политики, то разъяснения по нему в письменной форме не могут быть исчерпывающими, то мы просим Министра иностранных дел и военного Министра⁴ явиться в назначенный ими срок на секретное заседание Палаты для представления надлежащих личных объяснений и совместного с депутатами обсуждения создавшегося положения вещей».

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 341, л. 103—106. Перевод с китайского, современный подлиннику.

¹ 1 декабря 1911 г. в Урге была провозглашена независимость Монголии от Китая. До 1915 г. Внешняя Монголия (Халха и Кобдоский округ) являлась фактически независимым государством.

² В 1910 г. Япония захватила Корею и превратила её в свою колонию.

³ Китайские парламентарии могли лишь догадываться, что Петербург и Токио поделили Манчжурию и Монголию на свои сферы влияния, ибо договоры 1907 и 1910 гг. об этом между Россией и Японией носили секретный характер. Они впервые были опубликованы в СССР после 1917 г.

⁴ Министром иностранных дел Китайской Республики в то время был Лу Чжэнсян, а военным министром — генерал Дуань Цижуй.

№ 110

1912 г. сентябрь. — Телеграмма группы китайцев, проживавших за границей, пекинскому правительству с рекомендацией направить войска в Тибет и Внешнюю Монголию для защиты этих окраинных районов

Китай от агрессивных действий великих держав

«Минь-ши-бао», 10 сентября 1912 года.

На днях от китайских резидентов за границей получена весьма длинная телеграмма по монгольскому и тибетскому вопросам следующего содержания: «Упрочение в Китае республиканского строя встречает, конечно, серьезные затруднения, причем особую тревогу должно внушать не внутреннее состояние страны, так как водворение здесь прочного административного порядка является делом сравнительно легким, а то обстоятельство, что иностранные державы, воспользовавшись благоприятным для них случаем, стремятся захватить окраинные владения Китая и нанести ущерб нашим суверенным правам. В настоящее время Япония, Россия и Англия вызывают беспорядки в Монголии и Тибете с целью захватить эти страны. Если китайское правительство не проявит в данном случае своего авторитета и силы, то нам будет грозить сперва потеря наших окраин, а затем и внутренних провинций. В настоящее время за границей внимательно следят за решением, которое примет китайское правительство по вопросу об организации похода в Монголию. В эту опасную минуту нельзя показывать своего бессилия и спокойно готовиться к уступкам.

Мы слышали, что со стороны Японии и России предъявлено требование об удалении из Монголии представителей китайской администрации и китайских войск. Мы слышали также о предъявленном Англией требовании об отзывании направленной в Тибет военной экспедиции, об отказе Китая в будущем иметь китайские гарнизоны в Тибете, а также об отказе китайского правительства ввести в Тибет общую провинциальную систему администрации. Согласится ли правительство на эти требования и допустит ли оно, чтобы Хутукта и Далай-Лама

заклучали внешние займы под обеспечение монгольских и тибетских земель, — вот вопросы, которые нас крайне интересуют.

О возможности потери важных для нас областей Монголии и Тибета при республиканском строе, тогда как они не были потеряны в период правления Да-цинской династии, не только не могли думать мы, китайские резиденты за границей, но столь благоприятного для себя случая не ожидали даже Япония, Россия и Англия. Нельзя допускать, чтобы Лу Чжэн-сян, коему поручено руководство внешней политикой, ссылаясь на болезнь, не обращал бы внимание на монгольский и тибетский вопросы, и необходимо, чтобы правительство немедленно же начало с Японией, Россией и Англией самые серьезные переговоры по монгольскому и тибетскому вопросам и, опираясь на силу, не допустило бы их вмешательства в монгольские и тибетские дела. С другой стороны, необходимо приступить к сформированию отборного отряда войск, который под начальством одного из храбрых и опытных военачальников, как, например, Хуан Син¹ или Ху Ин², мог бы отправиться в Монголию и Тибет. При таких условиях нетрудно было бы обессилить тибетцев и монголов и умерить агрессивные замыслы Японии, России и Англии.

Вопросом о снабжении войск правительство не должно быть обеспокоено, так как мы, проживающие за границей китайцы, готовы свои последние средства пожертвовать на это дело. Ввиду сего если правительством выработан определенный план действий против Монголии и Тибета, то мы просим его нам сообщить, после чего мы немедленно переведем в распоряжение правительства необходимые ему средства».

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 341, л. 125—127. Перевод с китайского, современный подлиннику.

¹ Хуан Син — один из руководителей Синьхайской революции 1911—1913 гг.

² Ху Ин — участник Учанского восстания 10 октября 1911 г.; был первым министром иностранных дел Учанского революционного правительства.

№ 111

1912 г. августа 9. — Секретная телеграмма Управляющего Министерством иностранных дел А. А. Нератова посланнику в Пекине В. Н. Крупенскому о том, что правительство Англии отрицает право китайского правительства единолично вмешиваться в управление Тибетом и не признает приравнивание Тибета к обычной китайской провинции

Эттер¹ телеграфирует (шифром): Грей² сообщил нотой о принятом решении формальным актом определить отношение английского правительства к Тибету: посланнику в Пекине поручено уведомить китайское правительство, что, признавая суверенные права Китая, Англия отрицает его право единолично и активно вмешиваться в управление Тибетом, что противоречит статье 1 Конвенции 1906 года³. Англия поэтому не может допустить замещения китайцами административных должностей в Тибете, ни доктрины, обнародованной Юань Шикаем, о приравнивании Тибета к собственно китайской провинции. Формально возражая против подобного определения статуса Тибета, Англия противится усилению настоящего состава китайских войск в Лхассе и Тибете. Настаивая на необходимости письменного соглашения на означенной базе с Китаем, Лондонский Кабинет предупреждает о прекращении отныне же сообщений между Китаем и Тибетом через Индию, за исключением случаев вывода войск обратно в Китай.

Подлинник ноты первым случаем.

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 412, л. 54. Подлинник.

¹ Эттер — сотрудник российского посольства в Великобритании.

² Э. Грей — министр иностранных дел Великобритании.

³ Англо-китайская конвенция от 27 апреля 1906 г.

№ 112

1912 г. декабря 27. — Секретное письмо генерального консула в Калькутте К. Д. Набокова заместителю министра иностранных дел А. А. Нератову о реакции прессы Британской Индии на заявление Агвана Доржиева о возможности установления протектората России и Англии над Тибетом

Как я имел честь донести Вашему Превосходительству телеграммой от 22 декабря, здешняя английская пресса не замедлила откликнуться на сообщение «Нового времени» о том, что Доржиев находится в Урге, что он заявил о независимости Тибета и о своих полномочиях для заключения договора между Тибетом и Монголией, а также о своём намерении вступить в переговоры с нами о совместном протекторате России и Англии над Тибетом, с предоставлением обоим государствам эксплуатации естественных богатств Тибета, постройки железных дорог и проведения телеграфа¹. Здесь перепечатана также телеграмма «Daily Telegraph» из Пекина касательно полной осведомленности и уверенности китайского правительства в том, что всякое действие Далай-Ламы за последние месяцы было предпринято по соглашению с русскими агентами в Урге. Одновременно сюда сообщают из Калимпонга, что последние остатки китайских войск сдались тибетцам и во главе с генералом Чунгом (Чжуном) направляются в Китай через Индию. На границу командирован английский офицер для встречи и проводов отряда. Китайских войск не станут здесь задерживать, так [как] своим буйным поведением солдаты причиняют немало хлопот полиции.

Хотя переданное «Новым временем» известие и представляется вымышленным², я имею полное основание думать, что комментarii газеты «Пионер» отражают точку зрения индийского правительства на тибетский вопрос, а потому считаю долгом привести их полностью.

«Впредь до представления Доржиевым полномочий от Далай-Ламы мы склонны будем думать, что его теперешняя миссия столь же самозванна, как те, которые несколько лет тому назад оказались столь губительными для Далай-Ламы. Великобританское правительство не может допустить совместного протектората России и Англии. Интересы России в Тибете весьма ничтожны; между тем длинная граница вынуждает Англию быть серьезно озабоченной судьбой Тибета как в отношении политическом, так и ради интересов торговли. Будущее Тибета зависит от Лондона и Пекина, и события последнего времени показали, что будет очень трудно добиться удовлетворительного разрешения этого вопроса. Желание Доржиева втянуть Монголию — остроумно, так как этим самым русская дипломатия была бы привлечена к переговорам, а этого ни Англия, ни Китай допустить не могут. Эти два правительства предпочтут обсудить спорные вопросы касательно Тибета без постороннего вмешательства, как бы трудно ни было их разрешение».

Враждебная России газета «Englishman», высказываясь в том же смысле о недопустимости протектората над Тибетом, прибавляет: «К сожалению, наше признание суверенитета Китая лишает нас возможности вести переговоры с Далай-Ламой. Но мы могли бы последовать примеру России в Монголии и заявить, что изгнание китайцев из Тибета изменило положение вещей, а потому нам следует сговориться с Тибетом непосредственно. Китай

вряд ли теперь сможет снова покорить Тибет, который рискует поэтому попасть под влияние России. Правда, существует наша конвенция 1907 года, но могут возникнуть обстоятельства, которые заставят Россию отказаться от солашения. В случае, например, возникновения европейской войны, в которой Англия отказалась бы присоединиться к Двойственному союзу³, Россия не упустит случая причинить нам затруднения в этой области».

Сегодня здесь перепечатана выдержка из «Times», в которой проповедуется посылка резидента в Лхассу, и местные газеты поместили обширные передовые статьи, выражающие полную солидарность с мнением лондонского органа и указывающие, что эта мера — единственное разрешение вопроса.

Я считаю своим долгом изложить Вашему Превосходительству те выводы, к которым меня привело внимательное наблюдение не только за здешней прессой, но и за действиями индийского правительства и настроением администрации, поскольку это возможно при строгой тайне, в которой здесь держится всё то, что происходит на индо-тибетской границе. Вся деятельность Англии приводит меня к непоколебимому убеждению, что проповедуемая газетой «Times» мера будет осуществлена. Если не официальный резидент, то какой-нибудь агент будет непосредственно сноситься с Далай-Ламой от имени правительства. Будет ли он жить в Лхассе, или «в семи верстах», где теперь Далай-Лама, или на полпути между границей и Лхассой — совершенно всё равно. Суть дела в том, что англичане не стали бы выпроваживать китайские войска, строить дороги, задерживать всякое «подозрительное» лицо, направляющееся в Лхассу «ради прекрасных глаз» Далай-Ламы. Своим пребыванием в Индии и всем дальнейшим своим поведением Первосвященник дал

англичанам в руки столько оружия, что в этой игре им выигрыш обеспечен. До сих пор трудно указать на какие-либо конкретные факты, дающие нам право обвинить Англию в прямом нарушении соглашения с нами. Нет никакой возможности быть точно осведомленным о том, что творится на границе и насколько теперешний «торговый агент» в Гьянтце облечен политическими полномочиями. Но для меня представляется несомненным, что Англия не хочет упустить случая сохранить «la haufft main» над тем, что происходит в Тибете, и что обстоятельства складываются для них весьма благоприятно.

Если бы возник вопрос о пересмотре нашего с Англией соглашения, наше признание за нею права проникновения в Тибет носило бы теперь характер не вынужденного признания факта, а добровольной уступки, ценою которой мы вправе были бы требовать соответственных «компенсаций» там, где они нам нужнее, т. е. на афганской границе. Я имею основание думать, что такая постановка вопроса была бы очень не по сердцу англичанам, ибо она лишила бы их возможности безнаказанно игнорировать наше соглашение. В Афганистане конвенция 1907 года нам не на радость, и мы вряд ли долго будем терпеть теперешнее положение вещей. Мне кажется, что, если мы упустим настоящий благоприятный момент для одновременного пересмотра афганских и тибетских статей соглашения, мы проиграем в Тибете и ничего не добьемся от Англии в Афганистане. Когда Англия явно отступится от конвенции или вместо сэра Эдуарда Грея будет Лансдоун или Керзон, «дружественный обмен мнений» будет значительно затруднен. Ваше Превосходительство помнит обстоятельства, при коих имела место в 1904 году экспедиция полковника Юнгхезбенда. До настоящего времени многие государственные

люди, думается мне, и уж, конечно, значительное большинство англичан в Индии не могут забыть того, что благодаря вмешательству русской дипломатии экспедиция эта «не принесла тех результатов, которых Англия вправе была желать и ожидать». Англия только что потерпела фиаско в Пекине в вопросе о торговле опиумом. Суверенитет Китая над Тибетом уже сейчас мёртвое слово, и Англия, конечно, пальцем не двинет, чтобы его оживить в угоду Китаю, а напротив, будет стремиться заключить новое соглашение с Далай-Ламой.

Моя аргументация не вполне правильна, если Ваше Превосходительство полагает, что у нас имеются в Тибете хоть какие-нибудь реальные интересы наподобие тех, которые мы бессильны теперь (при существующем отношении) отстоять дипломатическим путем в Кабуле. В таком случае, разумеется, наши уступки в тибетском вопросе при пересмотре соглашения приняли бы иную форму. Если же наши интересы выражаются туманной формулой покровительства религиозному главенству Далай-Ламы над русскими подданными бурятами, для меня не ясно, в чём признание за Англией некоторой доли политического контроля над Тибетом ради ограждения границы и неоспоримо крупных торговых интересов может поколебать престиж Восточного Папы⁴ в глазах его русской паствы.

С глубочайшим и пр.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1481, л. 8—10 и об. Копия.

¹ 18 (31) декабря 1912 г. «Новое время» опубликовало следующее сообщение собственного корреспондента из Урги: «Сюда прибыл из Лхасы Агван Доржиев, который сообщает о провозглашении независимости Тибета от Китая и возведении на престол Далай-Ламы. Доржиев уполномочен [Далай-Ламой] вступить в переговоры с Ургинским правительством о заключении дружественного договора между Монголией и Тибетом. Кроме того, Доржиеву поручено просить русское прави-

тельство войти в соглашение по вопросу защиты Тибета Россией и Англией. В случае принятия предложения Далай-Лама согласен предоставить обеим покровительствующим державам право беспошлинной торговли в Тибете, эксплуатации естественных богатств, постройки железных дорог и проч.).

² Сообщение «Нового времени» о заявлении А. Доржиева не являлось вымышленным.

³ Двойственный союз — военно-политический союз между Россией и Францией.

⁴ Восточный Папа — имеется в виду Далай-лама.

№ 113

1913 г. — *Записка Агвана Доржиева Председателю Совета министров В. Н. Коковцову с сообщением о том, что Тибет отделился от Китая и образовал самостоятельное государство, которое готово установить дружественные отношения с Россией и Англией*

Когда маньчжурский Император отрекся от престола, в Тибет пришли китайцы и разграбили государственную казну и имущество — скот, хлеб и серебро частных лиц, предали огню храмы и жилища, всего на много миллионов рублей; убили и ранили несколько десятков тысяч человек. Имеется точный перечень произведенных китайцами опустошений, с указанием места, времени и сопровождавших эти опустошения обстоятельств. Ввиду таких неимоверных жестокостей и притеснений со стороны китайцев Тибет ни в каком случае не может объединиться с ними в одно государство. Соответственно этому частью проведены, частью желательно провести следующие мероприятия.

1. Тибет, освободившись из-под власти маньчжурской династии, отделился от Китая и образовал самостоятельное, ни от кого не зависящее государство с правом принимать и отправлять послов в другие страны. Взамен прежних несправедливых порядков устанавливаются

новые, отвечающие благу и интересам тибетского народа. Тибет содержит армию для охраны своей безопасности, но ни на кого нападать не намерен.

2. Никакая держава не должна вмешиваться ни во внутренние, ни во внешние дела Тибета.

3. Тибет входит в дружественное соглашение с Россией и Англией. Англии и России предоставляются преимущественные перед другими права по торговле. При этом, так как ввоз английских товаров в Тибет весьма значителен и ввиду близости Индии особых затруднений не встречает, то в интересах тибетской казны эти товары будут облагаться умеренной пошлиной. Русский товар проникает в Тибет в незначительном количестве и издалека, потому будет освобожден от обложения. Другим странам также предполагается разрешить торговлю, но их товары будут облагаться пошлинами в полном размере.

4. Россия и Англия оказывают совместно помощь к тому, чтобы китайские войска не вводились в Тибет.

5. Тибетское правительство приглашает военных и других инструкторов и учителей, причём они могут быть приглашаемы или из любой страны, или только из России; этот вопрос решается совместно с русскими.

6. Тибет приобретает в России всякого рода оружие и снаряды и заключает займы.

7. Иностранцы допускаются к эксплуатации горных богатств (золото, серебро и др.), причём это право может быть предоставлено или всем державам, или одной России, или России и Англии вместе — вопрос этот решить согласно желанию России. Кому бы, однако, ни выдавались концессии на разработку горных богатств, концессионеры должны руководствоваться тибетскими государственными законами.

8. Россия и Англия имеют право открывать в Тибете отделения своих государственных

банков. Другим странам предоставляется право на открытие лишь небольших кредитных учреждений.

9. В Тибете никому не будет предоставлено никаких монопольных прав (ни в промышленной, ни в торговой, ни в какой-либо другой области).

10. В целях развития русской торговли с Тибетом необходимо принять, возможно неотлагательные, следующие меры:

а) улучшить пути сообщения через Куку-нор и обеспечить торговые караваны от нападений разбойников, озаботившись искоренением последних;

б) учредить караван-сарай для хранения товаров в Куку-норе, Цай-даме и Накчу;

в) содействовать распространению в Тибете русских и тибетских денежных знаков, открытию учреждений мелкого кредита, товариществ и т. д.;

г) командировать в Тибет для изучения местного рынка и условий торговли серьезно, хорошо подготовленного человека.

Верно: За начальника отделения Канцелярии Совета министров — Э. Шольц.

Помета, сделанная в канцелярии Совета министров: Уполномоченный Далай-Ламы Цанид Ханчен Агван Доржиев представил эту записку Председателю Совета министров В. Н. Коковцову, который 6 апреля 1913 года передал её мин[истру] ин[остранных] дел С. Д. Сазонову.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1480, л. 62—63. Копия.

№ 114

1913 г. — Содержание собственноручного письма Далай-ламы Николаю II, приложенного к Записке Агвана Доржиева Председателю Совета министров В. Н. Коковцову, которую он переслал 6 апреля 1913 г. министру

иностранных дел С. Д. Сазонову

В 1901 г. от Вашего Императорского Величества было получено мною высокомилоостивое письменное извещение о готовности Вашего Величества оказывать поддержку Тибету. С тех пор нас никогда не оставляли покровительство и дружба Вашего Величества: во время нашего пребывания в Монголии нам была пожалована военная охрана, не раз мы получили мудрые советы и указания по разным государственным делам, и было установлено русско-английское соглашение, весьма полезное для Тибета. Помимо всех этих не поддающихся оценке знаков внимания и помощи Вашего Величества нас, Далай-Ламу, и весь тибетский народ привела к несравнимому благовению и глубокой признательности нота Императорского правительства Китая по поводу событий, кои явились причиной нашего выезда в Индию. Это благородное и бескорыстное заступничество и покровительство Вашего Величества были обсуждены Высшим советом святителей, князей и сановников Тибета, и решено занести об этом в государственные анналы и установить между русским и тибетским народами нерушимое, вечное соглашение и связь.

В настоящее время хотя тибетский народ имеет великое желание обнародовать во всеобщее сведение о состоявшемся провозглашении Тибета независимым государством и об избрании нас царем Тибета, но ввиду желаний англичан, чтобы мы остались под властью Китая, и ввиду серьезных опасений, основанных на имеющихся у нас данных, возможного вторжения в наши пределы с ведома Англии китайских, бутанских или непальских войск, прежде чем мы сумеем подготовиться к вооруженному сопротивлению, что дало бы китайцам возможность вмешаться в наши дела и свести на нет все достигнутое нами

путём кровавой борьбы, — ввиду всего этого мы посылаем Цанид Ханчена Агвана Доржиева для испрошения советов и милостивого решения Вашего Императорского Величества по следующим вопросам:

1. Об установлении через Россию дружеских отношений между Тибетом и Англией и о покровительстве и признании Россией и Англией независимости Тибета.

2. О посылке дипломатических представителей России и Англии в Лхассу. Если будет найдено в силу русско-английского соглашения 1907 г. невозможным учреждение дипломатического представительства в Тибете, то не найдет ли Россия возможным путем переговоров с Англией или другими великими державами иначе урегулировать создавшееся положение вещей, которое не соответствует более духу соглашений 1907 г., и установить новые гарантии неприкосновенности и нейтралитета Тибета.

3. О продаже оружия и командировании военных инструкторов. Если же почему-либо приобретение оружия в России будет найдено недопустимым, то о разрешении провозить его через территорию и по дорогам её.

4. Об увеличении займа, заключенного в пекинском отделении Русско-азиатского банка, до 1 миллиона рублей.

5. О легализации положения нашего уполномоченного Цанид Ханчена Агвана Доржиева.

На скорое разрешение этих неотложных вопросов, на сохранение навеки непоколебимых дружеских отношений между Россией и Тибетом и на установление между ними живых торговых и экономических связей путём особого договорного соглашения уповаю, помня Вашего Императорского Величества прежние милость и покровительство.

Верно: За начальника отделения Канцелярии Совета министров — Э. Шольц.

АВПР, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1480, л. 64—65. Копия.

№ 115

1913 г. февраля 11. — Записка Агвана Доржиева министру иностранных дел С. Д. Сазонову о полном выходе Тибета из-под власти Китая с предложением правительству России активизировать тибетскую политику

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА О ПОЛОЖЕНИИ ТИБЕТА

Возвратившись из поездки в Тибет, имею честь представить Вашему Высокопревосходительству собранные мною на месте сведения. Я имел возможность непосредственно видеть, в каком положении находится страна после происшедших там роковых событий, имевших последствием изгнание китайских войск и властей. Я был также принят на английской территории Далай-Ламой. В целом ряде совещаний, устроенных по случаю моего приезда, было подвергнуто обсуждению создавшееся в Тибете положение и дальнейшие отношения страны к Китаю, России и Англии. В результате Далай-Ламой были подтверждены мне полномочия, в силу коих я уже в течение 20 лет являюсь единственным фактическим посредником в сношениях Тибета с Россией; я был снабжен письмом и подарками к его Императорскому Величеству, а также инструкциями для ведения переговоров с министром иностранных дел, с целью выяснить, окончательно ли Россия отказалась от всяких сношений с Тибетом и от прав, подтвержденных англо-русским соглашением 1907 года, или же и впредь будет в той или иной форме эти сношения и права поддерживать. Полагаю, что сведения о положении дел в Тибете не могут не представить некоторого интереса для Министерства иностранных дел, особен-

но ввиду положения, занятого Россией в Монголии. Политика Китая в отношении Монголии и Тибета развивалась в полном соответствии, потому и результаты получались одинаковые. В 1907 году Китай задался целью уничтожить в Тибете всякие следы самостоятельного управления и послал для того отряд хорошо вооруженного войска с пулеметами под начальством Джао-эр-сюня.

Войско начало свои действия в Восточном Тибете чисто китайскими способами, монастыри были разрушены, святыни поруганы, драгоценности разграблены, мирное население наполовину перебито, наполовину разбежалось. При приближении отрядов к Лхассе Далай-Лама вынужден был искать защиты у англичан в Индии. Ужасы китайской экспедиции не могли не произвести впечатление на правительства России и Англии, и со стороны их последовали, как известно, представления в Пекин о прекращении в Тибете грабежей и убийств, однако китайское правительство, очевидно весьма довольное деятельностью Джао-эр-сюня и считая его задачу в Тибете оконченной, перевело его в Монголию¹, поручив ему расправиться с монголами теми же способами, какие он применял в Тибете. К счастью для монгол, китайская революция приостановила в корне это предприятие. Несомненно, что, не случись этого, тибетские ужасы повторились бы в Монголии, в ближайшем соседстве русских пределов, и вынудили бы русское правительство, силой вещей, к вооруженному вмешательству. Между тем китайское войско в Тибете оказалось лишенным всякой поддержки из Внутреннего Китая.

Тогда тибетское население, хотя было почти лишено оружия, вступило с китайцами в продолжительную героическую борьбу, окончившуюся поражением китайцев. Остатки их заперлись в лагерь и были осаждены тибет-

цами. Во время всей этой борьбы англичане оставались немymi свидетелями и ничем фактически тибетцам не помогли. Но когда борьба окончилась в пользу тибетцев, то английская дипломатия выступила в Пекине с очень важной нотой, смысл которой состоял в том, что Англия высказывалась решительно против посылки китайских войск в Тибет и допускала присутствие китайского представителя в Лхассе лишь в качестве «советчика» по дипломатическим делам. Ответ Китая на английскую ноту последовал в минувшем декабре. В нём Китай настаивал на своём праве посылать и впредь в Тибет китайские войска. Когда я приехал в Лхассу, то она представляла собой груды развалин. Остатки китайских войск еще находились в укрепленном лагере. По приказу Далай-Ламы было запрещено избивать оставшихся китайцев, они отправлялись эшелонами на границу Индии, сдавались там местным властям, кои препровождали их через Калькутту морем в Китай. Таким образом, фактически Тибет в настоящее время совершенно вышел из-под власти Китая, и английское правительство такому положению не только сочувствует, но и оказывает весьма действительную поддержку.

Поддержка выражается главным образом в том, что правительство Индии с большой готовностью эвакуирует из Тибета всех китайцев и не пропускает туда никого. Китайским республиканским правительством был послан чиновник в сопровождении 8 харчинских лам² с поручением уговорить Далай-Ламу примкнуть к Китайской республике, но англичане арестовали его в Калькутте и отправили обратно. Что же касается правового положения, то взгляд на него английского правительства явствует из вышеупомянутой ноты и является вполне благоприятным самостоятельности Тибета. Сохраняется только тень китайского суверенитета, вероятно, из желания не задеть китайского самолюбия. Состоявший при Далай-Ламе в Дарджилинге сэр Ch. Bell имеет на Далай-Ламу и его правительство большое влияние, и можно утверждать, что без совещания с Bell'ом Далай-Лама не решится предпринять никакого более или менее важного шага во внешней политике. Еще в 1910/11 году англичане увеличили количество своих войск в Дарджилинге; там были тогда построены казармы для двух полков гуркасов³. По самым последним сведениям из китайских газет, в настоящее время строятся уже казармы и в Лхассе, хотя во время моего там пребывания постройка эта еще не начиналась.

Известие это я считаю весьма правдоподобным потому, что англичане не пропускают в Тибет оружия и, очевидно, решили взять защиту Тибета в свои руки. Понятно, что одного присутствия в Лхассе английского гарнизона будет достаточно, чтобы Китай и не подумал о посылке туда своих войск.

Что подобное утверждение английского влияния в Тибете не исключает в то же время свободы сношений с Россией — этому лучшим доказательством служит отношение англо-индийского правительства к моей лич-

ности. В прежнее время я считался тайным агентом Русского правительства, человеком, подкупленным Россией для разжигания вражды между Тибетом и Англией. За поимку меня была назначена очень высокая премия, и я едва не попал в руки индийской полиции на границе Непала. Ныне же я был принят на английской территории совершенно свободно, и даже газеты находили, что «Доржиев теперь не опасен». Ввиду этого я полагал бы, что настоящий момент является весьма благоприятным для урегулирования сношений России с Тибетом. Что сношения эти должны существовать, в этом вряд ли кто-нибудь будет сомневаться, их даже невозможно прекратить; из явных они тогда обратятся в тайные. В интересах России и Англии найти форму, в которой эти сношения могли бы осуществляться, не возбуждая подозрительности англичан; после постройки прекрасной колеиной дороги из Дарджилинга в Гян-Цзе Тибет стал легко доступен даже для обыкновенных туристов. Не может быть малейшего сомнения в том, что англичане приложат теперь усилия к развитию сношений Тибета с внешним миром, так как в этом заинтересована их торговля.

Было бы крайне обидно и даже просто ненормально, если бы в силу какого-то недоразумения доступ в Тибет оставался затрудненным лишь для одних подданных русского царя.

Старший цанид-хамбо при Его Святейшестве Далай-Ламе Тибетском

Агван Доржиев.

С.-Петербург.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1480, л. 68-69, 69а, 69б. Подлинник.

¹ Джао-эр-сюнь (Чжао Эрсюнь) был переведен на высокую чиновничью должность не в Монголию, а в Маньчжурию.

² 8 харчинских лам — ламы из Внутренней Монголии. Харчины (харачины) — одно из монгольских племен.

³ Гуркасы (гуркхи) — народность, населяющая Непал. Находились на службе в англо-индийской армии.

№ 116

1913 г. августа 19. — Доверительное письмо генерального консула в Калькутте К. Д. Набокова заместителю министра иностранных дел А. А. Нератову об обстановке в Тибете накануне открытия тройственной конференции Англии, Китая и Тибета в Симле

Я имею честь донести Императорскому послу в Лондоне телеграммой, переданной в С.-Петербург, что объявленная лордом Морлеем¹ на 20-е числа августа конференция по тибетским делам вряд ли соберется в Симле ранее сентября. Сегодня первое сентября по новому стилю, а о приезде сюда тибетского и китайского делегатов еще и помину нет. Первый находится в Гьянтце, а второй всё еще в Пекине. Здесь полагают, что на начатие переговоров в непродолжительном времени рассчитывать нельзя, принимая во внимание свойственную китайцам привычку тянуть — в особенности же теперь, при царящем на юге Китая хаосе². Кроме того, как ни скудны сведения, которыми здешний Департамент по иностранным делам делится с прессой о цели и ожидаемых результатах конференции, всё же ясно, что для Китая от переговоров с Тибетом под «эгидой» индийского правительства особых выгод не предвидится, а потому есть основание думать, что пекинское правительство не очень будет спешить с присылкой уполномоченного. Как я уже имел случай доносить Вашему Превосходительству, получение каких бы то ни было сведений о деятельности англичан в Тибете непосредственно от секретаря по иностранным делам для меня крайне трудно. Сэр Генри Мак-Магон, будучи в личных отно-

шениях со мной чрезвычайно предупредителен и любезен, не упускает, однако, случая подчеркнуть отсутствие за мной дипломатических функций, отклоняет обсуждение политических событий или начинаний индийского правительства и упорно держится принципа, что вся непосредственная о них осведомленность дается в Лондоне. О том, что делается в Тибете, я могу, таким образом, судить лишь из газет или из разговоров с людьми, не имеющими свойственного всем чиновникам здешнего иностранного департамента панического страха перед риском «выдать тайну».

Основываясь на этих данных, я смею, однако, подтвердить высказанное мной уже шесть месяцев тому назад убеждение, что индийское правительство твердо намерено извлечь возможную пользу из положения, создавшегося в Тибете после возвращения Далай-Ламы и ухода из Лхассы китайских войск под «эскортом» английских офицеров.

В Гьянтце, как известно Вашему Превосходительству, находится английский «торговый агент». При нём «эскорт», человек 125. На днях здесь был офицер, посылаемый в Гьянтце для командования этим эскортом. Он служит в полку, квартирующем в бомбейском президентстве, и прямой путь его лежал, стало быть, из Бомбея в Калькутту и оттуда в Дарджилинг. Но он получил специальное приказание прибыть в Симлу за «секретными инструкциями». Из разговоров с этим офицером мне удалось выяснить некоторые данные, не совсем сходные с теми, которые попадают в здешние газеты. Оказывается, что в Гьянтце еще находится отряд в 500 китайцев, занимающих форт; напротив этого форта на незначительном расстоянии находится небольшое укрепление, занимаемое английским отрядом. Офицеру, отправляющемуся теперь в Гьянтце, поручено, между прочим,

возведение нового форта для большей безопасности английского отряда. Ему, кроме того, по-видимому, предписано точно расследовать, сколько еще китайских войск осталось в Тибете. Отношения между Тибетом и Китаем, насколько я понимаю, озабочивают англичан в двояком отношении: с одной стороны, продолжающаяся неопределенность восточной границы Тибета и постоянные стычки на этой границе указывают на то, что китайцы не отказались от новых вторжений в Тибет с востока; с другой стороны, если на юге Тибета остались сколько-нибудь значительные китайские гарнизоны, возможно, что присутствие их вызовет активное брожение в соседних с Индией Непале и Бутане.

Трудно предвидеть, какими осложнениями теперешнее смутное положение вещей может грозить Индии, и на первый взгляд представляется несколько странным и весьма рискованным поручать одному офицеру с отрядом в 125 человек, изолированному в Гьянтце (пункт, с ноября по март отрезанный от сообщения с Индией), не только осведомительные функции, но и, до некоторой степени, роль умиротворителя между китайскими войсками и тибетцами. Мне кажется, что англичане играют опасную игру в расчете на свой престиж, если бы этот незначительный английский отряд подвергся нападению китайцев и потерпел поражение, англичанам несомненно пришлось бы снаряжать вторую, уже гораздо более значительную экспедицию.

Не зная, какой ответ был дан Императорским правительством на ноту великобританского посла в С.-Петербурге от 15/28 минувшего мая (копия этой ноты доставлена мне в литографии с последней вализой), я могу лишь на основании сделанного в палате лордом Морлеем заявления заключить, что Императорское правительство осведом-

лено об официальных намерениях Англии. Я постараюсь по мере возможности осведомлять Ваше Превосходительство о дальнейшем ходе событий, черпая сведения из случайных источников и передавая их лишь тогда, когда в подлинности их не будет сомнения.

С глубочайшим почтением и проч.

АВПРИ, ф. *Китайский стол*, оп. 491, д. 1480, л. 108—109 и об. Копия.

¹ Лорд Морлей — в правительстве Великобритании министр по делам Индии с 1905 по 1908 гг.

² Летом 1913 г. в Китае происходила «вторая революция» (антиюаньшикаевское восстание верных республике войск на юге страны).

№ 117

1913 г. сентября 18. — Депеша генерального консула в Калькутте К. Д. Набокова заместителю министра иностранных дел А. А. Нератову о содержании интервью тибетского представителя на Симлской конференции Лончен Шатры, заявившего, что он будет настаивать на признании независимости Тибета

Милостивый Государь Анатолий Анатольевич,

в здешних газетах на днях напечатана не лишённая интереса беседа специального корреспондента с Лончен Чатрой (Шатрой), тибетским уполномоченным на конференции в Симле; интервью это имело место 12 сентября (нового стиля) в Гантоке (Гартоке) хотя, по свидетельству корреспондента, Лончен по поводу конференции высказался весьма сдержанно и кое-что из сказанного им составляет тайну, всё же беседа выяснила главные пункты, на которых будет настаивать тибетский уполномоченный, а именно:

1) Признание независимости Тибета во внутренних делах и гарантия против вмешательства или вторжения Китая.

2) Окончательное определение границы.

3) Право непосредственных торговых и общественных (trade and social — последний термин не совсем ясен) сношений с англичанами без посредства китайцев и с китайцами без посредства англичан.

4) Право приглашать сведущих английских служащих для открытия промышленных предприятий (manufactures) и эксплуатации минеральных богатств Тибета.

Лончен далее рассказал корреспонденту, что, когда китайские войска уходили из Тибета, около тысячи человек остались там, приняли натурализацию (иначе говоря, вероятно, обзавелись тибетскими женами, сложили оружие и промышляют тем же, чем сами тибетцы).

«В Сиккиме, — говорит Лончен, — в прошлом году ходили слухи, что Далай-Лама приказал отрубить носы всем тибетским женщинам, вышедшим замуж за китайцев. Это, разумеется, ложь. Так как в то время мы воевали с китайцами, то существовала опасность передачи этими женщинами сведений неприятелю, и против этой опасности пришлось бороться путём угрозы страшным наказанием. Разумеется, мы вовсе не собирались приводить эту угрозу в исполнение».

Партия приверженцев Китая, по словам Лончена, перестала существовать. Никто казнён не был, но их «расселили» по отдалённым монастырям, «где им предложили предаться созерцательной жизни и стать благочестивыми ламами».

Таши-Лама вновь состоит в дружеских отношениях с Далай-Ламой и не вмешивается в политику. Относительно тибетских войск Лончен заявил, что обученных солдат имеется около 2000; китайцы оставили много оружия, но им разрешили унести затворы от ружей, заявили, что, явившись в Китай без них, были

бы казнены. Оружие и амуниция хранятся под печатями впредь до окончания конференции.

«Я думаю, — сказал Лончен, — что с небольшими отрядами китайцев мы справимся. Но если бы они собрали против нас сильное войско, мы не смогли бы противостоять им; вот мы и хотим, чтобы великобританское правительство нас от этого оградило». Лончен высказался против посылки британского резидента в Лхассу, так как в таком случае Россия захотела бы послать туда консула, и «пришлось бы служить слишком многим господам».

Тибетский уполномоченный уже прибыл в Симлу — ему отведено помещение в одной из обширных вилл, где в прошлом году жил фельдмаршал лорд Никольсон. Если китайский уполномоченный поспеет, открытие конференции предполагается 6 октября. Надо полагать, что работа будет идти очень медленно; китаец, очевидно, будет тянуть, а со стороны англичан на конференции нет переводчика, знающего оба языка — китайский и тибетский, что, понятно, сильно затянет переговоры. Мне кажется, что Лончену нетрудно будет добиться на конференции осуществления пункта 4 программы, ибо в нём, по моему мнению, вся суть, вся выгода и интерес для англичан.

С глубочайшим почтением и таковой же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой.

Набоков.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1480, л. 113—114. Подлинник.

№ 118

1913 г. октября 14. — Депеша генерального консула в Калькутте К. Д. Набокова заместителю министра иностранных дел А. А. Нератову о том, что тройственная

Симлская конференция проходит в секретной обстановке

Когда открылась конференция по тибетским делам, газеты сообщили, что переговоры будут вестись строго конфиденциально. Правительство, по-видимому, намерено буквально придерживаться в этом случае дипломатической тайны, и если и посвящает влиятельного и пользующегося исключительным доверием вице-короля здешнего корреспондента официального «Pioneer» в свои «тайные надежды, намерения и опасения», то под условием соблюдения последним упорного молчания. За отсутствием данных по существу дела газеты поэтому до сих пор сообщили лишь никому не нужные и не интересные сведения о том, что заседания происходят там-то, что делегаты представили свои полномочия, что председательствует сэр Генри Мак-Магон — словом, всё то, что и без газет всякому здесь известно, ибо само собой разумеется. До своего отъезда из Симлы я имел лишь один случай встретиться с тибетским и китайским делегатами — при обстановке, исключающей всякую возможность разговора с ними, а именно — за большим обедом, данным в их честь губернатором Пенджаба. Китаец — дипломат, прошедший 14 лет в Лондоне, свободно говорит по-английски, и если бы не желтый цвет кожи и необыкновенное уродство, его можно было бы принять за европейца¹. Тибетец носит национальный костюм, ни слова ни на каком языке, кроме родного, не говорит и не понимает и ни шагу не может ступить без своего ментора и переводчика — г. Белля, английского политического агента в Сиккиме и члена конференции.

Вице-король уехал из Симлы в день первого заседания конференции, по-видимому возложив всю ответственность за исход её на сэра Генри Мак-Магона. Мне представляется,

что переговоры будут продолжаться очень долго и что англичане опасаются обструкции со стороны китайца. Общее впечатление от отрывочных слухов, доходящих до меня, что английский уполномоченный приложит все усилия к тому, чтобы добиться от тибетского делегата согласия на те пункты, в которых Англия заинтересована, а уж затем постарается (или сделает вид, что постарается) уладить те вопросы, по которым неизбежны разногласия между его желтолицыми коллегами.

Руководствуясь секретной телеграммой ко мне с[татского] с[оветника] Козакова², сообщавшего об отказе Лондонского Кабинета осведомлять Императорское правительство через меня о ходе конференции, я не считал возможным испросить, как в прошлом году, разрешения на продление срока моего пребывания в Симле и завтра выезжаю в Калькутту.

Смею думать, что Вашему Превосходительству угодно будет одобрить мое убеждение, что при данных условиях — при явно и резко выраженном нежелании вице-королевского правительства посвящать меня в ход переговоров — дальнейшее пребывание в Симле могло бы лишь быть истолковано в смысле моего стремления окольными путями добыть сведения. Я полагаю, что, оставаясь здесь, я таким образом лишь отступил бы без нужды от принятого мной с самого начала положения, с достоинством которого несовместимы какие бы то ни было «окольные пути».

С глубочайшим почтением и проч. (...)

(подп.) Набоков.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1480, л. 116. Подлинник.

¹ Китайскую Республику на Симлской конференции представлял Чэнь Ифань.

² Г. А. Козаков — директор Дальневосточного департамента МИД России.

№ 119

1914 г. марта 7. — Делегация генерального консула в Калькутте К. Д. Набокова заместителю министра иностранных дел А. А. Наратову с мнением, что Симвлская конференция затеяна англичанами с целью развязать себе руки в Тибете

Так как индийское правительство сочло нужным «для предотвращения интриг и ложных слухов, препятствующих успешному ходу переговоров» закрыть индо-тибетскую границу для англичан, китайцев и иностранцев на время конференции по тибетским делам, естественно, что в печать не проникает почти никаких сведений о том, что делается в Тибете. Скудные данные, появляющиеся в газетах, исходят, таким образом, исключительно из тибетских источников — от купцов, из которых в зимнее время только немногие рискуют переходить через Гималаи, и из писем частных лиц. При этом, разумеется, здесь умеют придавать этим известиям такую окраску, которая наиболее соответствует видам англичан. За последние дни упорное молчание нарушено. «Письма из Лхассы», неизвестно от кого исходящие, рисуют картину довольно безотрадную и создают впечатление, что в Лхассе царит чуть ли не паника, что Далай-Лама и его советник¹ потеряли голову и что столице грозит опасность со всех сторон.

Рассказывают, что в Восточном Тибете происходят кровопролитные столкновения с китайскими войсками, наступающими с востока по четырем различным путям в количестве четырех дивизий. Возобновлению военных действий между Китаем и Тибетом дается следующее объяснение: когда после открытия конференции наступило перемирие, между китайскими офицерами и тибетцами установились дружеские отношения, и они стали

друг друга «угощать». И вот во время одного из таких «пиров», на который были тибетцами позваны китайцы, хозяева внезапно напали на своих гостей и всех их перерезали. Китайские офицеры, оставшиеся в своем лагере, узнали об этом, телеграфировали в Пекин, и китайское правительство решило немедленно принять репрессивные меры. Карательная экспедиция в количестве двух тысяч человек будто бы напала на тибетцев, нанесла им жестокое поражение и теперь двинулась в Лхассу. Опасность грозит Тибету и на непальской границе, так как Дурбар² Непала намерен будто бы силою добиться уплаты вознаграждения за убытки, причиненные непальским купцам во время прошлогодних междоусобиц в Лхассе, — и на границу уже посланы непальские войска.

Вместе с тем в самой Лхассе царит полная анархия. Между двумя главными монастырями — Дрепонгом и Серою — идет сильная распря не только на почве взаимных подозрений в симпатиях к китайцам, но и потому, что монахи окончательно деморализованы, отдаются пьянству, разврату и грабежам. Все эти бедствия якобы написаны в книге судеб Тибета на 1914 год, и никакая тибетская власть не способна предотвратить их или положить им конец.

Конференция в Дели³ между тем медленно жуёт свою жвачку и, по-видимому, мало подвигается вперед. Будучи совершенно отрезан от каких бы то ни было сношений с индийским правительством, я не знаю, как долго она еще продлится. Сначала предполагалось, что к апрелю дело будет окончено. Но теперь, по-видимому, — насколько я мог судить из слов случайного собеседника — решено взять китайца и тибетца «измором», т. е. держать в Дели (где в апреле уже неистовая жара), пока они что-нибудь не подпишут.

Быть может, я ошибаюсь, но мне представляется, что вся эта дипломатическая канитель предпринята с исключительной целью развязать руки англичанам в Тибете. Чего бы китаец и тибетец в Дели ни подписали, какими бы «полномочиями» ни обладали и каких бы торжественных печатей к договору ни прилагали, ясно, что ни мифическое тибетское, ни малонадежное, когда дело идет о верности договорам, китайское правительство не будут соблюдать никаких договорных статей, для них не выгодных, не будучи принуждены к этому силою. Иными словами, англичане через некоторое время почтут себя вынужденными принимать «зависящие меры» для охраны международных соглашений, нарушаемых Тибетом, — а им только этого и нужно. Чем мутнее будет вода, тем крупнее рыба, которую англичане будут в ней ловить; и я нисколько не удивлюсь, когда через год или два в Лхассе водворится резидент «с подобающим эскортом», если только англичане придут к убеждению, что игра стоит свеч.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1481, л. 28—29 и об., 30. Копия.

¹ Советник — Агван Доржиев.

² Дурбар — здесь: совет знати и высших чиновников.

³ Последние заседания Тройственной конференции проходили не в Симле, а в Дели.

№ 120

1914 г. апреля 27. — Проект трехсторонней конвенции, парафированный на Симльской конференции представителями Англии, Тибета и Китая

(Текст, парафированный уполномоченными 27 апреля 1914 г.)

Его Величество король, китайский президент и Далай-Лама, побуждаемые искренним желанием урегулировать взаимным соглаше-

нием различные вопросы, затрагивающие интересы их государств, а также урегулировать на будущее время взаимоотношения своих правительств, назначили своих уполномоченных... которые, явившись... согласились на нижеследующем.

Статья 1. Конвенция, подробное название которой указано в приложении к настоящей конвенции, сохраняет свою обязательную силу для высоких договаривающихся сторон, поскольку она не изменена, находится в соответствии и не противоречит какому-либо положению, предусмотренному настоящей конвенцией.

Статья 2. Правительства Великобритании и Китая, признавая сюзеренитет Китая над Тибетом и автономию Внешнего Тибета, обязуются уважать территориальную неприкосновенность этой страны и воздерживаться от вмешательства в управление Внешнего Тибета (включая выборы и возведение в сан Далай-Ламы), которое должно остаться в руках тибетского правительства в Лхассе.

Правительство Китая обязуется не обращать Тибета в китайскую провинцию. Правительство Великобритании обязуется не аннексировать Тибета или какой-либо части его.

Статья 3. Признавая особую заинтересованность Великобритании, в связи с географическим расположением Тибета, в существовании сильного тибетского правительства и в сохранении мира и порядка вблизи границ Индии и примыкающих государств, китайское правительство обязуется, за изъятием, предусмотренным ст. 4 настоящей конвенции, не посылать войск во Внешний Тибет, не посылать гражданских или военных должностных лиц и не создавать китайских поселений в этой стране. Если какие-либо военные отряды или должностные лица окажутся во Внешнем Тибете ко дню подписания настоящего согла-

шения, то они должны быть отозваны в течение срока, не превышающего трех месяцев.

Правительство Великобритании обязуется не посылать в Тибет военных или гражданских должностных лиц (за исключением конвоя агента) и не создавать поселений в этой стране.

Статья 4. Предшествующая статья не предполагает прекращения действия соглашения, согласно которому до сих пор высокое китайское должностное лицо с соответствующим конвоем проживало в Лхассе, но настоящим предусматривается, что указанный конвой ни при каких обстоятельствах не должен превышать 300 человек.

Статья 5. Правительства Китая и Тибета обязуются не вступать в сношения или соглашения друг с другом или с другими державами по поводу Тибета, за исключением сношений и соглашений между Великобританией и Тибетом, предусмотренных конвенцией от 17 сентября 1904 г., и между Великобританией и Тибетом, предусмотренных конвенцией от 27 апреля 1906 г.

Статья 6. Статья III Англо-китайской конвенции 1906 г. настоящим отменяется, и подразумевается, что в статье IX (d) Англо-тибетской конвенции 1904 г. выражение «иностранная держава» не относится к Китаю.

Торговле с Великобританией должно быть обеспечено не меньшее благоприятствование, чем торговле с Китаем или с наиболее благоприятствуемой нацией.

Статья 7.

а) Правила регулирования торговли 1893 г. и 1908 г. настоящим отменяются.

б) Тибетское правительство обязуется работать совместно с британским правительством новые правила регулирования торговли для Внешнего Тибета, чтобы выполнить без промедления статьи II, IV и V конвенции 1904 г., при обязательном условии, что эти

правила ни в чём не изменят настоящий договор, за исключением, предусмотренным в отношении китайского правительства.

Статья 8. Британский агент, резиденция которого находится в Джиантсе, может посещать Лхассу со своим конвоем, когда представляется необходимость совещаться с тибетским правительством по вопросам, возникающим из конвенции от 17 сентября 1904 г. между Великобританией и Тибетом, которые нельзя будет уладить в Джиантсе посредством переписки или иным путем.

Статья 9. Для целей настоящей конвенции границы Тибета и пограничная линия между Внешним и Внутренним Тибетом должны быть соответственно изображены красным и голубым на приложенной к настоящей конвенции карте.

Ни одно положение настоящей конвенции не должно быть истолковано в смысле ограничения прав, которые принадлежат тибетскому правительству во Внутреннем Тибете и охватывают право выбора и назначения высших священнослужителей в монастырях и полный контроль во всех делах, связанных с религиозными установлениями.

Статья 10. В случае возникновения разногласий между правительствами Китая и Тибета в связи с настоящей конвенцией упомянутые правительства обязуются обращаться к британскому правительству за справедливым их разрешением.

Статья 11. (Статья, регулирующая порядок ратификации)¹.

Приложения

1. Конвенция между Великобританией и Китаем по поводу Сиккима и Тибета, подписанная в Калькутте 17 марта 1890 г.

2. Конвенция между Великобританией и Тибетом, подписанная в Лхассе 17 сентября 1904 г.

3. Конвенция между Соединенным Королевством и Китаем по поводу Тибета, подписанная в Пекине 27 апреля 1906 г.

Ноты

Обмен нотами установил следующие положения:

1) Высокие договаривающиеся стороны условились, что Тибет составляет часть китайской территории.

2) После выборов и возведения в сан Далай-Ламы, производимых тибетским правительством, Далай-Лама доводит о возведении его в сан до сведения китайского правительства, представители которого в Лхассе формально сообщают Его Святейшеству титулы, соответствующие его сану, пожалованные ему китайским правительством.

3) Установлено также, что выборы и назначение всех чиновников во Внешнем Тибете относятся к компетенции тибетского правительства.

4) Внешний Тибет не должен быть представлен в китайском парламенте или другом подобном учреждении.

5) Установлено, что конвой, состоящий при британском торговом агентстве в Тибете, не должен превышать 75% конвоя китайского представителя в Лхассе.

6) Правительство Китая настоящим освобождается от обязательств, предусмотренных статьей III конвенции 1890 г. между Великобританией и Китаем, о предупреждении агрессивных действий со стороны Тибета на границе Тибет — Сикким.

7) Китайскому высокому должностному лицу, упомянутому в статье IV, предоставляется право въезда в Тибет немедленно по выполнении условий статьи III, засвидетельствованном тремя лицами, уполномоченными подписать настоящую конвенцию, которые обязаны без промедления расследовать этот вопрос и доложить.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. Серия 3, т. 2. М.—Л., 1939, с. 506—509. Оригинал документа на английском языке хранится в АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 1481, л. 84—85 и об.

¹ Этот проект конвенции был передан С. Д. Сазонову послом Великобритании в Петербурге Дж. Бьюкененом 8 мая 1914 г. Сазонов предложил вычеркнуть из проекта статью 10 и изменить содержание статей 6 и 8 по договоренности с Министерством иностранных дел России. Статья 10 фактически ставила Тибет в зависимость от Великобритании.

№ 121

1914 г. мая 10. — Памятная записка посольства Великобритании в Петербурге министру иностранных дел России С. Д. Сазонову о согласии министра иностранных дел Великобритании Э. Грея изменить статьи 6 и 8 и вычеркнуть статью 10 из проекта трехсторонней конвенции, парафированной уполномоченными Англии, Тибета и Китая 27 апреля 1914 г. на Симлской конференции, и его заверении, что Англо-русское соглашение 1907 г. о Тибете будет оставаться в полной силе

Различные вопросы, поднятые г. Сазоновым в его недавнем разговоре с сэром Джорджем Бьюкененом относительно Трехсторонней конвенции между Великобританией, Китаем и Тибетом, были подвергнуты тщательному рассмотрению со стороны сэра Эдуарда Грея и статс-секретаря по делам Индии. Сэр Эдуард Грей просит передать г. Сазонову свою большую благодарность за дружеский и примирительный дух, в котором он обсуждал вопрос. Однако ответ не может быть немедленно сообщен Императорскому правительству вследствие необходимости снестись по этому вопросу с правительством Индии; с другой стороны, отсрочка на несколько недель подписания Трехсторонней конвенции сопро-

вождалась бы риском нового возникновения затруднений между Китаем и Тибетом, что представляет такое серьезное соображение, которое делает почти невозможным отсрочку подписания.

Вследствие этого сэр Эдуард Грей предлагает принять следующий порядок.

Статья 10 вычеркивается и заменяется статьей, объявляющей, что английский текст является обязательным.

Что касается статьей 6 и 8, то правительство Его Величества готово обратиться к Императорскому правительству с официальным сообщением о том, что до достижения соглашения с Императорским правительством оно не воспользуется положениями, заключающимися в вышеупомянутых статьях. В случае если Трехсторонняя конвенция будет опубликована, то правительство Его Величества готово одновременно опубликовать и это официальное сообщение.

До достижения соглашения с Императорским правительством относительно вышеупомянутых пунктов правительство Его Величества не будет требовать никаких секретных обязательств, вроде предложенных г. Сазоновым. Правительство Его Величества будет в соответствии с вышеизложенными условиями толковать конвенцию 1907 г. как обладающую полной и связывающей силой.

Вследствие этого, принимая во внимание то обстоятельство, что права российского правительства будут полностью соблюдены и что впредь до достижения полного соглашения между двумя правительствами ни одна часть Трехсторонней конвенции, которая каким-либо образом противоречит конвенции 1907 г., не будет введена в действие, сэр Эдуард Грей рассчитывает, что г. Сазонов не будет возражать против подписания правительством Его Величества указанного документа.

В итоге правительство Его Величества получает благодаря Трехсторонней конвенции согласие Китая и Тибета на соискание концессий в Тибете и на отправку британского торгового агента из Джантси в Лхассу. Оно, однако, признает, что по соглашению 1907 г. необходимо также согласие России, и до получения этого согласия правительство Его Величества обязуется не пользоваться этими преимуществами.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. Серия 3, т. 3. М.—Л., 1939, с. 84—85. Оригинал документа на английском языке хранится в АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1481, л. 96—98 и об.

№ 122

1914 г. июля 3. — Секретная телеграмма российского поверенного в делах в Пекине В. В. Граве министру иностранных дел С. Д. Сазонову о заверении китайского правительства в том, что у него нет никаких агрессивных замыслов в отношении Тибета

Министр иностранных дел [Китая] через своего секретаря просит меня передать Вашему Высокопревосходительству, что китайское правительство, ознакомившись с речью сэра Эдуарда Грея, обвиняющей его в агрессивных замыслах в Тибете, считает долгом заверить Императорское правительство в отсутствии таковых. Переговоры прекращены вследствие чрезмерных требований тибетцев, поддерживаемых англичанами в вопросе о местности Чамдо, уступка коей считается китайцами невозможной с точки зрения национального достоинства¹. Китайский посланник должен сделать Вашему Высокопревосходительству аналогичное заявление.

Секретарь доверительно мне сообщил, что парафирование китайским делегатом соглашения было вызвано угрозами англичан

устранить китайцев от участия в переговорах и договориться непосредственно с тибетцами.

(подп.) Граве.

АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1481, л. 112. Подлинник.

¹ 3 июля 1914 г. закончилась Симлская конференция. На последнем её заседании представитель Китая Чэнь Ифан не присутствовал. Китайское правительство было не согласно с линией границы между Внутренним и Внешним Тибетом на участке в районе Чамдо, предложенной на конференции представителем Великобритании А. Г. Мак-Магоном.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Терминологический словарь

Амбань — резидент Цинского двора в Тибете с правом верховной власти над правительством Далай-ламы.

Бодисатва (Бодхисатва) — в буддизме махаяны идеальное существо, которое выступает как наставник и образец для других людей. В представлении секты Гэлугпа, Далай-лама является воплощением одного из Бодисатв.

Бурхан — скульптурное изображение Будды.

Геген — высший сан в монгольской ламаистской церкви.

Далай-лама — титул главы ламаистской церкви в Тибете и всех ламаистов мира.

Дань — китайская мера веса, равная 59,68 кг.

Дацан — ламаистский монастырь.

Донир — управляющий, секретарь канцелярии в ламаистском монастыре.

Дурбар — съезд князей в колониальной Индии; резиденция правителя.

Зайсан — у монголов, бурят и калмыков командир военного подразделения.

Калон (ка-лун, калун) — министр в тибетском правительстве.

Лан (лян, лянь) — китайская денежная единица, равная 37,3 г серебра.

Лхарамба — высшее ученое звание ламаистского духовенства.

Хамбо(хамба)-лама — одно из высших званий в ламаистской иерархии, настоятель монастыря в Монголии, Бурятии.

Ходак (хадак) — широкая лента из белого или голубого шелка, преподносимая в знак уважения.

Хубилхан (хубилган) — перевоплощенец.

Хуварак — буддийский монах.

Хутухта — один из высших санов в ламаистской иерархии.

Цанит — раздел буддийской философии.

Цанит-хамбо (цаннид-хамбо, цан-таб-ханбо) — духовный наставник высших лам.

Цзандан — сандаловое дерево.

Цзянцзюнь — командующий войсками в Китае.

А. Киселева

КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ИМ. ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ В МОСКВЕ

После феноменального успеха Фестиваля индийской культуры в СССР/ России 1988 года и празднования столетия со дня рождения первого Премьер-министра Индии Джавахарлала Неру в составе Посольства Индии в Москве в марте 1989 года был открыт Культурный центр им. Джавахарлала Неру – с целью дальнейшего укрепления традиционно богатых культурных связей и единства народов России и Индии.

В Культурном центре им. Джавахарлала Неру специалисты из Индии на регулярной основе преподают россиянам язык хинди, классический танец «Катхак», йогу и игру на табла. Преподаватели Культурного центра также дают мастер-классы и проводят семинары в различных российских университетах, институтах и школах. Студенты Культурного центра постоянно принимают участие в различных мероприятиях, проводимых самим Культурным центром и местными культурными организациями. Преподаватели Культурного центра проводят занятия по танцу в стиле «бхаратанатьям», «кучипуди», «мохиниаттам», «одисси», индийским народным танцам, а также занятия по боевому искусству калари-паятту.

В рамках своей информационной кампании Культурный центр им. Джавахарлала Неру сотрудничает с ассоциациями индийского сообщества в Москве и более чем 50 местными частными культурными центрами Индии и школами танцев в России. Культурный центр им. Джавахарлала Неру регулярно организует выступления творческих коллективов, спонсируемых Индийским советом по культурным связям (ICCR), а также российских артистов, обучавшихся в Индии.

Культурный центр осуществляет сотрудничество в сфере науки с ведущими российскими университетами, включая Институт философии РАН, в котором работает кафедра индийской философии имени Махатмы Ганди, и Российским государственным гуманитарным университетом, где есть кафедра современных индийских исследований. Культурный центр также информирует российских граждан о возможностях изучения гуманитарных наук и языков в Индии по стипендиальным программам Индийского совета по культурным связям или на основе самофинансирования.

Т. А. Шаумян,
*руководитель Центра индийских
исследований Института
востоковедения Российской
академии наук*

ЦЕНТР ИНДИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИВРАН СЕГОДНЯ

Институт востоковедения РАН — один из крупнейших научных гуманитарных центров страны — был основан в 1818 г., и индология всегда занимала одно из ведущих мест в его исследовательской деятельности. Учителями сегодняшнего поколения индологов были такие выдающиеся ученые, сотрудники отдела Индии ИВРАН, как И. М. Рейснер, А. М. Дьяков, В. В. Балабушевич, С. М. Мельман, Н. М. Гольдберг, К. А. Антонова, А. И. Левковский, А. И. Чичеров, Л. И. Рейснер, И. Д. Серебряков, А. Д. Литман, К. З. Ашрафян, Г. Г. Котовский. В 1987 г. отдел Индии и Южной Азии ИВРАН был реорганизован в Центр индийских исследований, который возглавил А. А. Куценков, известный своими работами по социально-политическим проблемам и кастовой системе Индии.

Ситуация с начала 90-х гг. XX в. была сложной как для всей нашей страны, так и для развития индологической науки. К сожалению, в силу объективных причин контакты с индийскими учеными были ограничены, мы чувствовали нехватку информации,

литературы, периодических изданий. За последние годы ушли из жизни А. И. Чичеров, К. З. Ашрафян, Б. И. Ключев, Л. В. Митрохин, Г. Г. Котовский, Г. К. Широков и др. Сейчас ситуация меняется в лучшую сторону, и огромную поддержку оказывает нам индийская сторона. Так, в присутствии премьер-министра Индии А. Б. Ваджпай в ноябре 2001 г. в Санкт-Петербурге Посол Индии в РФ К. Рагхунатх и Р. Б. Рыбаков — индолог, сочетающий свою научную работу с отечественной должностью директора Института востоковедения, — подписали Меморандум о развитии индологических исследований в

России и поддержке их посольством Индии в Москве.

В настоящее время непосредственно в Центре индийских исследований работают 20 научных сотрудников, которые разделены на два сектора: истории и культуры и современных социально-политических и экономических проблем. Кроме того, индологические исследования ведутся и в других подразделениях института — отделе литературы, отделе языков, отделе общетеоретических проблем, отделе истории и др. Институт востоковедения — исследовательский институт, традиционно готовивший лишь аспирантов. Сегодня при институте существует Восточный университет, который готовит специалистов по различным областям востоковедения: там преподают многие наши известные индологи.

Кроме Восточного университета, сотрудники центра преподают в ИСАА при МГУ, на историческом факультете и факультете мировой политики МГУ, в МГИМО, институте практического востоковедения, Российском государственном гуманитарном университете и других вузах. Основным учебным центром по обучению востоковедов в Москве остается Институт стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ, который готовит как научных работников, так и практиков (переводчиков, референтов, экспертов и других специалистов в области истории, экономики, религии, политики, культуры Индии). Мы активно сотрудничаем с коллегами из ИСАА, а также с индологами, которые работают в Российском государственном гуманитарном университете, Институте философии, Институте мировой литературы, этнологии и антропологии, Институте географии РАН. Предметом особой гордости для всех нас стало при-

суждение нашим коллегам государственных наград различных стран: так, индийского ордена Лотоса были удостоены Е. П. Челышев, Т. Я. Елизаренкова, Г. М. Бонгард-Левин; пакистанским орденом «Звезда отличия» — Л. А. Васильева.

В течение последних пяти лет сотрудники Центра индийских исследований ИВРАН продолжают исследования исторических, культурных, социально-экономических, политических проблем Индии и ряда соседних стран Южной Азии. Мы также стремимся сделать достоянием российских государственных органов и общественности позитивный и негативный опыт Индии в решении таких современных проблем, как осуществление экономических проблем, развитие демократии и федерализма, противостояние сепаратизму и терроризму, а это представляет немалый научный и практический интерес для нашей страны. За последнее пятилетие сотрудниками ЦИИ было опубликовано в России более 10 индивидуальных и коллективных монографий, 14 сборников научных статей; более 300 статей увидели свет в российских научных журналах и сборниках. В Индии и США вышли 3 индивидуальные монографии, 2 сборника статей, десятки статей в иностранных научных журналах и сборниках.

В Кабинете индологии, образованном при поддержке дирекции института и посольства Индии в РФ, была создана библиотека изданий по индологии, а также находятся архивные материалы по российско-индийским отношениям. В кабинете собраны библиотеки крупных ученых, родственники которых передали в ЦИИ собранные ими книги. Специальное внимание уделено крупным индологам прошлого, представлены их пор-

треты, издания их работ и др. Материалами Кабинета индологии пользуются сотрудники ЦИИ, других подразделений ИВ РАН и других научных центров.

Мы продолжаем исследование наследия Рерихов с использованием уникальных архивных материалов, хранящихся как в Научном кабинете Ю. Н. Рериха, так и в различных библиотеках и архивах, проводим ежегодные международные конференции «Рериховские чтения», в которых принимают участие сотрудники Института востоковедения. ИСАА при МГУ, научных центров Санкт-Петербурга, Улан-Уде и др.

Помимо Москвы и Санкт-Петербурга, индийские исследования ведутся в ряде провинциальных российских городов, например в Липецке, Рязани, Томске, Пензе, Самаре, Казани, Уфе и Улан-Уде. О том, что в этих, в также ряде других регионов России исследования Индии постепенно расширяются, свидетельствуют 16 семинаров, проведенных в течение 2000—2002 гг. совместно Институтом востоковедения РАН и Посольством Индии в РФ на базе региональных университетов, институтов и других исследовательских центров. По материалам региональных семинаров опубликованы брошюры под общим заголовком «Россия — Индия: перспективы регионального сотрудничества», которые могут служить еще одним подтверждением того, что интерес к исследованию самых различных аспектов истории, экономики, культуры, философии, современного положения Индии сохраняется и расширяется не только в научных центрах Москвы и Петербурга, но во многих регионах России.

Центр индийских исследований играет ведущую роль в функционировании Российско-индийской комиссии по сотрудничеству

в области общественных наук. Лауреат премии им. Дж. Неру, сотрудник центра Г. Г. Котовский в течение почти трех десятилетий и до последних минут своей жизни фактически координировал деятельность российской части комиссии. Ее российская часть возглавлялась академиками Б. Г. Гафуровым и Е. М. Примаковым. В настоящее время ее руководителем является директор Института востоковедения РАН Р. Б. Рыбаков, почетным председателем — известный ученый и общественный деятель, автор многочисленных исследований по литературе и культуре Индии Е. П. Челышев. Активное участие в деятельности комиссии принимают академики В. С. Мясников и Г. М. Бонгард-Левин, автор многих книг по истории и культуре Индии, имя и труды которого широко известны в Индии и других странах.

В рамках комиссии организуются научные командировки в Индию российских индологов; Центр индийских исследований регулярно принимает ученых из Индии, прибывающих в рамках научного обмена, организует их научную программу, заслушивает на заседаниях их научные доклады. Центр является ведущей организацией в разработке современного российско-индийского научного проекта «План и рынок» («Государственное регулирование и рыночные силы в переходной экономике»), осуществление которого началось еще в 1992 году в рамках Программы российско-индийского научного сотрудничества между Российской Академией наук и Индийским советом по общественным наукам.

Международная деятельность Центра индийских исследований не ограничивается рамками комиссии. Сотрудники ЦИИ, другие индологи ИВРАН активно участвуют в меж-

дународных научных проектах, посвященных изучению фундаментальных исторических, социально-экономических, культурных и политических проблем Индии и всего Азиатского континента, на международных конференциях и симпозиумах в Индии, США, Швеции, Великобритании, Швейцарии, Китае, Пакистане и других странах. Регулярно на плановой основе проводятся семинары и встречи с участием индийских ученых, политиков и дипломатов, видных индийских государственных, общественно-политических деятелей: президентом Индии Абул Каламом, бывшим премьер-министром Манмохан Сингхом, с министрами иностранных дел, обороны, людских ресурсов, парламентариями Индии, послами Индии и других стран Южной Азии в России, политиками из Непала и Бангладеш.

Сотрудники центра принимают участие в подготовке специальных материалов для государственных и правительственных органов, включая Совет Федерации, Государственную Думу, Совет безопасности; активно сотрудничают с печатными и электронными СМИ, стремясь донести до российской общественности правдивую информацию об Индии и российско-индийских отношениях. После публикации и распространения в научных учреждениях и государственных структурах справочно-аналитического издания «Индия сегодня» (2005) Центр индийских исследований приступил к подготовке «Энциклопедии Индии», которую предполагается издать в пяти томах. Работа над этим фундаментальным проектом немыслима без сотрудничества с нашими коллегами индологами, на которое мы всегда рассчитываем и к которому стремимся.

ИНДИЯ ГЛАЗАМИ РОССИЯН

ПОСОЛЬСТВО ИНДИИ В РОССИИ

Господин Панкадж Саран
Посол

Посольство Индии в Москве

Главное здание посольства

(г. Москва, Воронцово Поле, д. 6-8)

Консульство и Коммерческий отдел (г. Москва, Воронцово поле, д. 4)

Информационный отдел, Библиотека, Научный и Технологический отдел, Культурный центр.

(г. Москва, Воронцово поле, д. 9)

Телефон: (7495)-783-7535 (многоканальный)

Факс: (7495)-916-3632; 917-2285

Вебсайт: www.indianembassy.ru

Рабочее время: понедельник — пятница 9.30 А.М — 6.00 Р.М

выходные: суббота и воскресенье.

ПРИЕМНЫЕ ДНИ И ЧАСЫ ДЛЯ ИНДИЙСКИХ ГРАЖДАН, ПРЕБЫВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ РФ

1. Для решения проблем, стоящих перед членами индийской общины в России, посольство Индии в Москве работает по системе «обращения по требованию». В соответствии с этой процедурой любое лицо, имеющее проблему, которая требует немедленного внимания, может встретиться с соответствующим сотрудником посольства в рабочие часы посольства.

Для решения вопросов о социальном обеспечении, консульских и образовательных вопросов:

Анджали Пандей, министр (образование и социальное обеспечение)

Тел.: 8-495-917 1436

Email: cedu@indianembassy.ru

Для решения консульских вопросов:

Сидхартха Шашни, Первый секретарь (Консульство)

Тел.: 8-495-916 2353

Email: fscons@indianembassy.ru

Для решения экономических и инвестиционных вопросов:

Амит С. Теланг, Первый секретарь (экономика и коммерция)

Тел.: 8-495-783 7534

Email: ccom@indianembassy.ru

Для решения таможенных и торговых вопросов:

Санджей Махендру, Первый секретарь (торговля)

Тел.: 8-495-917 1752

Email: fstrade@indianembassy.ru

Система «обращений по требованию» будет продолжать функционировать.

2. Помимо этого, посол Индии в Российской Федерации либо заместитель начальника Миссии будут доступны для приема в «Дни открытых дверей»: каждую среду с 16.30 до 17.30. Любой человек, желающий обратиться с ходатайством или нерешенным вопросом, может приехать в главное здание Посольства Индии в Москве (Воронцово Поле, 6–8) каждую среду в указанные часы. В случае если Посольство не работает в среду из-за официального праздника, то «День открытых дверей» переносится на следующий после праздника рабочий день.

3. Кроме того, в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, требующих срочного вмешательства Посольства, приходящихся на выходные или праздники, пожалуйста, свяжитесь с ассистентом консульства Четаном Анандом (Shri Chetan Anand) по тел.: 8 926 808 4929, который далее сориентирует вас.

Со всеми вопросами можно обращаться по электронной почте, email: fscons@indianembassy.ru or orsscons@indianembassy.ru.

КОММЕРЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Коммерческий представитель ответственен за экономическое и коммерческое сотрудничество между Индией и Российской Федерацией. Офис Коммерческого представителя упрощает контакт с различными индийскими правительственными министерствами и отделами, а также предоставляет информацию о торговле индийских и российских компаний, организует бизнес-встречи, такие как семинар, «круглый стол» и т. д.

Офис Коммерческого представителя работает под наблюдением Посла и Заместителя начальника Миссии и является частью Экономического и Коммерческого Отдела Посольства Индии в Москве.

Нынешние коммерческие представители:

Мистер К. Д. Девал — Первый коммерческий секретарь

Тел. +7 (495) 545 3524; e-mail: hoc.moscow@mea.gov.in

Мистер Лакшмикант Кумбар — Второй коммерческий секретарь

Тел. +7 (495) 917 1506; e-mail: com1.moscow@mea.gov.in

КОНСУЛЬСКИЕ УСЛУГИ

Получение визы

Переоформление паспорта

Получение PIO-карты (Persons of Indian Origin) или OCI-карты (Overseas Citizens of India);

Аттестация коммерческих документов

Аттестация документов об образовании;

Иностранное гражданство Индии.

А также получение информации об:

индийской общине в России;

обучении в России;

документальной съемке в Индии

ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО ИНДИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Адрес: 191123, г. Санкт-Петербург, ул. Рылеева, 35

Телефон: +7 (812) 640-72-22

Факс: +7 (812) 640-72-21

E-Mail: consul@indianconsulate.ru

Часы работы:

понедельник — пятница, с 09.30 до 18.00.

Прием и выдача документов — с 9.30 до 12.30.

Консульские округа

Республики: Карелия, Коми

Области: Архангельская, Вологодская, Ленинградская, Мурманская, Псковская, Новгородская.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО ИНДИИ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Адрес: 690003, г. Владивосток, ул. Верхнепортовая, 46

Телефон: +7 (4232) 413-920, 413-933

Факс: +7 (4232) 413-956

E-Mail: cg.vladi@mea.gov.in

Часы работы:

понедельник — пятница, прием и выдача документов с 9.30 до 18.00.

Консульские округа

Республики: Бурятия, Саха (Якутия)

Края: Приморский, Хабаровский. Области: Амурская, Иркутская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская, Читинская, Еврейская автономная

Округа: Агинский, Бурятский, Корякский, Усть-Ордынский Бурятский, Чукотский.

ВИЗОВЫЙ ЦЕНТР ИНДИИ В МОСКВЕ

Адрес: 119019, г. Москва, Новый Арбат, д. 2, офис 412

Телефон: +7 (499) 500-5529 (понедельник — пятница, с 10.00 до 17.00)

Факс: +7 (499) 500-5529

E-Mail: info.ru@blsinternational.net

Часы работы:

с понедельника по пятницу, с 10.00 до 17.00.

Прием ведется только по предварительной записи на сайте ВЦ.

ВИЗОВЫЙ ЦЕНТР ИНДИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Адрес: 191024, Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 22, офис 30, 3-й этаж,

Телефон: +7 (812) 313-11-63 (с понедельника по пятницу, с 10.00 до 17.00)

E-Mail: spb@blsinternational.net

Часы работы:

с понедельника по пятницу, с 10.00 до 17.00

Прием ведется только по предварительной записи на сайте ВЦ.

Борис БАЛАЯН,

автор и руководитель издательского проекта «Всемирная серия. Народы и времена»,
председатель Крымского союза журналистов этнических средств массовой информации

Boris BALAYAN

Author and leader of the publisher's project
Global series: Nations and times;
Chairman of Crimean journalists's union of ethnic mass media

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Идея создания книги возникла осенью 2015 года во время проведения I Алуштинского этно-литературного фестиваля «Народы и времена». Ее соавтором является доктор Аджай Пракаш Йедавелли, много сделавший для ее издания. В рамках проекта это первое издание, которое посвящено народу, представляющему дальнее зарубежье. В то же время, принадлежность России и Индии к индоевропейской цивилизации демонстрирует их близость на протяжении многих веков на пути становления своей государственности. Сегодня Россия и Индия являются стратегическими партнерами и разделяют общие гуманитарные ценности. Важным фактором добрососедства является членство обеих стран в БРИКС. Взаимопонимание, которое существует между государствами, является хорошей основой для построения этих отношений и в будущем. Именно об этом рассказано в книге. Выражаю сердечную благодарность за сотрудничество

CLOSING REMARKS

The idea of creation of the book has arisen in autumn, 2015 during the I Alushtinsky ethno-literary festival «Nations and Times». The coauthor is the doctor Adzhay Prakash Yedavelli, who made a lot for the edition. Within the project this is the first edition which is devoted to the nations, representing foreign countries. At the same time, the ownership of Russia and India to an Indo-European civilization shows their proximity throughout many centuries on the way of formation of the statehood. Today Russia and India are the strategic partners and have general humanitarian values. An important factor of neighborliness is the membership of both countries in BRICS. Mutual understanding which exists between the countries is a good basis for development of these relations in the future. It is stated in the book. I express hearty thanks for cooperation with the Indian researches center — Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, to the

с Центром индийских исследований — Институтом востоковедения РАН, Международному центру Рерихов в Москве и Русско-индийскому обществу дружбы «ДИША», информационному центру «Деурги».

Исследования авторитетных авторов, которые размещены в книге, призывают передать последующим поколениям важность применения инструментов народной дипломатии в осознании общечеловеческих ценностей.

International Rerikhs` center in Moscow and to the Russian-Indian friendship association of «DISHA», informational center «Deurgi».

The researches of authoritative authors which are placed in the book, urge to transfer to the subsequent generations the importance of use the instruments of national diplomacy in realization of universal values.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Из выступления В. В. Путина и Н. Д. Моди</i>	3
<i>Слово доктора Рамешвара Сингха</i>	4
<i>Т. Л. Шаумян. Россия и Индия: сотрудничество в XXI веке</i>	5
<i>А. З. Егорин. Россия — Индия: взаимодействие науки и практики</i>	12
<i>Л. Б. Алаев. Советско-индийская школа индологии: исторические исследования (1917 — 1991)</i>	22
<i>Международный центр Рерихов в Москве</i>	33
<i>Л. В. Кудряшова. «Постепенно эта культура входила в меня...»</i>	55
<i>В. П. Кашин. Россия и Индия — близость народов, близость культур</i>	58

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

<i>Т. Н. Загородникова, П. М. Шаститко. Где в Москве изучают Индию?</i>	62
<i>Т. Н. Загородникова, П. М. Шаститко. Индийская территория в Москве</i>	70
<i>А. А. Довгань. Крымский мост в Индию</i>	72
<i>Л. В. Кудряшова. Индия на крымской земле</i>	92
<i>Д. Сингх. Моя учёба в Омском государственном техническом университете</i>	95
<i>О. Г. Павлова. Индийская культура на берегах Иртыша</i>	97
<i>Ю. В. Линник. Индия — Карелия: переключки и параллели</i>	99
<i>А. Щеткин. Внешнеэкономические отношения «Индия — Россия — Сибирь»</i>	105
<i>А.В. Дышин. Проблемы малых городов Приморского края и использование опыта Индии для их решения</i>	107
<i>Д. Сингх. Внешнеэкономические отношения между Россией и Индией на уровне региона, финансовый менеджмент и перспективы их развития</i>	117
<i>В. П. Кашин. Региональное сотрудничество — продолжение российско-индийского диалога</i>	120
<i>Л.В. Кудряшова. Сердце сердцу весть подает</i>	125
<i>Т. Н. Загородникова, П. М. Шаститко. Великие корреспонденты</i>	135
<i>Т. К. Фомина. Профессиональная направленность процесса обучения иностранных студентов на кафедре русского языка</i>	141
<i>В. Б. Мандаринов. Медико-биологические аспекты адаптации иностранных студентов к обучению в вузах России</i>	145
<i>Г.Н. Токарева. Индийские мотивы в русской музыкально-песенной культуре</i>	151
<i>А. Киселева. 100 лет Болливуда: «Бродяга» вернулся в Москву</i>	179
<i>Е. А. Белов, О. И. Святецкая, Т. Л. Шаумян. Россия и Тибет в начале XX века в зеркале неопубликованных архивных документов</i>	183
<i>А. Киселева. Культурный центр им. Джавахарлала Неру</i>	341
<i>Т. Л. Шаумян. Центр индийских исследований ИВРАН сегодня</i>	342
<i>Индия глазами россиян</i>	346
<i>Посольство Индии в России</i>	347
<i>Б. Балаян. Заключительное слово</i>	350

Информационно-справочное издание

**ВСЕМИРНАЯ СЕРИЯ: НАРОДЫ И ВРЕМЕНА.
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ.
ИНДИЙЦЫ: НА ПУТИ СОЗИДАНИЯ**

Том 7

Автор и руководитель проекта **Балаян Б.С.**

Подписано в печать 20.06.2016 г. Формат 84x108 ¹/₁₆.

Гарнитура «Arial». Усл. печ. л. 37,28.

Объем 22,0 печ. л. Тираж 1000 экз. Зак. № .

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГУП РК «Издательство и типография «Таврида»,
295000, РК, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44
E-mail: tavrida.gup@mail.ru.

Information and reference edition

**GLOBAL SERIES: NATIONS AND TIMES.
RUSSIAN FEDERATION.
INDIANS: ON THE WAY OF CREATION**

Volume 7

Author and leader of the publisher's project **B.S. Balayan**

It is signed to print 20.06.2016 Format is 84x108 ¹/₁₆.

The headset is «Arial». Conventionally printed pages are 37,28.

The volume is 22,0 printed pages. Circulation is 1000 copies. Order № .

Printed from the original layout of the customer
in SUE RC "Publishing and printing house "Tavrida",
295000, RC, Simferopol, St. General Vasiliev, 44
E-mail: tavrida.gup@mail.ru.

सत्यमेव जयते

ISBN 978-5-9907963-6-2

9 785990 796362